КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1900 г.

ОКТЯБРЬ.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра,
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская улица.
1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I-й.

I. ЕПИФАНІЙ СЛАВИНЕЦКІЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДѢЯТЕЛЬ XVII в. Гл. I-II **Ив. Ротара**. . . . . 1—38

II. ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА. (*Окончаніе*). **В. Милорадовича** 39—82

III. НЕУДАЧНЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ НАРОДОЛЮБКИ. (Къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской). **Ѳ. А. Кудринскаго**. . 83—122

IV. ПИСЬМА МИТР. КІЕВСК. АРСЕНІЯ КЪ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВУ. (Съ пояснительными примѣчаніями свящ. І. Гордіевскаго). . . . . 123—162

V. СИМСОТЪ ПЕРВЫЙ И СИМСОТЪ ВТОРЫЙ ЗАКОНЪ. Разсказъ **Б. Познанскаго** . . . . . 163—178

VI. ЕЩЕ О ПАМЯТНИКАХЪ ИСКУССТВА КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ. **Ст. Яремича**. . . . . 179—188

ОТДѢЛЪ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ начальной исторіи Кіевскаго народнаго училища (1789—1803 гг.). **В. Д.**; б) Тетрадки-альбомы начала XIX-го вѣка. **В. Науменка**; в) Пасхальная вирша по старой записи. Сообщ. **В. Науменко**: г) Арестъ осетра. **L.**; д) Мелочи изъ архивовъ юго западнаго края. Сообщ. **А. Мёрдеръ**. . . . . 1—24

Текущія извѣстія . . . . . 24—29

II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Maryan Dubiecki. Kudak, twierdza kresowa i jej okolice. **Н. М.**; б) Записки Наукового Товарыства імени Шевченка, т. XXXI—XXXII. **В. Д.**; в) Обзоръ журналовъ текущаго года; г) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 30—58

Археологическая лѣтопись . . . . . 59—67

III. ПРИЛОЖЕНІЕ: Описаніе Старой Малороссіи. Томъ третій. Прилуцкій полкъ. **Ал. Лазаревскаго**. Листы 5 и 6-й . . 65—96

Дозволено цензурою. Кіевъ, 11 сентября 1900 года.

Епифаній Славинецкій, литературный дѣятель XVII в.

Глава I.

Отсутствіе какихъ-либо извѣстій о первоначальной жизни Епифанія Славинецкаго. Мѣсто родины, сословіе, время рожденія и мірское имя. Домашнее воспитаніе и обученіе. Обученіе въ Кіевской Коллегіи и за границей. Принятіе монашества. Учительство въ Кіевской Коллегіи. Первый литературный трудъ Епифанія.

Не случайное явленіе тотъ фактъ, что почти всѣ, изучавшіе и изучающіе жизнь многихъ историческихъ дѣятелей до-петровской эпохи, жалуются на чрезвычайную скудостъ біографическихъ извѣстій о нихъ. Этотъ фактъ находитъ свое объясненіе въ томъ обстоятельствѣ, что нашимъ предкамъ въ XVII в. былъ чуждъ важный въ историческомъ отношеніи обычай—сообщать о своихъ современникахъ, выдающихся дѣятеляхъ, какія-либо біографическія извѣстія: воспоминанія, мемуары, біографіи, а тѣмъ болѣе автобіографіи не привились еще русскому обществу того времени. Поэтому-то изучающему жизнь какого-либо историческаго дѣятеля до-петровской эпохи приходится по крупицамъ собирать какъ-бы случайно оброненныя автобіографическія сообщенія, наичаще—намеки, въ сочиненіяхъ самихъ изучаемыхъ лицъ и біографическія извѣстія преимущественно въ полемическихъ сочиненіяхъ другихъ писателей, современныхъ изучаемому.

Епифаній Славинецкій въ указанномъ отношеніи не представляетъ какого-либо пріятнаго исключенія. Правда, московскій періодъ его жизни (1649 г. 12-е іюля—1675 г. 19 ноября) былъ полонъ разносторонней церковно-литературной дѣятельности, о которой сохранилось не мало свидѣтельствъ; но эти свидѣтельства слишкомъ кратки, часто неточны, неопредѣленны, а потому въ біографическомъ отношеніи малоцѣнны. Говоря это, мы разумѣемъ біографическія сообщенія объ Епифаніи его современниковъ. Если-же обратимся къ различнымъ оффиціальнымъ документамъ, то найдемъ, что и этотъ источникъ очень скуденъ: Малороссійскія дѣла Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, заключающія въ себѣ между прочимъ и Епифаніевы челобитныя (съ 1652 г. по 1661 г.) царю о жалованьи, даютъ намъ точныя свѣдѣнія только о матеріальной обстановкѣ жизни Епифанія—его столѣ, жалованьи. Расходныя же книги, напр. Никона (Моск. Арх. Минист. Юстиціи, кн. 36, 38, 41), заключаютъ въ себѣ очень немного данныхъ для характеристики отношенія этого знаменитаго іерарха русской церкви къ Славинецкому.

Если примемъ во вниманіе, что самъ Епифаній не оставилъ о себѣ никакой автобіографической записки, то для насъ ясно станетъ, что даже московскій періодъ его жизни, богатый—какъ мы сказали—широкой и разносторонней литературной дѣятельностью, не можетъ быть представленъ съ надлежащею полнотою, достойною такого крупнаго литературнаго дѣятеля, и потому придется обратиться, при изображеніи его, къ разнаго рода предположеніямъ и догадкамъ, которымъ (собственно говоря) не должно быть мѣста въ историческомъ изслѣдованіи.

Еще въ худшее положеніе приводитъ изучающаго жизнь Епифанія желаніе представить себѣ ея кіевскій періодъ. Скудость біографическихъ извѣстій здѣсь поразительна. Она нисходитъ почти до полнаго отсутствія какихъ-либо опредѣленныхъ, ясныхъ и точныхъ указаній. Прежде всего ничего неизвѣстно о мѣстѣ рожденія Епифанія. Въ Московскихъ архивахъ Министер. Иностр. Дѣлъ и Юстиціи нѣтъ никакихъ извѣстій о родинѣ

Епифанія. Разработка архивовъ Юго-Западной Руси также не дала до сихъ поръ никакихъ разъясненій и указаній по этому вопросу.

Изъ свидѣтельствъ современниковъ Епифанія также невозможно почерпнуть ясныхъ, точныхъ и опредѣленныхъ указаній. Эти немногія свидѣтельства такого характера, что сами нуждаются въ сопоставленіяхъ и разъясненіяхъ, т. е. другими словами, не обладая точностію и опредѣленностію, даютъ матеріалъ для болѣе или менѣе правдоподобныхъ догадокъ, предположеній—и только. Обратимся къ разъясненію этихъ свидѣтельствъ. Такихъ свидѣтельствъ, имѣющихъ за собой авторитетъ современности, мы имѣемъ три: первое—въ предисловіи къ переводамъ твореній Григорія Богослова, Василія Великаго, Аѳанасія Александрійскаго и Іоанна Дамаскина, изданнымъ въ Москвѣ въ 1665 г.[1]); второе—въ первомъ библіографическомъ русскомъ трудѣ—„Оглавленіи книгъ, кто ихъ сложилъ“ Сильвестра Медвѣдева, и третье—въ рукописномъ сборникѣ библіотеки М. П. Погодина (нынѣ № 41-й библіотеки Синодальной Типографіи).

Въ предисловіи къ переводамъ святоотеческихъ твореній между прочимъ сказано, что книга составлена „труды и тщаніемъ его великаго государя богомолца, во философіи и богословіи изящнаго дидаскала и искуснѣйшаго во Еллиногреческомъ и Словенскомъ діалектѣхъ, пречестнаго отца, господина іеромонаха Епифанія, *Кіевскія страны*“.

Такого-же характера—указаніе о мѣстѣ родины Епифанія и въ „Оглавленіи книгъ“ Медвѣдева, гдѣ подъ § 79 читаемъ: „Епифаній іеромонахъ Славинецкій, *отъ Малыя Россіи*“.

Оба приведенныя указанія родины Епифаніевой, какъ видимъ, слишкомъ общи, а территорія, обозначаемая ими, слишкомъ обширна.

---

[1]) Мы имѣли подъ руками экземпляръ, принадлежащій Троицко-Сергіевой Лаврѣ. По рукописному каталогу этотъ экземпляръ значится въ V отдѣлѣ подъ № 69.

Правда, инокъ Евоимій, ученикъ и послѣдователь Епифанія, ограничиваетъ большую территорію родины Епифанія болѣе мелкимъ округомъ, но и его свидѣтельство страдаетъ тѣмъ-же характеромъ общности и неопредѣленности, что и предыдущія два, хотя и въ меньшей степени. Въ сборникѣ библіотеки Московск. Синод. типографіи № 41, противъ каталога Словесъ, напечатаннаго здѣсь, написано рукою монаха Евоимія: „Новый Завѣтъ Господа Нашего Іисуса Христа... рукописная, преводу и стяжанія многомудраго мужа въ Філософіи и Богословіи іеромонаха Епифанія Славинецкаго, родомъ *Бѣлорусца*... [1])

Вотъ и всѣ свидѣтельства современниковъ Епифанія о мѣстѣ его родины. Нѣкоторый намекъ о послѣдней, помимо указанныхъ свидѣтельствъ, находимъ въ Описи книгъ и имущества Епифанія [2]). Здѣсь читаемъ: „Августа въ... день (184 г., т. е. 1676 года), по грамоткѣ изъ Печерскаго Кіевскаго монастыря архим. Иннокентія Гизеля, послано съ грекомъ Христофоромъ Петровымъ Томаромъ, купцемъ, по старцѣ Епифаніи въ Печерскій монастырь сто осмьдесятъ золотыхъ червонныхъ да двадесятъ ефимковъ..., да на Троицкій Печерскій больничный монастырь десять золотыхъ червонныхъ..., да *на Пинскій монастырь двадесятъ золотыхъ червонныхъ, да на убогую братію и на шпитали на дробную милостыню двадесятъ червонныхъ золотыхъ, да деадесятъ ефимковъ*“. Итакъ, на Пинскій монастырь съ братіею и шпиталемъ при немъ Епифаній даетъ на поминовеніе по себѣ довольно крупную цифру и при этомъ съ точнымъ указаніемъ, на что именно она должна быть израсходована (убогая братія, шпиталь). Чѣмъ объяснить такое вниманіе Епифанія къ Пинскому монастырю и его нуждамъ? почему зналъ Епифаній о существованіи тамъ „шпиталя“, объ убожествѣ тамошней братіи? За отсутствіемъ прямыхъ, опредѣленныхъ разъясненій

---

[1]) Чтеніе Общества Истор. и Древн. Россійск. 1846 г. кн. 4. см. статью Ундольскаго «Ученые труды Епифанія Славинецкаго» прим. 2.

[2]) Временникъ Москов. Общест. Исторіи и Древн. Россійск. 1850 г. стр. 73—83.

этому, приходится обращаться къ предположеніямъ. Ставя въ связь фактъ пожертвованія въ Пинскій монастырь довольно значительной суммы съ свидѣтельствомъ инока Евѳимія, который называетъ Епифанія Славинецкаго „бѣлорусцемъ", мы и предполагаемъ, что родиной Епифанія былъ городъ Пинскъ. Такое предположеніе единственно возможно изъ тѣхъ данныхъ, какія у насъ имѣются подъ руками.

Переходимъ теперь къ вопросу о сословіи, къ которому принадлежалъ Епифаній, и времени его рожденія. И въ этомъ случаѣ мы не находимъ никакихъ положительныхъ, опредѣленныхъ указаній. Одно только можно сказать, что Епифаній по рожденію своему принадлежалъ къ зажиточной семьѣ. Только это, а не иное какое-либо обстоятельство могло доставить ему возможность побывать за-границей для завершенія своего образованія; если для обученія въ Кіевской коллегіи, пожалуй, еще не требовалось большой затраты матеріальныхъ средствъ, потому что—мы знаемъ—сюда принимались дѣти и бѣдняковъ, для которыхъ существовало, согласно волѣ фундаторши Анны Гулевичевой, общежитіе,—то ужъ для того, чтобы завершить свое образованіе за границей, несомнѣнно, нужно было располагать средствами, превышающими зажиточность въ обычно-житейскомъ пониманіи этого слова [1]).

О времени рожденіи Епифанія также не сохранилось никакихъ извѣстій. Въ тѣхъ архивныхъ документахъ Москвы, которыми намъ приходилось пользоваться, мы не нашли точнаго указанія на годъ его рожденія. Въ сочиненіяхъ современниковъ, а также самого Епифанія, нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ объ этомъ. Въ литературѣ позднѣйшаго времени имѣется всего лишь одно указаніе и то не года рожденія, а времени воспитанія Епифанія. Мы разумѣемъ Историческій Словарь митр. Евгенія, гдѣ

[1]) Только со времени Петра Могилы, съ 1632 г., для подготовки учителей посылались за границу молодые даровитые люди на *братскій* счетъ: до этого-же времени отправлявшіеся за границу съ образовательными цѣлями ѣздили—нужно думать—на свой счетъ.

сказано, что Епифаній „обучался въ Кіевской и заграничныхъ Академіяхъ въ началѣ XVII вѣка". [1])

Мірское имя Славинецкаго неизвѣстно, равнымъ образомъ нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ, въ какой обстановкѣ онъ росъ, каково было его домашнее воспитаніе. Только съ поступленіемъ Епифанія въ число учениковъ Кіевской Братской школы—что могло быть въ послѣднихъ годахъ перваго десятилѣтія или первыхъ второго—для насъ немного выясняется обстановка, въ которой росъ и воспитывался Епифаній. Онъ воспитывался въ Братской школѣ до преобразованія ея Петромъ Могилою, т. е. до 1632 г., въ такое время, когда въ ней тщательно изучался греческій языкъ. Этимъ только и можно объяснить то обстоятельсто, что Епифаній положилъ въ основу своего образованія глубокое знаніе греческаго языка, какое онъ проявилъ впослѣдствіи, въ своей учено-литературной дѣятельности въ Москвѣ. Сопоставленіе отличительныхъ особенностей Епифаніевой литературной дѣятельности съ кругомъ наукъ и характеромъ ихъ преподаванія въ Братской Богоявленской школѣ еще болѣе подтверждаетъ это предположеніе.

Преподаваніе греческаго языка въ Братской Кіевской школѣ, бывшей до преобразованія ея Петромъ Могилою точнымъ снимкомъ съ львовской и луцкой братскихъ школъ, было не книжное, а живое, не теоретическое, а практическое: ученикамъ вмѣнялось въ непремѣнную обязанность разговаривать между собою по-гречески [2]).

Точно такимъ же методомъ пользовался Епифаній при преподаваніи греческаго языка Евѳимію. Изучалъ этотъ языкъ Евѳимій не по опредѣленному руководству, а практически, путемъ переводовъ и необходимаго въ такихъ случаяхъ настойчиваго вниканія въ смыслъ текстовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Силь-

---

[1]) Митр. Евгеній. Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писат. духовн. чина. Т. I, стр. 172.

[2]) Труды Кіевск. Дух. Академіи 1870 г., т. Ш. Линчевскій. Педагогія древнихъ братскихъ школъ, стр. 123.

вестръ Медвѣдевъ. „Евѳимій“ —говоритъ онъ—*„грамматики совершенно не точію греческія, но и славянскія не разумѣетъ*; точію нѣчто греческихъ реченій памятствуетъ. И тому нача учитися не во училищи, но въ монастырѣ за медомъ, за пивомъ и виномъ, *и съ лексиконовъ—нѣкая словеса.* [1])“

Изученіе церковно-славянскаго языка въ Братской Кіевской школѣ было прекрасно поставлено, гораздо лучше, чѣмъ въ позднѣйшій періодъ ея, по преобразованіи. Изученіе этого языка совершалось сначала практическимъ путемъ, посредствомъ чтенія и объясненій Св. Писанія и церковно-богослужебныхъ книгъ. Самымъ сильнымъ побужденіемъ къ изученію славянскаго языка служило слѣдующее обстоятельство. Въ числѣ главныхъ средствъ, которыми латины старались ввести унію въ юго-западномъ краѣ, была порча нашихъ священно-богослужебныхъ книгъ [2]). Съ этою цѣлью они старались изгладить въ нашихъ богослужебныхъ книгахъ все несогласное съ римскимъ ученіемъ и даже прямо вносить въ нихъ латинскіе обряды и потомъ вводить ихъ въ употребленіе между православными. Бороться съ этимъ-то зломъ и поставила для себя задачей Кіевская Братская школа. Съ теченіемъ времени (послѣ того, какъ былъ нѣсколько исправленъ текстъ богослужебныхъ книгъ на помѣстныхъ соборахъ южнорусской церкви съ 1619—1541 гг. и предохраненъ отъ порчи) преподаваніе славянскаго языка значительно пало.

Въ указанномъ нами положеніи славянскаго языка въ Кіевской Братской школѣ мы и находимъ объясненіе того факта, что Епифаній прекрасно имъ владѣлъ. Правда, переводный языкъ его плохъ, страдаетъ чуждой ему греческой конструкціей рѣчи (причины этого мы укажемъ ниже), но за то оригинальный его языкъ чистый славянскій. Напротивъ, оригинальный языкъ Симеона Полоцкаго, типичнаго представителя Кіевской Коллегіи

---

[1]) Мирковичъ. О пресуществл. св. даровъ. Споръ, бывшій въ Москвѣ въ половинѣ XVII в., стр. 77.

[2]) См. объ этомъ у Мирковича. Срв. Руковод. для сельск. пастыр. 1860 г. т. I, статьи г. Крыжановскаго.

послѣ ея реформы, значительно ниже по достоинству, силѣ и чистотѣ—языка Епифаніева [1]).

Далѣе. Какъ вообще въ древнихъ братскихъ школахъ, такъ въ частности и въ Кіевской, до ея преобразованія, особенное вниманіе было обращено на изученіе Свящ. Писанія и святоотеческихъ твореній отцовъ восточной церкви [2]). Это было необходимо для сохраненія чистоты православія и для успѣховъ полемики съ иновѣрцами—„баламутами", которые, искушая православныхъ, утверждали, „ижъ будто-бы тамъ церковъ Божія правдивая мѣла быти, гдѣ владза свѣцкая зъ духовною змѣшалася, гдѣ пыха гнѣздо собѣ збудовала, гдѣ мудрость свѣта сего пануетъ, гдѣ философія поганская, Аристотелева наука слово Божіе выворачиваетъ и инако вѣрити кажетъ". [3])

Церковно-литературная дѣятельность Епифанія Славинецкаго и въ этомъ отношеніи не отступала отъ завѣтовъ воспитавшей его школы: въ ней господствовалъ характеръ строгой церковности и той серьезной и осмотрительной сосредоточенности богословствующей мысли, какая естественно возникаетъ при постоянныхъ занятіяхъ переводами изъ св. Писанія и святоотеческихъ твореній. До конца своей жизни Епифаній остался вѣренъ принципу—руководствоваться „божественными писаніями, а не человѣческими силлогисмами, рекше умышленіями многолгущими [4]).

Такимъ образомъ, въ позднѣйшей литературной дѣятельности Епифанія вполнѣ отразились характеръ и направленіе Кіевской Братской школы до ея преобразованія.

Когда окончилъ Епифаній Братскую школу—неизвѣстно; можно предполагать, что школьная реформа 1632 г. уже не за-

---

[1]) Только послѣ встрѣчи въ Полоцкѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, рѣшивъ избрать мѣстомъ своей дѣятельности Москву, Полоцкій принялся за изученіе церковно-славянскаго языка. См. І. Татарскій. Сим. Полоцкій, стр. 51.

[2]) Труды Кіевск. Духов. Акад. 1870 г. т. III, стр. 137.

[3]) Акты Западн. Россіи, т. IV, № 149, стр. 235.

[4]) Рукопись Кіевск. Лавры № 290 по описанію проф. Петрова, а по библіотечному инвентарю № 145, л. 968-й.

стала его въ школѣ. По окончаніи ея Епифаній отправился за границу для завершенія своего образованія. У насъ не имѣется никакихъ свидѣтельствъ о томъ, какія Академіи онъ посѣтилъ, даже нѣтъ прямыхъ указаній на то, что онъ обучался за границей. Митр. Евгеній въ своемъ историческомъ словарѣ о писателяхъ духовнаго чина очень обще выражается: „Епифаній Славинецкій обучался въ заграничныхъ академіяхъ въ началѣ XVII в. [1])". Это же до сихъ повторяютъ всѣ послѣдующіе писатели, касавшіеся такъ или иначе Славинецкаго [2]). Но митр. Евгеній не указываетъ источника, откуда имъ заимствовано это свѣдѣніе. Правда, въ словахъ самого Епифанія Славинецкаго есть намекъ—(но только намекъ, не больше),—дающій нѣкоторое право строить догадку, что онъ былъ въ заграничныхъ коллегіяхъ (можетъ быть, въ Краковской). Мы разумѣемъ его слова о пагубности латинскаго ученія. „Яко вмалѣ не прельстихся латинскаго мудрованія лестію", говоритъ о самомъ себѣ Епифаній,—„дондеже не прочитая святыхъ отецъ писаній греческихъ книгъ, но точію читая латинскія; егда-же, озарився благодатію святаго Духа, начавъ прочитати греческія книги, тогда лесть латинскую познахъ, и въ писаніихъ ихъ новшество и блуды и растлѣнія уразумѣхъ, и вся ихъ оплевахъ, заеже вся лживо и противно святымъ древнимъ отцемъ пишутъ. И оттолѣ писахъ, яже писахъ, съ греческихъ книгъ, и себѣ написахъ книгу греческимъ діалектомъ, собравъ разумѣнія святыхъ отцевъ множайшихъ, яже всегда прочитахъ; латинская же мудрованія вся отвергохъ" [3]). На основаніи этой выдержки можно заключать, что въ научныхъ убѣжденіяхъ Епифанія былъ переломъ. Если при-

---

[1]) Евгеній. Словарь Историч. т. I, стр. 172.

[2]) Аскоченскій. Кіевъ, въ древн. училищ. ч. I, стр. 161; Костомаровъ. Русск. Истор. въ жизнеопис. в. V, стр. 388; Цѣвницкій. Труды Кіевской Духовной Академіи 1861 г. т. II, стр. 480; Словарь Брокгауза и Ефрона—XXII полут., стр. 667; Галаховъ, Исторія русск. литер. и мн. друг.

[3]) Ркп. Моск. Синод. Библ. № 597. «О ученіи греческаго писанія», л. 77 об.

нять во вниманіе, что въ Кіевской Коллегіи онъ обучался до преобразованія ея Петромъ Могилою, когда греческое вліяніе нераздѣльно царило въ ней, то это увлеченіе латинскою наукою должно быть отнесено ко времени его пребыванія за границей. И это тѣмъ вѣроятнѣе предположить, что Епифаній отправился за границу въ такое время, когда научное движеніе широкой волной развернулось тамъ. Въ юго-западной части Польши во главѣ научнаго движенія своояли такіе безпристрастные мыслители и строгіе ученые, какъ Григорій Кнапскій, пользовавшійся извѣстностью не только въ своемъ краю, но и по цѣлой Европѣ вплоть до Москвы [1]), Павелъ Пясецкій и др. А заграничныя академіи, располагавшія въ обиліи серьезными научными пособіями и во многомъ превосходившія молодую Кіевскую Коллегію, естественно, могли увлечь молодого ученаго, котораго привела къ нимъ жажда знанія. Принимая во вниманіе эти обстоятельства, Безсоновъ предполагаетъ, что Епифаній Славинецкій въ своемъ „Филологическомъ Словарѣ“ явился подражателемъ Григорія Кнапскаго, составившаго въ трехъ томахъ Словарь-сборникъ („Скарбецъ“— Thesaurus) польскихъ, латинскихъ и греческихъ реченій [2]).

По возвращеніи изъ-за границы на родину Епифаній принялъ монашество въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Существуетъ въ русской исторической наукѣ предположеніе, что монашество онъ принялъ въ Путивльскомъ Молченскомъ монастырѣ и здѣсь, прежде Кіева, нѣкоторое время жилъ. Принадлежитъ оно Безсонову [3]). Основаніемъ для такого предположенія послужили слѣдующія соображенія: а) въ Путивльскій Молченскій монастырь

---

[1]) По латыни Cnapius, у насъ съ польскаго выговора Кнапіушъ, сокращенно—Кнапъ. Въ библіотекѣ митр. Сарскаго и Подонскаго Павла была между прочимъ и «книга Кнапіушъ, полская» (латино-польскій словарь). См. Книги и имущ. м. Павла. Времен. Моск. Общ. Истор. 1850 г.

[2]) Безсоновъ. Юрій Крижаничъ. Прав. Обозр. 1870 г. II, стр. 667.

[3]) Ibidem I, стр. 131.

пошли дары Епифанія послѣ его смерти, [1]) и б) Молченская обитель дала многихъ дѣятелей на поприщѣ церковной литературы, XVII в., какъ-то: Сильвестра Медвѣдева, игумена Сергія, Каріона Истомина и др. Оба эти основанія слишкомъ шатки для того, чтобы можно было утверждать на нихъ какой-либо выводъ. Изъ того, что въ Путивльскій монастырь пошли дары Епифанія, еще не слѣдуетъ, что Епифаній жилъ въ немъ. Вѣдь, кромѣ Путивльскаго монастыря, дары Епифанія послѣ его смерти получили и многіе другіе монастыри, напр. Купятицкій, Спасскій, Козеручскій въ Холмогорахъ, Томскій монастырь въ Ярославскомъ уѣздѣ, Песоченскій Костромского уѣзда и многіе другіе [2]). Слѣдуетъ ли отсюда, что въ нихъ жилъ Епифаній? То обстоятельство, что изъ Молченской обители вышли такіе литературные дѣятели XVII вѣка, какъ Сильвестръ Медвѣдевъ, Каріонъ Истоминъ и др., также не даетъ права заключать, что въ ней жилъ и Епифаній Славинецкій. Поэтому правильнѣе мнѣніе м. Евгенія [3]), что онъ принялъ монашество въ Кіево-Печерской Лаврѣ и здѣсь же жилъ до того времени, когда ему предложено было учительство въ Кіевской Братской школѣ. Въ пользу такого мнѣнія говорятъ „памяти“ Алексѣя Михайловича объ Епифаніи, когда онь жилъ въ Москвѣ, въ Посольскій приказъ, и челобитныя самого Епифанія Алексѣю Михайловичу. Въ этихъ челобитныхъ Епифаній называетъ себя „старцемъ *Печерскаго* монастыря“ [4]), „еромонахомъ [5]), черно-

---

[1]) Роспись имуществу Епифанія. Временникъ Моск. Общ. Истор. и Древн. 1850 г. 73—83 стр.

[2]) Ibidem.

[3]) Словарь Историч. т. I, стр. 172.

[4]) Москов. Главн. Архивъ Мин. Иностр. Дѣлъ. Малорос. Дѣла св. 15, 1658 г. № 19: «Государю царю... бьетъ челомъ богомолецъ твой киевленинъ *печерскаю монастыря старецъ* Епиѳаней еще перевожду я богомолецъ твой съ славенскихъ книгъ на русскую печать письмо...»

[5]) Ibid. связка 29, челобитная отъ 30 сент. 1669 г. 24: «...богомолецъ твой ис Киева Печерскаго монастыря еромонахъ Епиѳаней

попомъ [1]) ис Киева печерскаго монастыря". Правда, въ государевыхъ „памятяхъ" и „указахъ" Епифаній часто называется старцемъ „Брацкого Киевского святыхъ Богоявленій монастыря" [2]). Но это нисколько не отрицаетъ сдѣланнаго нами заключенія: его называли такъ потому, что въ Москву онъ прибылъ изъ Братскаго монастыря, въ вѣдѣніи котораго, какъ учитель Братской школы, онъ состоялъ предъ прибытіемъ въ Москву. Слова старца Ѳеодосія, сопровождавшаго Епифанія и Арсенія въ Москву, вполнѣ подтверждаютъ такое пониманіе. „Съ радостію царскаго Вашего Величества повелѣнію повинувся"—говоритъ онъ въ своей рѣчи царю—„сихъ двухъ честныхъ старцовъ *отъ нашего монастыря Брацкого избранныхъ* посла (митр. Сильвестръ Коссовъ) Вашему царскому величеству" [3]). Такимъ образомъ, разнорѣчивыя показанія документовъ должны быть понимаемы такъ: по мѣсту жительства предъ прибытіемъ въ Москву Епифаній называется старцемъ Братскаго монастыря, а по мѣсту постриженія въ монашество—старцемъ Кіево-Печерскаго.

Итакъ, Епифаній принялъ монашество въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ. Сколько времени онъ пробылъ здѣсь, за неимѣніемъ прямыхъ свидѣтельствъ, трудно опредѣлить. Можно предположительно думать, что въ 1642 году онъ уже перешелъ въ Братскій Монастырь, въ школѣ котораго и учительствовалъ вплоть до 1649 года; слѣдовательно, учительствовалъ онъ не менѣе семи лѣтъ. Въ „оглавленіи книгъ" Сильвестра Медвѣдева, между прочимъ, читаемъ: „Епифаній Калепинъ пре-

---

по твоему великаго государя указу сижу я богомолецъ твой въ Чудовѣ монастыре, въ церковной книге, въ переводехъ съ разныхъ языковъ....»

[1]) Ibid. св. 17, № 16, челобитная отъ 1661 г. 6 сент. Cfr. «Греческія Дѣла» 1660 г. № 3.

[2]) Ibid. св. 10, 1655 г. № 3.

[3]) Ibid. св. 4. 1649 г. № 4, л. 18.

ложи [1]) безъ толкованія, отъ книги изданныя въ Басиліи (Базелѣ), лѣта Христова MDLXXVII (1577) марта, нач. лѣта 7151 т. е. 1643 [2]).

Такимъ образомъ, будучи еще въ Кіевѣ, въ мартѣ 1643 года Епифаній предпринялъ первый свой литературный трудъ, который отличается чисто филологическимъ характеромъ. Это обстоятельство даетъ намъ право думать, что уже въ 1642 году Епифаній состоялъ учителемъ Братской школы, потому что такой трудъ, какъ словарь, могъ удовлетворять въ то время нужды школы, а не общества; что онъ преподавалъ здѣсь, вѣроятно, греческій языкъ, потому что только родомъ занятій его можно объяснить, почему первый трудъ—филологическаго характера. Чтобы понять громадное значеніе этого труда для того времени, необходимо принять во вниманіе, что Братская школа чрезвычайно нуждалась въ такихъ научныхъ пособіяхъ, а между тѣмъ латино-славянскихъ и греко-славянскихъ словарей въ то время не имѣла, и при переводахъ съ латинскаго и греческаго языковъ питомцамъ ея приходилось обращаться къ польскимъ пособіямъ. Объ этомъ мы находимъ свидѣтельство въ предисловіи къ латино-славянскому словарю 1724 года, написанномъ Іоанномъ Максимовичемъ. „Дивно“,—говоритъ онъ здѣсь—„что училища латинская въ Малой Россіи отъ Петра Могилы, митрополита кіевскаго, вящше отъ осьмидесяти лѣтъ въ Кіевѣ основанная, даже доселѣ отъ полоно-латинскихъ и латино-польскихъ лексиконовъ въ ученіяхъ своихъ пользовашася и сего ради въ свойственномъ себѣ словенскомъ оскудѣваху языцѣ“ [3]).

---

[1]) Выраженіе—неточное: этотъ трудъ Епифанія не переводъ, а передѣлка. Словарь Амвросія Каленина не латинскій только, а словарь языковъ—латинскаго, греческаго, еврейскаго, итальянскаго и др. См. объ этомъ въ статьѣ Браиловскаго: «Филологическіе труды Епиф. Славинецкаго». Рус. Филолог. Вѣстн. т. XXIII (1890 г.), стр. 239.

[2]) «Оглавленіе книгъ» § 79, 19.

[3]) Пекарскій. Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Вел. т. I, стр. 194.

Изъ времени учительства Епифанія въ Братской школѣ больше не имѣется никакихъ свѣдѣній. Такъ скуденъ свѣдѣніями до-московскій періодъ жизни Епифанія Славинецкаго.

Глава II.

Причины, побудившія Московское Правительство обратиться въ половинѣ XVII в. съ просьбой въ Кіевъ о присылкѣ ученыхъ людей въ Москву. Вызовъ Епифанія Славинецкаго въ Москву. Разборъ установившагося въ исторической наукѣ мнѣнія, что Епифаній былъ вызванъ Ртищевымъ. Прибытіе его въ Москву. Пріемъ, оказанный Славинецкому Московскимъ Правительствомъ. Мѣсто жительства, отведенное для него. Путешествіе его на богомолье въ Сергіеву лавру.— Характеристика эпохи, въ которую пришлось Епифанію дѣйствовать. Наплывъ новыхъ идей. Отраженіе ихъ въ литературѣ и живописи. Неудовлетворенность мыслящаго москвича половины XVII в. существующими обычаями и строемъ жизни. Въ области церковно-практической эта неудовлетворенность вызываетъ возникновеніе новаторскаго кружка на почвѣ національнаго благочестія. Враждебное отношеніе этого кружка къ грекамъ въ высшихъ слояхъ московскаго общества и сознаніе необходимости церковныхъ реформъ. Вліяніе Епифанія Славинецкаго. Первыя попытки исправленія книгъ по греческимъ подлинникамъ. Рѣшеніе вопроса, какое участіе принималъ Епифаній Славинецкій въ дѣлѣ книжнаго исправленія и какова была его роль.

XVII вѣкъ является однимъ изъ самыхъ интересныхъ моментовъ во внутренней исторіи Московскаго государства. Вмѣстѣ съ закончившимся собираніемъ земли русской, принесено было въ Москву и здѣсь сконцетрировалось много новыхъ идей. Нѣкоторые изъ нихъ стали зародышами тѣхъ историческихъ явленій и фактовъ, которые въ дальнѣйшемъ ходѣ внутренней исторіи составили ея существенное содержаніе. Это обстоятельство вызвало настоятельную потребность подвести итоги шестисотлѣтней предшествовавшей народной жизни и сдѣлать оцѣнку ихъ. Этимъ и объясняется господствующее направленіе XVII вѣка—урегулировать, подчинить извѣстному уставу все и въ

государствѣ, и въ жизни общественной, даже частной. Въ законодательствѣ оно выразилось цѣлымъ рядомъ земскихъ соборовъ (1618, 1621, 1632, 1637 годовъ), изданіемъ Уложенія (1648 г.); въ центральной администраціи—болѣе правильнымъ разграниченіемъ дѣлъ между приказами; въ областной администраціи—урегулированіемъ отношеній воеводъ къ головамъ и цѣловальникамъ; въ вопросахъ финансовыхъ—составленіемъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ.

Такимъ-же точно направленіемъ характеризуется и дѣятельность церкви въ этотъ періодъ. Около половины XVII вѣка для русской церкви наступила пора церковно-іерархической зрѣлости. Естественно было при этомъ осмотрѣться кругомъ и дознать, что есть у насъ, чѣмъ до сихъ поръ питалась русская религіозная мысль. Это дознаніе обнаружило чрезвычайную скудость внутреннихъ началъ церковнаго образованія и управленія. Святоотеческія творенія распространялись случайно: церковь, какъ власть, не знала, сколько у насъ ходило переводовъ, какихъ именно отцевъ творенія были переведены, каково достоинство этихъ переводовъ. Вслѣдствіе слабости судящаго и опредѣляющаго голоса церкви, на Руси распространилось много апокрифовъ и подложныхъ сочиненій. Состояніе церковно-богослужебныхъ книгъ, было не лучшее. Приходилось русской церкви начать все съизнова; настояла нужда исправить текстъ богослужебныхъ книгъ, очистить средства религіознаго образованія и распространить въ обществѣ упорядоченную и правильно переведенную отеческую письменность [1]). Чтобы совершить всю эту работу, не достаточно было тѣхъ образовательныхъ силъ, какими обладала Москва: для такой работы мало было простого начетчества; требовались солидныя и обширныя знанія, объединенныя въ систему однимъ принципомъ, требовался умъ, критически образованный, требовались въ достаточной мѣрѣ и филологическія познанія. И вотъ взоры

---

[1]) См. объ этомъ у проф. Пѣвницкаго. Труд. Кіев. Дух. Акад. 1861 г. т. II, стр. 415—420.

лучшихъ московскихъ людей того времени обратились къ юго-западной Руси: здѣсь, въ частности—въ Кіевѣ, они надѣялись найти то, въ чемъ наиболѣе нуждались.

Таковы были причины, побудившія Московское Правительство, искавшее выхода изъ обрисованнаго нами положенія, обратиться въ Кіевъ съ просьбой о присылкѣ ученыхъ людей. Многіе изслѣдователи полагаютъ, что Епифаній Славинецкій былъ вызванъ въ Москву бояриномъ Ѳеодоромъ Михайловичемъ Ртищевымъ. [1]) Это не вѣрно. Нужно замѣтить, что около половины XVII вѣка, когда нужда въ научно-образованныхъ людяхъ довольно интенсивно ощутилась въ Москвѣ, было два вызова—Ртищевскій и правительственный, какъ это вполнѣ справедливо признаетъ г. Сторожевъ [2]). Малорусскіе иноки ртищевскаго вызова явились въ Москвѣ между 1645—49 гг., а правительственнаго—въ іюлѣ 1649 г. Къ этому-то послѣднему вызову и принадлежалъ Епифаній Славинецкій: онъ прибылъ въ Москву согласно просительной грамотѣ Алексѣя Ми-

---

[1]) Костомаровъ. Русск. Истор. въ жизнеоп. в. IV, стр. 170; в. V, стр. 387. Проф. Пѣвницкій въ Труд. Кіев. Дух. Акад. 1861 г. т. II, стр. 408; Энциклоп. Словарь Крайя, т. IV, стр. 278; Татарскій. Сим. Полоцкій, стр. 22. Всѣ они утверждаютъ это со словъ «Житія Милостиваго мужа Ѳеодора Ртищева» (Древняя Россійская Вивліоѳика, ч. XVIII), гдѣ сказано, что Ѳеодоръ Ртищевъ «призва отъ Кіева, изъ святыя Лавры Печерскія, священномонаха Епифанія, мужа мудраго, и въ языцѣ Славенскомъ и Греческомъ и во иныхъ изящнаго (стр. 401). Но довѣрять этому Житію нельзя: многія свѣдѣнія въ немъ объ Епифаніи не вѣрны; такъ напр., Житіе говоритъ, что Епифаній, по пріѣздѣ въ Москву, поселился въ Андреевскомъ монастырѣ, что въ Плѣнницахъ, а потомъ переселился въ Чудовъ; подлинные-же документы о пріѣздѣ въ Москву Епифанія и Арсенія прямо говорятъ, что сначала они были поселены на большомъ посольскомъ дворѣ, а оттуда были переведены прямо въ Чудовъ монастырь. См Малорос. Дѣла Главнаго Архива Министр. Иностран. Дѣлъ, связка 4, 1649 г. № 4; 1650 г. № 3.

[2]) См. его статью: «Къ исторіи русск. просвѣщ. въ XVII в.» Кіев. Стар. 1889 г. т. XXVII.

хайловича отъ 14 мая 1649 г. [1]). Послѣ того, какъ южно-русскіе иноки ртищевскаго вызова уже водворились на Москвѣ и не вызвали въ средѣ москвичей бурнаго недовольства и протеста, чего такъ опасалось, вѣроятно, правительство [2]), уже и само правительство рѣшилось, наконецъ, вызвать ученыхъ кіевлянъ. Еще въ 1648 г. государь посылалъ въ Кіевъ инока Марка въ печерскій монастырь къ епископу Зосимѣ (за отсутствіемъ митрополита), прося его прислать въ Москву Дамаскина Птицкаго. Но въ этотъ разъ Дамаскинъ не былъ отпущенъ: „монастырскія потребы" удержали его въ Кіевской Лаврѣ [3]). Въ маѣ 1649 года царь Алексѣй Михайловичъ вторично обратился въ Кіевъ уже къ митрополиту Сильвестру Коссову съ грамотой слѣдующаго содержанія: „Вѣдомо намъ учинилося, что учители священно-иноки Арсеній (Сатановскій) да Дамаскинъ Птицкій божественнаго писанія вѣдущи и еллинскому языку навычны, и съ еллинскаго языка на словенскую рѣчь перевести умѣютъ, и латинскую рѣчь достаточно знаютъ, а нашему царскому величеству такіе люди годны; и мы, великій государь, наше царское величество, велѣли о тѣхъ учите-

---

[1]) Это мнѣніе теперь прочно установилось. Его раздѣляютъ: Филаретъ. «Обзоръ рус. духов. литер.»; Горскій и Невоструевъ. Описаніе ркп. Син. библ. II, 3, № 291; м. Макарій. Исторія русск. церкви, т. XI, стр. 132; Н. Ѳ. Каптеревъ. Прав. Обозр. 1887 г. т. I, стр. 163; Сторожевъ. Кіев. Стар. 1889 г. т. XXVII; Эйнгорнъ. Чтен. Общ. Исторіи и Древ. 1893 г. кн. II, стр. 37; Е. Е. Голубинскій. Къ нашей полемикѣ со старообр.» Богосл. Вѣст. 1892 г. т. I, стр. 285. Проф. Николаевскій. «Москов. Печатн. дворъ при патр. Никонѣ». Христ. Чтен. 1890 и 91 гг.

[2]) Этою осторожностію правительства только и можно объяснить тотъ фактъ, что хотя Московское правительство отнеслось сочувственно къ предложенію Петра Могилы еще въ 1640 г. устроить въ Москвѣ монастырь—школу, сознавая, что это—самое цѣлесообразное средство для удовлетворенія неотложныхъ нуждъ московскаго правительства, однако въ видѣ опыта сперва предоставило вызовъ ученыхъ иноковъ изъ Кіева частному лицу.

[3]) Малор. Дѣла, св. 4, 1650 г. № 8.

ляхъ послати нашу царскаго величества грамоту къ Зосимѣ, епископу Черниговскому, потому что тебя, митрополита, въ то время въ Кіевѣ не было; а нынѣ мы, великій государь, наше царское величество, велѣли о томъ къ тебѣ послати нашу царскаго величества грамоту: и вамъ бы, митрополиту, намъ, великому государю, послужить и нашего царскаго жалованья къ себѣ поискать, и тѣхъ учителей приговорити и прислати къ намъ, великому государю, для справки Библіи греческія на словенскую рѣчь, на время намъ, великому государю, послужити; а на Москвѣ у нашего царскаго величества побыти имъ вольно, по ихъ волѣ и хотѣнію". [1]) Съ этой грамотой бытъ отправленъ на этотъ разъ торговый человѣкъ Порфирій Зеркальниковъ съ соотвѣтствующей инструкціей Путивльскому воеводѣ Плещееву, въ которой повелѣвалось „отпустить Зеркальникова изъ Путивля за рубежъ не задержавъ и проѣзжей листъ ему дать чтобъ его за рубежомъ пропускать вездѣ безъ задержанія". [2]) На обратномъ-же пути Зеркальникова, уже вмѣстѣ съ учеными кіевскими иноками, путивльскій воевода обязанъ былъ дать имъ въ провожатые пристава, суточныя деньги („кормъ") до Москвы и подводы до Сѣвска [3]). Въ отвѣтъ на эту вторичную просьбу Алексѣя Михайловича кіевскій митрополитъ и власти Братскаго монастыря послали въ Москву Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славинецкаго, вмѣсто просимаго въ грамотѣ Дамаскина Цтицкаго, потому что Дамаскинъ, какъ инокъ Печерской лавры, не зависѣлъ отъ властей Братскаго монастыря. Въ провожатые къ посылаемымъ въ Москву инокамъ былъ данъ кіевскій старецъ Ѳеодосій, которому были вручены двѣ просительныхъ грамоты: отъ митрополила Сильвестра Коссова и отъ игумена Братскаго Богоявленскаго монастыря Иннокентія Гизеля на имя царя. Въ этихъ грамотахъ митрополитъ и игуменъ, завѣряя царя въ своей всегдашней готовности при-

---

[1]) Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ, ч. III, № 136.

[2]) Малор. Дѣла, св. 4, 1649 г. № 4.

[3]) Ibidem.

сылать на служеніе царю нужныхъ людей, просили у Алексѣя Михайловича милостыни для Братскаго монастыря, пришедшаго въ оскудѣніе послѣ Петра Могилы [1]).

Когда именно они выѣхали изъ Кіева въ Москву, въ точности неизвѣстно; можно думать, что въ 20-хъ числахъ іюня, такъ какъ грамоты митрополита и Братскаго игумена были заготовлены 20-го іюня. 27-го іюня 1649-го года Епифаній Славинецкій былъ уже въ Путивлѣ, гдѣ встрѣтился съ патр. Паисіемъ и Арсеніемъ Сухановымъ, направлявшимися изъ Москвы въ Грецію [2]). Согласно царскому наказу, путивльскій воевода Алексѣй Плещеевъ отпустилъ въ тотъ-же день кіевлянъ въ Москву, прикомандировалъ къ нимъ пристава путивльца Аѳанасія Ширяева, далъ 9 подводъ до Сѣвска и суточные (кормъ) вплоть до Москвы на двѣ недѣли, считая съ 27-го іюня: „старцамъ Арсенію да Епифанію да Ѳеодосію по осми денегъ человѣку на день, служкамъ ихъ пять человѣкъ по четыре денги человѣку на день [3])“. Епифанію, слѣдовательно, дано было на дорогу отъ Путивля до Москвы 112 денегъ, т. е. 56 коп., что въ переводѣ на современный курсъ равняется девяти съ половиною рублямъ [4]).

Въ Москву прибылъ Епифаній (вмѣстѣ съ Арсеніемъ и Ѳеодосіемъ) 12-го іюля. По прибытіи въ Москву, они остановились не въ Андреевскомъ, что въ Плѣницахъ, братствѣ, какъ ошибочно думаютъ всѣ тѣ, которые признаютъ Епифанія Славинецкаго и Арсенія Сатановскаго прибывшими въ Москву по вызову Ртищева, а, согласно инструкціи, данной имъ еще въ

---

[1]) Ibid., лл. 22—23 включительно.

[2]) Ibid., л. 4.

[3]) Ibidem л. 4.

[4]) Цѣнность московскихъ денегъ около половины XVII в. была выше нынѣшней въ 17 разъ: тогдашній рубль равнялся 17 нынѣшнимъ. См. Ключевскій. „Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему“, стр. 61.

Путивлѣ воеводою, явились въ Посольскій приказъ къ думному дьяку Михаилу Волошенинову [1]).

Съ полною вѣроятностію должно предположить, что въ тотъ-же день Волошениновъ доложилъ государю о прибытіи кіевскихъ старцовъ, послѣ чего послѣдовалъ государевъ указъ—„память", какъ тогда выражались, на имя боярина князя Хованскаго объ отпускѣ вновь прибывшимъ старцамъ содержанія, или—по тогдашнему—„поденного корму", начиная съ 12-го іюля „до тѣхъ мѣстъ, пока они на Москвѣ будутъ". Епифанію отпущено было, во исполненіе этой государевой памяти, столовыхъ по „гривне" на день [2]), т. е. на наши деньги одинъ рубль девятнадцать коп [3]). На слѣдующій день, 13-го іюля, по государевой памяти боярину-дворецкому А. Львову, велѣно было отпускать къ столу вновь прибывшихъ иноковъ „поденного питья іюля с 12 числа, пока они на Москве побудутъ, по двѣ чарки вина доброго, по кружке меду, двѣ кружки пива доброго на день человѣку; велѣть то питье посылать въ готовыхъ судѣхъ" [4]).

Ровно черезъ недѣлю, 20-го іюля, Ѳеодосій, Епифаній и Арсеній были „у государевой руки", т. е. представлялись царю Алексѣю Михайловичу. Здѣсь, передъ обычными въ то время поклонами и цѣлованіемъ государевой руки, старецъ Ѳеодосій произнесъ передъ царемъ довольно витіеватую рѣчь, въ которой говорилъ, что митрополитъ кіевскій Селивестръ „съ радостію царскаго величества повелѣнію повинувся, сихъ двухъ честныхъ старцевъ (Арсенія и Епифанія), отъ монастыря Брацкого Киевскаго Святыхъ Богоявленій храму избранныхъ и его (т. е.

---

[1]) Моск. Главн. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Малор. Дѣла, св. 4, 1649 г. № 4, л. 4.

[2]) Ibid. л. 7.

[3]) Гривна равнялась 14 деньгамъ (см. Востокова. Опис. Рум. Муз., 46, № XXXVIII), т. е. 7 коп., а по нашему курсу 1 р. 19 к. См. Ключевскій. Русскій рубль... стр. 61.

[4]) Малор. Дѣла св. 4, 1649 г. № 4, л. 8.

Ѳеодосія) съ ними въ провождателя мѣсто посла достолѣпное Царскаго величества великоименитое престолу поклоненіе сотворити“ [1]), затѣмъ описалъ бѣдственное положеніе Кіевскаго Братскаго монастыря послѣ смерти Петра Могилы [2]), засвидѣтельствовалъ всегдашнюю готовность монастыря присылать на служеніе царю нужныхъ людей [3]), и, въ заключеніе, просилъ государя дать чрезъ него жалованную грамоту Братскому монастырю [4]). Послѣ этого вновь прибывшимъ кіевлянамъ были пожалованы щедрые царскіе дары: по сорокъ соболей [5]) и по двадцать пять руб. [6]) и увеличено столовое содержаніе—вмѣсто прежняго, велѣно было отпускать къ ихъ столу изъ дворца „по кружки пива доброго“ [7]). Со слѣдующаго дня было опредѣлено мѣстожительство для каждаго. Епифанію отведена была квартира на дворѣ Большого Посольскаго Приказа, очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы всегда близко имѣть полезнаго, знающаго человѣка, когда этого требуютъ нужды печатнаго дѣла [8]), такъ какъ Ѳеодосій засвидѣтельствовалъ, что Славинецкій своими познаніями можетъ быть болѣе полезенъ для Москвы, чѣмъ Дамаскинъ Птицкій [9]).

---

[1]) Ibidem л. 18.

[2]) Ibidem л. 22.

[3]) Ibid. л. 23

[4]) Ibid. д. 30.

[5]) «По Государеву указу отъ 7157 г. іюля въ 20 день казначею Богдану Дубровину велѣно отпустить Епифанію да Арсенію по сороку соболей». Ibid. л. 39.

[6]) «По Государеву указу отъ 7157 г. іюля въ 20 день на имя князя Хованскаго велѣно отпустить государева жалованья Арсенію и Епифанію по 25 руб.» Ibid. л. 40.

[7]) Ibid. 41/а.

[8]) Приказъ Большого Двора до 1654 г. завѣдывалъ печатнымъ дворомъ. См. Румянцева. Древнія зданія Моск. Печат. Двора, стр. 13 и прим. 69.

[9]) Малор. Дѣла, св. 4, л. 30. Замѣтимъ здѣсь кстати, что назначеніе содержанія Епифанію изъ Приказа Большого Двора, отве-

Еще въ Кіевѣ, передъ отъѣздомъ въ Москву, Ѳеодосій, Епифаній и Арсеній дали себѣ обѣтъ побывать на богомольи въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, и вотъ теперь, 2-го августа, они обратились къ царю съ просьбой отпустить ихъ „въ Троицкой Монастырь помолиться", что и было разрѣшено имъ. Указомъ государя велѣно было дворецкому Львову послать грамоту въ Троицкую Лавру, чтобъ тамъ „учинили почести пріѣзжимъ", а окольничему Милославскому приказано дать Кіевлянамъ отъ Москвы до Сергіева монастыря и обратно подводы для нихъ и ихъ служекъ, пристава и переводчика [1]).

По возвращеніи изъ Лавры въ Москву, т. е. съ 1650 г., такъ какъ въ то время годъ начинался съ сентября, для Епифанія наступаетъ трудная жизнь. Но прежде чѣмъ перейти къ изображенію дѣятельности Епифанія, постараемся представить себѣ эпоху съ ея нестроеніями, нуждами и стремленіями,—тогда для насъ станетъ яснымъ направленіе и характеръ дѣятельности Епифанія, которые всецѣло обусловливались именно нуждами и стремленіями того времени.

Какъ мы уже замѣтили выше, къ половинѣ XVII в. въ Московской Руси сложилось чрезвычайно своеобразное положеніе, которое до этой поры ни разу не возникало, да и не могло возникнуть. Положеніе это было полно глубокаго историческаго значенія: такого обилія новыхъ идей, широкой волной ворвавшихся въ Московскую Русь, она еще до сихъ поръ не испытывала. Новшества стали обнаруживаться вездѣ и всюду съ неотразимой силой. Въ различныя сферы умственной и общественной жизни проникаютъ совершенно новые принципы, дотолѣ невѣдомые московскимъ людямъ. Таковъ, напр., принципъ, высказанный изуграфомъ Іосифомъ: „истина не слѣдуетъ за обы-

---

деніе квартиры для него на дворѣ Большого Посольскаго Приказа—все это такіе факты, которые рѣшительно опровергаютъ мнѣніе, будто Епифаній Славинецкій былъ вызванъ въ Москву Ртищевымъ.

[1]) Ibid. л. 43.

чаями невѣжественными, но обычай невѣжественный долженъ истинѣ повиноваться" [1]).

Лучшіе московскіе люди уже настолько умственно созрѣли, что для нихъ утратилъ всякое значеніе традиціонный московскій девизъ: „до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ [2]).

Началось это культурное движеніе съ улучшеній чисто житейской обстановки. Съ этой именно стороны западная цивилизація снискала симпатіи въ московскомъ обществѣ: она создавала удобства жизни [3]), давала удовольствія, развивала эстетическое чувство [4]), вызывала щеголеватость, роскошь и искусственность потребностей вмѣсто царившей до сихъ поръ простоты [5]). Такимъ образомъ, житейская бытовая обстановка, воспринявшая въ себя много новаго, иноземнаго, надорвала господствовавшую въ московскомъ обществѣ нетерпимость ко всему, что не русское. Первые шаги были сдѣланы: настала „поруха" старому преданію, и Русь—сильно „зашаталась". Новшества не ограничились чисто бытовою стороною,—они стали проникать въ область мысли и знаній, расширять кругозоръ, развивать въ московскихъ людяхъ навыкъ и любовь къ критицизму.

Какъ же обнаруживалось это новое теченіе въ литературѣ и живописи?

Трудно прослѣдить тѣ пути, какими шла „поруха" стараго въ области литературы: слишкомъ мало обслѣдованы главныя

---

[1]) Буслаевъ. Историческіе очерки рус. народ. словесн. и искус. т. II, стр. 405. Этотъ принципъ высказанъ имъ въ соч. объ иконописаніи; но по своему характеру онъ выходитъ изъ рамокъ только иконописанія и приводится Іосифомъ въ качествѣ общаго руководящаго принципа для всякой дѣятельности.

[2]) Житіе протопопа Аввакума. Соловьевъ. Истор. Росссіи XIII т., 217 стр.

[3]) Масса фактовъ, иллюстрирующихъ это положеніе, собрано въ статьѣ Цвѣтаева «Къ Исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII в.

[4]) Буслаевъ. Истор. очерки рус. народ. слов. и искус. стр. 403.

[5]) Русск. Госуд. половины XVII в. Рукопись, издан. Безсоновымъ.

литературныя формы до-петровской Руси. Все же съ несомнѣнностію можно сказать, что уже съ XVI вѣка въ установившіяся формы литературныхъ произведеній начали проникать западныя вліянія. Въ Хронографы конца XVI в. заимствуются статьи изъ латино-польскихъ хроникъ Бѣльскаго, Стрыйковскаго и др. [1]). Такимъ образомъ I. Малала, Георгій Амартолъ, Манасія, Зонара и другіе греческіе писатели, хроники которыхъ служили главнымъ источникомъ русскихъ хронографовъ до половины XVI вѣка, утратили свое исключительное право на вниманіе. Въ Лѣчебникахъ и Травникахъ съ XVI в. появляются статьи западнаго происхожденія, наряду съ прежними византійскими и болгарскими дѣлаются выписки изъ „Тайная тайныхъ“ Аристотеля („Secreta Secretorum“—средневѣковый сборникъ, весьма распространенный на Западѣ), изъ Альберта Великаго, Михаила Скота, Раймунда Люллія и др. [2]). Эти новыя статьи, отличныя отъ традиціонныхъ статей прежняго времени по изложенію и характеру, несомнѣнно, вліяли на развитіе литературнаго вкуса и подготовляли ослабленіе византійско-аскетическаго направленія нашей литературы: съ половины XVII в. въ разныхъ сборникахъ уже появляются наряду съ нравоучительными статьями и статьи „потѣшнаго“ содержанія. Таковы, напр., „Повѣсти смѣхотворны, есть же и злыхъ обыклостей обличительны“—переводъ съ польскаго [3]); „повѣсть утѣшная о купцѣ, который заложился съ другимъ о добродѣтели жены своея“ [4]) и др. Уже съ сороковыхъ годовъ XVII ст. новаторскія идеи пріобрѣтаютъ значеніе въ глазахъ начетчиковъ, а во второй половинѣ вѣка уже находятъ себѣ защитниковъ. Примѣръ такой защиты новшества находимъ у Строева, [5]) гдѣ приводится статья: „О пѣніи божественномъ,

---

[1]) Архангельскій. Образов. и литер. Москов. Руси XVII в. Ученыя Записки Казан. Универ. 1898 г. VII—VIII кн., стр. 214.

[2]) Ibidem стр. 233.

[3]) Строевъ. Описаніе рукописей библ. гр. Ѳ. А. Толстого, Отд. II, № 47, 1, л. 1—68.

[4]) Ibidem. л. 86.

[5]) Строевъ. № 116, лл. 43, Отд. I.

по чину мусикійскихъ согласій состроенномъ, ради благочинія церковнаго отъ любомудрыхъ художниковъ и хитрецовъ составленномъ... отъ многихъ же святыхъ писаній свидѣтельство прилѣжно избранно, яко благо и зѣло во истину благочиннѣ въ Малой Россіи сіе вчинися". Сознаніе необходимости науки, а слѣдовательно неудовлетвореніе простымъ начетчествомъ уже въ началѣ XVII в. начинаетъ прорываться на поверхность общественнаго сознанія. Въ рукописяхъ начала XVII в. появляются статьи на тему „о силѣ книжной", о „членовномъ преобразованіи словеснаго сложенія" и т. п. [1])

Въ области живописи еще шире и сильнѣе сказалось вліяніе Запада. Оно начало проявляться прежде всего въ области гравюръ и стѣнописи. Русскіе бояре покровительствовали живописному западному стилю [2]). Къ прежнимъ сюжетамъ стѣнописи въ ихъ хоромахъ (каковы: символическія изображенія временъ года, „бѣги небесные", лунное теченіе, четыре стихіи и пр.) присоединились картины перспективныя и ландшафты) [3]). Потѣшные нѣмецкіе листы, гравированные иноземцами на мѣди и деревѣ, шли навстрѣчу пробудившимся эстетическимъ потребностямъ народа и попали на московскій рынокъ въ овощный рядъ въ большомъ количествѣ [4]). Глазъ привыкалъ къ изящнымъ очертаніямъ, къ артистической драпировкѣ; живость колорита поражала тѣмъ невѣдомымъ на Руси обаяніемъ, какое способно производить на душу только истинно художественное произведеніе. Эти новшества вызывали пробужденіе интереса къ одухотворяющей ихъ мысли. И вотъ мы видимъ, что новыя потребности—эстетическія и критическія—проникаютъ въ область теоріи. Русскихъ иконописцевъ уже не удовлетворяетъ, даже раздражаетъ византійскій

---

[1]) Строевъ. Опис. рки. Толстого, отд. II, № 195, лл. 17—19,

[2]) Покровскій. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Труды VIII Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. 1890 г. т. I, LIII.

[3]) Цвѣтаевъ. Къ Исторіи культуры Россіи въ XVI—XVII вв. стр. 4.

[4]) Ibid., стр. 11.

иконографическій стиль. „Гдѣ таково указаніе изобрѣли“—возмущается изуграфъ Іосифъ—„неосмысленные любопрителн, которые одною (т. е. одинаковою для всѣхъ святыхъ) формою смугло жило и темновидно святыхъ лица писать повелѣваютъ? Весь-ли родъ человѣческій во едино обличье создавъ? Всѣ-ли святые смуглы и тощи были?“ [1]).

Всѣ эти, новыя для того времени, явленія свидѣтельствуютъ о народившейся въ московскомъ обществѣ потребности провѣрить и критически отнестись ко всему тому, чѣмъ и какъ оно жило. Обращеніе къ явленіямъ окружающей общественной жизни вызывало на самыя печальныя размышленія лучшихъ людей. Нестроенія въ ней были велики. Еще Стоглавый соборъ отмѣчаетъ, что „мнози отъ неразумія простая чадь православныхъ христіанъ во градѣхъ и въ селѣхъ творятъ елинское бѣснованіе—различныя игры и плясанія; въ навечеріи Рождества Христова и противъ праздника Рождества Іоанна Предтечи въ нощи и въ праздникъ весь день мужи и жены и дѣти въ домѣхъ, по улицамъ глумы творятъ всякими играми и пѣсньми [2]) Прошло столѣтіе, а жизнь общественная нисколько не улучшилась. Въ тридцатыхъ годахъ XVII ст. народъ разгульно проводилъ праздники „ходяще по улицамъ, безчинствующе, пьянствующе, наругающеся праздникомъ святымъ Божіимъ, вмѣсто духовнаго торжества воспріимше игры и кощуны бѣсовскія, повелѣвающе медвѣдчикомъ и скомрахомъ на улицахъ и на торжищахъ и на распутіяхъ сатанинскія игры творити, и въ бубны бити, и въ сурмы ревѣти, и руками плескати и плясати, и иная неподобная дѣяти“. [3])

Состояніе духовенства было не лучше. Изъ памяти патр. Іоасафа узнаемъ, что священники во время богослуженія „ходятъ

---

[1]) Буслаевъ. Истор. Очерки, т. II, стр. 403—404.

[2]) Стоглавъ. изд. Кожанч. стр. 261.

[3]) А. А. Э. Ш. 1636 г. № 264, стр. 402. Память патр. Іоасафа тіуну Манойлову и поповскому старостѣ, Никольскому попу Панкратію о прекращеніи въ Московскихъ церквахъ разнаго рода безчинствъ и злоупотребленій.

во образѣ пустынническомъ, во время святаго пѣнія въ церквахъ ползаютъ, писк творяще, и великъ соблазнъ полагаютъ въ простыхъ человѣцѣхъ [1]). Патр. Іосифъ свидѣтельствуетъ, что въ храмахъ священники безчинствуютъ, „въ церкви приходятъ яки разбойники съ палки, и подъ тѣ палки у нихъ бываютъ копѣйца желѣзные и бываетъ у нихъ межъ себя драка до крови и лая смрадная“ [2]).

Такое безотрадное состояніе жизни мірянъ и духовенства вызвало у лучшихъ людей того времени сознаніе необходимости реформъ. На этой почвѣ возникъ реформаторскій кружокъ около царскаго духовника Стефана Вонифатьева. Членами его были: Логгинъ, Нероновъ, Никонъ, Ртищевъ и др. Этотъ кружокъ причину всѣхъ нестроеній видѣлъ въ новыхъ идеяхъ, шедшихъ съ Запада, въ томъ, что Русь стала „переставлять свои обычаи“; что стала „яко благодѣевъ принимать и честію веліею почитать скверныхъ поляковъ, нѣмцевъ и прочихъ безбожныхъ языковъ“. Отсюда-то, по его мнѣнію, и пошла „поруха“ старому преданію. Кружокъ призналъ необходимость критики въ отношеніи къ окружающимъ явленіямъ общественной жизни; боязни предъ всякою живою мыслію онъ былъ чуждъ. Но жестокая ошибка его заключалась въ томъ, что онъ весь пропитанъ былъ узкими націоналистическими тенденціями. Вслѣдствіе этого онъ судилъ о явленіяхъ не по ихъ собственному достоинству, а по источнику, изъ котораго они шли. Все, что шло отъ грековъ и изъ запада, было скверно [3]). Но такъ какъ нужно все-таки имѣть

---

[1]) Ibidem.

[2]) А. Э. IV. См. Дополненіе къ IV т. 1646 г. февр. 16. Окружной патріаршій наказъ духовному чину о соблюденіи поста и церковнаго благочинія. Стр. 481.

[3]) Правда, не всѣ члены кружка отличались нетерпимостью и національной исключительностію. Были въ немъ и люди, способные признавать достоинство и во многомъ иноземномъ. Такъ напр., Ртищевъ, который самъ учился у кіевскихъ иноковъ своего монастыря латинскому языку.

высшій авторитетъ, то они и признали таковой за „стариной“. „Старина“ же русская была убѣждена, что вѣра православная „испроказилась“ у грековъ, утратила свою первоначальную чистоту. Политическія событія въ Византіи подтверждали этотъ предвзятый взглядъ. Разграбленіе Константинополя нечестивыми агарянами было въ глазахъ русской „старины“ справедливой карой грекамъ за ихъ несохраненіе чистоты и неповрежденности христіанства. Такимъ образомъ, греческая церковь утратила свой прежній авторитетъ. Если прежде русская церковь въ своей жизни прислушивалась къ голосу и суду греческой церкви, то теперь такое отношеніе, неизбѣжно, должно было измѣниться. Роли перемѣнились: не русская церковь должна была признавать авторитетъ за греческой, а наоборотъ, ибо истина христіанская въ ея неповрежденности сохранилась только на Руси. Этотъ-то взглядъ русской старины на грековъ вполнѣ сохранился въ кружкѣ наваторовъ-націоналистовъ. Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что, за исключеніемъ одного или двухъ членовъ его, остальные были противниками Никоновскаго исправленія церковныхъ книгъ по *греческимъ* подлинникамъ. Они признавали необходимость живой церковной проповѣди, какъ средства для исправленія нравственной жизни общества, признавали необходимость устранить безчинія въ церковномъ богослуженіи, но исправленіе самыхъ чинопослѣдованій церковныхъ было—по ихъ убѣжденію—уже измѣной „старинѣ“.

Наряду съ этимъ теченіемъ русской жизни, довольно сильно заявляло себя другое, совершенно свободное отъ національной и религіозной исключительности. Это теченіе началось и совершалось главнымъ образомъ въ передовомъ, высшемъ, болѣе образованномъ московскомъ обществѣ. Здѣсь старорусскій взглядъ на грековъ только на время поколебалъ довѣріе къ нимъ, но потомъ все болѣе и болѣе сталъ уступать тому взгляду, который господствовалъ на Руси до Флорентійской уніи, именно, что греки во всемъ держатъ православную вѣру неповрежденною. Уже въ XVI в. поколебался въ высшемъ обществѣ узко-національный взглядъ русскаго большинства на грековъ. Русскіе пу-

тешественники по святымъ мѣстамъ Востока, возвратясь на родину, приносили съ собой убѣжденіе въ неповрежденности христіанства у грековъ: для нихъ становилось яснымъ, что флорентійская унія была дѣломъ только немногихъ, а не всего народа; что греческій народъ относился къ ней враждебно и никогда не принималъ ея; что господство турокъ нисколько не мѣшало грекамъ сохранить въ чистотѣ христіанство.

Борьба юго-западной Руси съ уніей съ половины XVI и въ XVII вв., въ которой такую громадную роль играли іерархи греческой церкви, также не могла не оказать своего вліянія на ослабленіе недовѣрія московскаго правящаго класса къ грекамъ. Пребываніе іерусалимскаго патріарха Паисія въ Москвѣ (27 января 1649 г.—10 іюня 1649 г.) окончательно подорвало долго царившее въ Москвѣ недовѣріе, хотя, правда, и не уничтожило его совершенно. Самъ Паисій испыталъ это на себѣ; тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву онъ имѣлъ свиданіе и бесѣду съ Никономъ, тогда еще спасскимъ архимандритомъ: Никону—есть основаніе такъ думать—поручено было поразузнать взгляды и убѣжденіе вновь прибывшаго патріарха. Такимъ образомъ, хотя недовѣріе пало, но „сумлѣніе“ въ отношеніи къ грекамъ у москвичей было еще сильно вплоть до 1650 г., когда пришлось уже Епифанію Славинецкому считаться съ этимъ явленіемъ. Эта перемѣна въ настроеніи Москвы по отношенію къ грекамъ имѣла громадное значеніе въ выработкѣ ученаго взгляда на дѣло книжной *справы*: она шла на встрѣчу все болѣе и болѣе крѣпнувшему сознанію, что необходимо книжное исправленіе церковно-богослужебныхъ книгъ; при наличности же духовной розни между русскими и греками не могло бы быть и книжной *справы*. Этимъ можно объяснить и то обстоятельство, что только послѣ выхода Никона изъ кружка націоналистовъ-реформаторовъ, послѣ рѣшительнаго перехода его на сторону грековъ, онъ начинаетъ исправленіе книгъ.

Другой отличительной чертой этого теченія мысли въ высшихъ слояхъ московскаго общества, по сравненію съ кружкомъ націоналистовъ, было сознаніе необходимости распространить

реформы не только на нравственно-практическую жизнь общества, но и на церковныя чиноположенія. Если же на соборѣ 1649 года 11 февраля разсуждали только объ единогласіи [1]) и не касались церковныхъ чиноположеній, то это объясняется тѣмъ, что а) не знали, какъ приняться за дѣло и вести его, и б) не имѣли нужныхъ для этого людей. Обратиться же къ грекамъ еще не рѣшались.

Послѣ того, какъ „сумлѣніе“ относительно справедливости своего недовѣрія къ грекамъ возникло въ правящихъ сферахъ и довольно настойчиво заявило себя, естественно было имъ разобраться въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ утверждалось это недовѣріе, естественно было провѣрить себя. А такъ какъ для всякой провѣрки требуется сличеніе, то для насъ вполнѣ понятнымъ становится, почему первымъ трудомъ Епифанія Славинецкаго по прибытіи его въ Москву былъ переводъ съ греческаго языка на славянскій литургіи Іоанна Златоустаго, каковой трудъ онъ совершилъ въ августѣ 1649 года [2]). Вѣроятной причиной такого труда, возложеннаго на Епифанія московскимъ правительствомъ, и могло быть желаніе узнать, насколько наша славянская литургія разнится отъ современной греческой, потому что—по справедливому замѣчанію Е. Е. Голубинскаго—„если живѣйшимъ образомъ интересовались вопросомъ, то ясно, что нисколько не были противъ возможности того, чтобы онъ былъ рѣшенъ въ пользу грековъ: иначе разслѣдованію дѣла предпочитали-бы невѣдѣніе“ [3]),

Обратимся теперь къ дѣятельности Епифанія. Должно замѣтить прежде всего, что Епифаній сразу внушилъ къ себѣ довѣріе московскихъ людей. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ? Нужно думать, въ этомъ прежде всего сказалась рекомендація, данная

---

[1]) Бѣлокуровъ. Дѣянія Моск. Церков. Собора 1649 г. 11 февр. См. Чт. Общ. Исторіи и Древностей Рос. 1894 г. кн. 4.

[2]) Сильвестръ Медвѣдевъ. Оглавленіе книгъ, кто ихъ слож. § 79.

[3]) Богослов. Вѣстн. 1892 г. т. I, стр. 289—290. См. статью Е. Е. Голубинскаго: «Къ нашей полемикѣ со старообрядцами».

о немъ московскому правительству Ѳеодосіемъ. Такъ какъ московское правительство не вызвало Епифанія, а онъ явился непрошеннымъ вмѣсто просимаго Дамаскина Птицкаго, то наилучшая рекомендація являлась необходимою, чтобы успокоить нѣсколько недовѣрчиво относящееся къ кіевлянамъ московское правительство. Очень скоро обнаружилось, что Епифаній будетъ болѣе полезенъ для нуждъ московской церкви, чѣмъ его спутникъ Арсеній Сатановскій, не знавшій греческаго языка: переводъ литургіи—трудъ, имѣвшій громадное значеніе для разрѣшенія самыхъ животрепещущихъ вопросовъ въ ту пору—сразу далъ Епифанію громадный научный авторитетъ въ глазахъ московскихъ людей.

Не безъ вліянія оказались и научныя симпатіи, убѣжденія и пріемы Епифанія. Мы выше отмѣтили уже недовѣрчивое отношеніе Епифанія къ схоластической діалектикѣ. Онъ требовалъ, чтобы всякое „сказаніе было отъ божественныхъ писаній а не отъ человѣческихъ силлогисмовъ, рекше умышленій многолгущихъ“; „аще бо силогисмомъ вѣру оставимъ“—говорилъ онъ—„погибнетъ вѣра наша: не Богу бо, но человѣкомъ вѣровати имамы“ [1]). Во время своего разговора съ Симеономъ Полоцкимъ о времени пресуществленія св. даровъ, онъ еще рѣшительнѣе высказываетъ свой принципъ: „силлогисмамъ, паче же латинскимъ (аще и доволенъ есмь въ тѣхъ), не послѣдую, ниже вѣрую: бѣгати бо силлогисмовъ, по св. Василію, повелѣваемся, яко огня“. [2]) Такія рѣчи, несомнѣнно, должны были нравиться москвичамъ. По этой особенности своего научнаго міровоззрѣнія, Епифаній очень близко подходитъ къ типу московскихъ начетчиковъ. Разница была только въ томъ, что начетчики боялись силлогизмовъ по своему полному невѣдѣнію въ области діалектики, а Епифаній, хорошо знакомый съ этой наукой, признавалъ ее совершенно

---

[1]) Ркп. К. Печерск. Лавры № 145, л. 969.

[2]) Ibidem. См. «разглагольство Епифанія съ Симеономъ Полоцкимъ о пресуществленіи хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову» л. 913.

неумѣстной въ вопросахъ вѣры. Прекрасное знаніе греческаго и славянскаго языковъ и св. писанія, большая начитанность въ святоотеческихъ твореніяхъ восточной церкви, солиднымъ доказательствомъ которой является его Филологическій Словарь, неотразимо должны были привлечь къ нему московскихъ правящихъ людей и создать ему высокій авторитетъ въ ихъ глазахъ. Наилучшей иллюстраціей этого можетъ служить то, что уже въ 1650 году въ іюлѣ мѣсяцѣ, т. е. черезъ годъ по прибытіи Епифанія въ Москву, Алексѣй Михайловичъ поручаетъ ему написать службу новоявленной святой Аннѣ Тверской [1]). Понятно послѣ всего этого, что Епифаній долженъ былъ сразу принять участіе въ рѣшеніи самыхъ животрепещущихъ вопросовъ того времени.

Первымъ такимъ вопросомъ и былъ вопросъ объ отношеніи къ грекамъ. Выше мы указали, какъ ревностно оберегали юго-западную Русь отъ уніи высшіе іерархи греческой церкви. Епифаній изъ текущихъ событій на своей родинѣ вынесъ глубокое убѣжденіе о ревности грековъ по вѣрѣ, о сохранности у нихъ православія въ чистотѣ и неповрежденности. Понятно, что онъ былъ пораженъ, если не возмущенъ, тѣмъ взглядомъ на грековъ, какой онъ здѣсь встрѣтилъ. Чуждый московскихъ традицій, онъ не могъ понимать не только недовѣрія къ грекамъ, но даже сомнѣнія въ ихъ православіи. Въ его очахъ такое настроеніе русскихъ людей по отношенію къ грекамъ было жестокимъ и ничѣмъ не оправдываемымъ оскорбленіемъ послѣднихъ. И онъ, какъ только освѣдомился объ этомъ взглядѣ, тотчасъ же сталъ бороться съ нимъ и совершилъ ту перемѣну въ Москвѣ, безъ которой немыслимо было бы самое исправленіе книгъ. Въ этомъ то смыслѣ Е. Е. Голубинскій называетъ Епифанія „однимъ изъ виновниковъ никоновскаго исправленія книгъ [2])

---

[1]) Медвѣдевъ. Оглавленіе книгъ № 79, § 8. Cfr. Голубинскій. Истор. канонизаціи святыхъ, стр. 116.

[2]) «Къ нашей полемикѣ со старообрядцами. См. Бог. Вѣст. 1892 г., т. I, стр. 288.

Какимъ же образомъ удалось Епифанію достигнуть этого? Нужно думать, что первоначально—путемъ личныхъ бесѣдъ съ тѣми лицами, которые сильно усомнились въ справедливости своего недовѣрія и такимъ образомъ подготовили себя къ слушанію рѣчи въ защиту современныхъ грековъ. „Глаголаше (Епифаній) во многихъ слухи, наипаче честныхъ и властелей, мужей благоумныхъ и доброразсудныхъ"—свидѣтельствуетъ современная о немъ записка [1]).

Нѣтъ опредѣленныхъ указаній на то, съ кѣмъ первоначально бесѣдовалъ по этому поводу Епифаній. Несомнѣнно только, что не Никонъ былъ его первымъ собесѣдникомъ. Когда Епифаній прибылъ въ Москву, Никона здѣсь уже не было: еще въ мартѣ того-же, т. е. 1649, года онъ былъ поставленъ на митрополичью каѳедру въ Новгородѣ. Познакомиться съ Епифаніемъ онъ могъ только въ свой пріѣздъ изъ Новгорода въ Москву зимою 1649—1650 гг. Кто же были эти лица?

Въ опредѣленіи ихъ мы вполнѣ присоединяемся къ авторитетному мнѣнію Е. Е. Голубинскаго. „Заинтересованныхъ вопросомъ, кромѣ Никона",—говоритъ онъ—„должно быть предполагаемо еще трое: самъ царь Алексѣй Михайловичъ, духовникъ его протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ и его воспитатель Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Самъ царь, сколько знаемъ, не имѣлъ личныхъ сношеній съ Епифаніемъ, и, слѣдовательно, первый, кто велъ съ нимъ непосредственныя рѣчи о грекахъ съ цѣлью рѣшенія вопроса о нихъ, и кто тотчасъ же болѣе или менѣе былъ расположенъ имъ въ пользу грековъ, чтобы расположить и остальныхъ двоихъ, былъ или Стефанъ Вонифатьевъ, или Борисъ Ивановичъ. Между двумя лицами—духовникомъ и свѣтскимъ, конечно, вся вѣроятность думать о первомъ, а не о второмъ" [2]).

Итакъ, царскій духовникъ, нужно думать, первый былъ расположенъ Епифаніемъ къ современнымъ грекамъ. Нѣкоторымъ

---

[1]) М. Евгеній. Словарь Историч. стр., 178.
[2]) Богосл. Вѣстн. 1892 г. т. I, стр. 290.

подтвержденіемъ этого предположенія служитъ знаменитый фактъ изъ исторіи книжной справы при Іосифѣ. Діаконъ Ѳеодоръ свидѣтельствуетъ, что книга о вѣрѣ игумена Нафанаила „на Москвѣ въ печать издана повелѣніемъ царевымъ и *тщательствомъ благого духовника его Стефана Вонифатьевича* во время благочестивое и тихое [1])". Этотъ фактъ даетъ основаніе предположить, что и въ данномъ Епифанію порученіи—перевести литургію Іоанна Златоустаго, сказалось вліяніе Вонифатьева. Несомнѣнно, что новое настроеніе Стефана по отношенію къ грекамъ было принято и другими, а главнымъ образомъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Этимъ только и можно объяснить то, что еще до патр. Никона въ дѣло книжной справы дѣлаются попытки внести новый принципъ—исправленіе по *греческимъ* подлинникамъ. Правда, это внесеніе новаго пріема отличается характеромъ случайности, частичности, но это объясняется тѣмъ, во-первыхъ, что силенъ былъ старо-московскій взглядъ на грековъ, а во-вторыхъ, что во главѣ этого дѣла еще не стояло лицо, обладавшее высшимъ церковнымъ авторитетомъ и властію. Тѣмъ не менѣе еще въ 1650 году дѣлаются попытки исправленія славянскихъ книгъ по греческимъ. Въ Шестодневѣ 1650 г., т. е. въ собраніи дневныхъ церковныхъ службъ недѣли, дѣлается поправка относительно пѣнія кондаковъ на повечеріяхъ и полунощницахъ по трисвятомъ и на утрени послѣ шестой пѣсни. Инакой—„Заступнице усердная", пѣтый до этого года въ русской церкви, былъ замѣненъ воскреснымъ кондакомъ „Высоты ради воскреснаго дня." Объясненіе этого новшества приводится слѣдующее: «понеже и въ *греческихъ преводахъ* по сему же уставу (какъ предписано въ послѣсловіи) обрѣтохомъ, сего ради и послѣдующе сему (т. е. указанію греческаго текста) также указахомъ и положихомъ на концѣ книги сея; на ряду же (т. е. въ самомъ текстѣ) указанному не дивится никто же, ниже смущается о семъ, зане съ прежнихъ переводовъ печатано, а греческихъ еще не видѣхомъ" [2]).

---

[1]) Матеріалы для исторіи раскола, т. VI, стр. 143.

[2]) Каптеревъ. Патр. Никонъ, какъ реформаторъ. Правосл. Обозр. 1887 г. т. I, стр. 321. Стр. Макарій. Исторія русск. церк. т. XII, 112—113.

Несомнѣнно, что эта поправка, внесенная въ Шестодневъ уже по напечатаніи его, принадлежитъ Епифанію Славинецкому [1]). Основанія, по которымъ мы такъ думаемъ, слѣдующія: во первыхъ, изъ двухъ кіевскихъ иноковъ, прибывшихъ въ Москву, знаніе греческаго языка принадлежало Епифанію; во вторыхъ, переводъ литургіи съ греческаго, сдѣланный Епифаніемъ, расположилъ имѣвшихъ вліяніе лицъ давать ему же всѣ подобныя порученія, а мы знаемъ, что въ Москвѣ не было знавшихъ греческій языкъ; и, въ третьихъ, наконецъ, объ участіи Епифанія Славинецкаго въ печатаніи богослужебныхъ книгъ въ 1650 г. мы имѣемъ и положительное свидѣтельство. Въ „Оглавленіи книгъ“ Медвѣдева сказано, что переводъ Аѳанасіева посланія къ Маркеллину о толкованіи псалмовъ принадлежитъ Епифанію, а этотъ переводъ былъ печатаемъ въ началѣ 1651 г. [2]). Слѣдовательно, уже въ 1650 г. Епифаній принялъ близкое участіе въ дѣлахъ печатнаго двора. Можно съ несомнѣнностію думать, что при печатаніи этихъ толкованій не кто иной, а именно онъ наблюдалъ за печатаніемъ своего переводнаго труда. По крайней мѣрѣ о многихъ переводныхъ его трудахъ, которые были напечатаны, есть прямыя свидѣтельства (какъ это увидимъ ниже), что корректурныя тетради провѣрялъ и дѣлалъ на нихъ поправки самъ Епифаній.

Теперь намъ предстоитъ рѣшить вопросъ, какое участіе принималъ Епифаній въ дѣлѣ книжнаго исправленія, какова была его роль. Всѣ изслѣдователи, касавшіеся почему-либо Епифанія Славинецкаго въ своихъ сочиненіяхъ, утверждаютъ, что въ числѣ никоновскихъ справщиковъ былъ и Епифаній [3]).

---

[1]) Филаретъ. Обзоръ дух. лит. § 223.

[2]) «Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ», № 63 Cfr. Голубинскій. Е. «Къ нашей полемикѣ...» Богосл. Вѣстникъ 1892 г. т. I, стр. 291.

[3]) М. Евгеній. Словарь Историческій., стр. 177; Филаретъ. Обзоръ дух. литер. § 223; м. Макарій. Истор. рус. церк. т. XII, стр. 155; Румянцевъ. Древн. здан. Моск. Печат. Двора, стр. 13; Костомаровъ. Рус. Истор. въ жизнеоп. въ V. стр. 388; Дополн. къ Актамъ Истор.

Но въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся со слѣдующимъ недоумѣніемъ. В. Румянцовъ въ своемъ изслѣдованіи „Древнія зданія Московскаго Двора", составленномъ по первоисточникамъ и обильно снабженномъ приложеніями, цѣнными въ научномъ отношеніи, причисливъ (на 13-й стр.) къ никоновскимъ справщикамъ и Епифанія, въ 67 примѣчаніи заявляетъ, что въ расходныхъ книгахъ печатнаго приказа сохранились росписки всѣхъ поименованныхъ (въ текстѣ, стр. 13) лицъ, за исключеніемъ только Славинецкаго, въ полученіи ими жалованья изъ типографіи по должности справщиковъ. Какъ понимать такое отсутствіе документальныхъ свидѣтельствъ объ исправленіи Епифаніемъ должности справщика? Если Епифаній былъ справщикомъ, то непонятно молчаніе о немъ приходо-расходныхъ книгъ печатнаго двора, въ особенности если принять во вниманіе его громадный авторитетъ въ средѣ москвичей. Если же онъ не былъ справщикомъ, то почему составленіе предисловій ко многимъ печатавшимся тогда книгамъ поручалось ему? Объясненіе этого факта мы находимъ въ „Реестрѣ (1727-го года) книгамъ россійскимъ печатнымъ и рукописнымъ, хранившимся въ типографской библіотекѣ". Въ этомъ реестрѣ подъ № 68 имѣется слѣдующее любопытное замѣчаніе составителя каталога (вѣроятно, справщика типографіи Ивана Максимовича): по сихъ книгахъ (т. е. выше прописанныхъ въ реестрѣ) раритетныхъ судилося за благо книгу великія естимы достойную званіемъ Лексиконъ Греко-Славено-Латинскій нѣкіимъ Епифаніемъ, *корректоромъ Московскія типографіи*, въ Москвѣ трудолюбно сочиненную, а во всей Европѣ еще не практикованную, въ особливый раритетъ почесть и поставить его надъ шкафою...[1])". Такимъ образомъ, мы имѣемъ свидѣтельство московскаго справщика той поры, когда,

---

VI, 191; Пѣвницкій. Труды Кіевск. Дух. Акад. 1861 г. т. II, стр. 409; Галаховъ. Истор. рус. слов. I, 236; Безсоновъ. Юрій Крижаничъ. Правосл. Обозр. 1870 г. т. I, 132 и мн. другіе.

[1]) Рукопись Москов. Духовн. Академ. № 106 фундам. библ., л. 35—36.

быть можетъ, слишкомъ живы были преданія о минувшихъ дѣятеляхъ московской типографской справы. На основаніи этого свидѣтельства мы можемъ утверждать, что Епифаній, принимая близкое и активное участіе въ дѣлѣ книжнаго исправленія, не былъ справщикомъ въ собственномъ, техническомъ смыслѣ этого слова, т. е. не правилъ книгъ, какъ это дѣлали, напр., Иванъ Насѣдка, Александръ Мезенеръ, Шестой Мартемьяновъ и др., а *наблюдалъ за правильностію справы въ тѣхъ случаяхъ, когда требовались сличенія печатныхъ книгъ съ греческими подлинниками*, ибо только при этомъ условіи онъ могъ выступать въ своихъ предисловіяхъ предъ лицемъ всѣхъ образованныхъ съ свидѣтельствомъ о правильности всякихъ измѣненій, внесенныхъ въ новопечатанныя книги. Быть можетъ, онъ также слѣдилъ за тѣмъ, чтобы справщики правильно правили свои книги. О томъ, что на печатномъ дворѣ существовала должность особыхъ надзирателей за справщиками, свидѣтельствуетъ Арсеній Суховъ. Описывая заведенный на московскомъ печатномъ дворѣ порядокъ справы, онъ въ преніяхъ съ греками о вѣрѣ говоритъ: «а у печати сидятъ книги правятъ избранныя люди и безпрестани надъ тѣмъ сидятъ; а *надъ тѣми людми* (т. е. справщиками), *надзираютъ*, по Государеву указу, митрополитъ и архимандритъ и протопопы, кому Государь укажетъ, и о всякомъ дѣлѣ докладываютъ Государя и патріарха [1]).»

Чтобы видѣть, насколько почетнымъ было положеніе Епифанія на печатномъ дворѣ, должно замѣтить, что такую же самую обязанность исполняли позже Симеонъ, бывшій архіепископъ тобольскій—съ 1664 г. [2]) и Павелъ, митрополитъ Сарскій и Подонскій—съ 1667 г. [3]).

—

[1]) С. Бѣлокуровъ. Арсеній Суховъ, ч. II, см. «Статейный Списокъ», стр. 61.

[2]) Каталогъ русскихъ архіереевъ.

[3]) Акты Археогр. Эксп. т. VI, стр. 205.

Итакъ, свидѣтельство Ивана Максимовича объясняетъ намъ отсутствіе какихъ-либо свидѣтельствъ объ Епифаніи, какъ справщикѣ, въ приходо-расходныхъ книгахъ печатнаго двора. Такъ какъ онъ не былъ справщикомъ въ техническомъ значеніи этого слова, то вполнѣ естественно, что имя его и не могло попасть на страницы приходо-расходныхъ книгъ.

Ив. Ротаръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ЛѢСНАЯ ЛУБЕНЩИНА.[1]

Глава III.

Тарандинцовская волость.

Страна криницъ и садовъ: Хелепцы, Калайдинцы, калайдинская криница, лядскій городокъ; Клепачи, Новаки, Енковцы, енковская криница; дѣвичій ярмарокъ, народные разсказы о его происхожденіи. Западная часть долины Удая: Біевцы, Оробьи, Гонцы и Карпиловка. Переходъ къ степи: Тарандинцы и Губское. Кулачные бои.

На плоской возвышенности между Тишками, Хитцами, Калайдинцами и Клепачами разстилаются поля легкой подзолистой лѣсной земли, цвѣта шоколада или кофе со сливками, уступающей плодородіемъ черноземy. [2]) Рыжеватыя толоки сплошь усѣяны розовыми цвѣтами будяка (carduus nutans. L). По краямъ поля мелькаютъ лѣски. Вправо отъ дороги крутой спускъ въ долину Удая. Въ горѣ какъ будто прорубленъ узкій корридоръ съ отвѣсными стѣнами. На верху этихъ стѣнъ большіе грабы, клены, черноклены и ясени, внизу же между рощами и

---

[1]) См. Кіев. Ст. № 9.

[2]) Содержаніе гумусу въ этой землѣ 2,5%—2,6%, мощность 2,3 ф. (Мат. оцѣн. зем. Полт. губ. II, 29, 71).

садами виднѣется небольшое село Хелепцы, вдвинувшееся клиномъ въ широкую долину Удая. Ярко-зеленая пойма пересѣкается синѣющими купами деревъ, очеретами, узкой полоской рѣки и заводами. [1]) Отъ смежныхъ Лучниковъ, также выдвинутыхъ полукруглымъ мысомъ въ удайскую низину, Хелепцы отдѣлены озеромъ, шириной до версты, спокойно дремлющимъ, какъ большое стекло, подъ высокой обнаженной высокой горой. У въѣзда самая некрасивая часть села. Узкая улица, сжатая съ обѣихъ сторонъ загонами, по срединѣ пересѣкается ручьемъ Грешаихою, идущей отъ Калайдинецъ топкой до того, „шо у Грешаивци кобыла провалылась и хвоста не знайшлы". Объ этой Грешаихѣ оба сосѣднія села разсказываютъ: „Годивъ трыста надъ Грешаихою жылы ляхы, такъ ихъ короля зогналы,—маныфестъ зійшовъ. Тамъ булы покопани лёхы и цегла була. Грошей ихъ багато тутъ зосталось" (Хелепцы). „Тутъ жылы корольки, симдесятъ симъ. Одынъ жывъ по той бикъ Удая, а другый по сей. Потокомъ проведенъ цепъ. Якъ-бы ёго докопать та найты. Тамъ усячына понакладувана: посуда, гроши йе тамъ; шо незакленени—вже повыходылы. Одкопують головы таки якъ гарбузы, черепокъ товстый и зубы хороши" (Калайдинцы). По другому варіанту: „по надъ Грешаихою було шведське, або гетьманське село. Якъ гетьманивъ зогналы, такъ цари переселялы людей". По срединѣ села маленькая церковь св. Іоанна Крестителя. Только куполъ да колокольня видны изъ-за зелени. Церковь выстроена въ 1859 году, затѣмъ расширена, обведена деревянной, вмѣсто прежней плетневой, оградой; къ церкви пристроена колокольня изъ дерева, оставшагося отъ старой лубенской троицкой колокольни. Прежняя-же церковь, по преданію и мѣстной церковной лѣтописи основанная въ 1791 г., была въ началѣ плетневая съ мазаннымъ поломъ, затѣмъ срублена, какъ комора, 7 аршинъ съ двумя придѣльчиками. Затѣмъ выстроена новая церковь, но она сгорѣла со множествомъ ста-

[1]) Послѣднихъ особенно много (Гуровъ. Геолог. описаніе Полт. губ., 448.)

рыхъ бумагъ, такъ что настоящая церковь уже третья по счету. И старая колокольня стояла на столбахъ, наклонившись на сторону, такъ что колокольня могла упасть. Хелепская церковь до послѣдняго времени считалась внѣштатной, и общество платило священнику 75, потомъ 150 руб. За церковью усадьбы лучше, вездѣ сады, полные венгерокъ. Бѣлыя хатки, отдѣляясь отъ яркой зелени горы, прячутся за вѣтвями вѣковыхъ яблонь и грушъ. Встрѣчаются уединенные уголки, напоминающіе старую романтическую Малороссію, въ которыхъ испытываешь настроеніе, разлитое въ картинахъ Жемчужникова, Волоскова, Штернберга и въ дивныхъ пѣсняхъ Шевченка. Здѣсь яснѣе понимаешь, почему покойный Г. П. Галаганъ называлъ Лубны „центромъ національности". [1]) О началѣ села сохранилось слѣдующее преданіе: „Сёбро и Якуба жылы на поли пидъ Калайдыньцямы, а Галушка прыйихавъ по Удаю на човни зъ Черныговськои губерніи [2]) и ожывсь и ти прыйшлы до ёго." Галушки заняли

---

[1]) См. въ Кіев. Стар. 1898 г., X, 215.

[2]) Вслѣдствіе настоящаго заявленія и приводимыхъ ниже свидѣтельствъ о переселеніи части жителей въ Лубенскій у. изъ Черниговской губ., въ связи съ мнѣніемъ о возможности такого переселенія, высказаннымъ въ письмѣ ко мнѣ (гл. 1-я настоящей статьи) знатокомъ малорусской этнографіи, и особенностями фонетики вильшанъ (гл. II)—предлагается мною вниманію читателя слѣдующее небольшое сличеніе черниговскихъ пѣсенъ уѣздовъ: Остерскаго, Черниговскаго, Борзенскаго и Нѣжинскаго по Сбор. г. Б. Д. Гринченка «Этногр. Мат. Ш., Черниговъ 1899 г. съ собранными мною въ разныхъ ст. и сбор. Лубенскими.

Черниговской губ.	*Лубенскаго у.*
№ 4., Г., 5. Щедривка о 3-хъ праздникахъ.	Въ рукописи.
Колядка, № 20, 58, 18, 19, 41 (объ орлѣ)	«Къ вопр. о колониз. Посулья» 8 и Рожд. св. сѣвер. части Луб. у., 18.
Колядка № 24, 23 (три подарка)	Ib., 9.

Галушкивку или Солонецъ, Якубы—Якубивку, Слыньки—Слынькивку, Сёбры [1])—кутокъ предъ церковью; возлѣ нея поселились Руди, внизу къ Лушникамъ на Бувивци—Плахотники, по уличному Бувенки, выходцы изъ с. Волчка, предокъ которыхъ,

---

Колядка № 64, 46 (недовольство дѣвицы)	Ib. 17.
№ 80, 52 (танецъ шекгеръ)	Къ вопр. о колониз. Посулья. 8 (—шенгеръ, бѣлор. магеръ)
№ 91, 59 (чы було лито?)	Народ. обр. и пѣсни Луб. у. № 3, 84, 85 — петривка.
№ 96, 62 (жалобы на ворогивъ)	Ib., № 65, 75 веснянка.
№ 97, 63 (о привязанной дивчинѣ)	Ib., № 70, 76 веснянка.
№ 105, 65 (що въ Ганночкы бривонькы).	Ib., № 14, 97 трендычка.
№ 107, 66 (приглашеніе)	Ib., № 20, 66 веснянка.
№ 131, 75 (удаленіе жениха)	№ 9, 113 любовная.
№ 258, 128 (гребовицкая)	въ рукописи—строковская.
№ 315, 157 (любовная)	№ 20, 99 любовная
№ 394, 190 (о ворогахъ)	№ 6, 112 любовная
№ 648, 350 (квасолына)	въ рукописи
№ 706, 390 (журьба въ лиси)	также.
№ 737, 413 (вовкы зйилы дивку)	Литерат. прилож. къ Одесскому журналу «По морю и сушѣ». 1895 г., I, 52.— Истор. пѣсня въ Кіев. Стар. 1895 г.
№ 1414, 582 (турки и татары убиваютъ козака)	Докум. 43—45 (панъ Журавскій убиваетъ козака)

Есть еще нѣсколько схожихъ свадебныхъ и семейныхъ пѣсенъ, но вообще всѣ черниговскія пѣсни не настолько близки къ лубенскимъ, какъ кіевскія. Слѣдуетъ еще прибавить, что въ Кіевской губ. есть село Хелепы, почему въ образованіи Хелепцовъ, т. е. маленькихъ Хелепъ, могли участвовать оба элемента: черниговскій и кіевскій совмѣстно.

[1]) Объ одной вдовѣ этого семейства старожилы передаютъ: Сёбрыха колысь позывалась у Глухови. Баба—а выхлопотала!

быть можетъ, пристalъ въ пріймы къ Бувенковой. Позднѣйшіе куты: берегъ Удая, гдѣ прежде росъ очеретъ, и ярокъ къ Калайдинцамъ—жилье Лытвыхивъ. Населеніе невелико. По уцѣлѣвшимъ исповѣднымъ росписямъ видно, что въ 1768 г. всѣхъ жителей было 367, число ихъ къ концу вѣка достигло—400. Въ 1-й половинѣ XIX в.—470—500; въ 70-хъ годахъ доходило до 700, теперь—900. Такимъ образомъ населеніе утроилось съ послѣдней четверти XVIII в. Оно почти исключительно козацкое, всего 3 семейства крестьянскихъ. Жители средняго роста, русые и темнорусые, худощавы. Моды лубенскаго у.: одежды „до фантивъ"; у мужчинъ встрѣчаются „куртажи", похожіе на гусарскіе мундиры, короткіе, плоскіе сзади. Женщины и дѣвицы повязываются платками „пидъ гульку", т. е. узелкомъ спереди; очипки низкіе, широкіе, переломлены пополамъ, но не такъ глубоко, какъ въ лохвицкомъ у., „не таки сидловани". Въ Хелепцахъ сохранились старые, добрые нравы. Здѣсь неизвѣстно дѣтоубійство; въ восьмидесятыхъ годахъ не было ни одного незаконнорожденнаго. Хелепчанъ, какъ и всѣхъ вообще жителей лѣсного участка, дразнятъ „оводами" (слѣпень, tabanus), вслѣдствіе множества этихъ назойливыхъ насѣкомыхъ въ лѣсахъ; хелепчане-же дразнятъ степняковъ „ящурками", хитцянъ—„штыбыками", а лушниковцамъ кричатъ: „лушныкивци—пыжи! шукайте межи!", намекая этимъ восклицаніемъ на то обстоятельство, что описанное выше хелепское озеро не раздѣлено между сосѣдними поселеніями. Озеро это служило прежде значительнымъ подспорьемъ къ существованію. Однажды рыба въ озерѣ сбилась такъ, что большимъ неводомъ, который тянуло 6 человѣкъ, поймано въ одну тоню 300 пуд., и часть рыбы: лящей, вязей, окуней, щукъ,—„все велычъ", везли на 7 саняхъ, а теперь за всю зиму поймано рыбы рублей на 30. Кромѣ рыболовства, жители занимаются еще издѣліями изъ дерева, особенно колесами и плетеніемъ лукошекъ (кошыкивъ) изъ рогиза (typha angustifolia L). Земли мало, у двухъ только семействъ по 20 десятинъ, у большинства 1—2 дес., есть и безземельные, обладающіе только грунтами. Земля глинистая; крутые горные „узбичи", куда нельзя нагнать воловъ, копаютъ заступами, получая 5—7 копъ ржи. Поле въ трехъ

смѣнахъ: 1-я „до Сѣброваго купа", 2-я—до „Десятои пятныци" [1]) и третья—до „Грешаёвои долыны". Въ хелепскихъ дачахъ есть священная криница, о которой разсказываютъ: „Баби Уляни Якубыній (Гальвыси) у сни прыснылося, шо пишла вона въ десяту пятныцю и прыйшла до дому, лягла одпочыла. И прыйшла Божая Маты и говорыть до неи: „ты ходыла у десяту пятныцю Богу молыться, а то пиды у довгый яръ на луци, тамъ взялась цямрыня, летыть зъ горы, зъ облока и упала на землю и стала крыныця, и умыйся тіею водою, то ты оздоровіешъ. И скажы людцямъ, шобъ очыстылы, изрубылы и освятылы". Встала баба, каже невисци: „поведы мене въ Довгый яръ, я хочъ помаленьку дойду; я те мисто найду, де лежала". И пишла шукать те мисто—и нема ничого. И сказала: „отутъ я лежала". Гребнула те мисто и вода хлынонула. Люде зрубылы и двичи освятылы крыныцю, а баба оздоровила. [2])—Хелепська баба Якубына була больна, прыснылось ій, шо крыныця каже: „я въ такому урочыщи выйшла,—ты, бабусю, постарайсь, опрячъ мене, зрубы. Вона сходыла до крыныци и оздоровила, потимъ сказала батюшци: „освятить крыныцю!" Батюшка созвавъ общество, найшлы крыныцю. Вода розлыла по всёму яру. Зрубылы и хрестъ зробылы и камплыцю и обградылы".

—

Ближайшее къ Хелепцамъ село Калайдинцы расположено на равнинѣ въ лѣсу у пересохшаго потока Лимана, нѣкогда расширеннаго въ большой прудъ. По остаткамъ паль видно, что на этомъ потокѣ были нѣкогда водяныя мельницы. Къ востоку Лиманъ образуетъ новый прудикъ, продолговатый, узкій и затѣмъ течетъ въ Онуфріевскую гору и с. Мгарь. Края потока невысоки, покрыты ясенями и дубами. Калайдинская интеллигенція считаетъ названіе села патронимическимъ, происходящимъ отъ воеводы Калайды, о которомъ, впрочемъ, ничего не извѣстно. По замѣчанію Арендаренка, [3]) названіе села напоминаетъ татаръ;

[1]) Урочище въ дачѣ с. Енковецъ, въ которомъ собирается ярмарокъ на десятую пятницу послѣ свѣтлаго праздника.

[2]) Отъ В. Слынька.

[3]) Зап. о Полт. губ. II, 5.

населеніе-же приписываетъ основаніе Калайдинецъ Мысникамъ, многочисленному козачьему роду, живущему на Мысникивкѣ; возлѣ нея Бабакивка, жилье козаковъ Бабаковъ, перешедшихъ изъ смежныхъ Клепачей. Кутокъ и Мгарь занятъ позднѣйшими пришельцами Лысенками. „Лысенкы прыйшлы найпозади и на худши земли. Предокъ знайшовъ колысь сывого коня, прывивъ до куреня, кинь розсыпавсь гришмы". Къ востоку отъ Мысникивки и Бабакивки находятся: Чубаровка, жительство Кайдъ, фамилія которыхъ, быть можетъ, представляется сокращеніемъ слова Калайдъ, и Хомяковъ; Гурбатовка, гдѣ живутъ Перевалы; Щербаковка—Щербаки; Литва, отъ с. Новаковъ, жительство: Кравченковъ, Проценковъ, Шутей [1]) и Гавриленковъ, перешедшихъ изъ Хелепцовъ по слѣдующему поводу: „Катерына дарувала землю пидъ Хелепцамы Базилевскому. Винъ прыйихавъ и сказавъ Гаврыленку: якъ шо будешъ мій, то оставайся, а то йидь соби куды хочешъ. Такъ винъ перейшовъ у Калайдынци". Березникъ занятъ крестьянами, которыхъ 40 дворовъ. На Мысникивкѣ въ рощѣ стоитъ мѣстная церковь [2]) св. Андрея Первозваннаго, извѣстная съ 1727 года. Въ церкви есть чудотворная икона Божіей Матери въ ризѣ, сдѣланной на пожертвованіе мѣстныхъ женщинъ, и два родовые образа патроновъ фамилій: Мысниковъ и Курилъ-Сементовскихъ, родомъ изъ Хелепцовъ. Изъ послѣдней фамиліи происходитъ этнографъ, интересныя статьи котораго помѣщались: въ Москвитанинѣ 1842 г., XII: „Очерки демонологіи малороссіянъ", въ Маякѣ 1843 и Молодикѣ 1844 г., „Очеркъ малорусскихъ повѣрій и обычаевъ" и вѣроятно двѣ статьи, подписанныя К. Калайденскій. [3]) Сементовскіе—послѣдняя уцѣлѣвшая мѣстная дворянская фамилія, другія:

---

[1]) Однофамильцы въ м. Александровкѣ, Сосницкаго у., Черниговской губ. (Кулишъ. Зап. о Южн. Руси. I. 13).

[2]) Въ церковной библіотекѣ есть книга: Materia nauk i umiętnosci w Szkole Powiatowej Humanskiej', XX. Bazylijanow.

[3]) А. Н. Пыпинъ. Изуч. рус. народности, въ Вѣстн. Евр. 1882 г. VII, 44.

Галецкіе, Мозулевскіе, Дешпиты, Воеводскіе—исчезли. Исчезли и Кулябки, которымъ въ XVIII в. принадлежала почти вся средина лѣсного участка, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ названій урочищъ. [1]) Небольшое крестьянское населеніе введено въ Калайдинцы преимущественно Кулябками. Большинство жителей, достигающихъ цифры 1700 душъ, козаки. Жители средняго роста, темнорусы, одежда такая-же, какъ вобще въ лѣсномъ участкѣ, такіе же обычаи. Молодыхъ осыпаютъ орѣхами; къ родителямъ подводятъ на перезвѣ чужую молодицу, переодѣтую въ платье молодой. Свекоръ дразнитъ молодую саломъ на спичкѣ или булкой, намазанной медомъ на тарелкѣ. На сочельникъ семья садится на кожухъ. Кромѣ земледѣлія, жители занимаются еще издѣліями изъ дерева [2]) и садоводствомъ. [3]) На

---

[1]) Имъ принадлежали: Калайдинцы, Клепачи, часть александровскаго лѣса (Лазаревскій. Кіев. Стар. 1885 г., V, 8). Быть можетъ, мѣстныя названія урочищъ: Корцево, Корречына происходятъ отъ Кулябокъ—Корецкихъ.

[2]) Издѣліями изъ дерева занимается болѣе 500 кустарей въ Хитцахъ, Хелепцахъ, Калайдинцахъ, Новакахъ и Клепачахъ. Здѣсь дѣлаютъ плуги, бороны, сани, колеса, возы; въ послѣдней деревнѣ еще и гарбы (мажары). Цѣны произведеніямъ: плуги и бороны—1 р.—1 р. 50 коп., сани 1 р.—6 р., станъ колесъ 2 р.—6 р., биды (двухколесныя) 3 р.—5 р., возы: 4 р.—10 р., арбы—20 р. Сбываются эти издѣлія на ярмаркахъ въ окрестныхъ городахъ и на мѣстныхъ сельскихъ. Въ 50-хъ годахъ Калайдинцы и Клепачи торговали на 200 р. издѣліями изъ дерева и выжиганіемъ угля (Короновскій. Стат. опис. Луб. у.,—Полт. губ. Вѣд. 1890 г. № 54).

[3]) Сады расположены по всему лѣсному участку лубенскаго у., кромѣ самыхъ окраинъ. Особенно много садовъ въ срединѣ участка; мѣрой они 1/4 дес. Сорта яблонь и грушъ вѣроятно не могли-бы быть опредѣлены даже помологами. Мѣстныя названія яблонь: буган, вороньки, дидивки, кантельни, колоздри, мукови, оливки (зимнія), опортни, писани, путивки, склянки, солодки, спасовки и сумки; грушъ: бергамоты, глывы, дули, зимныци, кругляки, куцохвости, омелькы или омельянки (зимнія), пахущи, пиддулькы, почынки и пшонянки (раннія). Изъ сливъ преобладаютъ угорки, венгерки, терновки и раннія; вишенъ мало, абрикосовъ и шелковицы также. Отдѣльная яблоня даетъ 5—

Баковкѣ и Литвѣ древнѣйшіе и лучшіе сады. Особенность калайдинскихъ садовъ та, что они не сплошные; фруктовыя деревья смѣшаны съ дикими на зеленѣющихъ левадахъ, огражденныхъ плетнями. По мѣрѣ удаленія отъ села, щепы попадаются все рѣже и рѣже одинокими. Въ верстѣ отъ Калайдинецъ, въ урочищѣ Кравцивське, между двумя полянами поспѣвающей ржи замѣтна трещина, переходящая въ узкій, глинистый ярокъ съ невысокими, отвѣсными боками, на которыхъ высятся рѣдкіе, большіе дубы, груши, грабы и кустарникъ. На днѣ оврага дубовая часовня съ крестомъ, на которомъ изображенъ Спаситель, и нѣсколькими иконами на полкѣ. Помостъ и срубъ криницы дубовые, послѣдній $1^1/_2$ аршина ширины, до воды не болѣе сажня. Въ сторонѣ за каплицей плетневый курень для приходящихъ и далѣе свѣжій, зеленый, густой лѣсъ. Полное уединеніе, спокойствіе и тишина этого уголка производятъ на душу успокоительное дѣйствіе. О криницѣ записаны мною слѣдующіе мѣстные разсказы. „Игнать Задорожный больный; спыть винъ и снытся: пый воды зъ Кравцивськои калюжкы. И ставъ винъ пыть воду зъ тіеи калюжкы и снытся: вычысть-же и зрубы и посвяты, и буду я мылувать больныхъ. А винъ не рубыть. И впьять возновылась та боль у ёго. Лигъ винъ опочывать,—ёму ввыжается, шо йде якась дивка у цвиткахъ у хату. И ти цвиты

---

10 и больше пудовъ, груша 3—4. Цѣна въ урожайный годъ на мѣстѣ: 1 п. яблокъ 50 к., грушъ—30—70, ведро вишенъ 30—40 к. (О сливахъ сказано раньше во II-й главѣ), въ Кременчугѣ: 1 п. абл. 1 р., грушъ—1 р. 20 коп. Въ 50-хъ годахъ сотня яблокъ стоила 1 р. а грушъ—80 коп. (Ib. 2). Въ неурожайные годы цѣна на мѣстѣ за 1 п. яблокъ—1 р., грушъ—1 р. 20, а въ Кременчугѣ: 1—70, 2 р. за пудъ, также и груши. Часть фруктовъ развозится по селамъ для промѣна на хлѣбъ и крупу; степняки и сами пріѣзжаютъ изъ Оржицы, Золотухъ, Онишокъ для такого промѣна. Въ Калайдинцы и Клепачи пріѣзжали торговцы изъ Курска и Кременчуга въ 50-хъ годахъ и закупали 120—200,000 пуд. яблокъ на 2500—4000 р. сер. (Ib. 2). Въ урожайный 1897 г. доходъ отъ однихъ Калайдинскихъ садовъ далъ по приблизительному разсчету мѣстныхъ жителей 15,000 руб., но урожай былъ исключительный.

зашелестилы въ ёго. Вона каже: чы ты спышъ?—Сплю.—Чы ты-жъ сповнывъ?—Нитъ.—Якъ ты не сповнышъ, то тоби тилько до весны жыть (а тобъ то вже вмырать). Винъ зрубывъ и посвятывъ. И виьять женщыни въ Лушнякахъ прыснылось: „пиды ты до тіи крыныци и наберы тіи воды—обмыйсь.—И съ чымъ же я пиду?—Возьмы дви копійкы и обмины свичку, и тебе Богъ помылуе. И скажешъ людямъ, и Господь буде мылувать усихъ. Стало людямъ увижаться. Хлопчыкъ литъ чотырнадцяты погнавъ быкы; напасъ, гоныть до дому; думае: зажену я до святои крыныци и тутъ напою. Загнавъ,—стоить дивчынка литъ у тры. Злякáвся хлопець и не напоивъ воливъ. Прыгнавъ до дому ажъ сыній. Батько пытае: „чого ты такый страшный?—Бачывъ коло крыныци дивчыну якусь; де вона дилась—не вгледивъ. Се було на зеленихъ святкахъ.—Прыснылось чоловикови: пиды вычысты ту крыныцю, шо скотъ затоптувавъ, прыберы и попросы батюшку, та освятить іи, то ходытымешъ, якъ и ходывъ. Такъ винъ пишовъ, прыбравъ, освятылы іи и давъ Богъ, шо ёму получчало: у ёго ногы болилы, на костыляхъ винъ ходывъ. Выстроилы камплыцю и возли повитку невелыку до горы прыроблено. Пользуе одъ усихъ болизней. Люды, якъ идуть, такъ гроши кыдають у крыныцю, або хто прынесе хусточкы, чы свичечку у церкву. Пьють, мыются, и до-дому узять можна. Гроши выбирають изъ крыныци. Мыру иде хто зна й скилькы.—У крыныци съ-пидъ камня иде вода. Деньгы туды кыдають, и вона выкыда на зрубъ назадъ. Одходять люде и одежу знимають, обмыются и кыдають навикы тамъ одежу, а нову надивають. Ту покынуту одежу продають на церкву“.

Между Калайдинцами и Клепачами, въ сторонѣ отъ дороги, въ густомъ лѣсу, пестрѣющемъ тысячью розовыхъ, желтыхъ, голубыхъ цвѣтовъ, притаился „Лядський городокъ“, или городище, [1])—пространство въ 20 десятинъ, обведенное со всѣхъ

---

[1]) Кажется, въ этомъ городищѣ найдены: 2 серебряныхъ кольца, серьга, желѣзные наконечники и топоры, заставляющіе предположить здѣсь славянское городище. (Ляскоронскій. Истор. Переясл. земли, 131).

сторонъ валомъ, шириной въ 5, вышиной—болѣе 3 саженъ, и канавой въ 2 сажня ширины. Валъ, канава и городище заросли кустами и деревьями. Кое-гдѣ на валъ взобралось ржаное поле, или огородина, или порыжѣлая трава. Въ городокъ ведутъ два въѣзда. У одного изъ нихъ со стороны Калайдинецъ яма, гдѣ, можетъ быть, была башня. Съ трехъ сторонъ городокъ обнятъ оврагами. Все въ этомъ мѣстѣ молчаливо, смутно, таинственно. На умъ приходитъ невольно стихъ Кондратовича, переданный Меемъ:

Всё минуло... только листочки калины
Шумятъ по обломкамъ былой Украины.

О городкѣ я слышалъ въ Калайдинцахъ слѣдующій разсказъ: „На Клепачи якъ йихать—йе городыще. Пастухы паслы, найшлы шнурокъ и сталы тягты и змотувать. Найшлы хрестыкъ и зачулы пивнивъ, и сталы люды крычать пидъ землею. Пастухы почулы, полякалысь и бросылы. Прыйшлы до-дому, кажуть своимъ: „идить, подывиться.“ А ти кажуть: „се вы насъ дурыте; якъ пидемо по грыбы, та й побачымо тоди.“ Пишлы люде и побачылы, шо будто могыла—и бильшъ ничого. Тамъ ляхськый городъ запавъ и писни спивають у земли. Колысь пивень выбигъ наверхъ“.

—

Клепачи [1]) названы по имени осадчаго Клепача, поселившагося около толоки на Толочанскомъ кутѣ. Кромѣ Клепачей, на толокѣ живутъ еще: Петренки, Бабаки. Другой кутокъ Хохулю заняли: Михайленки, Грыценки, Нечипоренки и Пидтоптанные; на Ломакивкѣ оселились: Ломаки, Демуры, Яременки; на Пожаривци—Пожары, на Шепеливкѣ—Шепели, Корсуны, Диденки, Карпци и Лохвицкіе. Клепачи отданы были лубенскимъ полковникомъ Савичемъ Григорію Кулябкѣ и гетманскимъ универсаломъ 1713 г. утверждены за нимъ! [2]) Отсюда же происхо-

[1]) Здѣсь найдены бронзовые кельты и амфоры. (Лясковронскій. Ист. Пер. земли, 86, 98).

[2]) Лазаревскій. Кіев. Стар. 1885, V, 8.

дитъ и мѣстная старинная фамилія Яновскихъ. Здѣсь былъ ихъ домъ и винокурня. Теперь въ Клепачахъ воспоминаніе о панахъ изгладилось. „Козаны одвоювалы сю землю одъ ляхивъ“, говорятъ клепачивцы. Деревня невелика, 136 дворовъ, до 500 жителей. Жители типомъ и одеждой не отличаются отъ сосѣдей: калайденскихъ и новаковскихъ, только выше ростомъ. Прежде ихъ не хвалили, часто гоняли по ярмаркамъ, есть даже брань: „клепачивський злодій“ [1]). За Клепачами въ лѣсу есть урочище Посичъ. „Тамъ найбильша война була. На потоци якись розбойныкы булы. Ямы, захысты, кружала пороблени; яры глыбоки обнялы“.

Большой дубовый лѣсъ, тянувшійся отъ Александровки по склонамъ, окружающимъ потокъ Ольшанку, [2]) отдѣляется отъ Новаковъ полемъ, за которымъ село. Оно, по предположенію [3])

---

[1]) Номисъ. Укр. прык., 267.

[2]) Гуровъ. Геол. опис. Полт. губ., 357.

[3]) На основаніи такого предположенія, высказаннаго въ ст. «Лубенщина въ XVI и XVII в.», 63, приводятся мною слѣдующія одинаковыя пѣсни, по сборнику г. Хатемкина, записанному въ Радомысльскомъ у., и по моимъ Лубенскимъ, появившимся одновременно.

Сб. Хатемкина. Кіевск. Стар. 1897 г., IX.	*Сб. Милорадовича.* Нар. обр. и пѣсни Луб. у. Харьковъ, 1897 г.
№№ 1, стр. 287 и 7 Ib.	№ 8, 113.
3, Ib.	57, 73.
6, 286.	1, 110.
21, 293.	17, 116.
26, 295.	13, 115 (сходство въ началѣ).
36, 299.	21, 118.
69, 205.	24, 120.
61, 311.	№ 9, 8. Прощ. рекр. и рекр. пѣсни Луб. у. Кіевъ, 1897 г.
10, 288.	
17, 290.	
40, 301.	Оказались одинаковыми съ лубенскими пѣснями, въ моихъ рукописяхъ.
41, 302.	
50, 307.	
64, 313.	

А. М. Лазаревскаго, населено выходцами изъ Радомысльскаго у. Кіевской губ., въ которомъ есть тоже село съ такимъ названіемъ, разоренное татарами. Мѣстные жители, не сохранивъ никакихъ воспоминаній о переселеніи, производятъ названіе села отъ ручейка Новачки, извивающагося по низинѣ подъ вербами. Новаки состоятъ изъ двухъ частей: древней, низменной, къ сѣверу отъ главнаго протока Ольшанки, и южной, нагорной, сравнительно новой. Южная часть занята кутомъ Долиной, на которой осели-лись древнѣйшіе козацкіе роды, положившіе основаніе селу: Подпалые, Сердюки, Михали. Ближе къ Клепачамъ живетъ Щербань, предокъ котораго присталъ къ дочери богатаго козака Кота. Къ западу отъ долины будетъ ярокъ, гдѣ живутъ: Щербани, Кіяшки, Фенченки. Къ сѣверу отъ села—яръ Пырське и урочище Черница, гдѣ среди поля стоитъ уединенно верба. Въ горной части Новаковъ, обращенной къ степи и большой пирятинской дорогѣ, больше кутовъ. Къ западу, по направленію къ Тарандинцамъ расположена Коренивка, жительство козацкихъ родовъ: Куренивъ, Пожаривъ, Ревъ; южнѣе въ яру—Залативка, гдѣ живутъ Залаты; выше нея Слобидка, жительство: Чупырей, Кубраковъ, [1]) Касьяновъ, Оробьевъ, Ковалей. Къ востоку, къ Лубнамъ, у самой степи помѣщается Шкиривка, жительство Ставицкихъ, по уличному Шкирей; далѣе Зацеркивка или Севастьянивка, гдѣ живетъ также старинный родъ Севастьянивъ и Морозы, также Демченки; затѣмъ Литва, населенная козаками: Соломахами, Деркачами и крестьянами: Олейниками, Дригами, Педьками, Бабенками, Ушканями и Солдатенками, частью приведенными изъ Черниговской губерніи. Въ верхней же части села на обширномъ погостѣ, среди кленовъ и итальянскихъ тополей, виднѣется Вознесенская церковь, [2]) желтая, съ бѣлыми

Кромѣ содержанія, и языкъ пѣсенъ Радомысльскаго у. сходенъ съ лубенскимъ. Напр. встрѣчается въ обѣихъ мѣстностяхъ metathesis доломына, вмѣсто довомына—домовына.

[1]) Kobrak— по польски верхняя одежда, свита.

[2]) Среди иконъ выдѣляются: чудотворный образъ пресвятой Дѣвы съ привѣсками фигурокъ и серебряныхъ членовъ; намѣстный образъ

отводами и пилястрами, и такая же колокольня. Кровля остроконечная. Построена церковь въ 1858 г., а старая существовала съ 1782 г. На погостѣ памятникъ и колонна надъ могилами бывшихъ мѣстныхъ помѣщиковъ, генераловъ Н. И. Ушакова и Е. Р. барона Менгдена. По церковнымъ документамъ, Новаки имѣли въ 1824 г. 998 жителей, изъ которыхъ восьмую часть составляли крестьяне, остальные—козаки. Въ самый годъ отмѣны крѣпостного права число жителей обоего пола было 2261, а въ настоящее время—2776. Крестьяне во второй половинѣ XVIII в. отданы Савичемъ Григорію Кулябкѣ, отъ котораго достались Василію Кулябкѣ, экономія котораго въ х. Пышномъ-Колодцѣ разрушена была Новаковскою, Тарандинцовскою и Булатицкою сельскими громадами. [1]) М. Я. Кулябка былъ лубенскимъ маршаломъ, его дочь и жена продали имѣніе А. Я. Сторожеку, а дочь Стороженка, вышедшая за Ушакова—Менгдену, у котораго уже купили козаки. [2]) И теперь въ Новакахъ пановъ [3]) нѣтъ; въ дачахъ же села возлѣ большихъ, длинныхъ валовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Котовыхъ могилъ, [4]) сохранился еще небольшой панскій хуторокъ. Объ одномъ изъ пановъ сохрани-

---

также Божьей Матери, будто-бы привезенной изъ Дрездена генераломъ Ушаковымъ, огромная картина на холстѣ, изображающая насыщеніе семью хлѣбами, очень плохой кисти, внесенная въ церковь изъ дома капитана В. В. Ревы, начальника летучаго отряда въ 12-мъ году. Изъ старыхъ церковныхъ вещей есть: серебряный крестъ, подаренный въ 1761 г. «козакомъ Григоріемъ Ревой, Агрипиною и чадомъ Прокофіемъ» и Минея за іюль и августъ, пожертвованная въ 1778 г. Тимошемъ Лохвицкимъ.

[1]) Лазаревскій. Луб. въ XVII и XVIII в., 63. и Люди старой Малор. въ Кіев. Ст. 1885 г., V, 8.

[2]) Сб. хоз. ст. Полт. губ. IV, Луб. у., 230.

[3]) При крѣпостномъ правѣ крестьяне работали 4 дня пану, 2—себѣ. Женщины прали по 2 мотка въ годъ и должны были столочь по двѣ четверти проса каждая.

[4]) Какъ объ этихъ валахъ, такъ и объ урочищѣ Билогородка, къ Тарандицамъ, гдѣ тоже валы, никакихъ преданій не сохранилось.

лось преданіе, какъ о покровителѣ воровъ. По возвращеніи крестьянъ съ ярмарки онъ тщательно пересматривалъ и перебиралъ накраденныя вещи и лучшія оставлялъ себѣ. Дѣло дошло до того, что новаковцы однажды втащили по доскамъ похищеннаго вола на чердакъ, такъ что прибѣжавшій хозяинъ ничего не нашелъ. Дурныя обыкновенія держались въ Новакахъ такъ долго, что уже послѣ отмѣны крѣпостного права выселены были административнымъ порядкомъ изъ села 19 семей „безшабашныхъ“ воровъ. Новаковская дача расположена по направленію къ пирятинской дорогѣ, дѣлящей западную часть Лубенскаго уѣзда на двѣ неравныя части. Земля въ селѣ суглинистая, въ дачѣ—черноземная. Поля въ 4-хъ смѣнахъ, гречку бросили въ виду ея прихотливости и рѣдкихъ урожаевъ. Система половничества оставлена. Только одно козацкое владѣніе достигаетъ 60 дес; 4 семейства имѣютъ по 30—40 дес., большинство же по 1—$1^1/_2$ дес.; есть и безземельные. Крестьянскій надѣлъ составляетъ 2—3 дес. на семью. Пастбищъ и сѣнокосовъ въ Новакахъ нѣтъ. Въ жатву переводятъ на сжатую полосу скотъ и даже свиней. Вслѣдствіе такого дурного хозяйственнаго положенія изъ Новаковъ выселилось уже 60 семей. Подспорьемъ жителямъ, какъ выше замѣчено, является деревянное производство и садоводство.[1]) Новаковцы выше средняго роста, лица продолговатыя. Они темнорусы и чернявы, бѣлокурыхъ мало, и то больше женщинъ, между которыми много красивыхъ. Старики еще удерживаютъ стрижку въ кружокъ, но молодежь стрижется коротко. Мужчины носятъ дубленные полушубки съ откиднымъ воротникомъ, темныя свиты, обложенныя синимъ сукномъ. Одежды длиннѣе волчковскихъ. Женскія моды измѣнились; вмѣсто прежняго очипка съ кобылкою, повелись теперь низенькіе, круглые,

---

[1]) Крестьянинъ П. Олейникъ развелъ въ Новакахъ виноградъ, до 12 лозъ, двухъ сортовъ; бѣлый,—взятъ изъ бывшаго сада генерала Ушакова, и черный, разведенный изъ крымскихъ черенковъ, принесенныхъ въ торбѣ. Урожай въ нѣсколько пудовъ. Олейникъ продаетъ въ Лубнахъ по 8—10 коп. фунтъ.

въ сборахъ („съ пухлыками"), оттого и платокъ кругло охватываетъ голову, открывая кайму и китицы. „Юпки" (свиты) средней длины, темныя, „до фантивъ", поясокъ изъ плиса; какъ онъ, такъ и закавраши и грудь обшиты зеленой или синей тесьмой. Сзади выпущена широкая лента изъ намиста. Подолъ рубахи (пелена) очень низко выпущенъ, такъ что бѣлѣетъ изъподъ темной сподницы. Праздничныя и свадебныя обыкновенія такія же почти, какъ въ волчковской волости. Многихъ особенностей брачнаго обряда лѣсной Лубенщины—переведенія молодыхъ черезъ огонь, маскированія молодой, поддразниванія саломъ на спичкѣ—здѣсь нѣтъ.

—

Вблизи Калайдинецъ и Клепачей разбросаны на нѣсколькихъ горбахъ надъ глубокими оврагами [1]) по берегамъ потока Ольшанки,—Енковцы или Еньки. Уже при въѣздѣ встрѣтившійся крестьянинъ охарактеризовалъ село такимъ образомъ: „Еньківци не красыви, уси въ ярахъ". Особенно бросается въ глаза, что въ Енковцахъ нѣтъ, какъ въ другихъ селахъ, группъ мельницъ у въѣзда, такъ какъ выгонъ здѣсь въ котловинѣ и каждый хозяинъ долженъ строить мельницу особо, на своемъ участкѣ. [2]) Улицы узки, по дорогѣ къ церкви нельзя проѣхать тройкой. Усадьбы лѣсныя. Среди дубовъ, осинъ и берестовъ попадаются отдѣльныя фруктовыя деревья и небольшіе сады съ такими же сортами плодовъ, какъ въ Калайдинцахъ. Во времена крѣпостного права здѣсь процвѣтало шелководство у полковницы Катерины Крыловой. Ей присуждена была серебряная медаль на сельско-хозяйственной выставкѣ 1858 г. за представленные на выставку большіе, крѣпкіе коконы и сученый шелкъ шести цвѣтовъ. [3]) Почва Енковецъ суглинокъ и черноземъ. [4]) Поля въ трехъ

---

[1]) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ., 450.

[2]) Сборн. хоз. ст. Полт. губ., IV, 6.

[3]) Описаніе выст. сельск. произв. Полт. 1858 г., 20, 30; Арендаренко. Зап. II., 355.

[4]) Мат. для оц. зем. Полт. губ. II, 29; Сборн. хоз. ст. Полт. губ. IV., 229.

смѣнахъ,[1]) и во второй рукѣ здѣсь сѣютъ, какъ въ Тишковской волости, преимущественно гречку. Енковцы извѣстны съ первой половины XVII в. и до конца XVIII в. были свободны.[2]) Основателемъ села мѣстными народными преданіями признается козакъ Таранъ, родоначальникъ обширной фамиліи Тарановъ, по уличному Кучеренкивъ. Прежде Тараны жили въ яру, но потомъ прадѣдъ Гаврыло выбрался на гору и занялъ настоящую Таранивку, иначе Гаврышивку или Кучеривку. Онъ былъ зажиточенъ, имѣлъ много воловъ, чумачилъ. На Таранивкѣ живутъ еще слѣдующіе козацкіе роды: Гунци, Олійныки. За нею расположенъ кутокъ Гостынець или Гостривка, на которомъ живутъ: Бутримы, Чеверды, Курилы, Демочки и Мысники, выходцы изъ Калайдинецъ. Одинъ изъ Демочекъ, по воспоминаніямъ старожиловъ, „у косахъ служывъ.[3]) Поты служывъ, поки царыця дытя родыла, а тоди уси жонати—маршъ до-дому!“ За Гостинцемъ слѣдуютъ: Карпцивка, жительство Карпцивъ, Забродокъ—Симановъ, Цѣхлъ; Тымошивка или Дидивка—Тимошенокъ. Возлѣ Тимошенокъ жилъ дворянинъ Стаховскій, уже умершій. Онъ застрѣлилъ единственнаго сына и тѣмъ прекратилъ свой родъ. Его имѣніе, садъ, усадьбу, низы подъ Енковцами и пахать 118 дес. купили Енковскіе козаки за 21000 руб. съ содѣйствіемъ крестьянскаго банка.[4]) Въ сторонѣ отъ села на обширномъ, безлѣсномъ, кругломъ холмѣ выстроена въ 1892 г. новая просторная церковь св. Михаила; изъ нея видъ на овраги, холмы и лѣса. Кѣмъ и когда была выстроена старая церковь, неизвѣстно, подчинена же была въ 1816 г. помѣщицей маіоршей Значко-Яворской. Въ церкви есть старинное евангеліе: „Евангеліонъ. Изданіе братства Львовскаго Ставропигіальнаго въ Львовѣ 1609 г., Ноемріа 28, подаренное ко храму св. Преображенія Господня Зеленскимъ, полковникомъ войска запорожскаго Лубенскаго“. Изъ церковныхъ исповѣдныхъ

---

[1]) Ib. 229.

[2]) Лазаревскій. Лубенщ. въ XVII и XVIII в., 58.

[3]) Т. е. при императорѣ Павлѣ Петровичѣ.

[4]) Сборн. хоз. ст. Полт. г. IV., 6.

росписей видно, что жителей въ концѣ XVIII в. было 370, въ 30-хъ годахъ это число удвоилось, а къ концу XIX в. достигло 1332. Населеніе почти исключительно козачье, темнорусое, высокаго роста. Одеждой и обыкновеніями не разнится отъ окрестныхъ селъ.

„Межи селъ“ Енковецъ, Калайдинецъ, Хелепцовъ, Біевецъ бываетъ ежегодно на десятой недѣлѣ послѣ пасхи Криницкій ярмарокъ въ котловинѣ, окруженной со всѣхъ сторонъ крутыми, скользкими горами. Трава на горахъ стерта толпами народа, лѣпящагося здѣсь цѣлую недѣлю, въ количествѣ до 5000 душъ. [1]) Горы покрыты частью рѣдкими кустами и купами деревьевъ, частью сплошнымъ лѣсомъ. Посреди котловины нѣсколько рядовъ палатокъ съ разными товарами. Слѣва обыкновенный точокъ и обыкновенныя ярмарочныя сцены. Здѣсь видишь красныя, непривлекательныя лица барышниковъ, продавцевъ воловъ, цыганъ. Вотъ горячится барышникъ, жестикулируя, проклиная; противъ него крестьянинъ, продавецъ воловъ, стоитъ молча, спокойно, обозначивъ цѣну; вокругъ надвинулись знатоки, съ открытыми ртами, затаивъ дыханіе. Изъ толпы вырывается съ гиканьемъ лихой наѣздникъ, но увы! на тощей съ отвислыми ушами и губой клячѣ, которая, очевидно, и свѣту не рада. Похромавъ немного, наѣздникъ опять скрывается въ толпѣ. Съ горъ на всемъ пространствѣ точка видишь толпы людей. Цвѣтныя одежды затерялись въ массѣ бѣлаго и темнаго цвѣтовъ. Поднятыя оглобли, возы, лошадиныя и бычачьи головы,—представляются издали муравейникомъ, въ которомъ снуютъ муравьи съ своими куколками или подушками. Въ сторонѣ стоитъ нѣсколько экипажей пріѣхавшей на ярмарку интеллигенціи. Вправо отъ палатокъ на болотистомъ лугу помощена гать, переходящая въ довольно длинный дубовый помостъ, ведущій въ часовню, въ которой широкій срубъ надъ криницей, глубиной въ нѣсколько саженъ. У криницы [2]) толпится народъ, зажигая свѣчи передъ

[1]) Торговля уже въ 50-хъ годахъ доходила до 7000 р. (Короновскій. Стат. опис. Луб. у. Полт. Губ. Вѣд. 1890 г., № 57, 2).

[2]) Криница утверждена св. синодомъ, что доказываетъ ящикъ, прибитый на столбѣ. Когда именно—неизвѣстно.

образомъ св. Прасковьи, прекрасной иконійской дѣвы, обезглавленной при Діоклетіанѣ,[1]) патронессы дивчатъ, изображенной бѣлокурой дѣвицей, и набирая ведрами, кувшинами, тыквами мутную бѣловатую воду. Прежде, по народнымъ разсказамъ, вода въ криницѣ никогда не мутилась и выбрасывала сама, вычищала, деньги, которыя туда бросали. Особый этнографическій интересъ Криницкой ярмарки соединенъ съ кануномъ десятой пятницы и всею этой короткой лѣтней ночью. Толпы дивчатъ сходятся со всѣхъ сторонъ и занимаютъ склонъ горы отъ вершины до подошвы, располагаясь группами односельчанъ. Виднѣются пригожія лица хитцянскихъ, берестоцкихъ, литвяковскихъ дивчатъ. Ихъ легко узнать по чернымъ платкамъ, низко и широко повязаннымъ вокругъ головы. Часть лба открыта; русыя косы выпущены сверхъ темныхъ корсетокъ. Видно также много лохвицкихъ дивчатъ съ лѣваго берега Удая, изъ Слобидки, Городища, Харкивець, Гапонивки. На нихъ темносинія съ цвѣтами сподницы и темные корсеты. Головы не повязаны платками, а только покрыты, „запьяти“, какъ у мѣщанокъ; много молодицъ и дѣвушекъ и изъ глубины лохвицкаго и пирятинскаго уѣздовъ: Чернухъ, Жабокъ, въ длинныхъ бѣлыхъ свиткахъ; попадаются женщины изъ еще болѣе далекихъ краевъ, напримѣръ,

---

[1]) Бахметева. Избр. житія свят. Москва 1870 г. X, 146—149. Св. Прасковья въ представленіяхъ народа лубенскаго у. смѣшивается какъ съ Богоматерью,—по крайней мѣрѣ исачковскій образъ Божьей Матери называютъ «Божа маты—Парасковея», по воспоминанію о старой исачковской церкви въ честь св. Прасковьи, престолъ которой и до сихъ поръ сохранился на хорахъ,—такъ и съ св. великомученицей Варварой, какъ видно изъ слѣдующей легенды, заключающей въ себѣ подробность объ исцѣленіи ранъ изъ житія св. Варвары. (Іb. XII, 31). «Іи мучено дуже пятницю. Вона була хороша дивка. Отець іи сохранявъ дуже, не допускавъ ни гулять, ни що. Унадывся до неи такый нечестывый царенко, нехрыщеный, що хотивъ пидвесты. А вона не хотила. Такъ винъ дравъ дрешпакомъ тило проты пятныци, колы на ій наросло таке, якъ и було. (Отъ крест. с. Литвяковъ Ганны Кириченковой).

изъ-подъ Ромна, съ головными повязками, плоскими, какъ блины. Здѣсь рѣшительное царство женщинъ; только кое-гдѣ мелькаютъ парни и мужчины. Новыя группы дивчатъ и одиночки все еще прибываютъ изъ ближайшихъ селъ. Вотъ проходитъ вильшанская кокетка, похожая на макъ. Вечерѣетъ. На небѣ обозначился мѣсяцъ, но свѣтитъ тускло. Бѣлыя, голубоватыя волны тумана стоятъ надъ ярмаркомъ. Часто въ этотъ вечеръ накрапываетъ дождь, иногда бываетъ ливень и градъ. Внизу на ярмаркѣ туманъ прорѣзывается красноватымъ огонькомъ восковой свѣчки, потомъ другимъ, третьимъ. Въ полночь тысячи огней мелькаютъ на горѣ,—„якъ зори блыщать, такъ свичкы горять". Кое-гдѣ сквозь темную зелень мерцаетъ еще свѣтъ костровъ. Срывается отдѣльная пѣсня и умолкаетъ. То навѣрное какая-нибудь женщина, которая „обриклась": „колы-бъ мене Богъ помылувавъ, пиду до крыныци на всю ничъ спивать." Въ эту ночь всѣ, старыя, молодыя, обязательно должны пѣть. Однажды распространился слухъ, что дѣвки не пѣли на десятую пятницу, отчего произошла засуха, и начальство принуждено было сгонять ихъ къ Криницѣ. Нѣкоторое время слышны только отдѣльные голоса, затѣмъ хоръ дивчатъ посмѣлѣе заводитъ петривку. Тотчасъ надвигается толпа цѣнителей. Раздаются критическія замѣчанія: „се петривка? справди?—Мени чудно, шо такъ крычять". Но дивчата невозмутимо продолжаютъ пѣть, какъ будто выполняя обрядъ. На верху горы начинаетъ пѣть другой хоръ дѣвицъ. Затѣмъ хоры звенятъ неумолкая, сливаясь между собою и къ утру переходя въ смѣшанный звонъ голосовъ, далеко слышный кругомъ. [1]) Вдругъ среди пѣнія раздается какъ-то особенно не въ тактъ общему настроенію дешевый вальсъ или полька городского оркестра, къ счастью скоро покрываемые дѣвичьими голосами.

О происхожденіи Криницкой ярмарки и самой Криницы существуетъ нѣсколько варіантовъ народныхъ разсказовъ, постоянно

---

[1]) «Чго-то стихійноз, чудный хаосъ звуковъ» Лоначевскій. Въ Зап. Ю. З. отдѣла Геогр. Общ. 1874 г., II, 134.

добавляющихъ новыя черты къ основному мотиву: открытію ключа дѣвицей. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ варіантахъ встрѣчается обращеніе самой дѣвицы въ источникъ, столь частое въ классической миѳологіи. [1]) Вотъ эти разсказы. [2]) „Оце яръ, а оце

---

[1]) Аполлонъ обращаетъ нимфу въ кастальскій ключъ, Діана—Аретузу въ источникъ и т. д. (Musée classique. Paris, 1860, 369).

[2]) Варіанты приводимыхъ разсказовъ, кромѣ указанной статьи г. Лоначевскаго, напечатаны были еще въ разное время въ Кіевскомъ Телеграфѣ, Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и въ ст. г. О. Левицкаго: «Необыкновенная ярмарка» (Кіев. Стар. 1883 г., IX и X, 301—309). Отвергая объясненія о сохраненіи въ криницкихъ ярмарочныхъ обычаяхъ пережитковъ: умыканія и празденства языческой Лады, авторъ видитъ въ этихъ обыкновеніяхъ остатокъ стариннаго народнаго чествованія св. пятницы, можетъ быть скрывающей за собою какое-либо древнее до-христіанское народное божество. Мнѣ кажется, что если пережитокъ умыканія сохранился въ дѣтскихъ играхъ и весильномъ обрядѣ, то могъ, конечно, сказаться и въ ярмарочныхъ обычаяхъ; но, разумѣется, никакого умыканія на Криницкой ярмаркѣ нѣтъ; нѣтъ также пережитка праздника Лады, такъ какъ и такого языческаго божества, по разъясненію покойнаго профессора Потебни (Объяс. малор. и сход. пѣс. Варшава 1883 г., 16—38), никогда не было. Мнѣ кажется далѣе, что нѣкоторый свѣтъ на данный вопросъ проливаютъ слѣдующія всемірныя обыкновенія: африканцы, австралійцы, индусы, остяки, чествуя воду, бросаютъ въ рѣки, ключи, колодцы: зерна, плоды, животныхъ, пироги, ткани, деньги и другія цѣнности. (Тейлоръ. Перв. культ. II, 270, 326, 327). Затѣмъ, вездѣ въ западной Европѣ есть священныя воды: во Франціи близъ Тулузы, въ Англіи—ключъ Ланмеръ и др. (Лёббокъ. Нач. цив. 215—220). Также и у славянъ, у которыхъ гаданія и богослуженія происходили у водъ. Славяне, по словамъ Прокопія, обожали рѣки, а русскіе, какъ свидѣтельствуютъ наши лѣтописи, «кладяземъ и езерамъ жертву приношаху», «погани жряху идоломъ въ козодязѣхъ.» Къ жертвамъ водъ относится также бросаніе въ воду вѣнковъ и соломенныхъ чучелъ поляками и силезцами, машталты болгарами, костромы великороссіянами, марены малороссами и кушаньевъ чехами и словаками. (Срезневскій. О языч. богослуж. др. Славянъ въ Финск. Вѣстникѣ 1847 г., IX, 19—23). Итакъ, если въ Криницкой ярмаркѣ и есть остатки язычества, то развѣ въ почитаніи источника. Затѣмъ въ

гора, и св. Парасковея на гори выйшла. Прыйшовъ мужыкъ косыть болота. Вона спрашуе того мужыка: „де мени спочыть систы?“ А винъ ій одказуе: „пиды въ болоти сядь!“ Сміется. Такъ вона пишла и сила въ болоти, а потимъ крыныцею стала. Той мужыкъ объявывъ людямъ. Пишлы, очыстылы крыныцю. Вона якъ сила,—иконою оказалась. И на тій икони пидпысь: шобъ на десяту пятныцю собиралысь, молебствовалы. Узялы ій охранылы, дзвонычку зробылы, и на десятую пьятныцю молебствуютъ и воду беруть, умываются, якъ раны, боль, одъ лыхорадкы. И на ту пятныцю собирается ярмарокъ, горять свичкы цилу ничъ. Писень спивають, петривкы,—такъ ій пожелалось тій Парасковеи. Обрикаются спивать и молебни правыть. Спивають цилу ничъ. Парасковея пидишла водою изъ чужого краю“ (м. Снѣтинъ).

— „Пятныця ходыла соби дивкою по полю и по лисахъ, усякъ ходыла. Та пишла сила на ныви та спива писень усякыхъ. А чоловикъ каже: „чого ты сыдышъ тутенькы?—А де-жъ мени систы? Скажы, де мени систы, я тамъ пиду та й сяду.—Пиды у болоти сядь!—Такъ вона пишла та впьять такы на ёго помирку и сила биля болота та впьять спива. Такъ впьять тамъ, де вона сыдила, зробылась крыныця. Такъ винъ якъ узявъ возыть у ту крыныцу гній, хотивъ ій забыть. Возывъ, возывъ тры, або чотыри дни, такъ ничого не зробывъ. Иде вода, роз-

---

пріуроченіи Криницкой ярмарки къ десятой пятницѣ видно уже древнее христіанское вліяніе, потому что почитаніе пятницъ вызвало стеченіе людей къ церквамъ въ эти дни и усвоило пятницамъ торговое значеніе, особенно десятой пятницѣ послѣ Пасхи. (А. Н. Веселовскій. Опыты по разв. христ. легенды. Сказан. о двѣнад. пятницахъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1876 г., IV, 367.) Поэтому пятницы въ древней Руси были днями торговъ, суда, расправы и казни. (Кавелинъ. Соч. IV. 193). Между прочимъ, на девятой пятницѣ бываетъ и извѣстная ярмарка на Коренной монастырской пустыни у Курска, на которой люди покупаютъ монастырскія свѣчи «и многія деньги кладутъ въ кладязь» (Сбор. Харьков. Ист.-Филол. Общ. IV., 197)—какъ у насъ.

мыва. Такъ винъ опьять пишовъ до тіеи дивкы, шо спива, пыта: „скажы мени, прекрасная дивыця, шо мени робыть, шо таке на ныви робытся?—„Було бъ мени не казать такъ, а теперъ пиды та попросы священныка, хай винъ одмолебствуе тамъ. Пиды та визьми трепудній каминь та положы тамъ, тоди воно внычтожытся тоби". Вона тамъ закрыла крыныцю, а пидъ болотомъ изробылась. Пятныця спивала тамъ тры недили въ-ночи и сказала: „я свята пятныця, прекрасная дивыця Парасковея." Туды ходять до тіеи крыныци у ничъ ту спивать, такъ вона помылуе. Дивчата спиваютъ тому, шо вона дивка. И снитыньски ходять, хорошкивськи, и видъ-усюду" (Снѣтинъ).

— „Вона пишла дивкою та крыныця,—такъ ій Богъ давъ. Чоловикъ оравъ на поли, прыходыть дивка хороша: лыце биле, чорноброва, прыбрана хороше и каже: „Я сяду на твоій ныви". Винъ каже: „сядь у болоти"! Пишла и сила тамъ. Чоловикъ оглухъ и онимивъ. Такъ винъ бувъ, покы ёму не прыснылось: у симъ мисци сила дивка и тамъ крычыця, охраны ій и освяты и вызвы ярмарокъ на десяту пятныцю. Той чоловикъ уставъ и ставъ балакать и клопотаться. И вызвавъ ярмарокъ у крыныцю". (С. Литвяки).

— „Чоловикъ оре, а дивка иде хороша, убрата у квитци, у косныкахъ, у стричкахъ, у запасци червоній, чорнява, и пытается: „чоловиче добрый! де мени систы?"—Де-жъ тоби систы? у болоти пиды сядь!—Вона пишла и сила у болоти. И чоловикова левада велыка, и давай высыхать те болото, а крыныцю водою обняло. Ну, а винъ прыйихавъ до дому, повечерявъ и лигъ спать. И снытся ёму, шо: „вычысты мене и зрубъ изробы и освяты, я свята пятныця." А та левада панова. Пишовъ винъ и розсказавъ панови: „выйшла крыныця." А панъ и каже слугамъ: „идить, забыйте ій, гноемъ затаскайте." Воны гноемъ забылы. Панъ ослипъ и начало ёго корчыть. И снытся ёму: подары ты ту леваду на святу Парасковею, Енкивську церкву, и зрубъ изрубы и вычысты мене. И шобъ на десяту пятныцю булы игры, булы музыкы и шобъ бувъ ярмарокъ, шобъ нанималы паны спивать писень. Ты тоди будешъ бачыть и пере-

станешъ больть.“ Пишлы, и того гною немае, опьять розлывъ. И давай молебствовать, и ставъ панъ здоровый“. (с. Берестоць).

— „Выйшла на горби „на Залѣщи“ дивчына, прычисана, гарна; косарь косыть. Вона пыта: „де мени систы?“—„Пиды у болоти сядь!“ Вона пишла и сила. Потимъ стала крыныця. Бувъ панъ Андреевъ и хотивъ ій затащыть навозомъ. Шо навозыть за день, а за ничъ де динется—незвисно. А потимъ винъ бочку смолы туды утащывъ, и те все потащыло, а ёго скаличыло. Козака Демочкы дочка була больна очыма и родытели обратылысь до Параскевы, и въ трое сутокъ дочка исцылылась“. (с. Енковцы).

— „Чоловикъ хлибопашествувавъ на поли, дывытся—иде дивыця и начала въ ёго просыть воды: „дай мени воды напыться!“—Тутъ далече набрать!—„Де-жъ мени напыться?“—Пиды унызъ.—Вона пишла и сила унызу и такъ начала рнуть, шо синокосы сталы потопать. Панъ начавъ ій забывать. Хтось ёму сказавъ: „вовною якъ забьешъ, такъ не буде рнуть вода“. Потимъ якъ попало того пана, якъ начало корчыть, нельзя ёму жыть стало. И во сни ёму прывыдилось: „якъ ты зрубышъ крыныцю, такъ выздоровіешъ“. Якъ зрубывъ, такъ и выздоровивъ“. (с. Хитцы).

— „Мужыкъ оравъ, явылась дивка: „здрастуйте! Боже поможы.“—Здрастуйте, спасыби. «Де мени мисто укажете систы»? Пиды у болоти сядь.—Пишла вона у болоти сила; крыныця выйшла на панській земли. Панъ узлывсь, шо вона водою розлылась, давай затаскувать, гноёмъ забывать. Вона ёго покарала: рукы и ногы поодбирало. И ёму прыснылось: „ты мене обчысть, зрубы, посвяты.“ Винъ такъ и зробывъ. И ярмарокъ вызвалы. Вона пользувала хороше, а то прыснылась вона одній женщыни: „тамъ мене вже нема, а теперъ я уже въ яру въ Хелепцяхъ“. (с. Тишки).

— „Косари косылы; прыходыть дивка гарна въ одній сорочци, пыта: „де вы мени скажете систы?“ Другый косарь пыта: „до кого ты гомонышъ?“—Дивка до мене говорыть.—Чого?—Спрашуе, де систы.—А хиба ты не знаешъ, де систы?

онъ у болоти!—Вона пишла сила. Тамъ ставъ прогной. Хазяинъ ставъ залывать, закыдать, каже: „берить гной тарасуйте!“ Ии закыдалы; утромъ—уже вычыщена.—Ну, то-жъ вы такъ робылы, каже хазяинъ,—вы тилько обманъ зробылы! Закыдалы, сталы на другe,—прогной упьять вымыло, выкыдало. На третю ничъ ёму снится: не забывай вже сёго, буде худо тоби. Посля ёго сынъ ставъ больный, каже: „тату! мени сонъ прыснывсь.“—Якый?—Шобъ вы крыныцю сю изрубылы и освятылы, такъ Господь помылуе, буде окона тамъ Парасковеи.“ Изрубывъ винъ, повизъ сына, обмывъ ёго. Прыйихалы,—сынъ здоровъ ставъ. Выходыть винъ у свою компанію и говорыть: „спасыби Богу, нашъ паныч здоровъ ставъ. Шобъ вы зналы, шо буде тамъ свята крыныця, буду святыть.“ А тамъ, де косылы косари, на гори выросли дви очеретыны. Отъ тыхъ пиръ обрикаются люде, свичкы сучать, несуть туды, молебни Парасковіи правлять.“ (с. Калайдинцы).

— „Косывъ чоловикъ, а дивка ходыть, пытае: „де мени, чоловиче, систы?“ А тамъ потикъ. Чоловикъ каже: „пиды сядь у тимъ потоци на купци“. Богъ зна, де вона и дилася. Колы дывытся чоловикъ, ажъ слезыть вода саме на тій купци, де указувавъ систы. Колы до вечора слезыть дужче, колы вже й на другый день ще й дужче. И сказавъ винъ: „ходыла дивка и просыла: де мени систы. Я показавъ,—колы тамъ блыщыть вода“. И давай воны забывать тарасомъ и гноемъ. Черезъ ничъ упьять прочыстыло, де то й дилось усе. Потимъ стало балакать: „годи вже мене забывать; якъ я у стоющаго хазяина пытала, де мени систы, а винъ показавъ на потикъ,—не зженете вже мене!“ Усюды я (продолжала разсказчица) просыла Бога за хлопчыка, винъ больный бувъ, обидрало ёму ручку и ножку, було не прыведе правою ручкою до рота; а тутъ пидходыть десята пятныця. Повезла я, молебень наняла, посвятылы водыцю на голови, обмылы тою водычкою—и, благодарыть Бога мылосердного, получчало. То я прыйшла до воза, купыла бублыкъ и дала ёму въ ручку. Ставъ мій хлопчыкъ доносыть до рота. У-ночи спать лягла я, и прыснылось мени, мовъ прый-

шовъ старыкъ и сказавъ: „догадалась ты, шо туды на молебинь ёго обрикала.“ (м. Снѣтинъ).

— „Оравъ чоловикъ свою земельку на поли, ходыть по полю дивка и спивае, дуже гарна, убрана, голова гладенька и стричка на голови. Спрашуе: „позволь, де-бъ мени систы?“— „Пиды. у болоти сядь.“ Вона пишла у яръ, тамъ и сила. Наконець у догадъ тыхъ жытелей, тихъ Еньокъ, сталы смичать, шо въ тимъ яру нема ни комаря, ни мухы, ни овода, и показалась вода тычія, и въ жарке время, у жытни жныва, у той яръ ходять женци воды брать, и холодна и здрава на все. И прыснылося священныку: хай прыхожане мене (ск крыныцю) одобрять, поставлять зрубъ. Одобрылы воны. И прыгласывъ ихъ священныкъ: хай тутъ буде ярмарка“ (с. Пески).

— „Десь надъ провальямъ дивка ходыла та пытала пастухивъ: „де-бъ мени систы?“ А ти пастухы говорять: „де жъ ты тутъ сядешъ? Тутъ шпыль крутый, а пиды ты краще сядь у болоти на купци“. Ну, отъ вона пишла, сила на тій купци. Потимъ сталы слои иты, вода; сталы люде скотыну прыгонять напувать, вона все выходыть вода. Стала вона людей мылувать. Потимъ ін люде вычыстылы, зробылы зрубъ и канплычку, купылы Парасковеи, бо вона на Параскы выйшла“ (с. Біевцы).

— „Хлопци паслы скотъ, а тамъ гора була и очеретець бувъ, и дивка тамъ стоить, спива и косу чеше; и прыйшлы хлопци и на еи гомонять. И вона пыта: „де-жъ мени систы?“— Пиды въ болоти сядешъ!—Вона пишла и сила въ болоти и стала крыныцею“ (с. Калайдинцы).

— „Якъ се першъ крыныця выходыла, то вона въ чоловика потопыла половыну огорода. Потимъ той чоловикъ якъ ставъ забывать, такъ вона видтиля перейшла у друге мисце въ долыну. И прыснылось у сни чоловикови: не зганяйте мене зъ сёго мисця, а зрубить мене, то буду я мылувать людей. И стало таке, мовъ озырце. Потимъ сталы болящи люде туды ходыть. Побреде у воду, якъ слипе умыется—стане бачыть; якъ нечыстота побреде и очыстыться,—нема струпивъ ніякыхъ. Давнійшъ мовъбы въ неи ума вывирялы, а вона выкыдала, хто шо пустыть

То оце дивчата зазырають, у одніи упало намысто, а крыныця и выкынула угерхъ" (д. Шеки).

—

Біевцами, иногда называемыми въ церковныхъ бумагахъ Буевцами, открывается рядъ небольшихъ селъ на сѣверо-западной окраинѣ лубенскаго уѣзда. Всѣ они расположены въ одну линію на второй террасѣ праваго берега Удая; часть построекъ разбросана на вершинѣ горъ. Улицы узки, некрасивы, потому что на нихъ выходятъ повитки и высокіе плетни. Только въ ворота виднѣются хатки въ небольшихъ садахъ. Вездѣ краснѣютъ глинистые обрывы съ уединенными мельницами. Большинство послѣднихъ на удайской низинѣ, въ которую вдались и части селъ. По преданію, основателемъ села былъ козакъ Бей, имѣвшій пасѣку на островѣ, гдѣ сохранились грушевыя деревья. Онъ жилъ въ Беевомъ лѣсу. Потомъ Біевцы заселились съ двухъ концовъ. Въ горной, пересѣченной части отъ Енковецъ поселились Громы, назвавъ свой кутокъ Громивкой. За ней потянулась Дворянивка, гдѣ жили паны Маньки, потомъ Андрускіе и ихъ крестьяне, приведенные со Слѣпорода: Прыйменки или Суріи и Махынни. Здѣсь же жилье козаковъ: Мысниковъ, калайдинскихъ выходцевъ, Кушнирей, Канивцевъ, Остапенковъ, Кулябъ. За Дворянивкой лежитъ Библивка, гдѣ живутъ Библи. Другую оконечность села отъ Оробьевъ занялъ знатный зажиточный родъ козаковъ Ступокъ, вышедшихъ изъ с. Поставмукъ, Лохвицкаго у. Съ этой стороны села видна круглая „лысая" гора, называемая „Костёлъ", на которой будто-бы былъ настоящій костелъ. О ней разсказываютъ: „Ти люде, которыхъ зогнано, казалы: у тій гори наши сохранности зосталысь, тилько не возьмете—закляти. Проты тіи горы ричка Удай и яма Быбыха, а въ тій ями нискилькы бочонкивъ золота поопущано. Якъ-бы воду спустыть, можна-бъ ти бочонкы понаходыть. Глыбшои ричкы нема, якъ Быбыха. На западъ сонца йе яръ Безюкивщына и въ яру прыярки Романивськи. Тамъ лёхы таки глыбоки, шо звязалы дви осыкы и не досталы дна. И свитло бачылы. Тамъ булы сохран-

ности; разъ выкопалы сикачку. [1]) Въ срединѣ села церковь. Изъ нея далекій видъ на долину Удая и на горы по ту сторону рѣки, расположенныя полукругомъ. Церковь построена въ 1749 г., но существуютъ доказательства болѣе ранняго ея существованія: синодикъ 1740 г., указы въ Біевскую церковь 1744 г., книги 1727 г. и др. Мѣстный иконостасъ, по преданію, перенесенъ изъ упраздненной Красногорско-чернусской мужской обители, стоявшей на лѣвомъ берегу Удая, гдѣ нынѣ деревня Красногорка, Лохвицкаго у., основанная въ 1710 г. гетманомъ Скоропадскимъ. [2]) Онъ своеобразной формы въ видѣ храма, баню котораго составляетъ продолговатая икона Спасителя. Края иконостаса округлены и на нихъ лежитъ два большихъ вырѣзанныхъ ангела въ красномъ одѣяніи, съ распростертыми крыльями. По бокамъ иконостаса сохранились статуи ангеловъ въ 1 аршинъ величиной въ золотомъ облаченіи, короткомъ, немного ниже колѣнъ. На двери, ведущей въ алтарь, изображенъ архангелъ Михаилъ съ мечемъ и ножнами кожаными, какъ у козацкой шашки. Весь иконостасъ наполненъ старыми иконами съ группировкой фигуръ такой же, какъ въ средневѣковой живописи. На церковномъ [3])

---

[1]) Вокругъ села находятся урочища: Ляшкивськый яръ, Осняги, по направленію къ Гонцамъ, гдѣ (по преданію) поле сраженія и 40 могилъ, Повстинъ яръ и поля: Прыйма и Мерзлякы.

[2]) Закрыт. монаст. въ Полт. Епарх. Вѣд. 1897 г., № 20, 21, 797; Арендаренко. Зап. III, 188.

[3]) Въ церкви хранятся: кипарисный крестъ, изящно отдѣланный серебромъ, съ надписью: «сей крестъ надалъ козакъ Сѣчи Запорожской, куриня Шкуринскаго, Олекса Колада въ село Біевцѣ, до храму святителя Николая, 1758 году;» серебряная вызолоченная чаша съ надписью: «сея чаша вызолочена Анні и Уліани Юркевичевенъ и Сидора Кислевича коштомъ и стараніемъ 1795 г., Марта 26 дня». Сверху на стаканѣ приписано: «сія чаша подчинена Маріею Ступкиною 1832 г.»; другая чаша серебряная, вызолоченная съ красивымъ орнаментомъ и надписью: «до храму святителя Христова Николая надалъ сей келехъ Василій Савичъ, полковникъ Лубенскій, в село Биевцѣ, року 1709». Есть еще гетманскія (подаренныя гетманомъ) ризы изъ чисто серебряной парчи съ цвѣточками клевера,

погостѣ похороненъ Мaнько, котораго портретъ масляными красками, посредственной кисти, сохранился у его потомковъ по женской линіи мѣстныхъ дворянъ Кубицкихъ, съ надписью: портретъ Сибирского драгунского полку прапорщикъ Александръ сынъ Манько. Родился 1788 г., Марта 16, съписань 1806 года въ городѣ Лохвицѣ. Артемъ Си . . . . вскій. [1]) По сохранившимся въ церкви исповѣднымъ росписямъ видно, что въ 1825 г. число жителей было 356, въ 1855 г.—461, въ 1866 г.—560 и лишь къ концу вѣка населеніе достигло 638. По предположенію А. М. Лазаревскаго, [2]) высказанному вскользь, основаніе селу могло быть положено выходцами изъ Подольской губ., гдѣ (въ Брацл. у.) есть также Біевцы. [3]) Біевчане, какъ и жители слѣдующихъ вверхъ по Удаю селъ, средняго, рѣдко выше средняго, роста, худощавы; лица у нихъ продолговатѣе, волоса и глаза темнѣе, чѣмъ у населенія снѣтинской и тишковской волостей. Одежды совершенно такія же, какъ въ Хелепцахъ и Калайдинцахъ: покрой до фантивъ, у женщинъ—запаски и плахты, очипки кобылкою, головныя повязки съ клапономъ.

—

Отъ Біевецъ рукой подать въ Оробьи, Воробьи, а по старинным церковнымъ бумагамъ Горобьи, самое меньшее село Лубенскаго уѣзда. [4]) Оно, какъ и Біевцы, расположено у рѣки

подложенныя старинной полотняной крашаниной. Среди бумагъ указъ кн. Репнина 3 Дек. 1830 г. о принятіи предохранительныхъ мѣръ отъ холеры.

[1]) Подпись неразборчива.

[2]) Лубенщ. и Вишнев. въ Кіев. Стар. 1896 г., 1., 125. Насколько можно судить по трудамъ Шейковскаго, Свидницкаго и Чубинскаго, какъ типъ жителей, такъ и праздничныя, свадебныя, погребальныя обыкновенія, а также пѣсни и сказки Подольской губерніи не обнаруживаютъ близкаго родства съ лубенскими.

[3]) С. *Біевцы* есть и въ Каневскомъ у. Кіевской губ. вблизи м. Богуслава; здѣсь же и с. *Корандинцы*, почти однозвучное съ именемъ Лубенскаго села *Тарандинцы*, ближайшаго къ Біевцамъ. *Примѣч. ред.*

[4]) Съ такимъ же названіемъ существуетъ два села въ Овруцк. у. Вол. губ.—Старые-Воробьи и Новые-Воробьи. *Примѣч. ред.*

подъ горой. О началѣ села мѣстные жители передаютъ: „У Духовій було село, въ Гонцяхъ жывъ Очеретько, а Оробьивъ ще не було; потимъ, говорылы предкы, ожывсь тутъ хуторомъ богатый чоловикъ Горобей изъ сынамы. [1]) Село недавно бильшеньке стало, а то бувъ хуторець. Горобей жывъ коло церквы. Потомства нема, воны выйшлы на вольну службу тоди, якъ выклыкалыся охотныкы". Кутовъ въ Воробьяхъ два: Пидгирья и Яцютивка. Населеніе козацкое, состоитъ изъ слѣдующихъ фамилій: Балицкихъ, Науменкивъ, Журмановъ, Дмитренковъ, Кондратенковъ, Михаленковъ, Бондаренковъ, Гунченковъ, Гребенчуковъ и Данченковъ; крестьянъ бывшаго владѣнія Мельника [2]) только десять хазяиновъ. Изъ духовнаго завѣщанія лубенскаго полковника Свѣчки видно, что въ концѣ XVII в. ему принадлежали между прочимъ и Оробьи, которые отданы въ приданое за дочерью полковника, вышедшей замужъ за Вакуленка. [3]) Почва Оробьевъ глинистая, мѣстами черноземная; поля, какъ и въ сосѣднихъ селахъ, въ трехъ смѣнахъ; пользуются патріархальнымъ способомъ, именно—каждый набиваетъ себѣ тростника сколько необходимо [4]). Въ мѣстной церкви св. Іоанна Богослова, извѣстной съ 1714 г., сохранились лишь слѣдующія старинныя богослужебныя книги: Правило молебное къ божественному параклиту, пресвятому Духу, твореніе инока Максима Святогорца,

---

[1]) Патронимическія названія большинства селъ Лубенскаго у. и народныя преданія объ основаніи селъ подтверждаютъ положеніе, высказанное авторомъ статьи «Къ истор. колон. лѣвоб. Украины въ XV—XVI в.» (Сб. Харьк. Ист. Фил. Общ. IV, 22), что колонизація лѣвобережья произведена народомъ непрерывно. Шляхта двинулась за нимъ, поэтому заслуга послѣдней въ дѣлѣ колонизаціи преувеличена.

[2]) Изъ этой дворянской фамиліи происходитъ уважаемый докторъ Н. М. Мельникъ, занимавшійся этнографіей въ Лубенскомъ у. и доставившій народныя произведенія въ Сборникъ Чубинскаго.

[3]) Кіевск. Стар. 1891 г., 145—148.

[4]) Сб. Хоз. Ст. IV, 9 и 229. Мѣстныя урочища: Окипъ, Стинка, Коваленкы, Попельныцьке, Свидчына, Диды, Горобьивъ горбъ.

при ней письма Ѳеофана Прокоповича, [1]) Цвѣтная тріодь кіевской печати 1702 съ надписью по листамъ: „В року 1714, октоврия 30 дня я, Григорый Івановичъ Шкарупа, сотникъ Лубенский, сию книгу Триодионъ Цвѣтную, купивши за золотихъ за двадцять, надалемъ оную до храму святого славного и всехвалного апостола и Евангелиста Христова Іоана Богослова в село Горобі, сотнѣ и уѣзду нашого Лубенского, за презвитерства честного отца Андрея Симеоновича, которую книгу от мененого храму вѣчне нѣхто не повиненъ отдаляти; а если би хто важился тое учинити, таковии святихъ отцовъ на вселенскихъ соборахъ собраныхъ клятвѣ да подлежить". Старыхъ исповѣдныхъ росписей не сохранилось, изъ метрическихъ же книгъ видно, какъ невелико было мѣстное населеніе въ концѣ XVIII в. Въ 1782 г. родилось только 5, въ 1783 г.—4 дѣтей; да и черезъ столѣтіе населеніе не превысило 500 душъ. Въ ближайшемъ разстояніи отъ Воробьевъ расположены Гонцы, частью на взгорьяхъ и подъ горою, а частью на мысѣ, обращенномъ къ м. Куренькѣ, лохвицкаго уѣзда. Въ илистой и песчаной почвѣ Гонцовъ найдена стоянка человѣка каменнаго періода и кости мамонта, [2]) за четыре же версты отъ нихъ проходитъ граница лѣсной земли лубенскаго уѣзда и за этой границей разстилается супесчаный черноземъ. [3]) Названіе села объясняется различнымъ образомъ. Мѣстная интеллигенція производитъ это названіе отъ гонцовъ или нарочныхъ, посланныхъ изъ Лубенъ въ Куреньку и перемѣнявшихъ лошадей здѣсь на Старосильи. Крестьяне представляютъ другое объясненіе. „Колысь булы охотныкы и на Старосильи занималы соби будку, и тутъ булы лиса и межъ йимы проходъ. Ти охотныкы звалысь гонци и ловылы, гонылы звиря. Тутъ було тоди багато всякого звиря:

---

[1]) См. сообщеніе объ этой книгѣ и письмахъ Кіевск. Стар. 1899 г., XI, Докум., 65.

[2]) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ., 452. Лискоронскій. Истор. Пер. земли., 28.; Антоновичъ. Кіевск. Стар. 1899 г. VIII, стр. IV.

[3]) Мат. оцѣнки зем. Полт. губ., II, 32.

бобры, дыки кабаны. Годивъ може пятьдесятъ, якъ прыйихалы зъ батькомъ у лисъ, колы кабанъ рыется. Загледивъ насъ, якъ чмыхнувъ—тилько й бачылы". [1]) Такимъ образомъ обѣ версіи считаютъ Старосилье началомъ села. Въ немъ живутъ козачьи роды: Сметанокъ, Калайтановъ, Клышей; дальше на Пидлисьи основался древній козацкій родъ Легуши. [2]) Вправо отъ церкви на Заричьи или Заставьи живутъ Заваліи и Гудзи; затѣмъ къ Удаю протянулся обширный выгонъ съ мельницами, а за нимъ мѣстность къ Духовой сохранила названіе Березникъ, отъ покрывавшаго ее нѣкогда сплошного березоваго лѣса. На краю села, къ Духовой, въ зелени стариннаго сада, среди итальянскихъ тополей и тѣнистыхъ аллей ясеня видна бывшая усадьба покойнаго Лубенскаго предводителя дворянства, предсѣдателя съѣзда и земской управы, потомъ мирового судьи Г. С. Киріякова [3]). Недалеко отъ усадьбы стоитъ, нѣсколько покривившись на бокъ, маленькая Вознесенская церковь съ готической кровлей, колокольня отдѣльно въ углу ограды. Церковь эта новая [4]) съ новымъ иконостасомъ; намѣстные образа съ надписью: „сіи иконы сооружены молодыми юношами". Изъ старыхъ иконъ обращаютъ на себя вниманіе три образа: висящая въ ризницѣ

---

[1]) Вокругъ Лубенъ еще недавно устраивались облавы на дикихъ кабановъ. (Ляскоронскій. Ист. Пер. зем, 61). Уже въ XV в. Каневцы промышляли въ опустѣвшей Лубенщинѣ ловлей звѣрей. (Лазаревскій. Луб. и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., I, 117). Были и бобровые гоны. Гоны значатъ еще: разстояніе въ 120 саж. и небольшіе нивки, такъ что Гонцы могутъ означать: маленькія короткія, гоны.

[2]) Вѣроятно, въ началѣ насмѣшливое прозвище, какъ Ракъ и т. п., вызванное болотистостью жилья.

[3]) Г. С. Киріяковъ былъ однимъ изъ типичныхъ представителей части стараго украинскаго панства. Разносторонне образованный, хорошо воспитанный, остроумный и любезный, онъ былъ большимъ любителемъ исторіи, археологіи, палеонтологіи. Онъ имѣлъ большую предковскую библіотеку.

[4]) Старая церковь сгорѣла. Она существовала съ 1781 г., но и до того въ Гонцахъ была церковь.

икона Божьей Матери, изображенной, какъ итальянскія мадонны, большою полной женщиной, но съ своеобразнымъ круглымъ лицемъ. Грудь пронзена шестью мечами, по три съ каждой стороны; другой образъ Богоматери, пронзенной мечомъ, и третій—копія явившейся въ 1739 г. иконы ахтырской Божіей Матери. Въ церковный полъ вдѣланы двѣ чугунныя плиты надъ могилами покойныхъ гонцовскихъ помѣщицъ: Нѣжинцевой и Минькевичъ-Петровской. Число жителей въ настоящее время 1229, поровну козаковъ и крестьянъ. Послѣдніе—„переходни", т. е. переселены панами въ Гонцы изъ хорольскаго и кременчугскаго уѣздовъ. Прежде мѣстнымъ владѣльцемъ былъ Павловъ, потомъ Пріймы, изъ бывшей лубенской войсковой старшины. На Прійминой женился Ограновичъ, на Ограновичевой—Нѣжинцевъ, на Нѣжинцевой—помѣщикъ кременчугскаго у. С. Г. Киріяковъ,[1]) отецъ предводителя. Въ Гонцахъ, какъ и вездѣ, гдѣ жили паны, жизнь пріобрѣтаетъ драматическій интересъ вслѣдствіе сословныхъ столкновеній, о которыхъ старожилы передаютъ слѣдующее. „Предокъ Легушъ заспорывъ зъ паномъ Потомскымъ[2]) за Дибраву. Той панъ бувъ пріёмщыкъ и оддавъ ёго у козаки. Прыйшовъ зъ козакивъ Легуша, колы на Дибровци вже й панська цегельня. Такъ винъ розигнавъ робочыхъ и взявъ запалывъ цегельню. Такъ люды далы знать пану Потомському, шо тутъ горыть заводъ, а Легуша на коню грае. Той прыйихавъ, колы пизнавъ Легушу—и тикать, а Легуша ёго зъ пыстолета,—не попавъ. И Дибровка

---

[1]) Но и до того фамилія Киріяковыхъ встрѣчается въ Лубенскомъ у., что видно, между прочимъ, изъ акта о продажѣ 20 апрѣля 1771 г. сыновьями хорунжаго второ-пирятинской сотни Арсенія Григоріемъ и Гавріломъ Арсененками хутора «съ трома подсусѣдочными хатами» женѣ войскового товарища Федосіи Киріяковой. На документѣ подписи судьи И. Кулябки и подсудка Ф. Булюбаша.

[2]) Жительство Потомскаго указано въ усадьбѣ Киріякова, и панъ этотъ распоряжался козаками. Можетъ быть, это былъ Семенъ Пріймa въ 1740 г. сотникъ, а съ 1749—1750 г. есаулъ.

зосталась за Легушою. Такъ панъ той пидкынувъ вещи: шубы и друге, та пиднисъ, та у солому и пхнулы. Уставъ Легуша и иде, колы пóтопъ (слиды). Винъ дывыться, колы поворушена солома,—вещи. Розвернувъ.“ Э! дума соби, „се шось воно не таке. Э, се вещи Потомського!“ Та напалывъ грубу та тоди ти вещи въ грубу, и перепалывъ и перебывъ. На утро струсъ. Потомського обикрадено,—трусúть. Берутся до Легуши, трусять, трусять—нема вещей. Тымъ Потомський доволенъ. Пидйизжае потимъ панъ до двора Легуши.—„Легуша, садысь, пойидемъ помолымся.“—„Ни, пане, я не имію гриха“. А дали согласывсь йихать.—„Ну, мы идемъ въ Божый храмъ; скажы, де ты вещи дивъ? Ну, я божусь, шо никому не скажу!“ Розсказавъ Легуша. Помырылысь и панъ пидпыску давъ“. Объ одной изъ старинныхъ паней такъ же разсказываютъ. „Дивокъ вона сикла на конюшни. Побыла вона дивчыну и нахвалялась ище быть. Пишла та дивчына до матери. Маты каже: „не могу я тебе удержать,—иды до барыни“. Такъ дивчына та пишла у Удай утопылась. Потимъ пани поодризувала косы у дивокъ и выкыдала косы на выгинъ. И хто не найде, думае: шо воно за косы, де воны взялысь? Хоть буде миръ, а хочъ пожаръ. И люде ихъ закопалы“.

—

Отъ Гонцовъ къ Духовой тянется высокій уступъ,[1]) на которомъ надъ кручами разбросаны мельницы. Въ просвѣтѣ горъ виднѣется церковь и село, за нимъ долина Удая съ узкой рѣкой, заводями, озерами, заливами, похожими на куски стекла, и противуположнымъ гористымъ берегомъ. Духовая не такъ красива, какъ другія села этой мѣстности. Деревьевъ здѣсь мало, садовъ почти нѣтъ, улицы перекрещиваются на бѣловатыхъ площадкахъ среди пустырей. Названіе села происходитъ отъ находящихся вблизи на Удаѣ незамерзающихъ родниковъ,—„духовъ.“ Надъ горной частью села—Пидгирьемъ „йе могыла, тамъ виха була. Якъ непрыятель иде, то ховалысь въ очерета. Винъ стре-

[1]) Гуровъ. Геолог. опис. Полт. губ., 452.

лявъ лучкомъ". На Пидгирьи жили древніе козачьи роды: Семейки, изъ которыхъ одинъ дослужился до эсаула, и Холодняки. Въ средней части села, на толокѣ отъ Гонцовъ, живутъ на Гудзивскимъ кутку Гудзи--Крятченки, также многочисленный и древній козачій родъ. На средней же улицѣ живутъ Кононы, Логвинци, Морозы. На концѣ улицы, на пидлуци, отъ Карпиловки: Петренки, Оропаи, Василенки, Кочуры, Коптѣлые. На нижней части села—Побережьи живутъ Хвири и Ефименки. На Пидгирьи стоитъ новая церковь, построенная въ 1863 г., старая же существовала съ 1768 г. Изъ старыхъ образовъ замѣчательны: пресвятая Дѣва, пронзенная мечами, и св. великомученица Варвара съ круглымъ лицемъ и вдохновенными, выразительными глазами. Духовая—небольшое село; въ 40-хъ годахъ въ ней насчитывалось 780 жителей, въ настоящее время—1250. Село козачье, крестьянъ не болѣе 10 семей. Кромѣ земледѣлія, жители занимаются еще рыбною ловлею особымъ способомъ „на посвитьи", неизвѣстнымъ въ сѣверной части долины Сулы. Въ лодку ставятъ горшокъ или котелокъ, такъ чтобы огонь освѣщалъ пространство шаговъ на 10 вокругъ и въ глубину аршина на два. Бьютъ остью изъ восьми желѣзныхъ когтей.

—

За Духовой слѣдуетъ Карпиловка, хотя и другой, Лазорской, волости, но по условіямъ мѣстности, типу и одеждѣ жителей, почти ничѣмъ не отличающаяся отъ сосѣднихъ—Духовой и Гонцовъ. Карпиловка расположена при входѣ Удая въ Лубенскій уѣздъ и дальше всѣхъ селъ углубилась въ удайскую низину. Почти посреди этой низины виднѣется Покровская церковь, красивой архитектуры, въ одной связи съ колокольней. Вокругъ разбросаны березовыя рощи. Мѣсто возлѣ церкви, такъ называемые Хрестки, нѣсколько возвышается надъ низиной; здѣсь осунувшаяся земля часто обнажаетъ старыя могилы и кости. Здѣсь же началось село. „Карпыливка давня; тутъ колысь жывъ рыбалка Карпо." Древность села видна и по особой заботливости о безопасности жителей; такъ оно было прежде на островѣ,

окруженномъ со всѣхъ сторонъ рѣкой [1]) Надъ самой рѣкой помѣстился кутокъ „Волощына". „Тамъ якись волохы жылы". Вправо, къ Духовой Раково займыще или Ракивъ кутокъ, гдѣ прежде жили козаки Раки, и Выповзкивъ кутокъ, населенный выходцами изъ с. Выповзкивъ, Переяславскаго уѣзда. Теперь старое село представляется островомъ только въ половодье; въ остальное время года оно отдѣляется отъ новаго поселка обширнымъ топкимъ выгономъ Свыдыновкою, [2]) на которомъ только недавно сдѣлана узкая гребелька, а до того люди изъ новой части села не могли говѣть въ мѣстной церкви, а должны были итти черезъ гору въ Духовую и тамъ же святить пасхи. Новѣйшая часть села за выгономъ подъ горой носитъ названіе хутора. Недавно въ немъ было только 3—4 хозяина. Первые переселились Раки, за ними: Гриньки, Прищепы, Савченки, Долады, Пасюки и др. Причиной переселенія могли быть отчасти и наводненія. „Въ 20-хъ годахъ на два аршына воды було по хатахъ, усе село потопыло, тилько коло церквы воды не було. Я тоди трохы не втопывсь,"—разсказывалъ старожилъ Андрей Ракъ. Церковь перевезена, по сказанію однихъ, изъ Монастырыща, т. е. Красногорскаго монастыря, по другимъ изъ Онуфріевскаго скита. [3]) „Церковця була маленька, покрыта драныцею. Вона лыбонь погорила и метрыкы погорилы." На косякахъ старыхъ дверей въ колокольнѣ сохранилась такая надпись: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа созданъ храмъ сій лѣта 1738, ноября 19 дня, коштомъ отца Іоасафа Горленка игумена

---

[1]) Есть и озера: Смаглево, Сириково, Жовте; часть Удая называется Стружка, а сѣнокоса—Пристань.

[2]) Отъ Свидина (Cornus sanguinaea. L.)

[3]) Первое сказаніе ничѣмъ не подтверждено; второе какъ будто бы подтверждается приводимою въ текстѣ надписью о постройкѣ храма 1738 г. игуменомъ Іоасафомъ Горленкомъ; изъ печатныхъ же данныхъ (О закрыт. монастыр. въ Полт. Епарх. Вѣд. 1897 г. №№ 20 и 21., 794) видно, что Онуфріевская пустынь основана Горленкомъ только въ 1744 г., значитъ и второе сказаніе не вполнѣ достовѣрно, и двери съ надписью, а можетъ быть, и вся церковь привезена не изъ Онуфріевскаго скита.

монастыря Мгарскаго.“ Среди церковныхъ древностей замѣчаются иконы: Богоматери на жести; стрѣтенія Господня, гдѣ Симеонъ Богопріимецъ изображенъ съ мечемъ, выходящимъ изъ рта, и голова Іоанна Крестителя на блюдѣ, сдѣланномъ изъ серебра; также очень интересна старая жестяная крестильница, на которой сверху звѣзда съ лучами, надпись вязью „Марія“ и рисунокъ масляными красками таинства крещенія. Здѣсь изображены: священникъ, кума въ длинномъ свѣтломъ платьи, кумъ, лице котораго стерто, и не вполнѣ понятная фигура, стоящая за священникомъ. Глаза фигуры огромные, пылающіе, но роговъ и хвоста нѣтъ. Искуситель-ли то, или пономарь—неизвѣстно. Число жителей отъ 425-ти въ половинѣ XVIII в. достигло къ концу XIX в.—1576 душъ, большинство которыхъ козаки; крестьянъ только 5 дворовъ. Зажиточныхъ людей мало, только Раки имѣютъ по 40 десятинъ на семью; треть жителей безземельныхъ. По мѣстнымъ преданіямъ, [1]) изъ Карпиловки происходилъ характерникъ Гринько, содѣйствовавшій покоренію Крыма. „Непрыятель бувъ у крипости въ Крыму. Якась галдовныця, знахурка непевна, сыдила на крипости и показуючы соби на спыну казала: „сюды стреляйте!“ Полковныкъ Свичка (зъ Свичкыного Городыща) засмутывсь, ничого не подѣлавъ, а Гринько дидъ бувъ знаюковатый и сказавъ: „не пожалійте срибнои пуговыци.“ Свичка давъ пуговыцю. Сейчасъ Гринько зарядывъ оружіе и вбывъ ію. Одбылы ворота и пишлы въ крипостъ—нашъ городъ! Безъ Гринька нихто ничого не подѣлавъ бы: Гринько такый бувъ, шо й кулю у жменю визьме“.

—

[1]) Это преданіе, въ которомъ появляется лубенскій полковникъ Л. В. Свѣчка, можетъ относиться или къ неудачному походу на Крымъ въ 1689 г. кн. Голицына съ Мазепой и гетманскимъ регементомъ (Костомаровъ. «Мазепа», въ Рус. Мысли 1882 г., I., 29, 33), или ко взятію Азова въ 1696 г., гдѣ были городищанская, чернусская и сенецкая сотни лубенскаго полка съ Свѣчкой (Кіев. Стар. 1899 г., IV, Докум. 10), если можно допустить помѣщеніе въ народномъ представленіи Азова въ Крыму.

Тарандинцовская волость оканчивается переходной полосой отъ лѣсной земли къ степной. На этой полосѣ раскинулись лучшія села волости: Тарандинцы и Губское. По народному замѣчанію, „село Тарандинци стоить пры лиси Ламанци, пры крынычынци [1]) Вязовыци". Лѣса, впрочемъ, нигдѣ не видно. По Арендаренку, [2]) названіе села, какъ и недалекихъ Калайдинецъ, напоминаетъ татаръ. И въ народныхъ представленіяхъ эти названія связаны между собой. „Тарандынци завивъ Леонтій Таранда, а въ Калайденцяхъ жывъ якыйсь Калайда". Таранда жилъ въ Шматкивщинѣ и на ней же другой древній козацкій родъ Косяки. На смежной Опанасовщинѣ была старая церковь и усадьбы пановъ: Свирскихъ и Величокъ. За нею расположены: Гаркавивщына, по направленію къ Губскому, жительство: Кайдашей, по уличному Гарькавенкивъ, Монастырныхъ, Глущенковъ, Нагайныковъ, Голядъ; Мустипанивка, населенная Мостипанами, выходцами изъ Хелепцовъ; далѣе къ Пирятину—Юркивщина, жилье бывшихъ крестьянъ Свирскаго: Юрченкивъ и Сорокъ; Миклашивщына, на которой живутъ Сидоренки, Демченки и др. О ней разсказываютъ: „На Мыклашивщыни жывъ старый Гринь. Его робитныкъ Головченко копавъ канаву и выкопавъ казанокъ грошей, прыйшовъ до хазяина, каже: „отакъ, и отакъ выкопавъ казанъ грошей."—Цыть, каже Грынь, не явы никому!—Поладнались. Гринь каже: „ходимъ закопаемъ: хай ще трохы полежять; тоди ночи диждемъ, одкопаемъ, роздилымось, шобъ нихто не выдивъ, якъ будемъ дилыться". Якъ прыйшла ничъ, Гринь роботныка пославъ, а ти грошенятка одкопавъ и забравъ соби, а въ казанъ щось наробывъ и закрывъ упьять. Явывсь робитныкъ, пишлы одкопалы,—грошей нема, а таке нечепурне. Гринь каже: „бачъ, хлопче, хтось подглядивъ, якъ мы ховалы, та й посміявсь зъ насъ."—Було-бъ зразу забрать,—каже робитныкъ,—фортуна наша, и не намъ досталась.—Э, може той, шо дывывсь, хитришый насъ". Съ того Гринь розбогативъ, унукы мають сотъ

---

[1]) Ручьѣ или рѣчонкѣ.

[2]) Зап. о Полт. губ. П., 5.

по симъ земли.[1]) Затѣмъ есть еще куты и урочища: Польща (тамъ живутъ бѣдняки, крестьяне Федоренки), Довбышивка, жительство: Довбышей, Литвиненковъ, Ворожченковъ, Сугробовъ и др., Лупарь—„у ёму лѣхъ одкрывавсь", Ольшанка и Рудка, потоки, текущіе къ востоку къ Новакамъ; къ Лазиркамъ—Волошськи могилы вблизи недавно заселеннаго тарандинскими выходцами хутора Вилъ, и Сорокъ могилъ, Федоренкови майданы и крамарськый ярокъ, названный такъ по слѣдующему случаю. „Гаркавенко бувъ пьяныця. Ишовъ изъ шыночка выпывшы, а крамарь ишовъ. Встритылысь. Гаркавенко каже: „здрастуй! наторгувавъ?"—Яка въ мене торговля? крамокъ пороздававъ жытелямъ наборъ, а грошей совсимъ нема.—„Шо-жъ, у тебе нема грошей, ну, оддай мени сумку зъ крамомъ, я возьму соби! Крамарь схылывсь, положывъ сумку, роззьязавъ пидручья, каже: „возмить, ну только мене пустить жывого." Сейчасъ спустывъ, каже: „надивай!". Гаркавенко заложывъ руку въ одно заручье, потимъ въ друге.—Давай, каже крамарь, я тебе увьяжу!—Узявъ изъязавъ заручье.—„Теперъ, каже, вставай та иды соби зъ крамомъ; спасыби, шо хоть мене жывого пускаешъ". Гаркавенко пидвивсь на рукы, а сумка зверху, а той тоди иззаду ёго у сумку, шобъ Гаркавенко стовбула заоравъ; повернувъ его крамарь до горы черева, та бычагою здоровою поперебывавъ ёму рукы й ногы. Тоди взявъ розвьязавъ сумку зъ ёго и подавсь, а Гаркавенко годивъ тры хырывъ. Оттого той крамарськый ярокъ".[2])

Вблизи дороги на Губское стоитъ церковь св. Георгія Побѣдоносца, въ которой замѣчательна икона, подаренная въ церковь мѣстной старинной фамиліей Величекъ въ память двухсотлѣтняго (съ 1699—1899 г.) пребыванія ихъ въ Тарандинцахъ, и кіотъ съ образомъ, сооруженный въ 1771 г. Евтихіемъ Величкомъ, обновленный его правнукомъ.[3]) По исповѣднымъ роспи-

---

[1]) Отъ Ив. Сахна.

[2]) Ibid.

[3]) Изъ церковныхъ древностей примѣчательны: вѣнцы изъ волосъ, быть можетъ внесенные въ церковь по обѣту, и синодикъ

сямъ число жителей въ концѣ XIX в.—1750. Значительное большинство козаки. Панскихъ фамилій было двѣ: Свирскіе, уже угасшіе, но оставившіе по себѣ добрую память: они освободили крестьянъ съ надѣломъ въ 4 дес. на душу, дали по парѣ воловъ на семью и оставили капиталъ, процентами съ котораго выплачиваются поземельныя подати, и Велички, предокъ которыхъ Василій купилъ Тарандинцы въ первой половинѣ XVII в. у дочери Станислава Яблонскаго Анны за 20 таляровъ. [1]) Жители Тарандинецъ средняго роста, темнорусы, лица продолговатыя, покрой одежды такой же, какъ и въ Новакахъ, занимаются исключительно земледѣліемъ; земля хорошаго качества, [2]) притомъ и распредѣлена довольно равномѣрно, отсюда извѣстное благосостояніе населенія.

Губское отдѣлено отъ Тарандинецъ только узкой долиной, по обѣимъ сторонамъ которой на круглыхъ холмахъ, расположены усадьбы, почти безъ садовъ, изрѣдка только осѣненныя деревьями. Большая часть села по ту сторону долины на взгорьяхъ. Тамъ основные куты: Панькивка—по лѣвую и Гаврыкивка по правую сторону отъ церкви. На Панькивкѣ угловой кутокъ Назарскій, гдѣ живутъ Назарци и Ярмоленки, за нимъ Богиничевскій, жилье древняго рода Богиничей, предокъ которыхъ, судя по фамиліи, былъ сербскимъ или черногорскимъ юнакомъ, а также: Савусей, Рѣзниковъ, Ковтюхъ, Харчуковъ и Федченковъ. На самой Панькивкѣ, отъ мостика до церкви, живутъ Панченки и Павленки; за нею на Га-

---

1776 года, въ который, кромѣ тарандинцовскихъ перечисленныхъ древнихъ козачьихъ фамилій, вписаны еще: родъ благородной пани лубенской Софіи Орѣховской, родъ Евтихія Велички, Степана Яблонскаго, Павленчихи Губской, Чернухскаго жителя Савелія Шостака, Лубенскаго атамана Павла Самуйловскаго, Федора Шамрицкаго лубенскаго и прихожаго Литвина Якова Васильева. На поминовеніе вписаны: лѣсъ—Кайдашемъ и нива въ Тарандивскомъ—Ризниченкомъ.

[1]) Лазаревскій. Лубенщ. въ XVII и XVIII в.

[2]) $3^1/_2$ и 4% гумуса (Мат. къ оцѣн. зем. Полт. губ. II., 34).

врыкивкѣ древнѣйшій [1]) родъ Гаврики, производящіе себя отъ польскаго выходца начала XVII в.; сѣвернѣе Гаврыкивки лежатъ: Пелыпынськый кутокъ, жительство Шостаковъ, и Ковалькивськый—Романютъ. Внизу горы—Бальвивка, Ручки и Малюкивъ яръ, жительство Онищенкивъ, а на восточной сторонѣ долины къ Тарандинцамъ—Кайдивка, занятая Павленками. „У Кайдивщыни свичка горила, Мыкыта Дидыкъ тамъ гроши одкопавъ.“ Всѣ восемнадцать перечисленныхъ фамилій признаются коренными: „изъ ихъ семени пишло село“ [2]), старѣйшимъ же кутомъ считается Гаврыкивка,—тамъ среди горы и церковь св. Николая съ деревянной къ ней лѣстницей. Эта церковь новая, построенная въ 1872 г., старая же сгорѣла такимъ образомъ: „На страстяхъ хлопчыкъ, попивъ сынъ, упустывъ на хорахъ свичку за шалёвку, а тамъ булы горобьячи гнизда, стружкы, и одъ того загорилось. Винъ никому не сказавъ. Було тепло и двери поодчыняни. Люде выйшлы, роздывылысь, шо можно вынесты. Иконостасъ, престолъ, рызы и панькадыло знялы. Церковъ и дзвоны погорилы. На паску очыстылы мисто и на тимъ мисти паскы святылы. Батюшка заболивъ, зробылось умопомишательство. [3]) Губское большое село. Уже въ 1861 г. въ немъ насчитывалось 1776 жителей, а къ концу вѣка число это возросло

---

[1]) Если не считать миѳическаго осадчаго Губу, давшаго будто бы названіе селу. Названіе Губське можетъ въ переводѣ значить: грибное, обильное грибами, такъ какъ губы—грибы. По Лазаревскому (Лубенщ. въ XVII и XVIII в., 58), село извѣстно съ 1-й половины XVII в.

[2]) По окрестностямъ села расположены слѣдующія урочища: Васюкова долына, Дубына, Ковалькова левада, Скаржынського долына, Губська долына, Майданы — «тамъ могылы скризь посыпани черезъ усе поле», Куци могылкы и Велыке озеро (мѣрой 10 дес.),—о немъ говорятъ: «Насередъ полявыны, на ривноти купья есть, а колысь кажуть бы то було село и провалылось. Балакалы, шо й собакы якъ гавкалы—чуть. За шо провалылось—незвисно (Тарандинцы). У велыкимъ озери була слобода, було и я орю, то и черипья выорю. (Губское).

[3]) Отъ Р. Т. Степаненка.

до 2260. Населеніе козацкое, крестьянъ не болѣе сотни. Ихъ и совсѣмъ не было до 1752 г., когда Губское отдано Разумовскимъ [1]) обозному Ивану Кулябкѣ. Никакихъ печальныхъ воспоминаній изъ временъ крѣпостнаго права не сохранилось; нѣкоторые мѣстные папы жили заодно съ крестьянами. „Панъ обида за столомъ, люде пидъ прыпичкомъ. Панъ иде до млына безъ клунка, а крестьянка несе клунокъ"—только и различія. Губское—благосостоятельное село. Есть три семьи, обладающія ста десятинами каждая; семей 25 имѣютъ по 50 дес.; но не менѣе 50 семей существуютъ съ участкомъ въ 1—2 дес.; семей 20 совсѣмъ безземельныхъ. Цѣна земли, теперь доходящая уже до 200 р. за десятину, еще въ 60-хъ годахъ стоила 25—30 р. и вплоть до размежеванія—35 р. Изъ стараго документа Назарца видно, что 7 марта 1809 г., „продано въ полномочное, спокойное владѣніе оранки на два дни" (т. е. приблизительно $1^1/_2$ дес.) за 35 руб. Въ голодные годы земля въ Губскомъ, какъ и повсемѣстно въ Лубенщинѣ, шла за безцѣнокъ. Старожилы вспоминаютъ: „Выйихавъ чоловикъ зъ Духовои, а другый зъ Губськои, Лазоренко. За тры коробкы борошна и за трое хлиба узявъ Лазоренко $1^1/_2$ дес. зъ того Духовського". Подобныя сдѣлки заключались и въ предѣлахъ села. „Панченко узявъ у Богынича тры десятыны земли за тры четверыка хлиба (18 пуд.) Дача при Губскомъ обширна, черноземная, поля въ четырехъ смѣнахъ, выгона 100 десятинъ. [2]) Населеніе исключительно земледѣльческое. Достаточность замѣтна во всемъ: въ постройкахъ, одеждѣ, лицахъ жителей, въ ихъ привѣтливости и гостепріимствѣ. Губщане средняго роста, широкоплечи, съ толстыми шеями и полными щеками, нѣсколько неуклюжи. Особенностью мѣстныхъ нравовъ является сохраненіе до настоящаго времени кулачныхъ боевъ. Бои происходятъ какъ въ предѣлахъ села, такъ и съ сосѣдними Тарандинцами. Предъ боемъ никакихъ предваритель-

---

[1]) Лазаревскій. Лубенщ. въ XVII и XVIII в., 58, и люди Стар. Малор. Кіев. Стар. 1885 г., V., 8.

[2]) Об. хоз. ст. Полт. губ., IV, 229.

ныхъ поддразниваній не бываетъ.—Давай! кричатъ губщане съ своего холма.—Давай, давай!—отвѣчаютъ съ тарандинцовской горы. Мѣстные жители разсказываютъ объ этой опасной забавѣ слѣдующее: „Зійдутся те село и те, и мальчыкы начнуть, къ мальчыкамъ парубочкы и заведуть драку. Потимъ люде, чоловикы. Установа така, що лежачого быть нельзя. Губськи нагналысь, а я упавъ, и я иду мижъ губчанамы и мене не займають, ажъ покы я не дійду мижъ свои. Повернесся лыцемъ, тоди може быть упьять. Таки булы кулачкы, що гора, якъ помистъ, излыта кровью, червона. У того пыка розбыта, у того зубъ, у того нисъ розбытый. Бувае такъ, шо зубы сципыть, шо пидводять и на витеръ. Одна сторона якъ затопыть, такъ выляжуть уси. У насъ Голяды и Монастырни здоровійши люде, перви бойци на все село“ (Тарандинцы).

—„Я пытавъ дида: одъ чого кулачкы сталы? Щипка и Шимлянськый вывезуть видеръ по 5 водкы, барыло. Якъ губщане проженуть, такъ и Щипкы пьють, а ежели проженуть тарандынци губськыхъ, то Шимлянського пьють. И теперъ кулачкы йе, такъ нема водкы. Не хороше дило, чоловикъ тры дня не дожыве до вику. Бувае занедужа и померъ. Якъ упавъ—не трогай, устае—упьять валяй. Я выйду було пидъ Тарандынци, такъ и одного не налучу, сидають. Мени варунку не було зроду, не пухну. А инше у Риздво опухне, а въ жныва провалыться, каже: „хоть бы червы не зйилы“ (Губское).

—„Бьются було кутокъ на кутокъ. Ныже церквы часть видсиля, а часть видтиля (одъ Онышенкивъ). Литъ сто тому назадъ кажуть и пипъ стоявъ за Назарцивъ та за Гаврыкивъ,—пидпережется, у кожушанци и иде; пидвяже платочкомъ бороду та тоди—ну быться. И ёго не мыналы. Тилько лежачого обмынають, бижять за другымы. Одынъ разъ салдаты стоялы у Тарандынцяхъ. Одынъ офыцеръ поступывъ видро водкы тимъ, котори подолюють. И черту назначывъ, куды доженуть. Бой сочыняется на той бикъ мостка пидъ горою. Начынають изъ малыхъ, потимъ звидтиля бильши. Потимъ якъ зачнуть! Губщане подолилы, выгналы на выгинъ до млынивъ, порозгонялы по дво-

рахъ. Бабы выходылы съ кочергамы. Було всёго, багато не подожывалы вику. Сельскый староста ишовъ зъ волосты и ударывъ ципкомъ Тарандынського, шобъ розигнать. Такъ воны колкамы былысь. Салдаты давалы помочи на кулачкахъ, хазяинъ иде и винъ иде. То салдатъ або шапку схопыть, або въ рукавыци бруса та начне брусомъ посмалювать, або каминцемъ фунтивъ пьять. А салдата застукають, то и ёму накладуть. Кулачкы скилькы разъ у годъ, зъ другого дня празныка и до окончанія, покы воду не освятять. Сей годъ (1900-й) днивъ два бытва була здорова. (Губское).

В. Милорадовичъ.

НЕУДАЧНЫЯ ПРЕДПРІЯТІЯ НАРОДОЛЮБКИ.

(*Къ біографіи Н. С. Соханской-Кохановской*).

I.

Въ исторіи общественныхъ движеній 60-хъ годовъ нѣкоторое мѣсто занимаетъ небезызвѣстная народолюбка и писательница Надежда Степановна Соханская (Кохановская). [1])

Идеалистка высокой пробы, воплотившая отвлеченныя народническія воззрѣнія въ своихъ разсказахъ народно-сантиментальнаго, идиллическаго направленія, Соханская совершенно не извѣстна русской читающей публикѣ со стороны „хожденія въ народъ“ и тѣхъ практическихъ предпріятій, которыми она думала поднять умственное и матеріальное убожество „мужика.“ Этихъ предпріятій было, кажется, не много; да и тѣ оказались очень непрактичными, какъ можно судить по нижеслѣдующему разсказу объ организаціи ею братствъ и сельскихъ банковъ въ одномъ изъ захолустныхъ уголковъ юго-западнаго края.

---

[1]) Соханская Надежда Степановна (родилась 17 февраля 1825 г. † 3 декабря 1884 г.), дочь Степана Павловича и Варвары Григорьевны, урожденной Лохвицкой. Воспитаніе получила въ Харьковскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Она писала подъ псевдонимами: Надежда***, Кохановская и Макаровская.

Главнымъ источникомъ настоящей статьи служили непосредственно добытыя авторомъ собственноручныя письма Соханской-Кохановской, хранящіяся у разныхъ лицъ и въ архивѣ яполотской и степанской преображенской церкви. Письма Соханской, касающіяся яполотскаго и др. братствъ, имѣютъ безспорное значеніе для сужденія объ ихъ авторѣ. „Изъ всѣхъ рукописей Соханской-Кохановской, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей ея писемъ, въ высокой степени интересны письма самой Соханской, къ кому бы она ихъ ни писала. Это... автобіографія ея. Книжка ея писемъ была-бы истинно-благодѣтельною для многихъ молодыхъ сердецъ. Она писала свои письма съ полнымъ сердечнымъ участіемъ; она вкладывала въ нихъ душу живую. Сама она не обинуясь придавала имъ достоинство и громко говорила, что придетъ время, когда каждое письмо ея будетъ стоить 25 рублей. [1]) Занимаясь маленькой, но не лишенной интереса „исторіей“ участія Соханской въ югозападныхъ братствахъ и ставя себѣ задачей выяснить по возможности всѣ стороны неудачныхъ предпріятій Соханской на Волыни, я въ настоящей работѣ представляю сводъ всего добытаго по этому предмету матеріала.

По существу, это очень грустная исторія. Она лишній разъ убѣждаетъ читателя, какъ велико разстояніе между словомъ и дѣломъ лицъ, надѣленныхъ отъ природы хорошей способностью проектовъ, мечтаній и лишенныхъ вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ возможности осуществить хоть часть своихъ проектовъ въ дѣйствительности.

II.

Польскія движенія начала 60-хъ годовъ обратили на югозападный край вниманіе многихъ русскихъ публицистовъ того времени. Яснѣе и громче говорилъ въ Россіи о дѣлахъ этого

---

[1]) «Русс. Обозр.» 1896 г. VI кн. стр. 477.

края И. С. Аксаковъ въ своемъ „Днѣ“, на страницахъ котораго помѣщался матеріалъ, спеціально посвященный интересамъ западной и юго-западной Руси. Онъ посылалъ своихъ спеціальныхъ корреспондентовъ для изученія русскихъ окраинъ. Въ журналѣ Аксакова помѣщалъ изрѣдка корреспонденціи подъ псевдонимомъ „Волынянинъ“ о. Василій Абрамовичъ, священникъ села Яполоти, ровенскаго уѣзда, волынской губерніи. Этотъ священникъ и былъ косвеннымъ виновникомъ вмѣшательства Соханской въ дѣла яполотскихъ крестьянъ.

Но прежде нѣсколько словъ о селѣ Яполоти. Село расположено въ одномъ изъ глухихъ мѣстъ ровенскаго уѣзда волынской губерніи. Земля болотно-песчаная, малоурожайная. Лѣса и болота окружали нѣкогда Яполоть со всѣхъ сторонъ. Крестьяне занимаются земледѣліемъ, вывозкой дровъ и отхожими промыслами. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ, почва изсякла еще болѣе. Расширяющіеся съ каждымъ годомъ пустыри и песчаныя заросли придаютъ окрестности грустный видъ. До ближайшаго города—50 в., до губернскаго—до двухъ сотъ верстъ.

Въ этомъ оторванномъ уголкѣ во время крѣпостничества страннымъ образомъ сошлись интересы *восьмерыхъ помѣщиковъ*, одновременно владѣвшихъ селомъ и претендовавшихъ на подневольный трудъ мѣстнаго крестьянина. Въ Яполоти въ 60-хъ годахъ, согласно метрическимъ даннымъ, было всего 45 дворовъ. Добрая часть села принадлежала крупному мѣстному помѣщику Радзивиллу, остальные 20 дворовъ дѣлились между 7 мелкими помѣщиками. Можно судить о положеніи крестьянъ. Они до сихъ поръ хорошо помнятъ свое недавнее прошлое. Старикъ яполотецъ охотно и теперь разсказываетъ, какъ онъ нѣкогда жилъ. Своего у него рѣшительно ничего не было, въ своей хатѣ нечего было ѣсть; ѣлъ онъ на дворѣ у пана, который, „якъ ласка его,“ могъ дать что-нибудь поѣсть за дневную работу. Характерно одно бранное выраженіе яполотца—„ахъ, ты панскій байструкъ.“ [1]) Выраженіе само въ себѣ заключаетъ

[1]) «Байструками» въ Малороссіи называютъ незаконорожденныхъ.

свое достаточное основаніе. Если будущій историкъ мѣстнаго края пожелаетъ найти послѣ Яполоти мѣсто, гдѣ-бы условія крестьянина были еще хуже,—то сомнительно, чтобы его поиски увѣнчались успѣхомъ. Этими невозможными условіями быта объясняются тѣ черты забитости и угрюмости, которыми и теперь еще отличается типъ крестьянина с. Яполоти, не смотря на почти 40-лѣтіе его свободнаго положенія.

Здѣсь, по случайному стеченію обстоятельствъ, суждено было выступить въ роли народной піонерки Надеждѣ Степановнѣ Соханской-Кохановской. Судьба не могла, кажется, дать другого мѣста, на которомъ такъ безжалостно могли-бы разбиться лучшія народническія предпріятія.

Дѣло было такое.

Въ 1865 году священникъ с. Яполоти, о. Василій Абрамовичъ послалъ И. С. Аксакову воззваніе, въ которомъ обращался къ русскимъ благотворителямъ съ просьбою помочь нуждамъ мѣстныхъ крестьянъ селъ Яполоти, Збужа, Вульки, Жалина и въ частности нуждамъ яполотской церкви. Чтобы чувствительнѣе тронуть сердца благотворителей, Абрамовичъ высокимъ стилемъ изобразилъ патріотическую ревность мѣстныхъ крестьянъ, сказавшуюся въ противодѣйствіи польскому мятежу. Если вѣрить его словамъ, крестьяне не имѣли времени подумать о нуждахъ церковныхъ, а вооруженные пиками и ружьями бродили по лѣсамъ, не давая сформироваться бродягамъ послѣ разбитыхъ шаекъ въ новыя шайки, „Яполотцы молодцы," говорится въ воззваніи дальше, „сознаютъ и самые недуги ихъ, послѣ того какъ сіи „молодцы" передали не мало мятежниковъ въ городъ Луцкъ, въ военно-судную коммиссію. Теперь они протягиваютъ руку помощи на храмъ ихъ ко всѣмъ христолюбивымъ Великоруссамъ." Въ томъ-же воззваніи священникъ писалъ, что имъ основано въ Яполоти братство (въ 1861 году), которое тоже нуждается въ помощи. Читатели изъ дальнѣйшаго узнаютъ, что братство не было основано въ 61 году и что выраженіе священника о братствѣ было фразой, разсчитанной лишь на возбужденіе благотворительныхъ чувствъ у читателей.

И. С. Аксаковъ, издававшій тогда „День", помѣстилъ воззваніе въ 24 нумерѣ своей газеты въ отдѣлѣ смѣси. Воззваніе, дышущее нѣсколько личными планами автора, но съ увлеченіемъ написанное и помѣщенное въ извѣстномъ и столь распространенномъ тогда славянофильскомъ органѣ, нашло отзывъ нѣкоторыхъ благотворителей. Въ числѣ первыхъ отозвалась 75-ти-лѣтняя помѣщица села Макаровки, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, Варвара Григорьевна Соханская, приславшая на починку церкви 25 рублей. Въ небольшомъ письмѣ, написанномъ по этому поводу священнику с. Яполоти, Варвара Григорьевна говоритъ о необходимости благолѣпія церковнаго и о единой православной церкви въ польско-русскомъ краѣ. Кромѣ того Соханская извѣщала, что благотворители отозвутся на ихъ нужды съ разныхъ концовъ Россіи.

Въ м. августѣ 1865 года, по иниціативѣ священника, въ с. Яполоти былъ созванъ сходъ около церкви, на которомъ письмо Сохансной было прочитано крестьянамъ. На этомъ сходѣ священникъ впервые предложилъ мысль объ устройствѣ братства. Крестьяне не понимали, что такое братство; но съ предложеніями, на первыхъ порахъ ни къ чему не обязывавшими, согласились и въ числѣ первыхъ братчицъ записали своихъ благотворительницъ Варвару Григорьевну и дочь ея Надежду Степановну Сохансную-Кохановскую.

Вспоминая впослѣдствіи обстоятельства своего вступленія въ члены Яполотскаго братства въ письмахъ, помѣщенныхъ въ аксаковской „Москвѣ", Надежда Степановна такъ говоритъ.

„Посылая первый матушкинъ вкладъ въ братскую бѣдную казну, я должна была написать, и мое простое сочувственное письмо показалось добрымъ людямъ чѣмъ-то особенно заслуживающимъ ихъ вниманія, такъ что они, принимая матушку старшей сестрой, объявили мнѣ, что, по моему письму, братство, даже не испрашивая моего согласія, записываетъ меня въ свои младшія сестры. Это было два дѣла въ однѣ и тѣ-же руки. Я потому и не искала сама записаться въ какое-либо братство, что все матушкино братское дѣло очень естественно

должно было лежать на мнѣ и вся переписка по немъ, хлопоты и сношенія итти неминуемо черезъ меня. Слѣдовательно, дѣло у меня было, а объ имени я не заботилась. Но вотъ и имя вспало на меня совершенно неожиданно. Не принять его? Отказываться отъ простодушно предложенной чести быть младшею сестрою между 30-ю крестьянами неизвѣстнаго братства? Чтобы поступить такимъ образомъ,—я не могла. Но я и не съ радостью приняла это избраніе, а напротивъ, я его приняла съ заботою и мыслью о томъ, что я сдѣлаю, дабы мнѣ не даромъ носить это имя младшей сестры Свято-Георгіева Яполотскаго братства". [1])

Намъ не удалось добыть „протокола" (если такъ можно выразиться) яполотскаго собранія. Ни въ степанской волости, ни въ стидинской (сосѣднія съ с. Яполоть волости) этотъ протоколъ, кажется, не явленъ. По разсказамъ крестьянъ, постановленіе „громады" писалъ одинъ солдатъ (кажется учитель яполотской школы) около церкви „на колодѣ". Священникъ о. Абрамовичъ тотчасъ-же написалъ Соханской о впечатлѣніи, произведенномъ на крестьянъ ихъ пожертвованіемъ. Къ письму былъ приложенъ и „протоколъ" собранія. Изъ возникшей по этому поводу переписки между мѣстнымъ священникомъ и Соханскими оказывается, что священникъ и крестьяне, поднимая вопросъ о братствѣ, всю надежду по его устройству возлагали почему-то на Соханскихъ. Должно быть краснорѣчивѣе всѣхъ другихъ писалъ объ этомъ Соханскимъ Абрамовичъ, судя по слѣдующему отвѣтному письму Соханской къ прихожанамъ.

„Съ большой радостью узнала я о начинающемся у васъ добромъ дѣлѣ объ устройствѣ братства, о которомъ мнѣ писалъ вашъ батюшка. Богъ да благословитъ ваше начинаніе, а св. великомученникъ Георгій [2]) своими молитвами да испроситъ у Бога милостей на доброе дѣло. Знаменитыя братства, слагавшіяся постепенно и питавшія въ себѣ крѣпкую народную силу

---

[1]) «Москва» 1867 г. № 67 («Поѣздка на Волынь»).

[2]) Церковь въ с. Яполоти построена въ честь св. Георгія.

православія украинской и литовской Руси, сдѣлали много въ свое время для края. Вамъ пришла хорошая мысль. Нужно только чтобы эта искра не погасла. Чтобы ей погаснуть,—я не думаю... Вашъ край, находившійся столь долгое время во власти поляковъ, и теперь требуетъ помощи со стороны истинно православныхъ русскихъ людей, которые, конечно, сердечно отозвутся, какъ только узнаютъ объ устроеніи братства. Горю желаніемъ видѣть васъ всѣхъ, дорогіе яполотцы, и быть можетъ буду у васъ осенью. Теперь-же посылаю пока свой русскій вамъ привѣтъ и прошу васъ обращаться ко мнѣ при всѣхъ затрудненіяхъ братства. Если я что могу, то помогу вамъ. Матушка вамъ кланяется." [1])

Мать Надежды Степановны Соханской Варвара Григорьевна, не смотря на свой преклонный возрастъ, была женщиной воспріимчивой, интересовавшейся народничествомъ и принимавшей живое участіе въ вопросахъ, касавшихся народнаго быта. Ея мечтой была идея всеславянскаго единства. „Матушка моя была одною изъ старухъ, помолодѣвшихъ возбужденнымъ чувствомъ русскаго всенароднаго единства", [2]) говорила о своей матери Надежда Степановна.

Подъ вліяніемъ Соханскихъ былъ составленъ уставъ братства, въ которомъ отмѣтимъ, какъ наиболѣе характерные—2, 9, 10, 11 и 12 пункты. Согласно второму пункту, цѣлью братства полагалось: „огражденіе православной вѣры и уставовъ святой нашей Церкви отъ всякой примѣси другихъ неправославныхъ исповѣданій, поддержаніе въ народѣ благочестія и миролюбія, содѣйствіе распространенію просвѣщенія и всегдашняя готовность содѣйствовать интересамъ и пользѣ Церкви, казны и государства." Девятый и десятый пункты касались устройства яполотскаго училища. Постановлялось—„поддерживать, сколько возможно, училище въ порядкѣ, снабжая его нужными по степени образованія книгами" и заботиться о „пріумноженіи числа

---

[1]) Письмо Варвары Соханской отъ 13 іюля 1866 года.

[2]) «Москва» 1867 г. № 67 («Поѣздка на Волынь», письмо 1-е).

учениковъ.“ Словомъ, долгъ братства, говорилось въ девятомъ пунктѣ, „стараться распространять грамотность въ народѣ сколь возможно въ обширномъ объемѣ“. Учителю яполотскаго училища—отставному вахмистру Нестерчуку—опредѣлялось жалованье въ 30 руб. и 20 корцевъ „збожа“ въ зернѣ. По десятому пункту предполагалось позаботиться о постройкѣ сельскаго училища или на громадской землѣ, или для этой цѣли купить землю у помѣщика. Одиннадцатый пунктъ гласитъ слѣдующее: „братство, въ случаѣ появленія какого-нибудь волненія близь села Яполоти со стороны крамольниковъ Россіи, не только обязано донести мѣстной полиціи, но и само, по первому требованію, спѣшить на защиту любезнаго отечества.“ По двѣнадцатому пункту проектировалось изъ 200 рублей учредить сельскую вспомогательную кассу съ умѣренными процентами (3 коп. въ годъ съ рубля). Проектъ устава, при прошеніи о. Василія и прихожанъ, былъ представленъ въ мѣсяцѣ мартѣ 1866 года на разсмотрѣніе Преосвященному Антонію, Архіепископу Волынскому.

Соханскія на первыхъ порахъ приняли дѣятельное участіе въ организаціи братства. Самый текстъ устава былъ составленъ ими и присланъ изъ Макаровки въ Яполоть. Имѣя многихъ знакомыхъ въ различныхъ кругахъ состоятельныхъ классовъ общества, Соханскія легко побуждали благотворителей къ пожертвованіямъ на братство. Пожертвованія церковными вещами и деньгами присылались въ Яполоть въ особенности послѣ того, какъ младшая братчица Н. С. Соханская выступила во многихъ періодическихъ изданіяхъ съ краснорѣчивой и увлекательной „просьбой“. Характерно по силѣ выраженія начало этой просьбы: „Выйти печатно и просить общество, какъ я выхожу и прошу, кланяясь по-русски на всѣ четыре стороны, для этого надобно вѣрить въ благородство своего общества, что оно не можетъ отказать въ просьбѣ“, такъ начиналась просьба. Изобразивъ далѣе въ увлекательныхъ, сильныхъ выраженіяхъ бѣдственное положеніе народа въ юго-западномъ краѣ, Надежда Степановна звала общество къ посильной помощи яполотскому братству,

членомъ котораго, какъ она сама говоритъ, „она была выбрана и записана безъ ея вѣдома". „Глубоко убѣжденная, что добро должно быть совершеннымъ добромъ въ цѣли и средствахъ, я,—такъ оканчивала Надежда Степановна свою просьбу,—по совѣсти не могу прибѣгнуть ни къ лоттереямъ, ни къ музыкальнымъ и литературнымъ вечерамъ. У общества есть и не можетъ не быть чистаго чувства христіанской любви, которое слышитъ зовъ и идетъ на помощь". [1])

Соханская не ошиблась „въ благородномъ упованіи". „Общество услыхало мой зовъ, писала Н. С. Соханская, и во всю ширину Россіи отъ Томска до Кавказа прислало мнѣ свои приношенія на братскую помощь. Деньги были присланы изъ Петербуга въ количествѣ 369 руб. 16 коп., [2]) изъ Москвы 243 р., [3]) изъ Харькова и Изюма 74 р. 15 коп., изъ Кіева, Таганрога, Херсона, Одессы—44 р. 15 к., изъ Урюпинской станицы, Ставрополя, Тифлиса 170 р., изъ Томска—51 р.; всего 951 р. 46 к." Для глухого бѣднаго села такой капиталъ въ то время казался необыкновеннымъ. Кромѣ того пожертвованія присылались еще и вещами. [4]) Къ этому должно прибавить, что „нѣкто купецъ Шодчинъ, находясь въ ссорѣ съ ближайшими своими наслѣдниками и минуя ихъ, отказалъ по духовному завѣщанію огромный капиталъ въ 200,000 рублей на церковь и благотворитель-

---

[1]) «Просьба» Соханской напечатана въ «Днѣ» 1860 г. № 52; перепечатана въ сборникѣ М. Погодина «Утро».

[2]) Въ числѣ Петербургскихъ жертвователей были: графъ Борисъ Перовскій, пожертвовавшій 100 рублей, Дружининъ и сынъ 100 р., Николай Кузнецовъ 50 р., граф. Блудова 25 р., Потемкинъ—25 р., сенаторъ Корніолинъ-Пинскій 10 р. и др.

[3]) М. П. Погодинъ пожертвовалъ 200 р. графъ Сологубъ 10 р. и др.

[4]) Разныя вещи присланы были волынскимъ губернаторомъ Михаиломъ Чертковымъ, Борисомъ Перовскимъ, Кузнецовымъ, Пастуховымъ. Московскіе купцы въ этомъ отношеніи оказались особенно щедрыми.

ныя дѣла". Изъ числа этихъ денегъ на яполотское братство предполагалось 5000 руб. Этотъ предполагаемый взносъ окрылилъ надежды Соханской. Она такъ была рада, что, по ея словамъ, „готова была взлѣзть на колокольню Ивана Великаго и кричать:—„Ой, спасибо тебѣ, златоглавая Москва..." —„Мысль моей просьбы встрѣтили довольно сочувственно и въ самыхъ разнородныхъ слояхъ общества,—писала Соханская Аксакову,—я почти вдесятеро имѣю болѣе того, о чемъ просила. Мих. Петр. Погодинъ пожертвовалъ 200 р., Перовскій больше, чѣмъ на двѣсти. Я цѣлыми вязанками пишу отвѣтныя письма. У меня теперь не литературное, а жизненное дѣло на рукахъ! Благослови, Господи, довести до конца". [1])

Эти деньги Соханская не нашла удобнымъ для себя переслать почтой. Она рѣшила лично ѣхать на Волынь, передать деньги и ознакомиться съ дѣлами братства. По поводу этой своей подписки Соханская писала И. С. Аксакову, съ которымъ находилась въ непрерывной перепискѣ: „Я должна была весной ѣхать въ Кіевъ и на Волынь, въ *свое* братство. По моей просьбѣ общество довѣрило мнѣ свои деньги, и я не смѣю и не могу, по мѣрѣ всѣхъ моихъ силъ, не отвѣчать на это довѣріе. Я сама ѣду—своими руками довезти до мѣста деньги и, какъ поможетъ Господь, лучше устроить все дѣло... Маменька не только не удерживаетъ, а побуждаетъ меня къ тому. И первая мысль поѣздки на Волынь принадлежитъ ей. Я было отступила передъ ней. Скажите мнѣ ваше доброе пожеланіе. Я вѣрую въ силу сердечнаго слова." [2]) „Чѣмъ болѣе я принимала этихъ благородныхъ приношеній, писала она черезъ годъ, тѣмъ живѣе у меня начало опредѣляться чувство той отвѣтственности, которая этимъ самымъ возлагалась на меня. Общество вниманіемъ и своимъ высокимъ довѣріемъ почтило меня и мои слова. Оно вручило мнѣ почти въ десять разъ болѣе того, что я искала получить.

---

[1]) «Русс. Обозр.» 1896 г. VI кн. письмо отъ 1 мая 1866 г.

[2]) Письмо отъ 1 мая 1866 г. «Русс. Обозр.» 1896 г. VI кн.

Распорядиться заглазно ста рублями еще было возможно, но о девятистахъ пятидесяти слѣдовало подумать. Кому, на чьи руки и подъ чью отвѣтственность я передамъ деньги? Положимъ, что уставъ братской помощи написанъ мною точно и опредѣлительно; но вслѣдствіе этой самой опредѣлительности, онъ довольно длиненъ, а братство сельское безграмотно. И уставъ написанъ по-русски; а на Волыни говорятъ нарѣчіемъ малороссійскимъ, испорченнымъ сильной примѣсью польскаго. Какъ его прочтутъ, и какъ растолкуютъ, и какъ его поймутъ? Если я искала получить деньги не для того только, чтобы одною рукою взять ихъ у общества, а другою передать кому случится,—то ни даже приходскому священнику, хотя бы и старшему братчику, я не могла, по совѣсти, сдать эти 950 руб. и думать, что все мною сдѣлано. Нѣтъ! Общество довѣрило эти деньги моему имени и моему слову, а никому другому. Я должна отвѣчать за самое вѣрное употребленіе ихъ къ той цѣли, для которой эти деньги пожертвованы. [1])

Весной 1866 г. Соханскимъ не удалось однако быть на Волыни. Лишь осенью въ концѣ сентября того-же года Н. Степ. съ матерью пріѣхали въ с. Яполоть, остановились у священника и на мѣстѣ познакомились съ положеніемъ новаго братства и его проектируемымъ уставомъ.

Раньше Соханскихъ въ Яполоть для знакомства съ юго-западнымъ краемъ и братствомъ пріѣзжалъ сотрудникъ „Дня“ Кокошкинъ, посланный сюда Аксаковымъ, но встрѣтилъ у мѣстнаго священника не особенно дружелюбный пріемъ. Размашистость натуры Кокошкина и нѣкоторая своеобразность костюма при смѣлости и широтѣ сужденій были достаточными основаніями для того, чтобы осторожный волынскій священникъ, привыкшій видѣть почти во всемъ польскую интригу, отнесся къ московскому корреспонденту съ подозрѣніемъ. Соханская, которой о. Абрамовичъ разсказалъ о посѣщеніи Кокошкинымъ с. Яполоти, впослѣдствіи такъ написала объ этомъ Аксакову. „А знаете-ли,

---

[1]) «Москва» 1867 г. № 67.

кто священникъ моего братства, гдѣ я была? Вашъ корреспондентъ въ „Днѣ", который подписывалъ „Волынянинъ". Онъ очень комически разсказывалъ мнѣ, какъ явился къ нему Кокошкинъ. „Богъ его знаетъ, что за проява така? Рубашка красная, сапоги повстанскіе, шапка заломлена, на всю Волынь козыремъ глядитъ! Не то полякъ, не то русскій! Вотъ напасть-то на меня, раба Божія, пришла! Хоть-бы отъ г. Аксакова у него записочка была, въ удостовѣреніе, что вотъ онъ отъ редакціи „Дня". А то явился невѣдомо кто, не знаемъ откуда,—и разсказывай. Нѣтъ, я себѣ языкъ прикусилъ." [1]) Аксакову Соханская писала о своей поѣздкѣ. Иванъ Сергѣевичъ очень интересовался западными окраинами и совѣтовалъ Надеждѣ Степановнѣ заняться описаніемъ своихъ дорожныхъ впечатлѣній. „Я желаю имѣть у себя въ газетѣ вашу „Поѣздку на Волынь", писалъ онъ ей. Думаю, что общее наше русское дѣло отъ того выиграетъ... Не знаю, какую форму вы дадите вашему описанію, но для меня было-бы удобнѣе, если-бы вы придали ему форму писемъ". [2]) Весной 1867 г. Н. С. послала „Поѣздку на Волынь" и обѣщала подсылать по мѣрѣ продолженія. „Кажется, все-таки отдѣлы вышли длинноваты, писала она Аксакову, и если вы найдете ихъ такими, то я обозначила мѣста, гдѣ ихъ можно раздѣлить". [3](Въ „Днѣ" письма Соханской не могли однако появиться, потому что газета была пріостановлена. Нѣсколько писемъ изъ „Поѣздки на Волынь" было помѣщено въ аксаковской „Москвѣ" 1867 года Нѣкоторыя обстоятельства мѣшали систематическому появленію писемъ.

Въ Яполоти Соханскія съ живѣйшимъ интересомъ изучали типъ полѣшуковъ, имѣвшихъ въ своей жизни не мало особенностей. Не малороссы въ строго-этнографическомъ смыслѣ и не бѣлоруссы, они своимъ смѣшаннымъ типомъ представляютъ много-оригинальнаго, рѣзко бросающагося въ глаза для свѣжаго на-

---

[1]) Письмо Соханской Аксакову отъ 27 дек. 1866 г.

[2]) Письмо Соханской къ Аксакову отъ 6 дек. 1866 г.

[3]) Письмо отъ 11 марта 1867 г.

блюдателя. Забитость и умственное убожество при мягкости и неподвижности характера, незлобивость въ отношеніи къ евреямъ и полякамъ, косность въ хозяйственной области, крайняя непритязательность въ домашнемъ быту (курныя избы, пребываніе домашнихъ животныхъ въ одномъ помѣщеніи съ людьми)— вотъ основныя черты, характеризующія типъ волынскаго полѣшука и въ настоящее время.

Соханскія ѣздили по сосѣднимъ селамъ, разспрашивали обо всемъ, принимали участіе въ положеніи наиболѣе бѣдныхъ семействъ, записывали даже полѣсскія пѣсни, пословицы и побуждали всѣхъ интеллигентовъ, съ которыми имъ приходилось встрѣчаться, заняться серьезнымъ изученіемъ этого края. Посѣщая мѣстныя, въ то время убогія, школы, онѣ экзаменовали учениковъ, раздавали имъ подарки и почему-то совѣтовали вести учителямъ дневники и присылать ихъ въ Макаровку. Для чего понадобились дневники Соханской, мы не знаемъ. Нѣкоторые изъ учителей посылали ей, кажется, какія-то записи.

Но главнымъ образомъ Соханскія интересовались, конечно, устройствомъ братства въ Яполоти. Разсказываютъ, что на первомъ сходѣ, созванномъ съ этою цѣлью „на цвинтарѣ", толпа попросила у Соханскихъ денегъ „на свою бидноту". Какой-то мѣстный грамотѣй подалъ ей по этому поводу прошеніе. У „доброй пани" не хватило духу отказать бѣдной толпѣ почти нищихъ. Соханскія дали имъ „недѣлкового" (сходъ былъ въ воскресенье). Это было большой ошибкой въ исторіи устройства братства. На слѣдующій сходъ толпа почти удвоилась: пришли крестьяне сосѣднихъ деревень, до которыхъ дошелъ слухъ о необыкновенной благотворительности Соханскихъ. Въ мѣстныхъ кабакахъ пьянство усилилось. Крестьяне соглашались на все, только-бы получить что-нибудь съ „украинской пани".

Всѣ благотворители зачислены были будущими членами проектируемаго братства (въ книгѣ, хранящейся при яполотской церкви, насчитываютъ до 40 братскихъ фамилій). Странно, что въ числѣ братчиковъ значились лица, жившія въ Москвѣ, Петербургѣ, Харьковѣ, Кіевѣ и не было *ни одного* интеллигента изъ

обывателей сосѣднихъ мѣстечекъ и городовъ (если не считать мѣстнаго священника).

Не забыта была благотворителями и бѣдная яполотская школа, попечительницей которой была избрана Надежда Степановна. Нѣкто Ѳеодоръ Ивановичъ Рычинъ изъ Москвы въ мѣсяцѣ январѣ 1867 г. выслалъ на имя ровенскаго благочиннаго 55 книгъ въ яполотскую школу и церковную библіотеку. Съ книгами этими вышло недоразумѣніе. Ровенскій протоіерей о. Даніилъ Клюковскій, должно быть не разобравъ въ чемъ дѣло, раздалъ всѣ полученныя для братства книги по церковно-приходскимъ школамъ своего округа. Соханская возмущалась нерасторопностью протоіерея и даже жаловалась на него консисторіи. [1]) Въ частномъ письмѣ къ Абрамовичу Соханская писала, что „такая небрежность благочиннаго возмутительна. Если городскіе протоіереи таковы, то каковы должны быть у васъ сельскіе священники и что, спрашивается, можно сдѣлать въ народѣ при такой небрежности со стороны лицъ, коимъ ввѣрено высокое попеченіе о духовномъ благѣ народа? Вы одинъ, батюшка, можете еще дѣлать дѣло и на васъ моя главная надежда: убѣждайте, говорите, проповѣдуйте неотступно и главное съ самоотверженіемъ, ибо безъ самоотверженія пастырская дѣятельность превращается въ ремесло, мало чѣмъ уступающее кузнечеству, плотничеству и пр. Да, о. Василій, дерзайте и не падайте духомъ! Въ окружающемъ Васъ темномъ людѣ ищите сами себѣ поддержки. Вамъ ввѣрено попеченіе о сельскихъ школахъ, постарайтесь ихъ поставить какъ можно лучше. Добрая школа въ народѣ это—свѣтъ Христовъ, проникающій души людей.—А относительно книгъ не безпокойтесь; я уже написала преосвященному и еще напишу, чтобы онъ принялъ соотвѣтствующія мѣры, потому что оставить этого дѣла нельзя.“ [2])

---

[1]) Жалоба Соханской писана отъ 13 дек. 1867 г.

[2]) Письмо отъ 4 декабря 1867.

Между тѣмъ, уставъ братства ходилъ по различнымъ административнымъ инстанціямъ и разсматривался гражданскими и церковными властями. Преосвященный предложилъ его на разсмотрѣніе Волынскому губернатору генералъ-маіору Черткову. [1]) Губернаторъ, по разсмотрѣніи, нашелъ уставъ составленнымъ неудовлетворительно: 11-й пунктъ оказался неумѣстнымъ, 12-й весьма неопредѣленнымъ, а въ 9-мъ были введены излишнія подробности. Уставъ былъ возвращенъ консисторіи, а консисторія возвратила его Абрамовичу для исправленія. [2]) Вернувшійся уставъ уже не засталъ о. Василія въ Яполоти, онъ былъ переведенъ въ Бѣлостокъ, луцкаго уѣзда. Исправленіе устава было поручено его преемнику свящ. Шумскому. Большой ошибкой епархіальнаго начальства было назначеніе въ с. Яполоть о. Шумскаго, человѣка узко-практическаго и съ странностями въ характерѣ (онъ черезъ нѣкоторое время повѣсился въ своей клунѣ). Мало-заинтересованный уставомъ братства, онъ отложилъ порученное ему исправленіе братскаго устава ad calendas graecas. На этомъ и остановилась дѣловая,—оффиціальная сторона братства. А Соханская посылала письмо за письмомъ и къ братчикамъ, и къ священнику и ждала „плодовъ отъ новонасажденнаго виноградника,“ какъ она выражалась въ одномъ изъ писемъ.

„Бога ради поторопитесь окончательной редакціей устава и представьте его куда слѣдуетъ, писала она яполотскому священнику (должно быть Шумскому, дата на письмѣ не обозначена). Вы пишете, что правительство не разрѣшило братства. Это не вѣрно, и вы своимъ несообразнымъ толкованіемъ только смущаете умы. Правительство только не согласно съ нѣкоторыми статьями устава, которыя нужно измѣнить или даже выбросить. Хотя и жаль вычеркивать одиннадцатый пунктъ, однако дѣлать нечего: воля высшаго начальства для насъ приказъ. Съ своей стороны мы должны стараться, чтобы сдѣлать

---

[1]) При отношеніи отъ 25 марта 1867 г. за № 215.

[2]) Указъ консисторіи отъ 15 іюня 1867 г. за № 5962.

все, что отъ насъ зависитъ, дабы не быть изобличенными въ неумѣніи взяться за дѣло. На нашемъ братствѣ, не забывайте этого, лежитъ святая обязанность просвѣтить народъ."

Въ другомъ письмѣ Соханская, поздравляя прихожанъ съ наступающимъ церковнымъ праздникомъ, пишетъ, между прочимъ, такимъ образомъ: „Ну, что-же нашъ новонасажденный виноградъ? скоро-ли онъ принесетъ желанные плоды? Я положительно мучусь судьбой нашего братства, которое уже нѣсколько лѣтъ не можетъ даже дойти до своего устава. До какихъ поръ мнѣ ждать извѣстій о немъ? Сдѣлано-ли то, что я просила? Если вамъ, батюшка, нѣтъ возможности заняться уставомъ, то неужели въ селѣ не найдется грамотнаго человѣка, который переписалъ-бы уставъ и прислалъ-бы его по крайней мѣрѣ мнѣ? Какое невѣжество! Когда вы меня записали въ число братчицъ, я переболѣла душой за западно-русскій край и думала, что вы и сами не откажетесь отъ какой-нибудь работы, а теперь съ удивленіемъ вижу, что вы надѣетесь только на меня и должно быть ждете, чтобы я опять пріѣхала въ вашъ далекій край. Всё, что я могу сдѣлать, сдѣлаю и, если-бы не мое нездоровье, я, быть можетъ, пріѣхала-бы къ вамъ, но по нездоровью и домашнимъ обстоятельствамъ не могу. Вмѣстѣ съ симъ я пишу волынскому губернатору и преосвященному и прошу ихъ помочь вамъ. Но я знаю, что сами они ничего для васъ не сдѣлаютъ, если вы не позаботитесь о себѣ. Вѣдь когда человѣкъ самъ о себѣ не заботится, то и Богъ ему не поможетъ, не то что губернаторъ." [1]) Идеальные вопли народолюбки были тщетны. Оффиціальная сторона братства на этомъ остановилась и дальше не пошла.

III.

Не ограничиваясь устройствомъ яполотскаго братства, Соханскія задумали организовать братства меньшихъ размѣровъ

---

[1]) Отъ 5 апрѣля 1868 года.

въ сосѣднихъ селахъ Космачевѣ, Збужѣ, Золотолинѣ и др. Съ этой цѣлью онѣ во время своего перваго пребыванія на Волыни ѣздили по разнымъ селамъ, собирали гдѣ можно было сходы и толковали крестьянамъ о пользѣ братствъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Съ этой-же цѣлью Соханская кажется раздавала народу своего рода прокламаціи. До сихъ поръ еще среди грамотной части населенія ходитъ тетрадка съ надписью: „Призывъ къ братской помощи.“ Мы имѣли возможность видѣть одинъ экземпляръ этого призыва, хранящагося въ архивѣ спасо-преображенской церкви въ м. Степани. Приводимъ его дословно, исправляя орфографическія неправильности, допущенныя переписчиками. „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Братства, это возможное исцѣленіе, это исторически передѣланное (переданное) намъ орудіе древней православной силы побороть нашего врага. Въ чемъ теперь весь вопросъ правительства и вся забота тѣхъ людей, у которыхъ болитъ сердце за западно-Русскій народъ? Въ томъ, чтобы высвободить народъ изъ подъ вліянія панства и жидовъ, которые не смотря на объявленную волю, держатъ бѣдное истощенное народонаселеніе въ самой тяжкой неволѣ—въ своей кабалѣ. И чтобы посмотрѣть, что это за панско-жидовская кабала? Загляните въ № 38 „Дня“, въ „Областное обозрѣніе“. Это ссуженный рубль за 100 и 130 процентовъ, оплачиваемыхъ работою! Это позорные 8 рублей обольщенной женщины и за которые однако-же взимается процента въ недѣлю по копѣйки съ рубля! Это 17 р. на цѣлый годъ закрѣпощеннаго въ работу человѣка по два дня въ недѣлю мужицкихъ (мужскихъ) и по одному женскому! И это еще вещественная цѣна, а во что поставить невещественную оцѣнку того, что является бѣднякъ съ поклономъ въ ноги пану или его клеврегу жиду и слышитъ: „Что? Сладка Московская воля? Что-же ты не къ Москалямъ идешь, собачья твоя вѣра и собачья кровь (psia viara i psia krew)!“ Во имя Христа Бога, во имя брата нашего единовѣрнаго и едино-Русскаго, изъ котораго тянутъ жилы и надъ которымъ ругается исконный врагъ Христа и безумный врагъ всего, что есть Русское—братства,

возобновленныя братства должны прійти на помощь! Снять поруганіе съ этой называемой Москвы, не дать убить вѣру въ насъ, нашего брата и, что важнѣе всего, братской помощью ослабить мертвый бселъ, который затягиваютъ они вмѣстѣ, жидъ и панъ, на шеѣ освобожденнаго народа. Но какъ сдѣлать? Въ чемъ можетъ состоять эта „братская помощь". Въ ста рубляхъ—которые пусть братчики, записавшіеся изъ насъ, постараются положить въ основу своихъ братствъ и сдѣлаютъ эту сумму братской помощью въ своемъ приходѣ для всякаго, кому прежде нужно было идти продавать себя жиду, или отдаваться въ кабалу къ пану—сдѣлаютъ эти сто рублей приходскимъ заемнымъ банкомъ, изъ котораго братство будетъ выдавать свои суды за проценты; но эти проценты, безъ сомнѣнія, не могутъ быть ни панскими, ни жидовскими процентами. Эта сумма: сто рублей! намъ можетъ показаться ничтожною и не стоющею того, чтобы съ нею приступать къ дѣлу, но могу васъ увѣрить, она стоитъ великаго для бѣднаго народа. Его нужды потому то являются крайними вопіющими нуждами, что онѣ составляютъ послѣднее, въ чемъ можетъ себѣ отказать человѣкъ и бываютъ такъ ничтожно-малы, что не превышаютъ трехъ-четырехъ рублей—но эта трехрублевая нужда гнетомъ смерти лежитъ на Бѣлорусцѣ, обутомъ въ дрянныя лапти, одѣтомъ въ бѣлую безцвѣтную одежду и который ѣстъ хлѣбъ пополамъ съ мякиною и еще добавляетъ его древесной корой! Неужели вы думаете, что содержатель корчмы еврей, который съ тѣмъ вмѣстѣ держитъ все населеніе въ кабалѣ, имѣетъ всегда въ наличности болѣе, чѣмъ сто рублей, которые онъ раздаетъ на свои жидовскіе проценты? Нѣтъ, онъ очень часто не имѣетъ половины этой суммы; но все дѣло въ томъ, что въ этомъ бѣдномъ селеньѣ, въ этомъ „родномъ краѣ долготерпѣнья", гдѣ люди живутъ даже не на мѣдный грошъ, а на вѣники и на сушеные грибы—а государственную подать и еще теперь усиленную выкупною ссудою платятъ не грибами и не вѣниками—жидъ есть единственное лицо, которое звенитъ деньгой передъ бѣднымъ народомъ и у котораго рубль-два ли, но есть возможность получить взаймы,

не стоя уже ни за какими жидовскими процентами. И вотъ здѣсь-то именно на этой посредствующей ступени между государствомъ съ его необходимыми тяжелыми требованіями и бѣднымъ истощеннымъ народомъ съ его піявками, нашей общественной силою пусть воздвигнутся и станутъ возобновленныя братства съ ихъ сторублевой братской помощью—чтобы московская воля не показалась хуже панской неволи. Имѣющій уши слышать да слышитъ.... Аминь".

Соханская умѣла писать... Сомнительно, конечно, чтобы кто либо изъ малограмотныхъ помѣщиковъ, слѣдуя призыву, заглядывалъ въ „Областное обозрѣніе" „Дня", едва-ли многіе изъ нихъ понимали смыслъ и значеніе братствъ, но самый фактъ существованія „призыва" въ нѣсколькихъ спискахъ показываетъ, какъ высоко ставилъ полѣшукъ авторитетъ Соханской. Каждое ея слово звучало для него среди глухихъ лѣсовъ полѣсья, какъ символъ избавленія отъ нужды и экономическаго гнета и это слово, быть можетъ, тѣмъ болѣе его электризовало, чѣмъ менѣе онъ его понималъ. Неизвѣстно, какъ появился „призывъ" въ видѣ литературнаго отдѣльнаго произведенія. Такъ какъ содержаніе „призыва" за малыми исключеніями почти буквально схоже съ частью „Письма изъ Волыни", напечатаннаго въ 67 № „Дня", то естественнѣе всего предположить, что Соханская прислала этотъ номеръ мѣстному священнику, а тотъ распространилъ его среди крестьянъ, придавъ ему форму призыва. Читатель изъ дальнѣйшаго увидитъ, что для такого предположенія есть основаніе.

Любопытна попытка Н. С. Соханской реорганизовать старинныя, такъ называемыя цеховыя братства въ м. Степани [1]), ровенскаго уѣзда.

Это мѣстечко и теперь считаетъ у себя болѣе десятка братствъ. Организованныя на началахъ литовско-польскихъ статутовъ и насчитывающія столѣтія своего существованія степанскія братства, съ прекращеніемъ польскаго режима въ краѣ,

[1]) Степань отстоитъ отъ Яполоти въ 20 верстахъ.

приняли очень своеобразную форму, въ которой существуютъ и до настоящаго времени. Степанскія цеховыя братства заслуживаютъ особеннаго вниманія, уже потому одному, что успѣли до сихъ поръ сохраниться не въ формѣ отжившей традиціи (какъ въ другихъ мѣстечкахъ), а въ формѣ все еще живучихъ, дѣйствующихъ и усердно поддерживаемыхъ крестьянами общинъ. Всѣхъ цеховыхъ братствъ въ м. Степани въ настоящее время девятнадцать. До настоящаго времени степанскіе цехи держатся еще своей давней, довольно стройной организаціи. Старшій братчикъ—цехмистръ (или цехмистриха, смотря по тому мужскій ли цехъ, или женскій) представляютъ первую и самую главную инстанцію въ этой организаціи. Онъ главный распорядитель въ цехѣ. Въ домѣ у него—цеховой сундукъ съ цеховыми деньгами, документами, книгами, разными квитанціями и записями по дѣламъ цеха. Но распорядительная власть его значительно ограничена „подскарбіями". „Подскарбій", (или „подскарбая")—повѣренный цехмистра. Одинъ безъ другого не въ правѣ ничего предпринять, даже открыть цеховой сундукъ, такъ какъ ключи отъ стоящаго въ домѣ цехмистра сундука хранятся у подскарбія—жителя иногда совершенно другой улицы. Подскарбій и цехмистръ составляютъ родъ постояннаго цехового совѣта. Третью инстанцію въ организаціи цехового начальства составляютъ три „лавника" (или „лавнички"), исполняющіе второстепенныя обязанности, возлагаемыя на нихъ цехмистромъ. Это въ своемъ родѣ цеховая полиція,—сотскіе по дѣламъ цеха. Цеховые братскіе праздники, представляютъ въ настоящее время картину общаго пьянства. На праздникѣ, кромѣ братчиковъ, могутъ присутствовать и посторонніе, но съ нихъ взимаются особыя денежныя пожертвованія, которыя тоже пропиваются. Для этой цѣли въ хатѣ цехмистра во все время пиршества стоитъ кружка для сбора пожертвованій отъ постороннихъ посѣтителей. Цеховой праздникъ иногда превращается въ шумную оргію разгулявшихся крестьянъ и бабъ. Въ хатѣ цехмистра подымается въ это время невообразимый шумъ и гамъ, для усмиренія котораго даже власть цехмистра оказывается безсильною.

По сознанію самыхъ крестьянъ, на рыбарскомъ цеховомъ праздникѣ ими пропивается до 100 рублей, а на пахарскомъ—обыкновенно продолжающемся 10 дней (отъ перваго января), выпивается 40 ведеръ водки и съѣдается цѣлый быкъ, который покупается для этой цѣли на братскія деньги. Особенно шумно празднуютъ свои годовые праздники тѣ цехи, праздники которыхъ приходятся осенью и зимою, когда у крестьянъ бываетъ меньше хозяйственныхъ хлопотъ и больше досужаго времени; таковы: пахарскій, шевскій, кушнирскій и братскіе цехи. Эти послѣдніе празднуютъ иногда до двухъ недѣль; другіе цеховые праздники длятся недѣлю и только немногіе бѣднѣйшіе цехи (какъ пречистскія сестры, бортники и др.) празднуютъ свой праздникъ только три дня. Въ дни цеховыхъ торжествъ пропивается весь капиталъ, собранный годовыми взносами братчиковъ. Послѣ праздниковъ цеховая кружка совершенно пуста. Сами крестьяне сознаютъ, что отъ цеховыхъ праздниковъ наибольшая прибыль бываетъ только еврею Мошку.

Соханскія еще до пріѣзда на Волынь знали объ этихъ братствахъ, такъ какъ въ воззваніи Абрамовича, напечатанномъ въ „Днѣ“, было упомянуто объ одномъ изъ этихъ братствъ. Ознакомившись, по слухамъ, съ ненормальными сторонами этихъ братствъ, Надежда Степ. задалась цѣлью ихъ переустройства. Одно случайное обстоятельство содѣйствовало ея участію въ дѣлахъ степанскихъ братствъ. Во время пребыванія Соханскихъ въ Яполоти, чрезъ это село возвращались „изъ жнивъ“ (мѣстнаго отхожаго промысла, очень развитого здѣсь) нѣкоторые члены степанскихъ цеховыхъ братствъ (въ числѣ ихъ находился самъ цехмейстеръ ткацкаго цеха). Крестьяне были позваны въ училище къ Соханской, которая обстоятельно разспрашивала ихъ о братствахъ, школѣ и, какъ говорилъ мнѣ одинъ участникъ этой аудіенціи, „дала намъ якіясь книжечки и стильки грошей, скильки мы не заробылы на жнивахъ“. Быть можетъ сумма данныхъ денегъ сильно преувеличена въ воспоминаніяхъ крестьянъ, но безспорно, что заработки ихъ тогда были очень не велики, а Соханская, въ порывѣ своей симпатіи къ народу,

была щедрой благотворительницей. Для какого назначенія были даны Соханской деньги крестьяне не помнятъ; но деньги они взяли себѣ. Придя домой, крестьяне такъ расхвалили „чудную пани“, что многіе изъ почтенныхъ крестьянъ м. Степани потянулись въ одинъ изъ воскресныхъ дней въ Яполоть за новыми подачками, но вернулись ни съ чѣмъ. Сохапскія уже выѣхали изъ Яполоти въ свое имѣнье. Какія книжечки были даны Соханской и куда онѣ дѣвались,—никто ничего не можетъ сказать.

Участіе Соханской въ дѣлахъ степанскихъ братствъ было менѣе замѣтно, и потому степанскіе крестьяне мало помнятъ Соханскую. Сама она хорошо понимала, что воскресить прежнее значеніе братствъ было не въ ея силахъ. „Но вопросъ о самыхъ возобновляемыхъ братствахъ и возможной судьбѣ ихъ, говоритъ она, *привлекъ все мое вниманіе*. Быть тѣмъ, чѣмъ была и осталась въ исторической памяти благотворная дѣятельность знаменитыхъ братствъ, слагавшаяся постепенно и которая наконецъ впитала въ себя всю народно-православную духовную силу литовской и украинской Руси,—быть этимъ блѣдной тѣни, едва поднимающейся изъ гроба, конечно, нечего было ожидать. И однако же не ожидая на первыхъ порахъ многаго—о самомъ существованіи возобновляемыхъ братствъ, являлся пытливый, неотступный вопросъ: жизнь ли въ нихъ, или одна вспышка, которая блеснетъ и погаснетъ? И вотъ, чтобы не погасла эта искра былой народной жизни, объявляющаяся въ наше время, мнѣ казалось необходимымъ дать церковнымъ братствамъ однажды навсегда залогъ, который бы упрачивалъ имъ существованіе помимо всѣхъ колеблющихся и преходящихъ личныхъ вліяній. Такой залогъ, которымъ бы братство, не оставляя своихъ приходскихъ попеченіи о церкви, съ тѣмъ вмѣстѣ расширило свою дѣятельность, подступило бы съ нею къ самому народу и въ непроходимую чащу его крайнихъ вопіющихъ нуждъ могло-бы внести свою „братскую помощь“. [1])

---

[1]) «Москва» 1867 г. № 67.

Чтобы поддержать эту „искру былой народной жизни“, Соханская писала мѣстнымъ священникамъ длинныя письма о значеніи братствъ. Одно изъ такихъ писемъ было адресовано степанскому священнику о. С. К—у [1]). „Я узнала, что у васъ, о. С., издавна существуютъ братства, которыя, польско-латинскими обычаями, не только не содѣйствуютъ развитію добрыхъ понятій въ народѣ, но напротивъ разрушаютъ и тѣ понятія, какія сохранились въ немъ подъ покровомъ православнаго духовенства. Я очень была возмущена, когда услышала, что такое у васъ дѣлается по братству и потому намѣрена сказать вамъ, о. Симеонъ, нѣсколько словъ о значеніи братствъ въ русско-западномъ краѣ“. Далѣе слѣдуетъ на полторы страницы разъясненіе значенія историческихъ братствъ Львовскаго, Виленскаго, Острожскаго и др. „Братство—великое христіанское дѣло, пишетъ Соханская далѣе, но какъ можно допустить, чтобы такое дѣло получило столь неправильное теченіе, совершенно противное духу правительства. Развѣ знаменитые защитники православія для того основывали братства, чтобы ихъ преемники находили въ братскихъ суммахъ лишь одинъ источникъ для пьянства и народнаго безобразнаго разгула? Сердце мое сжимается, когда я узнала, какъ добрые и порядочные изъ прихожанъ даже совершенно непьющіе, напиваются именно въ братскій день; и главное суммы для этого берутъ изъ братской кружки, въ которой послѣ праздника не остается ничего. И хоть бы что нибудь осталось для храма Божія; я уже не говорю о разныхъ добрыхъ учрежденіяхъ, которыя должны бы поддерживаться на средства братства. Почему бы на эти братскія суммы, которыхъ, какъ я освѣдомлена, собирается очень много, но соорудить икону или по крайней мѣрѣ помочь бѣдной школѣ“. Посему, мой вамъ искренній совѣтъ, о. Симеонъ, употре-

[1]) Письмо отъ 28 іюня 1867 года (письмо сохранилось въ неоконченномъ видѣ). По странной случайности оно хранится у цехмейстера ткацкаго цеха въ м. Степани, хотя адресовано степанскому священнику.

бите все свое усиліе и пастырскій авторитетъ, чтобы вывести бѣдный народъ изъ его заблужденій; это прямое ваше дѣло, о которомъ вы дадите строгій отвѣтъ Господу Богу. Посылаю взносъ для братства 5 рублей и прошу васъ писать мнѣ обо всемъ, что касается вашихъ дѣлъ. Примите къ свѣдѣнію и то, что о степанскихъ братствахъ отъ меня послѣдуетъ особое донесеніе волынскому преосвященному, потому что этого дѣла такъ нельзя оставить". Невѣдомо, куда пошли присланныя при письмѣ деньги, потому что записей о братскихъ суммахъ въ степанскихъ братствахъ не велось. Можно одно сказать, что не одно трогательное письмо на эту тему, должно быть, вышло изъ подъ пера отзывчивой народолюбки—и все таки результатъ дѣятельности Соханской на устройство братствъ въ ровенскомъ уѣздѣ, волынской губерніи, свелся къ нулю [1]). Съ какими подчасъ недоразумѣніями приходилось считаться Н. С. Соханской при устройствѣ братствъ, можно судить хотя бы по слѣдующей выдержкѣ изъ письма о. С. К—го, писаннаго Соханской. Письмо въ черновомъ видѣ сохранилось въ бумагахъ, относящихся къ братствамъ преображенской степанской церкви. „Сегодняшняго дня 20 сего октября въ восемъ часовъ вечера степанскіе жители крестьяне Максимъ Цецыкъ съ женою своею Агриппою, зятемъ Прокопіемъ и прочими братчиками, по прозванію мнѣ неизвѣстными, вошли ко мнѣ въ домъ и какъ въ то время по хозяйскимъ занятіямъ не былъ въ домѣ, то они напали на жену мою безъ всякой причины, будучи въ разъяренномъ видѣ, ругаясь съ поносными словами, приговаривая, что я и жена моя воры и воровъ у себя удерживаемъ и болѣе. Какъ же это обидно для сана священника, и я съ женою моею невинно страждемъ на чести въ нынѣшнихъ крайнихъ обстоятельствахъ, что и дѣти больны"... и т. д. и т. д. „Посему вашу свѣтлость заблаговременно спѣшу увѣдомить, что если вы не войдете въ сіе дѣло братчиковъ съ аккуратною выправкою и удовлетвореніемъ

---

[1]) О степанскихъ цеховыхъ братствахъ и ихъ современномъ значеніи см. мою статью въ «Кіевс. стар.» 1890 г. VII.

за невинную обиду, то я теряю почву подъ собою. А что они (?) вамъ пишутъ, то все я предупреждаю суть клевета древняго змія достойная. Настоящее письмо посылаю чрезъ нарочнаго въ Кіевъ"...(?) Такіе эпизоды въ понятіи священника удивительнымъ образомъ связывались съ реорганизаціей братства. И чего только, подумаешь, не доводилось читать Н. С. Соханской по поводу широко-задуманныхъ ею предпріятій. Конечно, изъ однихъ писемъ ничего не вышло.

IV.

Больше сочувствія въ народѣ нашли для себя попытки Соханской организовать для нуждающагося населенія сельскіе банки. Замыслы ея въ этомъ направленіи были очень широки. Къ осуществленію ихъ она побуждалась фактами еврейской эксплоатаціи, о которыхъ не могла не знать, побывавъ въ юго-западномъ краѣ. Еще въ своей „Просьбѣ" она поэтому настойчиво проводила мысль о необходимости учрежденія въ краѣ приходскихъ заемныхъ банковъ по крайней мѣрѣ въ 100 руб. для того, чтобы избавить сельское населеніе отъ еврейской эксплоатаціи. По смыслу 12-й статьи братскаго устава, дѣйствительно въ селѣ Яполоти учреждался банкъ въ 200 руб. Уставъ банка о. Абрамовичъ съ братчиками предоставилъ выработать его основательницѣ. Надежда Степановна Соханская дѣйствительно составила 1-го октября 1866 года уставъ „Братской помощи на твердыхъ и неизмѣнныхъ основаніяхъ".

Эти основанія,—столь же мѣстами непрактичныя, сколько и наивныя,—во всякомъ случаѣ заслуживаютъ серьезнаго вниманіѣ—какъ фактическія данныя, свидѣтельствующія о попыткахъ практически разобраться въ одномъ изъ сложныхъ вопросовъ, объ устройствѣ сельскихъ банковъ,—до сихъ поръ еще представляющемъ много затрудненій для своего разрѣшенія. „Во-первыхъ,—помощь изъ банка дается только православнымъ,—гласитъ уставъ.—Во-вторыхъ, заемъ выдается на полгода; про-

центъ ½ копѣйки съ рубля (въ братскомъ уставѣ проектировалось % три копѣйки съ рубля въ годъ); въ третьихъ, единократно можетъ быть выдано нуждающемуся не менѣе рубля и не болѣе 15 руб.; въ четвертыхъ, ссуда дается на крестьянскія недоимки и подати прежде всего; въ пятыхъ, должникъ, не возвратившій черезъ полгода занятой суммы, не имѣетъ болѣе правъ получать деньги изъ банка; равнымъ образомъ отказывается въ займѣ и его дѣтямъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не выплатятъ долгъ отца; въ шестыхъ, проценты съ заемныхъ суммъ приращаются къ основному капиталу; въ седьмыхъ, братскія суммы должны храниться въ особомъ сундукѣ, въ восьмыхъ, для храненія и выдачи избираются періодически четыре крестьянина изъ каждаго села (т. е. Яполоти и приписанныхъ: Жалина, Збужа и д. Вулки); въ девятыхъ, эти хранители и распорядители суммъ избираются только на годъ; дважды въ годъ долженъ быть контроль суммъ (въ Воскресенье 23 Апрѣля и предъ праздникомъ Покрова); и, наконецъ, въ десятыхъ, „братская помощь учреждается доброхотными пожертвованіями русскихъ добрыхъ людей изъ Петербурга, Москвы и другихъ далекихъ городовъ Россіи и свидѣтельствуется подписью и печатью Надежды Степановны Соханской-Кохановской—младшей сестрицы".

На такихъ „твердыхъ и неизмѣнныхъ основаніяхъ" въ с. Яполоти основался сельскій банкъ. Основной капиталъ его въ количествѣ 450 руб. сложился изъ 300 руб., пожертвованныхъ Надеждою Степановной, 100 руб. отъ полковника Никифора Ежева и 50 рублей Четверикова. Надежда Степановна ревностно и горячо принялась за устройство Яполотскаго банка. Она искренно вѣрила въ силу своего дѣла и продолжала его усердно и съ увлеченіемъ. Своими „пламенными" письмами она побуждала своихъ знакомыхъ къ содѣйствію ея планамъ. До какой степени широки были ея планы о яполотскомъ банкѣ и какъ могли-бы при другихъ обстоятельствахъ счастливо пойти его дѣла,—можно судить по слѣдующему письму къ ней П. Н. Б., помѣщенному въ „Волыни" Н. И. Петрова: „Г. Четверн-

ковъ надѣется въ скоромъ времени, писалъ Б., исполнить ваше желаніе учредить сельскій банкъ и на этотъ предметъ прислать въ распоряженіе ваше до 500 рублей. Поздравляю васъ съ такимъ блестящимъ релультатомъ, покорнѣйше прошу и впредь о нуждахъ вашего братства (о которомъ я много слышалъ отъ Б. А. Перовскаго) увѣдомлять меня и быть увѣренной въ полномъ моемъ участіи къ доброму дѣлу, вами предпринятому" [1]). Но не суждено было устроиться Яполотскому банку на такихъ широкихъ и „неизмѣнныхъ", какъ писала Соханская, основаніяхъ. Яполотцы не умѣли оперировать и съ сложными 450 рублями. Они поступили съ ними такъ, какъ и должны были поступить бѣдняки, предъ глазами которыхъ открылась для безконтрольнаго пользованія сумма въ 450 рублей. Не успѣла еще касса открыться, какъ масса нуждающихся явилась съ спросомъ и чрезъ нѣсколько недѣль весь почти капиталъ очутился на рукахъ заемщиковъ. Ни одна статья изъ составленнаго Соханской устава „Братской помощи" не выполнилась. Проценты платились только на первыхъ порахъ, а затѣмъ совсѣмъ прекратились. Взявшіе ссуды въ 60 годахъ, держатъ ихъ до настоящаго времени, не выплачивая ни процента, ни заемнаго капитала. Въ числѣ первыхъ неплательщиковъ числился долгое время псаломщикъ яполотской церкви П. А., взявшій изъ братскаго капитала 20 рублей и заслужившій справедливое порицаніе отъ Надежды Степановны, которую братчики увѣдомляли иногда о давнихъ неплательщикахъ. „Это не простительно и неизвинительно ничѣмъ, писала по этому поводу Соханскаа, вѣдь если-бы А. взялъ эти деньги у жида, онъ-бы давно уплатилъ ихъ со всѣми жидовскими процентами" [2]). Деньги брались все мелочами.

О распорядителяхъ (по смыслу 8 и 9 ст. устава) и помину не было. Собраніе четырехъ распорядителей изъ разныхъ селъ, кромѣ своего неудобства взаимнаго сообщенія, при даль-

---

[1]) «Волынь» Н. И. Петрова, примѣчаніе 369-ое.

[2]) Письмо Соханской отъ 2 марта 1878 г.

ности разстоянія селъ, было совершенно излишнимъ, такъ какъ банковый сундукъ скоро оказался почти пустымъ. Записная книга братской помощи представляетъ лабиринтъ безконтрольныхъ, неопредѣленныхъ записей безъ обозначенія времени выдачи и срока отдачи. Достаточно сказать, что нѣкоторыя записи представляютъ собою такія строки: „№ 1—5 рублей, № 2—3 рубля, № 3—2 рубля и т. п.“, или-же такъ: „взято на Юрія (т. е. на праздникъ) 50 копѣекъ, да еще на преполовенье два злота“; или: „дано штрафу пять злотыхъ“... Кто взялъ, кому дано, о какомъ штрафѣ рѣчь—неизвѣстно. Записи велись какъ на лоскуткахъ, такъ и въ записной книгѣ. Экстренныя выдачи помѣчались на косякѣ церковнаго притвора. Когда дѣла кассы окончательно запутались, братчики написали Соханской, чтобы она прислала еще денегъ на ихъ нужды. Соханская отвѣтила слѣдующимъ замѣчательнымъ письмомъ.

„Привѣтъ мой братству! Получила я ваше письмо, въ которомъ вы говорите о своихъ нуждахъ; и обрадовалась я и огорчилась. Обрадовалась я потому, что вы помните свою далекую братчицу, которая изъ далекаго края протянула свою руку помощи, а огорчилась узнавъ, какъ повели вы свои дѣла съ кассой. Развѣ можно поступать, какъ вы поступаете? Разобрать въ какихъ-нибудь полъ-года почти всѣ деньги безъ записей, безъ свидѣтелей и потомъ не отдавать ихъ, не смотря на требованіе старшихъ братчиковъ, могутъ только люди, у которыхъ совершенно нѣтъ никакихъ понятій. А что-же глядятъ управители? или они быть можетъ думаютъ, что такъ и должно быть? Хуже всего попрошайство, когда человѣку не хочется самому работать. Вѣдь касса устроена для того, чтобы помогать неимущимъ, а не для всѣхъ; открылись деньги—и бери неимущій, а не всѣ кто хочетъ. До меня дошли даже слухи, что многіе берутъ деньги изъ кассы на попойку и пропиваютъ ихъ въ корчмѣ у невѣрнаго жида. Постыдитесь, люди добрые, своего званія! Вѣдь вы христіане, а ведете себя можно сказать въ нѣкоторыхъ случаяхъ хуже жида. Передайте отъ меня неисправнымъ должникамъ, что я на нихъ гнѣваюсь и что если они не

внесутъ во время процентовъ, то я совершенно отступлюсь отъ братства [1]).

Письмо, конечно, оказалось безсильнымъ исправить злоупотребленія. Эти злоупотребленія были, впрочемъ, совершенно понятны. Загнанный, забитый крестьянинъ, работавшій на восьмерыхъ пановъ, никогда невидавшій денегъ въ большомъ количествѣ, но за то видѣвшій кнутъ въ рукахъ управляющаго, вдругъ неожиданно очутился въ сосѣдствѣ почти полъ тысячи рублей и при томъ очутился съ сознаніемъ, что во всякое время онъ можетъ взять изъ этой суммы сколько нужно. Соблазнъ былъ великъ... и касса расплылась. Въ этой исторіи заставляетъ говорить о себѣ не столько мужикъ, сколько наивная учредительница банка, полагавшая, что дать въ руки старшихъ крестьянъ деньги и написать уставъ для ихъ пользованія—значитъ помочь крестьянамъ въ ихъ нуждахъ.

Должно быть братчики не разъ безпокоили Соханскую письмами о неустройствѣ своихъ дѣлъ, потому что въ 1877 году Соханская нашла нужнымъ вторично пріѣхать въ Яполоть. Ей представили счетныя книги. Съ большимъ трудомъ могла свести она счеты банка (по ея повѣркѣ братскій капиталъ равнялся 538 руб., да кромѣ того училищныхъ 200 рублей). На общественномъ сходѣ Соханская предложила, между прочимъ, въ 1877 г. дѣлать всѣмъ братчикамъ ежегодный взносъ по 30 коп. Сходъ принялъ предложеніе, и, дѣйствительно, за первый годъ деньги были внесены (Соханская прислала отъ себя 3 рубля), но на слѣдующій годъ братчики сказали, чтобы „имъ еще кто далъ по два злоты“, и взносы прекратились. Потерявъ всякую надежду научить крестьянъ правильному веденію дѣла, Соханская соглашалась даже нарушить нѣкоторыя статьи своего устава и требовала уплаты денегъ только съ неисправныхъ должниковъ. Вотъ что она писала священнику изъ Макаровки: „въ нашемъ Георгіевскомъ братствѣ приближается покровскій

---

[1]) Письмо Соханской отъ 5 февр. 1877 г.

срокъ уплаты суммы и процентовъ. Потрудитесь сказать завѣдующему суммой, чтобы сполна требовалъ деньги только съ тѣхъ, кто былъ давнимъ должникомъ и до моего пріѣзда по 6 и 10 лѣтъ не вносилъ ни процента, ни столба, а другіе, кто желаетъ оставить за собою деньги, пусть только вносятъ проценты безотлагательно"... [1]) Но это была напрасная просьба: долги не возвращены и до настоящаго времени. Не безъ труда намъ удалось установить количество заемщиковъ за слѣдующіе годы: 1866 г. съ 1 октября по 1 янв. было 40 заемщиковъ, за весь 1867 г.—50 человѣкъ, пользовавшихси ссудой (за эти $1^1/_2$ года видны еще попытки платить проценты). Съ 67 по 81 годъ объ операціяхъ банка нѣтъ извѣстій. Въ 1881 году было 20 заемщиковъ; въ 1882 г.—14; въ 1883 г.—16; въ 1884 г.—14; въ 1885 г.—5; въ 1886 г.—9; въ 1887 г.—2. Вслѣдствіе невозможности сбора банковыхъ займовъ и отсутствія болѣе прочныхъ гарантій возвращенія ссуды, яполотская касса истощила свои деньги и прекратила свое существованіе. Жаль, что въ числѣ розданныхъ безвозвратно суммъ числится 200 рублей училищныхъ, которые при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ могли-бы оказать большую матеріальную поддержку очень бѣдному яполотскому сельскому училищу, которое и теперь еле влачитъ свое существованіе.

Надежда Степановна, повидимому, задалась цѣлью раскинуть цѣлую сѣть ссудо-сберегательныхъ кассъ въ этомъ глухомъ уголкѣ. Извѣстно, что такіе же банки, только съ меньшимъ капиталомъ были основаны Н. С. Соханскою въ с. Тростенцѣ (въ 200 руб.), въ с. Космачевѣ (въ 100 руб.), въ д. Чудвахъ (въ 100 руб.). Эти ссуды, получившія ту-же организацію, пошли по слѣдамъ яполотской ссуды и ихъ постигла та-же участь. Сама учредительница отказалась разобраться въ дѣлахъ и операціяхъ этихъ второстепенныхъ банковъ. Впослѣдствіи мѣстнымъ мировымъ посредникомъ былъ поднятъ проектъ взысканія этихъ суммъ полицейскимъ порядкомъ чрезъ волостныя

[1]) Письмо отъ 22 авг. 1877 года.

правленія. Но такъ какъ опредѣленныхъ документовъ о ссудахъ не сохранилось, а сохранившіяся бумаги (лоскутки) давали слишкомъ неустойчивыя данныя для возбужденія дѣла, то проектъ былъ оставленъ.

V.

Въ организаціи какъ братствъ, такъ и банковъ заслуживаютъ быть отмѣченными двѣ особенности. Во-первыхъ, учрежденія открылись и стали дѣйствовать раньше своего оффиціальнаго утвержденія. Они жили, пока могли, и кончились, не получивъ оффиціальныхъ правъ на существованіе. Во-вторыхъ, всё, что было тогда интеллигентнаго въ деревнѣ, было отстранено отъ участія въ дѣлахъ кассы и братства. Не будемъ говорить о сосѣднихъ мѣстечкахъ (родъ посадовъ)—Степани и Деражномъ, гдѣ, конечно, могли бы найтись интеллигентныя лица, для которыхъ возможно было-бы участіе въ дѣлахъ братствъ, но даже сельскій священникъ съ причтомъ совершенно былъ оставленъ въ сторонѣ и не причастенъ ни къ дѣламъ братства, ни къ дѣламъ сберегательной кассы. Только о. Василій Абрамовичъ, какъ основатель братства, имѣлъ кой-какое отношеніе къ кассѣ. Живя уже въ Бѣлостокѣ, онъ пріѣзжалъ иногда въ Яполоть, интересовался положеніемъ братскихъ дѣлъ и даже контролировалъ братскія суммы, какъ объ этомъ можно заключать, напримѣръ, изъ одной приписки, сдѣланной имъ въ братской книгѣ противъ записи о пожертвованныхъ въ 1867 г. 50 руб.: „А гдѣ эти деньги? Забрать справки. Старшій братчикъ В. Абрамовичъ". Слѣдовавшіе за нимъ священники: Шумскій и Снѣгуровскій не имѣли никакого значенія въ братскихъ дѣлахъ. Эта особенность находитъ, впрочемъ, для себя достаточное объясненіе въ томъ, что Соханская первоначально мало довѣряла приходскимъ яполотскимъ священникамъ. Ея симпатіи, какъ искренней народницы, болѣе тянули къ простому народу, въ простоту и чистосердечіе котораго она вѣрила. По-

ощренные близкимъ участіемъ къ себѣ Соханской и пріобрѣвши въ лицѣ ея вліятельную защитницу своихъ интересовъ, крестьяне начали сильно злоупотреблять довѣріемъ своей благотворительницы. Они то и дѣло посылали въ Макаровку письма, писанныя сельскими полуграмотѣями и наполненныя жалобами на священниковъ и помѣщиковъ. Старшая братчица, помогшая крестьянамъ на нѣкоторое время, естественнымъ ходомъ дѣлъ превращалась въ судью для разбора житейскихъ недоразумѣній между крестьянами—съ одной стороны, и батюшками и помѣщиками—съ другой. Эта роль была совсѣмъ не въ духѣ Соханской.

Въ письмахъ къ своей благотворительницѣ они величали ее „свѣтлостью", „сіятельствомъ" и даже „фрейлиною при дворѣ". Замѣчательно, что эти эпитеты, безспорно вызванные у крестьянъ уваженіемъ къ необычайной благотворительности Соханской, ввели въ заблужденіе и автора статьи о яполог-скомъ братствѣ подъ заглавіемъ: „Свѣтлыя страницы изъ лѣтописи Яполотскаго Георгіевскаго братства, состоящаго подъ покровительствомъ фрейлины Ея Императорскаго Величества Надежды Степановны Соханской-Кохановской". Къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстно, что составляло собственно свѣтлыя страницы этой кутерьмы, которую неизвѣстному автору вышеприведенной статьи угодно было назвать „лѣтописью".

Соханская принимала всѣ письма и жалобы братчиковъ къ сердцу. Довѣріе Соханской къ крестьянамъ и ихъ жалобамъ доходило до того, что она посылала имъ въ черновой прошеніе на священника Шумскаго къ епархіальному начальству. Во время своего пребыванія въ Яполоти, благотворительница посѣщала многихъ крестьянъ, принимала къ сердцу ихъ нужды, радовалась всеобщему сочувствію къ себѣ народа, выражавшемуся, напримѣръ, въ томъ, что при каждомъ въѣздѣ въ каждое село ее встрѣчали съ хлѣбомъ и солью. Но, къ сожалѣнію, Соханская не умѣла отдѣлить въ этихъ овацiяхъ показную, театральную сторону отъ существенной. Дѣло въ томъ, что при каждой подобной встрѣчѣ она клала на столъ нѣсколько ассигнацій встрѣчавшимъ ее крестьянамъ. При каждомъ ея въѣздѣ

представлялся, такимъ образомъ, удобный случай поживиться на счетъ благотворительнаго кошелька Надежды Степановны. Этимъ и объясняется, главнымъ образомъ, обиліе въѣздныхъ торжествъ, которыя крестьяне устраивали для Соханской. Къ какимъ подъ-часъ печальнымъ недоразумѣніямъ приводили подобныя овацiи, можно судить по слѣдующему факту. Однажды къ Надеждѣ Степановнѣ пришелъ одинъ отставной солдатъ съ жалобой, что „громада“ отнимаетъ у него деньги, данныя ему Соханскою за хлѣбъ и соль, выставленные имъ при въѣздѣ благотворительницы въ Яполоть, „тогда какъ хлѣбъ и соль, наивно прибавлялъ солдатъ, принадлежатъ не громадѣ, а мнѣ... а я, извѣстно, человѣкъ бѣдный“ и проч. Положеніе Соханской было крайне щекотливое...

Вмѣшательство Соханской въ церковныя дѣла испортило отношенія между священникомъ с. Яполоти и крестьянами. Привыкнувъ вѣдаться лишь съ Соханской, братчики часто враждовали съ священниками, не обращали вниманія на ихъ заявленія и часто противились ихъ требованіямъ. Священнику с. Яполоти приходилось лавировать, угождать Соханской и прихожанамъ.

Трудно сказать, къ чему привело-бы такое положеніе дѣлъ, если-бы для Соханской, со времени ея второго визита въ Яполоть (въ 1877 г.), не наступилъ періодъ разочарованія въ основанномъ ею братствѣ. А разочароваться было чѣмъ. Дошло до того, что дѣла ссудной яполотской кассы сосредоточились въ рукахъ одного крестьянина, который, напримѣръ, выдавалъ деньги нуждающемуся только подъ тѣмъ условіемъ, если послѣдній угощалъ его и братчиковъ водкою, а безъ водки: „нема грошей“, говорилъ онъ. Нежелавшій платить процентовъ обыкновенно освобождался отъ нихъ послѣ того, какъ достаточно угостилъ свое братское начальство. Эти и подобные имъ факты не могли быть неизвѣстными Надеждѣ Степановнѣ, которая могла дѣйствовать лишь однимъ орудіемъ—пламеннымъ перомъ, не приносившимъ на этотъ разъ никакой пользы.

Переписка Соханской 80-хъ годовъ съ о. Іаковомъ Тарановичемъ (новымъ священникомъ с. Яполоти послѣ Снѣгуровскаго) даетъ возможность документально показать, какъ постепеннымъ разочарованіемъ въ братчикахъ Н. С. Соханская постепенно измѣнила и свою политику по отношенію къ яполотскому братству. Сохранившіяся у о. Іакова письма Соханской, дышущія неподдѣльнымъ чувствомъ и чистосердечіемъ, представляютъ небезынтересный психологическій матеріалъ для изученія этой замѣчательной женщины, умѣвшей какъ горячо любить, такъ и ненавидѣть.

„Съ большимъ огорченіемъ прочла я ваше письмо. Терпѣніе, терпѣніе и одно терпѣніе, которое можетъ дѣлать дѣло вообще въ жизни нашей, а тѣмъ болѣе въ вашей, пастыря строптивыхъ духовныхъ овецъ, невѣжественныхъ и грубыхъ и гордыхъ этой сухой невѣжественностью и грубостью. Созижди вамъ, Господи, эту твердыню, въ которой-бы можно было укрыться, не изнемогая нравственно и не падая въ тягчайшее изъ золъ—уныніе!.. Въ утѣшеніе ваше и свое собственное я вамъ передамъ слова покойнаго Высокопреосвященнаго Филарета Московскаго, который, вообще, въ духовныхъ дѣлахъ своихъ и своихъ взглядахъ выражался свѣтло и мѣтко. Такъ онъ сказалъ однажды, что „дѣла дѣлаютъ не люди, а человѣкъ“. Много-премного можетъ собраться людей и всѣ они будутъ кричать, спорить, толковать, а дѣло сдѣлаетъ одинъ человѣкъ, молча и терпѣливо. И этимъ человѣкомъ все-таки приходится вамъ быть; итакъ, почтеннѣйшій о. Іаковъ, дѣлайте ваше дѣло, какъ душевный подвигъ, въ терпѣніи; простите этой грубой злобѣ, клеветѣ, какъ и Христосъ простилъ всѣмъ намъ“. Соханская совѣтовала для устройства иконостаса выписать „иконостасныхъ дѣлъ мастера и живописца Рыжкова“. „Тогда, говоритъ она, вся ваша мѣстность узнала-бы, какъ украшаются святыя церкви въ великой Россіи“. „Впрочемъ, прибавляла она, дѣлайте, какъ знаете... Заранѣе я говорю вамъ, т. е. братству, что я все дѣло сдѣлала: написала св. иконы, а въ ваше общее крикливое и спорное дѣло я не стану мѣшаться“. Характери-

стиченъ post scriptum этого письма: „я бы написала братству и попеняла бы ему, что такое святое и великое дѣло, какъ обновленіе святаго храма, они начинаютъ омерзительнымъ и, можно сказать, богохульнымъ поступкомъ: пьянствомъ у жида и взяткою у мастера въ три ведра водки,—т. е. дѣло Господне начинаютъ не съ молитвою и благословеніемъ отца духовнаго, а мерзко и отвратительно пропиваютъ его на могарычѣ. Но я боюсь, что такое мое обращеніе къ братству еще болѣе повредитъ вамъ: васъ назовутъ ябедникомъ и проч. Поступайте, какъ найдете лучше". [1])

Большою силою справедливаго негодованія и оскорбленнаго чувства недостигнутой цѣли, непонятой дѣятельности, дышитъ слѣдующее письмо: „что-то сердце мое не чуетъ отрады и отказалось отъ всякаго желанія безъ силы исполненія..; и васъ и меня огорчаютъ однѣ и тѣ-же дѣла нашего несчастнаго братства, отъ котораго въ душѣ я уже совершенно отказалась. Никакой простоты и мягкости сердечной не оказалось въ этихъ людяхъ, надменныхъ и грубыхъ, именно „жестоковыйныхъ", какъ упоминается въ Священномъ Писаніи. Св. великомученикъ Георгій взыскалъ ихъ своей милостью... Онъ изъ-за тысячи верстъ привелъ людей, которые не почему другому, какъ только по дѣйствію христіанской любви и готовы были, и сдѣлали, что могли, въ помощь и наученіе бѣднаго заглохшаго народа... Совершенно угнетеннымъ людямъ дарствовалась свобода, и эту-то свободу хотѣлось просвѣтить школою и оживотворить союзомъ освященнаго историческаго братства. Вы на мѣстѣ знаете, какъ первый свидѣтель и цѣнитель этой свободы, какъ она постоянно ведетъ къ одному: къ распрямъ, къ несогласію, къ совершенной невозможности, даже при деньгахъ, завести мало-мальски порядочную и постоянную школу. Совершенно въ микроскопѣ польскій сеймикъ, гдѣ возгласъ одного „не позвалямъ" пріостанавливалъ совершеніе всякаго дѣла. Душа моя отврати-

[1]) Письмо отъ 11 іюля 1881 г.

лась отъ этихъ грубыхъ и гордыхъ нелюбовныхъ людей. Я ничего ни знать, ни слышать не хочу о нихъ больше". [1])

Сохранилась цѣлая конфиденціальная переписка между Соханскою и яполотцами. Братчики очень дорожатъ письмами Надежды Степановны и не соглашаются показать ихъ даже своему батюшкѣ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Кохановская писала между прочимъ: „Яполотскому Св.-Георгіевскому братству. Увѣдомляю братство, что я получила письмо, которое года черезъ четыре братство вздумало написать ко мнѣ. Не отвѣчала я потому, что, во-первыхъ, я была тяжко больна; а, во-вторыхъ, не заслуживаете вы отвѣта той, которая за 1000 верстъ обратилась къ вамъ съ любовію и сдѣлала для васъ то, что ни отцы, ни матушки ваши не могли для васъ сдѣлать. И чего я желала и просила у васъ? Чтобы у васъ была школа; что если вы сами, отцы,—грубые и невѣжественные, то чтобы дѣти ваши стали лучшими, узнали законъ Божій, научились читать святыя молитвы правильно и смысленно, и могли-бы вамъ—своимъ родителямъ—въ хатахъ вашихъ читать св. евангеліе и смягчать жестокія и злобныя сердца ваши. Что же, вы послушали меня? Въ послѣдній свой пріѣздъ, прощаясь, я со слезами просила васъ: „живите мирно! На то и братство, чтобы между вами были любовь и согласіе и усердіе ко всякому общему дѣлу, церкви касающемуся, школы, наученія дѣтей уму и добру". А вы какъ исполняете мою просьбу? Что ни лучше найдется учитель въ школѣ, то вы тѣмъ хуже поступаете съ нимъ. Когда три-четыре человѣка пошлютъ дѣтей учиться, а пять-десять злобствуютъ, не хотятъ учителя знать и всячески стараются выжить его изъ училища. Постыдитесь добрыхъ людей и бойтесь Господа Бога! Семь лѣтъ тому назадъ, когда я была у васъ, вы уже говорили о колокольнѣ и теперь еще не приступили къ постройкѣ и пишете мнѣ, чтобы я отсюда выхлопотала вамъ планъ. Когда вамъ понадобился планъ, который вы, по лѣности вашей и нерадѣнію, не успѣли выхлопо-

[1]) Письмо 17 марта 1883 г.

тать, тогда вы два письма написали ко мнѣ, а сколько годовъ прошло, что вы, братство, и не думали вспомнить, что у васъ есть далекая сестра; жива-ли она, или умерла? Да, она жива, чтобы сказать вамъ эти горькія справедливыя слова". [1])

Для сужденія о Соханской особенно характерно послѣднее предсмертное ея письмо. „Поздравляю васъ съ приближающимся днемъ нашего общаго празднества св. Великомученику. Въ прошломъ году, въ этотъ самый день началась моя тяжелая смертельная болѣзнь, отъ которой меня возстановило таинство св. Елеосвященія; но задатки ея остались и теперь оказываются въ полномъ ихъ развитіи. Въ прошломъ октябрѣ я ѣздила въ Москву лечиться, слегла тамъ отъ другой простудной болѣзни, едва не умерла и едва могла добраться домой къ празднику Рождества Христова. Какъ ни думали меня заговорить московскія знаменитости, но теперь это уже несомнѣнно, что у меня ракъ внутри. Обыкновенная медицина его не излѣчиваетъ, но электро-гомеопатія гр. Матеи даетъ средства, и вотъ употребляю эти средства и по описанію нахожу, что у меня болѣзнь уже въ такомъ періодѣ развитія, когда и средства Матеи ничего не помогутъ. Слѣдовательно, нужно смотрѣть тяжкой, страдальческой смерти прямо въ глаза со смиреніемъ и терпѣніемъ и покорной преданностью въ волю Божію. Благословимъ Отца и Сына и Святаго Духа, лобызая милующую и карающую насъ по грѣхамъ нашимъ десницу Господню! Это мой удѣлъ отъ Бога, и я должна принять его и потрудиться въ немъ. Помогите мнѣ вашею высокою и священною молитвою и именно молясь о дарованіи мнѣ смиренія и терпѣнія, потому что вы знаете: „духъ бодръ, а плоть немощна". Въ великую субботу я сподобилась пріобщиться св. Таинъ у себя въ домѣ и всю пасхальную ночь провела, бодрствуя въ креслѣ; но на другой день св. праздника началась у насъ какъ-бы осенняя погода, дождь съ снѣгомъ, буря, и теперь тре-

---

[1]) Письмо отъ 23 мая 1883 г.

щатъ морозы, не перемѣняются; такъ что я даже не выглянула еще изъ комнаты и всю свѣтлую седмицу перетомилась, вставая съ постели, чтобы опять лечь. Вотъ вамъ мои обстоятельства не къ жизни, а къ смерти. Передайте мой поклонъ, прощаніе и прощеніе братству. Оно, кромѣ огорченія, ничего не принесло мнѣ и ничѣмъ не порадовало мою душу. [1])

P. S. Заказала на чугунно-литейномъ заводѣ большой крестъ на оградку, гдѣ покоятся мнѣ присные и гдѣ я сама надѣюсь скоро лечь. Какъ у васъ народъ? У насъ совсѣмъ обнищалъ пятилѣтнимъ неурожаемъ и нарядами молодежи. Что заработали сынъ и дочь, все убито на наряды, а въ семью на хлѣбъ—ничего. И что ни самая парадная на улицѣ дѣвка и пара,—то и самая голодная въ домѣ". [2])

„Адресованное въ глухую деревню къ смиренному деревенскому священнику, это письмо, говоритъ Русскій Странникъ, настолько характеризуетъ покойную писательницу, что было-бы искренно жаль, если-бы ея будущій біографъ не воспользовался этимъ цвѣткомъ, достойнымъ украсить ея могилу и заставить потомство уважать ея память не только какъ писательницы, но и какъ истинно-русской женщины. „Съ 14 окт. я вся опухла; открылась водянка. Вамъ не надобно говорить, что это значитъ. 22 окт. я сподобилась пріобщиться св. Таинъ и принять великое елеосвященіе". [3])

Надежда Степановна умерла въ декабрѣ 1884 года. Съ ея смертію и кончилась вся лѣтопись Яполотскаго Георгіевскаго братства. Начатое по личной иниціативѣ предпріимчиваго о. Василія Абрамовича, поддерживаемое капиталомъ и вліяніемъ Соханской, призвавшей къ матеріальной помощи братству многихъ благотворителей, братство кончилось и должно

---

[1]) Письмо отъ 17 апр. 1884 г.

[2]) Письмо отъ 17 апр. 1884 г.,—было напечатано въ «Нов. Вр.» № 3419 «Русскимъ Странникомъ».

[3]) Письмо Соханской А. О. Аксаковой отъ 6 ноября 1884 г.

было кончиться по смерти его иниціаторовъ. Вся исторія братства показываетъ, что оно было частнымъ дѣломъ доброй, сердобольной женщины, упустившей изъ виду, что для жизни братства не было самаго главнаго нерва—умѣлаго руководства дѣломъ, представлявшимъ собою явленіе особое и новое въ средѣ народа, чуждаго грамоты и только что очнувшагося отъ крѣпостной летаргіи.

Въ заключеніе скажемъ еще объ одной сторонѣ дѣятельности Н. С. Соханской-Кохановской въ юго-западномъ краѣ. Во время своихъ двукратныхъ поѣздокъ на Волынь она привозила съ собой много разныхъ брошюръ и тетрадокъ (писанныхъ и печатныхъ) просвѣтительнаго содержанія и раздавала ихъ народу. Крестьяне до сихъ поръ вспоминаютъ „харьковскую пани, що давала гроши та книжечки“. Предназначая просвѣтительныя книжечки для народа, она въ то-же время мѣстную интеллигенцію просвѣщала особыми брошюрами того общественно-политическаго направленія, которое называлось славянофильствомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Брошюры эти въ краѣ, гдѣ русская газета не знала еще путей, считались мѣстной полуобразованной интеллигенціей „запрещенными“, охотно переписывались, распространялись и зачитывались до дыръ. Въ числѣ этихъ, якобы запрещенныхъ, книгъ встрѣчались нумера „Дня“, „Руси“, „Москвы“, нѣкоторыя книжки „Утра“, изд. Погодинымъ. Статьи, касающіяся церковныхъ вопросовъ, нашли для себя большое распространеніе среди мѣстнаго духовенства. Это были передовыя статьи, писанныя по этимъ вопросамъ Иванцовымъ-Платоновымъ. Но наибольшей популярностью среди мѣстной интеллигенціи пользовалась „Рѣчь предсѣдателя московскаго славянскаго комитета, сказанная 6 марта (годъ не обозначенъ) по поводу ополченія русскихъ добровольцевъ въ русско-турецкую войну“. Эта рѣчь прошла въ массѣ списковъ среди мѣстной интеллигенціи. Нѣкоторыя ея мѣста такъ нравились, что заучивались даже наизусть. Устарѣвшая по содержанію и малопонятная въ настоящее время „рѣчь“ тѣмъ не

менѣе усвоялась многими, какъ нѣчто особенное... Обличеніе высшихъ классовъ петербургскаго общества отмѣчалось мѣстными читателями, какъ высшая степень либерализма. Мы видѣли полный неиспорченный текстъ этой въ свое время замѣчательной рѣчи у нынѣ здравствующаго батюшки с. Яполоти о. І. Т—а, которому много обязаны содержаніемъ настоящей статьи.

Ѳ. А. Кудринскій.

Письма митрополита Кіевскаго Арсенія къ протоіерею Петру Гавриловичу Лебединцеву.

(Съ пояснительными примѣчаніями свящ. І. Гордіевскаго).

Благодаря любезности свящ. Іоанна Гордіевскаго, редакція „Кіевской Старины“ получила въ свое распоряженіе интересный матеріалъ—32 письма Кіевскаго митрополита Арсенія (Москвина) къ прот. П. Г. Лебединцеву, писанныя въ періодъ времени съ конца 1862 по 1876-й годъ, т. е. какъ-разъ въ тѣ годы, когда митр. Арсеній былъ ежегодно вызываемъ въ Петербургъ для присутствованія въ святѣйшемъ синодѣ. Оба названныя лица хорошо памятны нашему Кіеву и кіевской епархіи по той роли, которую играли они въ дѣлѣ духовнаго и народнаго просвѣщенія, особенно въ 60-хъ годахъ, когда такъ осложнились отношенія между духовными и свѣтскими властями по вопросу о народныхъ школахъ. Будущій историкъ когда-нибудь найдетъ возможность освѣтить эту страницу въ жизни нашего края и высказать свой безпристрастный судъ; мы-же пока обязаны опубликовать тотъ матеріалъ, который поможетъ этому освѣщенію. Съ этой-то стороны, какъ увидитъ читатель, письма митр. Арсенія представляютъ большой интересъ. Но и помимо этого, данныя письма, принадлежащія перу такого крупнаго іерарха и писанныя въ тонѣ неоффиціальномъ, являются особенно интересными, такъ-какъ касаются многихъ вопросовъ,

волновавшихъ мѣстную кіевскую жизнь, и даютъ намъ возможность узнать откровенныя мнѣнія о нихъ, а равно и нѣкоторыя дѣянія со стороны такихъ лицъ, какъ мѣстный представитель духовной власти и его ближайшій другъ и помощникъ, хорошо вѣдомый Кіеву въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ своей пастырской и ученой дѣятельностью—Петръ Гавриловичъ Лебединцевъ. Письма эти во многихъ частяхъ получаютъ еще бо́льшее значеніе, благодаря тому, что они снабжены цѣнными примѣчаніями родственника П. Г. Лебединцева, свящ. І. Гордіевскаго, имѣвшаго возможность пользоваться копіями писемъ П. Г. Лебединцева къ митр. Арсенію, именно тѣхъ писемъ, на которыя мы читаемъ здѣсь отвѣтныя заключенія послѣдняго. Въ тѣ годы, къ которымъ относится эта переписка, митр. Арсеній, отправляясь ежегодно на нѣсколько зимнихъ мѣсяцевъ въ Петербу́ргъ, имѣлъ возможность не терять нити текущихъ событій въ своей епархіи, не только получая оффиціальныя донесенія изъ Кіева, но имѣя еще и такого частнаго корреспондента, какъ П. Г. Лебединцевъ, который во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся кіевской епархіи, былъ его правой рукой.

Изъ 32 писемъ митр. Арсенія, доставленныхъ намъ въ подлинникѣ, мы печатаемъ только то, что касается вопросовъ общихъ или имѣющихъ общественное значеніе; все-же, носящее личный характеръ, опускается совсѣмъ.

1862 г.

1.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

Бумаги, отъ 5 сего декабря ко мнѣ посланныя, Вамъ возвращаю и прежде всего благодарю Васъ за благоразумную распорядительность и бдительность Вашу по училищному дѣлу. Затѣмъ статью о народныхъ училищахъ, за исключеніемъ изъ нея словъ, мною зачеркнутыхъ, пустите съ Богомъ въ путь. Причину исключенія этихъ словъ, думаю, Вы поймете и безъ

моего особаго объясненія. Но самое дѣло, въ нихъ указанное, т. е. открытіе педагогическаго отдѣленія, только не при Академіи, а при Семинаріи, постарайтесь подготовить и ко мнѣ представить. Хорошо было-бы, если-бы добрый Сильвестръ Сильвестровичъ [1]) съ своимъ столько-же добрымъ товарищемъ сами въ частномъ ко мнѣ письмѣ вызвались съ своею готовностію послужить безмездно духовному юношеству въ педагогическомъ его образованіи въ свободное для нихъ время. Эта иниціатива была-бы для нихъ почетна, а для меня удобна въ испрошеніи на то разрѣшенія у высшаго начальства. Если-же на это они не согласятся, то пусть Вашъ комитетъ о необходимости сей мѣры и добровольномъ и притомъ безмездномъ вызовѣ на сіе дѣло какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ наставниковъ, ко мнѣ отъ себя представитъ. О допущеніи въ составъ комитета г.г. Ригельмана и Гогоцкаго [2]) переговоры продолжайте: дѣло весьма полезное. Протеста подольскаго (духовенства), какъ написаннаго въ формѣ жалобы на свое Епархіальное начальство и вмѣстѣ съ тѣмъ проэктирующаго о гласномъ судопроизводствѣ по духовному вѣдомству, въ нашихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, принять нельзя, а взамѣнъ того постарайтесь доставить ему возможность быть напечатаннымъ въ какомъ-либо свѣтскомъ журналѣ, напр.—въ Телеграфѣ, Днѣ, или Сынѣ Отечества: думаю, что тамъ отказа не будетъ; а предметъ стоитъ вниманія образованной публики [3]). Ожесточенная злость противъ насъ,

---

[1]) Профессоръ университета Гогоцкій.

[2]) Ригельманъ—помѣщикъ и членъ крестьянскаго губернскаго присутствія.

[3]) Редакторъ Подольскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей протоіерей Павелъ Троицкій въ 17 № за 1862 г. порицалъ выборное начало въ церковномъ управленіи, называя его новшествомъ. Петръ Гавриловичъ въ 23 № Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей цѣнными историческими справками совершенно опровергъ о. Троицкаго и доказалъ, между прочимъ, что выборы благочинныхъ не новизна въ русской церкви, а древній обычай нашъ, прожившій многіе вѣка

народныхъ образователей, неудивительна: имъ изъ-за насъ, еще до моего прибытія въ Петербургъ, посланъ строгій отъ министерства выговоръ. Это значитъ, что на огонь вылита смола: естественно пламя, и безъ того довольно сильное, должно было послѣ сего вспыхнуть; но авось Богъ дастъ, когда г. Шульгинъ [1]) съ своею высокоученою братіею, по пророчеству Ѳоменка [2]), увидятъ не на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ свою несостоятельность,—оно само собою погаснетъ, якоже возгорѣвшееся въ терніи. Надобно только пока и намъ не зѣвать и повсюду свои старанія усилить. Напоминайте объ этомъ чаще и подтверждайте изъ комитета или инымъ какимъ-либо образомъ. За всѣмъ слѣдите зорко и ничего не оставляйте безъ вниманія, а когда свѣдѣніе объ окончательномъ распоряженіи Попечителя и Ригельманъ и Вы отпечатаете, тогда войдите ко мнѣ изъ комитета съ представленіемъ, что всѣ, такъ называемыя, народныя школы, образовались изъ церковно-приходскихъ, изъ коихъ двѣ, т. е. Хабнинская и Малинская снова пришли въ прежнее состояніе церковно-приходскихъ—и только. Всѣмъ Вамъ поклонъ и благословеніе.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній, м. Кіевскій.

1862 г. 18 декабря.

и только уничтоженный реформами Петра Великаго на сѣверѣ, а на югѣ Россіи павшій въ началѣ 19 вѣка. Названіе благочиннаго принадлежитъ концу 18 вѣка, но должность эта не нова и существовала у насъ издревле, хотя съ большими или меньшими правами и подъ другими наименованіями: старѣйшинъ, волостелей, поповскихъ старостъ, поповскихъ десятскихъ. Во время печатанія своей статьи, Петръ Гавриловичъ получилъ изъ г. Ушицы Подольской губерніи протестъ подольскаго духовенства противъ статьи о. Троицкаго. Не смѣя безъ разрѣшенія своего архипастыря сдѣлать изъ нея какое-либо употребленіе, онъ представилъ этотъ протестъ на благоусмотрѣніе митрополита Арсенія.

[1]) Профессоръ Университета.

[2]) Священникъ с. Темберщины Василій Ѳоменко. Пророчество его заключалось въ слѣдующемъ: 4 декабря былъ онъ у Петра Гавриловича и говорилъ, что народныя школы не встрѣчаютъ сочувствія въ народѣ и должны скоро пасть.

1863 г.

2.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Благодарю за Ваши хлопоты: продолжайте. Г. Ригельмана поблагодарите отъ моего имени за его благородную готовность оказать намъ свое великодушное содѣйствіе. Только мнѣ думается, не лучше ли будетъ, вмѣсто членства въ комитетѣ, которое, по многимъ отношеніямъ, можетъ быть для него стѣснительнымъ, или по крайней мѣрѣ покажется таковымъ, открыть для него болѣе обширный и свободный кругъ дѣятельности въ званіи почетнаго попечителя по хозяйственной части надъ церковно-приходскими училищами въ нѣсколькихъ уѣздахъ, которые онъ, по близости къ своему имѣнію, самъ изберетъ? Переговорите съ нимъ объ этомъ и объ отзывѣ его увѣдомьте меня, съ обозначеніемъ, въ случаѣ его согласія, какіе именно уѣзды избираетъ онъ. Не знаю, какъ ему и вамъ это представится, а мнѣ кажется, что дѣло это будетъ солиднѣе и для него почетнѣе. Представленіе о педагогіи я внесъ въ св. Синодъ: будетъ ли успѣхъ, не знаю. Къ сожалѣнію, на педагогику здѣсь не только духовные, но и свѣтскіе люди высшей сферы смотрятъ не больше, какъ новомодное шарлатанство. Да правду сказать, я и самъ-то не далекъ отъ того, и если хлопочу объ открытіи ея при Семинаріи, то для того только, чтобы зажать ротъ нашимъ порицателямъ. О награжденіи священниковъ и причетниковъ и даже лицъ женскаго пола, оказавшихъ наибольшую ревность и успѣхи въ обученіи дѣтей, ожидаю представленіе изъ консисторіи: прошу напомнить о семъ Михаилу Михайловичу [1]). Жалованье законоучителямъ въ народныхъ школахъ, надѣюсь крѣпко, будетъ значительно увеличено, а потому и раздѣленіе приходовъ, въ которыхъ эти школы будутъ заведены, между двумя священниками будетъ почти не-

---

[1]) Секретарь консисторіи Хижняковъ.

чувствительно: потому что и жалованье это будетъ также между ними раздѣлено, слѣдовательно, если приходскіе священники потеряютъ нѣсколько въ приходахъ, за то получатъ вознагражденіе въ жалованьѣ. Кромѣ того, мнѣ желательно,—наши церковно-приходскія училища, преобразованныя стараніемъ Тулова [1]) въ народныя, возвратить въ первобытное ихъ состояніе, а г. Тулова съ товарищами, т. е. мировыми посредниками и чиновниками особыхъ порученій, заставить набрать для своихъ народныхъ школъ новыхъ учениковъ и учениць, и думаю, что если крестьянскія общества покажутъ правду, какимъ образомъ происходило это превращеніе церковно-приходскихъ школъ въ народныя, по ихъ ли собственному желанію, или по волѣ г.г. открывателей, ссылавшихся даже на волю царскую, непремѣнно успѣю.

Да благоноспѣшитъ Господь къ намъ и Вамъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній, м. Кіевскій.

3 февраля 1863 г.

3.

Высоко-преподобнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ братъ!

Присланный Вами указъ возвращаю Вамъ. Извините, что поздно отвѣчаю Вамъ: причинъ на это бездна, а между ними главная та, что Вы, зная мои мысли объ нашихъ училищахъ, и безъ особаго моего напоминанія, будете умѣть дѣйствовать въ тактъ въ своемъ новомъ положеніи члена консисторіи и совѣщателя въ новоучрежденномъ г. Генералъ-Губернаторомъ училищномъ комитетѣ, а въ случаѣ, если-бы Вашъ голосъ не былъ уваженъ, то хотя-бы онъ оставался одинъ, написать и подать въ комитетъ сильный протестъ, копію съ котораго выслать ко мнѣ. Хорошо бы, конечно, было, если-бы и ректоръ Академіи и

---

[1]) Окружной Инспекторъ Кіевскаго Учебн. Округа, впослѣдствіи помощникъ Попечителя.

протоіерей Ѳаворовъ присоединился къ Вамъ [1]), но куда они склоняются, или склонились уже, про то знаетъ ихъ совѣсть, а мы увидимъ впослѣдствіи. Ваше-же дѣло, во всякомъ случаѣ, предложить имъ принять Вашу сторону. Вся моя претензія въ этомъ дѣлѣ, какъ извѣстно Вамъ, состоитъ только въ томъ, чтобы школы, у духовенства отнятыя министерскими чиновниками съ полиціею, ему были возвращены, а министерство потрудилось-бы завести свои школы, куда я и готовъ назначить законоучителей, лишь-бы только положили для нихъ достаточное жалованье, а именно отъ 150—200 р. Такое-же жалованье священникамъ съ причетниками было-бы назначено и въ школахъ чисто церковно-приходскихъ. Само собою разумѣется, такой суммы въ полной мѣрѣ не дадутъ; но поторговаться не мѣшаетъ и авось, послѣ долгихъ споровъ и отрицаній, дадутъ сумму, хотя сколько нибудь къ помянутой цифрѣ приблизительную. Вѣдь не соглашались-же прежде дать законоучителю болѣе 50 р. въ годъ, а теперь даютъ уже 75 р. Кромѣ того, мнѣ желательно было-бы, чтобы народныя школы, въ видѣ образцовыхъ, допущены были только въ городахъ и развѣ въ нѣкоторыхъ значительныхъ мѣстечкахъ, и я эту мысль, куда слѣдуетъ, забросилъ, но примется-ли она, не знаю. Забавно, что г. попечитель въ отнятіи у насъ церковно-приходскихъ школъ здѣсь заперся, увѣряя министра, а министръ меня, что такихъ случаевъ не бывало. Извольте вести дѣло и переписку съ такими фальшивыми людьми. Придется доказывать эту ложь формальнымъ слѣдствіемъ. Но для сего надобно въ каждой мѣстности имѣть въ виду надежныхъ депутатовъ съ нашей стороны. Хорошо былобы, если-бы Вы это дѣло извѣстными Вамъ путями подготовили, да и меня о томъ увѣдомили. При этомъ слѣдствіи надобно, чтобы твердо было доказано, что такъ называемые общественные приговоры о народныхъ школахъ, составлены были безъ

---

[1]) Ректоръ академіи Филаретъ и профессоръ Богословія Университета протоіерей Ѳаворовъ были лучшіе друзья Петра Гавриловича.

согласія самихъ обществъ, по наговору, или даже приказанію, съ угрозами, или съ обманомъ относительно сліянія церковно-приходскихъ школъ, мировыхъ посредниковъ, генералъ-губернаторскихъ чиновниковъ и проч. и волостныхъ старшинъ, равно какъ подробно было-бы раскрыто, какія непозволительныя средства для подговора старшинъ и крестьянъ были употреблены и проч. т. п.

Въ опраздание Тулова съ компаніею относительно неправильнаго награжденія Коваленка [1]) министръ сослался на Ваши Епархіальныя Вѣдомости, гдѣ сказано, что награда эта дана по донесенію не Тулова, а мѣстнаго гражданскаго начальства. Охота-же вамъ была печатать о семъ. И вообще Вамъ нужно было, ужъ если печатать о семъ, то съ большою оговоркою, а не съ однимъ словомъ, въ скобкахъ поставленнымъ, котораго иной читатель и не замѣтитъ, слѣдовательно цѣль не будетъ достигнута. Теперь успѣхъ или проигрышъ дѣла въ Вашихъ рукахъ. Если кіевское духовенство, предъ лицемъ цѣлаго свѣта столько возвысившееся, упадетъ снова въ грязь и свѣтскою гордынею будетъ потоптано, то оно должно жаловаться на своихъ собратій, которые не умѣли или не хотѣли поддержать его и словомъ и дѣломъ на должной высотѣ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. Кіевскій.

27 марта 1863 г.

4.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За два письма Ваши благодарю Васъ, а за медленность отвѣта прошу меня извинить. Но чтобы подобной медленности въ другомъ отношеніи не произошло съ Вашей стороны, считаю неизлишнимъ напомнить Вамъ, что насталъ декабрь, а

---

[1]) Волостной старшина Герасимъ Коваленко, которому начальство Кіевскаго Учебнаго Округа черезъ князя Васильчикова выхлопотало медаль.

съ окончаніемъ декабря кончился и годъ, къ концу-же года всякіе счеты и отчеты должны быть въ добромъ хозяйствѣ оканчиваемы. Церковному-ли хозяйству оставаться позади другихъ? Надѣюсь, что для Васъ не нужно объясненія, къ чему мое слово [1]). Случайная и, конечно, кратковременная, а теперь, вѣроятно, давно уже окончившаяся размолвка съ сослуживцами меня огорчила. Вы имѣете столько силы ума и воли, что легко могли поставить себя такъ, чтобы ни суетность, ни зависть, ни тщеславіе не могли коснуться Васъ. Знаю, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ положенія это трудно; но что доброе безъ труда дѣлается? Постарайтесь-же со всѣми, и даже съ Говорскимъ, [2]) войти въ миролюбное согласіе и, забывъ все, въ чемъ и какъ можно, помочь ему. Онъ стоитъ порицанія за многое, а главное за неумѣренность въ языкѣ; но есть въ немъ также и добрыя стороны, изъ-за которыхъ можно быть къ нему снисходительнымъ. Поддержаніе-же Вѣстника, особенно въ настоящее время, это неотложная обязанность каждаго изъ насъ, искренно любящаго церковь и отечество, не Великороссійское, но и Малороссійское, какъ одно цѣлое и нераздѣльное и по вѣрѣ и по плоти. Мы можемъ, пожалуй, въ недобрый часъ другъ съ другомъ и побраниваться не слишкомъ благозвучными словами: хохолъ и москаль, или кацапъ; но и среди самой жаркой перебранки взаимно другъ друга уважать и любить изъ уваженія къ единству вѣры и крови, общаго бѣдствія и славы. А споръ объ языкѣ—это чистое ребячество, въ которомъ

---

[1]) Не имѣя своей канцеляріи, Петръ Гавриловичъ съ перваго года поступленія м. Арсенія на Кіевскую каѳедру, по его-же порученію, составлялъ годичные отчеты о состояніи епархіи для отсылки въ Св. Синодъ. Эту обязанность несъ онъ и при митрополитахъ Филаретѣ и Платонѣ. Неудивительно, если при массѣ обязанностей Петръ Г. иногда запаздывалъ съ проектами донесеній въ Св. Синодъ.

[2]) Редакторъ издававшагося въ Кіевѣ журнала «Вѣстникъ Юго-Западной Россіи».

та и другая сторона одинаково и по одинаковой причинѣ не права. Когда Котляревскій перевелъ на малороссійскій языкъ Енеиду, кто противъ него спорилъ, кто запрещалъ ему? Никто, а напротивъ всѣ съ удовольствіемъ читали ее. Но когда нѣсколько буйныхъ, но къ несчастію ученыхъ людей, вздумали языкъ сдѣлать орудіемъ своихъ возмутительныхъ идей (теперь это уже не тайна) и посредствомъ разныхъ брошюръ возбуждать и поощрять народъ къ ненависти противъ такъ называемой Московщины, тогда, по моему мнѣнію, не только великороссы, но и благоразумные малороссы должны возстать противъ такихъ гибельныхъ затѣй и самое орудіе на время положить въ сторону. Неужели для насъ мало печальнаго зрѣлища нашихъ братьевъ нѣмецкихъ и турецкихъ славянъ? Что ихъ губитъ и содержитъ въ рабствѣ, какъ не взаимный споръ объ языкѣ и даже буквахъ, какими должно писать—русскими или латинскими,—споръ въ теченіе многихъ вѣковъ нерѣшенный, да едва ли когда и могущій быть рѣшеннымъ? Что-же? Хотимъ-ли и мы умножить собою эту и безъ того огромную массу славянъ страждущихъ? О, враги наши тому порадуются, и вся Европа, доселѣ къ намъ враждебная, заговоритъ объ насъ языкомъ для насъ сладостнымъ, а сама между тѣмъ въ-тихомолку будетъ смѣяться надъ нами, и одно племя наше за другимъ будетъ прибирать къ рукамъ своимъ. Не то-же-ли она дѣлаетъ и теперь съ безмозглыми поляками? Не то-же-ли съ Чехами и Галиціанами? Гдѣ наши Моравляне, гдѣ Шлёнзаки и проч. и проч.? Потонули въ безднѣ нѣметчины, и все это отъ того, что всякій изъ нихъ хотѣлъ быть первымъ и свой языкъ поставить выше всѣхъ другихъ,—хотѣлъ лучше принять чужія буквы и чужое правописаніе, съ насиліемъ для своихъ родныхъ звуковъ, природнаго чувства и свѣжей мысли, такъ что послѣ сего изъ слова—*былъ* вышло—*билъ*, изъ *щедушный*—*сшедушный* (Szeduchny), нежели допустить, чтобы какой-либо одноплеменный языкъ сдѣлался, по крайней мѣрѣ въ дѣловыхъ бумагахъ, общимъ для всѣхъ племенъ славянскихъ. Ну, скажите на милость, не странно-ли, не смѣшно-ли это? И однако-же объ этомъ го-

ворятъ и судятъ люди солидные и умомъ, и лѣтами, и званіемъ почтенные... На что это похоже? Всякій разъ, когда мнѣ приходится встрѣчаться съ людьми сего рода и слышать ихъ такъ говорящихъ и разсуждающихъ, я припоминаю себѣ одного стараго съ сѣдыми волосами, почтенной наружности поляка въ Подоліи, явившагося ко мнѣ въ желтыхъ сафьяновыхъ полусапожкахъ, въ синемъ кунтушѣ, съ краснымъ широкимъ поясомъ и съ малымъ дѣтскимъ изъ зеленаго сафьяна картузомъ съ красною на верху кисточкою. Не смѣшонъ только, но наиболѣе жалокъ мнѣ былъ этотъ полякъ въ такомъ несвойственномъ его лѣтамъ убранствѣ. Смѣшными и жалкими мнѣ представляются и всѣ тѣ, которые о мелочахъ разсуждаютъ съ важностію, а о предметахъ важныхъ говорятъ и судятъ легкомысленно. Не объ отдѣленіи другъ отъ друга намъ славянамъ помышлять теперь должно, а о дружномъ и единодушномъ противодѣйствіи совокупному напору Европы, испоконъ вѣку насъ немилующей.

Рѣшеніемъ училищнаго дѣла, конечно, я доволенъ и всѣхъ Васъ, въ томъ числѣ и г.г. попечителя и Вилуева [1]) благодарю.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. Кіевскій.

2 декабря 1863 г.

1864 г.

5.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Благословенъ Богъ, времена и лѣта въ своей власти положивый и въ новомъ лѣтѣ благодатіею, къ намъ ниспосылаемой, новую милость даровавый намъ. Благодарю за поздравленіе Ваше меня съ сею милостью Божіею и, взаимно поздравляя Васъ, призываю на Васъ благословеніе Божіе. Не менѣе того благодаренъ я и за Ваши вѣсти и повѣсти о дѣлахъ и

[1]) Директоръ 2 Кіевской гимназіи.

дѣйствіяхъ, въ нашей преславной консисторіи совершающихся. Для водворенія мира съ немирными и для охраненія чести губернскаго и главно-епархіальнаго присутственнаго мѣста, прошу Васъ, всякаго рода споры и ссоры при зерцалѣ прекратить и на предложенной Вами перемѣнѣ въ дѣлопроизводствѣ не настаивать. Пусть будетъ пока statu quo: можно и при этомъ порядкѣ, другимъ незамѣтнымъ образомъ достигнуть тойже цѣли и быстроты въ ходѣ дѣлъ и правосудія въ рѣшеніи оныхъ. По крайней мѣрѣ мнѣ удалось это сдѣлать въ Тверской консисторіи. О новомъ членѣ консисторіи я представленія еще не получилъ, а когда оно придетъ ко мнѣ, я посмотрю и по всей широтѣ правды законной разсужду. Думаю впрочемъ, что и состязанія, и опасенія Ваши, т. е. той и другой стороны, были напрасны, или по меньшей мѣрѣ преждевременны. Нашъ общій знакомецъ златопольскій смотритель училища Николай, кажется, Гавриловичъ Сторожевскій пишетъ ко мнѣ съ большою скорбію, что церковь его остается безъ священника и слѣд. безъ богослуженія. Позаботьтесь, пожалуйста, о пріисканіи туда кандидата, который, помнится, и былъ уже, но вѣрно отказался, и напишите къ нему, какъ о положеніи сего дѣла, такъ и о моемъ ему съ семействомъ благословеніи [1]). О. ректоръ семинаріи [2]), съ которымъ, я надѣюсь, уже помирились Вы, пригласитъ Васъ, безъ сомнѣнія, къ себѣ, для предъявленія Вамъ, по моему порученію, нѣкоего писанія къ нему и къ

---

[1]) Смотритель Златопольскаго дворянскаго училища Сторожевскій напрасно утруждалъ м. Арсенія своею просьбою о священникѣ для своей церкви, такъ какъ тамъ былъ на мѣстѣ законоучитель и священникъ о. Крамаренко. Дѣло въ томъ, что Сторожевскій разладился съ учителями и Крамаренковымъ. Директоръ 2 кіевской гимназіи Вилуевъ нарочно ѣздилъ въ м. Златополь для дознанія о растратѣ Сторожевскимъ училищной суммы (2000 р.) и только по вниманію къ его семейному положенію далъ ему время покрыть эту растрату, съ условіемъ перемѣщенія его на другое мѣсто.

[2]) Архимандритъ Ѳеоктистъ.

Вамъ равно относящагося [1]). Примите сіе писаніе къ своему соображенію и въ предостереженіе. А за брошюру о французскихъ школахъ я весьма Вамъ благодаренъ, и если есть у Васъ

---

[1]) Подъ «нѣкіимъ писаніемъ» разумѣется письмо митрополита московскаго Филарета, строго слѣдившаго за направленіемъ духовныхъ журналовъ, къ митрополиту Арсенію. Вѣроятно, кромѣ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, оно касалось и «Руководства для сельскихъ пастырей», редакторомъ которыхъ состоялъ тогда ректоръ семинаріи, архимандритъ Ѳеоктистъ, иначе непонятно, почему м. Арсеній послалъ это письмо не прямо къ Петру Гавриловичу, а черезъ посредство другого лица. Въ свое время я списалъ копію съ этого письма и, кажется, только то, что касалось Петра Гавриловича, какъ редактора Вѣдомостей. Вотъ текстъ его: «Въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ есть полезная для нынѣшняго времени статья о народныхъ школахъ во Франціи; не такова статья (№ 20, 1863 г.) о улучшеніи быта духовенства, особенно рѣшительныя резолюціи. Писатель хочетъ составить духовенство изъ всѣхъ сословій; здѣсь впрочемъ предполагается, что тысячи семействъ нынѣшняго духовенства надобно живыхъ въ землю зарыть или въ воду бросить. И чего хотятъ? Мы и нынѣ принимаемъ изъ другихъ званій способныхъ; въ Москвѣ есть архіерей изъ флотскихъ офицеровъ и архимандритъ изъ студентовъ Университета. Нужно вразумлять нашихъ скороспѣлыхъ писателей и преобразователей. Нѣтъ примѣра въ другихъ вѣроисповѣданіяхъ, чтобы духовенство такъ крошило себя въ куски». На это Петръ Гавриловичъ въ письмѣ къ м. Арсенію отвѣтилъ: «Лице, писавшее извѣстное письмо, кажется, забудетъ Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости, прочитавши статью объ улучшеніи быта духовенства въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Раздѣляя общее всѣхъ къ нему уваженіе, я позволю себѣ думать, что лучше-бы насъ вразумлять печатными опроверженіями, какъ напр., сдѣлано по вопросу о монашествѣ епископовъ. Въ Москвѣ не пропускаютъ новыхъ идей въ духовные журналы, за то тѣмъ рѣзче тѣ-же духовныя лица кричатъ въ «Вѣстникѣ» «Днѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Что здѣсь лучшаго? У насъ не налагаютъ печать на уста, за то изъ Кіева нѣтъ духовныхъ корреспонденцій въ «Днѣ». Запретили-бы въ «Днѣ», найдутъ другіе выходы, и чѣмъ строже запретъ, тѣмъ злѣй будутъ

нѣсколько эксемпляровъ готовыхъ, то пришлите ихъ ко мнѣ. Ея Высокопревосходительству Вѣрѣ Ивановнѣ [1]) за такую готовность ея на доброе дѣло прошу предъявить мою большую благодарность. На почетную попечительницу я охотно согласенъ; только смотрите—не огорчились-бы вельможныя. Не нужно-ли предложить сіе званіе княгинямъ Васильчиковой, или Голицыной?

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

2 генваря 1864 г.

6.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За присылку отчетныхъ проектовъ и печатной брошюры благодарю Васъ. Брошюры этой 15 эксемпляровъ я послалъ къ преосвященному митрополиту московскому, по его желанію, въ письмѣ ко мнѣ выраженному. Это дѣлаетъ честь Кіевскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ и ихъ редактору. Новому журналу [2]), если-бы онъ въ мудрости и силѣ Божіей начался и пошелъ, я радъ; но нисколько не желаю, чтобы съ появленіемъ его другіе журналы уничтожились, развѣ только одни

кричать. По словамъ письма, мы гонимъ своихъ въ воду, или хотимъ зарыть живыхъ въ землю. А кто подписывалъ опредѣленія о разборѣ духовенства? (Разумѣется, русскіе іерархи). Что хуже—разборъ и насильственная отдача въ военную службу, или выходъ свободный изъ духовнаго званія? Если какіе либо причетники, по нашему проекту, и выйдутъ даже въ мѣщане, неужели они будутъ несчастнѣе тѣхъ, которые цѣлыми массами были отдаваемы въ военную службу»?

[1]) Супруга генералъ-губернатора Анненкова.

[2]) Новый журналъ, названіе котораго я забылъ, думалъ издавать одинъ только протоіерей Григорій Крамаревъ, но не заручившись сотрудниками, которыхъ въ Кіевѣ почему-то не оказалось, совершенно оставилъ мысль объ изданіи журнала.

„Труды Кіевской Академіи", какъ для Академіи трудныя и для большинства публики неудобные, могутъ быть оставлены; но и то, по моему мнѣнію, лучше-бы было измѣнить для нихъ программу, нежели вовсе отмѣнять и упразднять ихъ, т. е. вмѣсто нынѣшнихъ ученыхъ статей, печатать въ нихъ професс. лекціи и лучшія студенческія сочиненія. Чрезъ это для публики они сдѣлались-бы доступнѣе и интереснѣе, а для Академіи выгоднѣе. Редакція-же того журнала, какой у меня въ головѣ, очевидно не можетъ быть поручена одному о. Крамареву, но вмѣстѣ и о. Фаворову: надѣюсь, что онъ не откажется. О Сухобрусовскомъ домѣ можете затѣять по консисторіи дѣло и ко мнѣ представить съ мнѣніемъ, а о вѣнчиковой суммѣ, какъ имѣющей свое спеціальное назначеніе, и не думайте. Ея Высокопревосходительству Вѣрѣ Ивановнѣ прошу предъявить мой поклонъ и благословеніе, а вмѣстѣ и благодарность за попеченіе ея объ окончательномъ устройствѣ церкви. Вамъ-же, по моему мнѣнію, всего лучше было-бы быть при сей церкви постояннымъ священникомъ въ родѣ капеллана, если-бы только назначено было постоянное жалованье въ достаточномъ количествѣ, а В. И. безъ сомнѣнія, можетъ это сдѣлать, представивъ о томъ министру снова, съ иниціативы будто-бы городского общества, которое, изъ уваженія къ Его Высокопревосходительству, захотѣло принять на себя поддержку устроенной въ его домѣ церкви и содержаніе особаго при ней причта. Не сказать-ли В. И. всю правду? Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы и при этой церкви, и при Спасской, и при училищной были особые настоятели, хотя, само собою разумѣется, главный распорядитель училища имѣетъ полное право служить въ сей церкви, когда только захочетъ. Испанскій-же и вообще католическій обычай, какъ противный правиламъ древней церкви и выражающій собою духъ прямо противохристіанскій, у насъ не можетъ быть допущенъ [1]). За вниманіе Археографическую комис-

[1]) Относительно «испанскаго обычая» нужно замѣтить слѣдующее. Ея Высокопревосходительство Вѣра Ивановна Анненкова,

сію, благодарю: оно для меня дорого по тому уваженію, какое я имѣю къ лицамъ, въ ней дѣйствующимъ. Касательно училищной попечительницы поступите такъ, какъ совѣтъ Вашъ признаетъ за лучшее. О болѣзни, вторгшейся въ училище, скорблю и молю Господа да сохранитъ Онъ питомцевъ нашихъ отъ смертоносныя язвы подъ своимъ отеческимъ кровомъ. Увѣдомьте меня о послѣдствіяхъ и ходѣ болѣзни.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

7 февр. 1864 г.

7.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

Мысль Вашу о Спасской церкви я вполнѣ раздѣляю: напишите ко мнѣ прошеніе о перемѣщеніи Васъ къ генералъ-

---

устроивши при генералъ-губернаторскомъ домѣ церковь, обратилась къ Петру Гавриловичу за совѣтомъ, какъ-бы устроить дѣло такъ, чтобы онъ, состоя священникомъ при Печерской Спасской Церкви, которой подлежалъ и генералъ-губернаторскій домъ, могъ постоянно служить въ ея церкви. На это Петръ Гавр. отвѣтилъ ей: «въ Испаніи и во многихъ католическихъ странахъ приходъ есть нераздѣльное цѣлое, и потому тамъ настоятель приходской церкви есть вмѣстѣ настоятель и всѣхъ церквей въ своемъ приходѣ: домовыхъ, училищныхъ, или другихъ, лично совершая богослуженіе, или чрезъ викаріевъ. Это правило, писалъ Петръ Гавриловичъ м. Арсенію, полезно-бы, по многимъ причинамъ, ввести и у насъ. Для осуществленія его въ Спасскомъ приходѣ, все-же нужны деньги, чтобы имѣть священника другого; а деньги можетъ дать городъ, хотя-бы тѣ самыя, которыя онъ производилъ причту Андреевской церкви до 1842 г. изъ городскихъ доходовъ. Если будетъ окладъ, то возможно къ Спасской церкви пріискать священника 2-го. Богослуженія будемъ совершать я или онъ по усмотрѣнію, или поперемѣнно, какъ это было при губернаторѣ Желвухинѣ, когда въ губернаторскомъ домѣ была церковь, а при Спасской церкви 2 священника. Такимъ образомъ я не оставлю штатнаго мѣста при древнѣйшей церкви и по желанію В. И. буду служить въ домѣ генералъ-губернатора. Этотъ проектъ въ ходу, городъ уже назначаетъ 500 р.». Подробностей этого дѣла я не знаю,— знаю только, что при Спасской церкви при Петрѣ Г. служилъ въ качествѣ викарнаго, священникъ Симеонъ Бинецкій.

губернаторской церкви, но въ прошеніи упомяните, что такъ какъ Вы своимъ стараніемъ открыли въ ней древніе фрески, то Вамъ желательно было-бы, при своемъ непосредственномъ наблюденіи, совершить, когда пріищутся къ тому способы, и возобновленіе оныхъ, не требуя за то ни отъ церкви, ни отъ прихожанъ никакого вознагражденія, а единственно по своему усердію къ древней знаменитой святынѣ. Прозоровскій діаконъ на томъ положеніи, какое Вы ему предъявили, можетъ быть прикомандированъ къ генералъ-губернаторской церкви. Спасскій пономарь тоже, но крайней мѣрѣ до времени. Спасибо Вамъ за столь значительное пожертвованіе въ пользу подвѣдомаго Вамъ училища. Вы, значитъ, вполнѣ достойный своего имени распорядитель [1]). Передайте учащимъ и учащимся мое и вмѣстѣ Божіе благословеніе. Отъ души радуюсь и благодарю Бога и Васъ, что Вы своими молитвами и внимательной заботливостію, а Богъ своею силою и благостію не допустилъ укорениться и распространиться въ новомъ нашемъ разсадникѣ

---

1) Что это за значительное пожертвованіе Петра Гавриловича на училище дѣвицъ д. званія, не знаю,—можетъ быть здѣсь сдѣлано указаніе на то, что П. Г. съ 1864 г. изъ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей вносилъ ежегодно по 150 р. Между разными источниками на нужды училища дѣвицъ дух. званія, онъ, между прочимъ, указывалъ и на кіевскій народный календарь. Вотъ что писалъ онъ митрополиту: «Календарь, изданный г. Андріяшевымъ, довольно плохо составленъ. М. А. Максимовичъ имѣетъ желаніе составить лучшій календарь вмѣстѣ со мною, съ нѣкоторымъ ему за это вознагражденіемъ. Имѣя въ виду, что Никейскимъ 1-мъ соборомъ право обнародованія времени празднованія Пасхи предоставлено Епископу, а не мирянамъ, было-бы сообразно съ канонами церкви, чтобы календарь православный издавался отъ церкви кіевской, а не отъ кіевскаго учебнаго округа и былъ предоставленъ въ пользу кіевскаго училища дѣвицъ духовнаго званія, а не въ пользу министерскихъ школъ. Если это будетъ благословлено Вами, то мы приступимъ къ дѣлу, испрашивая при этомъ единственной гарантіи, чтобы этотъ календарь былъ отпечатанъ въ лаврской типографіи и кромѣ его никакой другой тамъ не печатался».

опасной болѣзни. Со смѣтою, когда будетъ представлена, поступлю по совѣту добраго старца полковника Чеснока. А дабы былъ мнѣ поводъ дать такой дѣлу оборотъ, то Вы въ своемъ представленіи на этотъ путь напомните мнѣ.

Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

5 марта 1864 г.

8.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ братъ!

На пасхальный привѣтъ Вашъ, пасхальный-же и отвѣтъ посылаю Вамъ: воистину воскресе Христосъ! и произнося сіи слова, заочно съ Вами христосуюсь, призывая на Васъ и на общихъ дѣтей нашихъ благодать и милость воскреснаго Господа. Будущему возобновленію фресковъ Спасской церкви, благодаря доброму Николаю Николаевичу и Вашему старанію, заранѣе отъ души радуюсь. О Высочайшемъ утвержденіи Ея Величествомъ новой попечительницы нашего училища Вѣры Ивановны теперь, думаю, Вы уже знаете. Поздравляю Васъ и прошу передать ей отъ меня особый поклонъ и благословеніе, а за ходатайство ея объ ассигновкѣ 5 тысячъ р. и мою благодарность.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

22 апр. 1864 г.

1865 г.

9.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За открытіе хронологической путаницы въ лукавомъ прошеніи каневскихъ почитателей Шевченка я весьма Вамъ благодаренъ. Я впрочемъ и безъ того имѣлъ таки намѣреніе отка-

зать имъ, но только искалъ благовиднаго къ тому предлога, предполагая, что, можетъ быть, со стороны гражданскаго начальства, при разсмотрѣніи рисунка, мнѣ укажется какое-либо препятствіе, и дѣло было-бы съ концемъ [1]). Противъ Ольгинскаго Братства мнѣ никто не говорилъ: не грѣшите напрасными подозрѣніяии. А только какъ тогда, когда требовали отъ меня отзыва, такъ и теперь, я признаю сущею нелѣпостію въ одномъ городѣ, для одинаково благотворительной цѣли имѣть два отдѣльныя братства. Согласитесь сами, что это довольно странно. Впрочемъ я въ своемъ отзывѣ не отвергнулъ ни пользы, ни устава Вашего общества, а только сказалъ, что, по моему мнѣнію, приличнѣе было-бы соединить его съ Брат-

---

[1]) Относительно хронологической путаницы. Въ письмѣ къ м. Арсенію Петръ Г. писалъ: «Каневское городское общество входило съ прошеніемъ о разрѣшеніи построить часовню въ Каневѣ, на горѣ Московкѣ въ память присоединенія Юго-Западнаго края къ Россіи, выставляя, что дѣло это рѣшено въ Каневѣ и именно на горѣ Московкѣ, гдѣ въ 1793 г., въ пріѣздъ Императрицы Екатерины, собирались русскіе и польскіе дипломаты въ палаткѣ. Разрѣшеніе еще не дано, а только резолюціей Вашего Высокопреосвященства потребованъ проектъ часовни. Въ томъ-же прошеніи Каневцы перепутали исторію. Екатерина плыла по Днѣпру въ 1787 г., переговоровъ тогда въ Каневѣ никакихъ не было, на горѣ дипломаты никогда не собирались, край присоединенъ въ 1793 г. не въ слѣдствіе переговоровъ каневскихъ, а вслѣдствіе побѣдъ Суворова. Для чего-же эта перестановка и подлогъ фактовъ? Умыселъ иной былъ. За горой Московкой могила Шевченка; погребеніе его совпадаетъ близко съ днемъ стоянки Екатерины подъ Каневомъ. Вотъ и вздумали, подъ симъ предлогомъ, учредить крестный ходъ на гору Московку, а затѣмъ творить головщину погребенія Шевченка. Въ отклоненіе этой затѣи, которая могла-бы имѣть послѣдствія нежелательныя, въ № 5 Епархіальныхъ Вѣдомостей напечатана статья, которая обличаетъ историческую путаницу и даетъ другое направленіе дѣлу, а поводъ къ напечатанію считаю необходимымъ довести до свѣдѣнія Вашего Высокопреосвященства».

ствомъ, уже существующимъ, въ видѣ особаго отдѣленія, и мнѣ доселѣ кажется, что это вполнѣ раціонально [1]).

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

18 марта 1865 г.

10.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Въ дѣло о монастырскихъ окладахъ напрасно Вы впутались: оклады эти, какъ Вы могли видѣть изъ самаго оберъ-прокурорскаго отношенія ко мнѣ, предназначены уже высшимъ начальствомъ исключительно для канцелярскихъ чиновниковъ; отъ насъ-же требовалось только для формы, или изъ пустой вѣжливости согласіе; значитъ, здѣсь не о чемъ было и спорить.

---

[1]) Относительно Ольгинскаго Братства отъ 4 марта 1865 г. Петръ Гавриловичъ писалъ митрополиту слѣдующее: «Владиміръ И. Бутовичъ отправляется въ Петербургъ 7 марта и между прочимъ хочетъ просить отъ себя и Софіи Васильевны благословенія Вашего Высокопреосвященства на учрежденіе предположеннаго ими еще въ минувшемъ году Св. Ольгинскаго Общества. Иниціатива этого дѣла принадлежала Н. Н. Анненкову, который въ мартѣ 1864 г. оффиціальнымъ письмомъ просилъ С. В. о содѣйствіи ея съ сотрудницами снабженію церковной утварью церквей, имѣвшихъ строиться на сумму, отпущенную изъ 10% польскаго сбора. Софія В. отвѣчала готовностію съ своей стороны, если частное ея общество будетъ преобразовано въ формальное съ уставомъ. Затѣмъ на страстной недѣлѣ были приглашены Богдановичъ, С—ковъ и я для составленія устава общества. Редакція устава и названіе общества принадлежитъ мнѣ. Вотъ истинная исторія ходатайства объ открытіи Св. Ольгинскаго женскаго общества. Но мнѣ не безъизвѣстно, что нѣкоторые люди приписали все дѣло и инициативу его мнѣ по побужденіямъ будто враждебнымъ Св. Владимірскому Братству и доложили о семъ Вашему Высокопреосвященству въ августѣ минувшаго года. Не желая вызывать сдѣланнаго мною неумышленно В. В—у огорченія, я доселѣ удерживался отъ оправданія въ семъ обвиненіи, а теперь представляю оное въ поясненіе имѣющаго быть ходатайства Владиміра Ивановича».

Жалованье Вамъ генералъ-губернаторъ обѣщаетъ и думаю, что исполнитъ, а если не такъ, то найдетъ средства помочь Вамъ другимъ способомъ. Труды Ваши я знаю и умѣю достойно цѣнить ихъ. Ревность Ваша по домѣ Божіемъ мнѣ также хорошо извѣстна и въ моемъ мнѣніи высоко ставится, правда, безплатно, но вѣдь не всегда-же и не всѣмъ можно утѣшаться, за что намъ щедро платятъ, а иногда и безплатная оцѣнка бываетъ лучше и пріятнѣе для насъ щедро платимой. Не дай Богъ никому попасть въ число людей, уже слишкомъ на задѣльную плату расчитывающихъ. Не удивляйтесь, что Вашъ братъ и г. Крыжановскій нашли дѣла въ Польшѣ и даже въ Холмѣ въ положеніи не совсѣмъ благопріятномъ: послѣ такой тревоги, какая была въ тамошнемъ краѣ, и при такомъ близорукомъ до возстанія и даже во время возстанія управленіи, это иначе и быть не могло. Но благоразумная и вмѣстѣ осторожная дѣятельность новыхъ дѣятелей все можетъ, и въ короткое время, исправить и на лучшій ладъ поправить. Чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ славнѣе побѣда. Скажите имъ отъ меня поклонъ и благословеніе. Пусть не унываютъ и бодрствуютъ. Мысль ваша о надѣленіи нѣкоторыхъ уніатскихъ священниковъ ризами прекрасная и преполезная: но мнѣ, ни даже Синоду за нее взяться нельзя: это было-бы сочтено въ Польшѣ и Европѣ сигналомъ привлеченія уніатовъ къ православію и произвело-бы преждевременное волненіе, а надобно эту мысль передать князю Черкаскому: тогда это будетъ и въ порядкѣ и весьма благоплодно [1]).

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

31 марта 1865 г.

---

[1]) Петръ Гавриловичъ писалъ митрополиту, что полезно было-бы чрезъ директоровъ учебныхъ дирекцій въ царствѣ польскомъ подарить нѣкоторымъ уніатскимъ священникамъ по ризѣ церковной, именно тѣмъ, которые болѣе окажутъ себя на русской сторонѣ. Это возбудило-бы и другихъ, такъ какъ есть священники, весьма интересующіеся лучшей ризницей, а утварь уніатская крайне бѣдна.

11.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

Прежде всякаго отвѣта на письмо Ваше отъ 30 октября, предлагаю Вамъ мой добрый совѣтъ—разориться на покупку хорошихъ чернилъ, по крайней мѣрѣ на тѣ случаи, когда вздумается писать ко мнѣ, а то такъ плохи, что съ большимъ трудомъ можно было прочитать написанное ими. Затѣмъ Ея Высокопревосходительству Любви Ивановнѣ [1]) прошу предъявить мою благодарность за ея воспоминаніе о моемъ недостоинствѣ и взаимно ей и чрезъ нее Его Высокопревосходительству Александру Павловичу мое высокопочитаніе и благословеніе. О погрѣшности-же въ назначеніи ей, какъ предсѣдательницѣ благотворительнаго общества, пособія на пріюты тужить нечего, во первыхъ потому, что пріюты, какъ полагалъ я, входятъ-же въ составъ благотворительныхъ заведеній, а строгаго раздѣленія ихъ между завѣдывающими оными, правду сказать, я не зналъ, а во вторыхъ потому, что въ назначеніи моемъ указано самое имя предсѣдательницы общества, слѣд. недоразумѣнія здѣсь никакого и не должно и не можетъ быть, и отъ ея воли уже будетъ зависѣть, употребить эту сумму, какъ она заблагоразсудитъ. Съ другой стороны, я не отрекаюсь и Е. С. на завѣдываемые ею исключительно пріюты дать особое пособіе. Брату и г. Крыжановскому напишите при случаѣ отъ меня поклонъ и благословеніе и скажите, чтобы они дѣлали свое дѣло, какъ начали, потому что начали прекрасно, вздорными слухами нисколько не безпокоились: въ мірѣ болтовни много, мало ли что и о комъ не говорятъ, всего не переслушаешь. При томъ же я не совсѣмъ вѣрю тому, что Вамъ кто-то передалъ о развѣдываніяхъ Трепова въ Кіевѣ; мнѣ кажется, что если-бы онъ въ самомъ дѣлѣ что-нибудь подобное

---

[1]) Любовь Ивановна—супруга генералъ-губернатора Александра Павловича Безака.

отъ кого-бы то ни было услышалъ, то непремѣнно сказалъ-бы мнѣ, а между тѣмъ онъ ни слова объ этомъ мнѣ не говорилъ. Какъ-же это могло статься? Ужъ не подшутилъ ли кто изъ почтенныхъ особъ надъ Вашимъ на этотъ разъ легковѣріемъ [1]). Къ заготовленному Вами отчету по епархіи не позабудьте присоединить по указанной формѣ вѣдомость о совратившихся изъ православія и присоединившихся къ оному, да и поспѣшите съ симъ дѣломъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

12 ноября 1865 г.

12.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей.

О духовномъ завѣщаніи Бредихина, будетъ-ли оно утверждено, или не будетъ, я нисколько не безпокоюсь: въ первомъ случаѣ я исполню волю покойнаго въ точности, а во второмъ—передамъ, кому будетъ приказано, съ полнымъ удовольствіемъ, ибо избавлюсь чрезъ то лишнихъ хлопотъ. Калистратовъ можетъ быть трудился не даромъ, а мнѣ изъ-за чего? Развѣ я могъ-бы воспользоваться хотя бы одною копѣйкою собственно для себя? Боже избави! Покойный не разъ являлся ко мнѣ, умолялъ и упрашивалъ меня принять на себя эти хлопоты, и я, опасаясь отказать благочестивому желанію человѣка, собирающагося умирать, принялъ; но если судъ присудитъ иначе, то значитъ жертва покойнаго Богу не угодна и должна разсѣяться на воздухъ, а мнѣ какое до того дѣло? Впрочемъ думаю, что Любовь Ивановна и Елисавета Сергѣевна, при новомъ оборотѣ дѣла, не только ничего не потеряютъ, но еще болѣе пріобрѣтутъ въ пользу своихъ заведеній, а то монахи только на церкви, да на монастыри употребляютъ пожертвованія, а какая отъ того польза? Прошу предъявить имъ мое почтеніе и

---

[1]) Петру Гавриловичу передавали, будто Ѳеофана Гавриловича записали въ 3 отдѣленіе канцеляріи Его Величества.

поздравленіе съ наступающимъ праздникомъ Р. Христова и новымъ годомъ. Александру Павловичу и Николаю Геннадіевичу (кіевскій губернаторъ Казнаковъ) тоже. Отъ всей души желаю и молю Господа, чтобы Онъ всѣхъ благословилъ своимъ благословеніемъ благостнымъ и благопоспѣшнымъ имъ во всемъ. А Любовь Ивановну попросите, чтобы по прибытіи своемъ въ Петербургъ она извѣстила меня о томъ, съ указаніемъ своей квартиры. О положеніи дѣлъ въ Вашемъ Губернскомъ присутствіи преосвященный викарій извѣстилъ меня: за то, что сдѣлано, спасибо, а о прочемъ позаботьтесь. Отчета по училищу дѣвицъ д. званія ожидаю, и не менѣе и не позже того ожидаю и отчета о состояніи епархіи. Позаботьтесь. Новое отдѣленіе Острожскаго Братства въ Кіевѣ насмѣшило меня до глубины души. Что это за дикая мысль? И люди почетные и умные, каковы напр., протоіерей Лебединцевъ, Галаганъ, Ригельманъ, Юзефовичъ, Туловъ, Воронинъ и проч.—съ перваго-же раза не отвергли ее, какъ нелѣпую и неумѣстную! Здѣсь пришли мнѣ на память недавнія усилія поляковъ отрицать у насъ славянское происхожденіе. Напрасное усиліе. Въ опроверженіе ихъ намъ оставалось бы только указать на факты, подобные настоящему, и они невольно должны были бы воскликнуть—нѣтъ, нѣтъ: русскіе такіе-же славяне, какъ и мы, ибо никакой другой народъ, кромѣ славянскаго, не можетъ допускать подобныхъ нелѣпостей. Только у славянъ, если одинъ затѣетъ что-нибунь, то и другой затѣетъ тоже самое и непремѣнно врозь, а вмѣстѣ у него и энергіи нѣтъ. И братъ, и Крыжановскій дѣйствуютъ въ Польшѣ отлично—да поможетъ имъ Господь! Мощей Іосафата я самъ не видѣлъ, но моя свита видѣла и увѣряла меня—что-то по росту похожее на младенческую фигуру видѣла она, а Іосафатъ,[1]) какъ извѣстно, былъ росту болѣе средняго: какъ-же онъ въ мощахъ своихъ сокра-

[1]) Іосафатъ Кунцевичъ, патронъ уніи Литвы и Польши, фанатическій гонитель православія, убитый православными въ Витебскѣ въ 1627 г.

тился, Богъ вѣсть. И почему-бы, кажется, при освидѣтельствованіи мощей не допустить кого либо изъ схизматиковъ? Вѣдь допускаемъ-же мы въ наши пещеры и лютеранъ, и католиковъ. Но довольно. Господь да благословитъ Васъ на новый годъ, а себѣ прошу Вашихъ молитвъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

23 декабря 1865 г.

1866 г.

13.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей.

Прежде всего благодарю Васъ за скорое погашеніе взаимной распри братолюбнымъ примиреніемъ, а на будущее время прошу Васъ всемѣрно избѣгать всего, что такъ или иначе можетъ оскорбить самолюбіе ближняго, хотя-бы свой поступокъ и можно было оправдать внѣшними формами, ибо Вы знаете, что сердцевѣдецъ Господь нашъ будетъ судить насъ не только за дѣла внѣшнія, но и за помышленія сердечныя, и за грѣхи неосторожности и невѣдѣнія. То, что Вы сдѣлали, можно было сдѣлать иначе, и миръ Вашъ и мой не былъ-бы нарушенъ. А и худой миръ, даже и не совсѣмъ съ хорошими людьми, всегда лучше доброй брани, какъ говоритъ древняя пословица. Благодарю также и за новый проектъ донесенія о состояніи кіевской епархіи; онъ написанъ въ порядкѣ и языкомъ приличнымъ. А то Вы прислали ко мнѣ кучу разнаго хвороста, даже соломенною веревкою не связаннаго—услуга, признаться, незавидная. Рукопись о Станиславѣ возвращаю къ Вамъ, она составлена хорошо и вѣрно; я самъ въ Варшавѣ прочиталъ Длугоша и Галла, не разъ говорилъ объ этомъ съ моимъ добрымъ знакомымъ Мацеіовскимъ, и оба удивлялись, какъ можно такого человѣка, какъ Станиславъ записать въ святые; но у папъ съ іезуитами все возможно. Если Калигула могъ своего буцефала

(коня) включить въ число сенаторовъ, то какъ-же папѣ, кровному потомку Калигулы по прямой линіи per Maximos Pontifices, съ тройною въ добавокъ тіарою на главѣ и съ двумя ключами отъ рая и ада, не имѣть возможности какого-нибудь Станислава или Іосафата прямо съ мѣста преступленія отъ преподобныхъ дѣлъ государственной измѣны и безчеловѣчнаго варварства вознести въ рай и поставить у престола Божія въ сонмѣ Архангеловъ и Ангеловъ? Въ чемъ-же ему болѣе и обнаружить свое могущество, если не въ этихъ нечестивыхъ сумасбродствахъ? Поблагодарите автора статьи и отъ себя, и отъ меня, а когда я, если Богъ велитъ, возвращусь въ Кіевъ, пригласите его ко мнѣ на чашку чаю. Тѣмъ не менѣе этой статьѣ въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ не мѣсто, а всего лучше отпечатать ее въ какомъ нибудь свѣтскомъ журналѣ, напр.—въ Виленскомъ Вѣстникѣ, или въ Западномъ Вѣстникѣ, тоже въ Вильнѣ издаваемомъ, или въ другомъ какомъ-либо, только не въ духовномъ: тамъ она будетъ имѣть вѣсъ и силу, а въ духовномъ теряла-бы то и другое на половину.

Надѣюсь, что кіевское духовенство и въ устройствѣ судьбы своихъ учебныхъ заведеній покажетъ не меньшую въ сравненіи съ другими ревность, хотя нѣкоторыя въ этомъ отношеніи его уже опередили. Смоленскому въ ряду всѣхъ другихъ, конечно, принадлежитъ честь, какъ первому; но костромское далеко превзошло его: оно своими пожертвованіями не только покрыло всѣ потребныя издержки по семинаріи и училищамъ, но успѣло изъ тѣхъ-же пожертвованій образовать и запасной капиталъ на чрезвычайныя надобности. Впрочемъ авось Богъ и у насъ все приведетъ къ желаемому концу. Благословеніе Божіе да будетъ надъ всѣми Вами.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

13 марта 1866 г.

1868 г.

14.

Высокопреосвященнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ братъ!

За присылку училищной вѣдомости благодарю Васъ и щедрою рукою раздаю всѣмъ желающимъ и нежелающимъ, любящимъ и ненавидящимъ церковно-приходскія наши школы; успѣлъ передать нѣсколько экземпляровъ и во дворецъ, и министру просвѣщенія, и двумъ членамъ государственнаго совѣта и слышу, что впечатлѣніе произведено самое благопріятное. Планъ Вашъ о Бѣлоцерковскихъ зданіяхъ вполнѣ одобряю, и далъ-бы Богъ, чтобы дѣло это удалось намъ [1]). Только Алек-

---

[1]) Положеніе Петра Гавриловича при генералъ-губернаторской церкви, отъ которой, за назначеніемъ на мѣсто каѳедральнаго протоіерея, отчисленъ 18 іюля 1868 г., незавидное въ матеріальномъ отношеніи, дало ему возможность сдѣлать много добра для духовенства: онъ проектировалъ, при посредствѣ того-же Безака, открыть въ м. Бѣлой Церкви параллельные классы кіевской д. семинаріи. «12 ноября, пишетъ Петръ Гавриловичъ въ письмѣ къ митрополиту, за обѣдомъ, даннымъ депутатамъ духовенства, Александръ Павловичъ высказалъ свое сожалѣніе о несостоявшемся открытіи прогимназіи въ Умани; я упомянулъ, что, по моему мнѣнію, не уменьшая числа учебныхъ заведеній, въ Умань надлежало-бы перевести гимназію изъ Бѣлой Церкви, гдѣ чрезъ скопленіе польской шляхты только усиливается польскій духъ въ юношествѣ, съ чѣмъ А. П. согласился. На другой день я дополнилъ свой проектъ мыслію въ зданіяхъ Бѣлоцерковской гимназіи открыть параллельные классы кіевской православной семинаріи, которая будетъ дѣйствовать на центръ полонизма въ противоположныхъ цѣляхъ, т. е. содѣйствовать его обрусѣнію, и что графъ Браницкій не можетъ противорѣчить открытію здѣсь православной семинаріи, въ подтвержденіе этого я указалъ на контрактъ его отца съ правительствомъ, гдѣ говорится, что зданія устрояются Браницкимъ для учрежденія гимназіи или другого наименованія, но равнаго ей учебнаго заведенія, и зданія эти (пунктъ 10-й) только въ такомъ случаѣ переходятъ въ вотчинную собственность графа

сандръ Павловичъ что-то ничего опредѣленнаго не высказываетъ, а безъ него, конечно, ничего нельзя будетъ сдѣлать. Проектъ семинарскій о постройкѣ для семинаріи 100 тысячнаго корпуса не только не помѣшаетъ нашему плану, но можетъ даже помочь намъ. Начальство естественно устрашится огромной цифры и будетъ тѣмъ усерднѣе хлопотать за насъ

Браницкаго или его наслѣдниковъ, если правительство не признаетъ нужнымъ имѣть въ Бѣлой Церкви среднее учебное заведеніе. Къ этой мысли я пришелъ по поводу состоявшагося въ тоже время въ семинарскомъ правленіи соображенія о потребности, для преобразованія кіевской семинаріи по новому уставу, построить на тѣсномъ семинарскомъ дворѣ еще 3-хъ этажный корпусъ, больній настоящаго, на что потребуется болѣе 100 т. рублей. Александръ Павловичъ, выслушавъ мой проектъ, поручилъ мнѣ дать ему записку объ этомъ предметѣ. Записка мною составлена, въ предположеніи, что приведеніе въ исполненіе 2-й ея половины, т. е. объ открытіи въ зданіяхъ Бѣлоцерковской гимназіи параллельныхъ классовъ семинаріи, будетъ зависѣть отъ благоусмотрѣнія Вашего Высокопреосвященства, и съ нынѣшней почтой отправлена къ генералъ-губернатору. Доводя объ этомъ до свѣдѣнія Вашего В—ва, считаю нужнымъ доложить В. В—ву, что зданія Бѣлоцерковской гимназіи построены отлично, лучше и помѣстительнѣе 2 кіевской гимназіи, съ квартирами для директора, инспектора, экономa и надзирателей, больницей и проч., и могутъ вмѣщать въ себѣ свободно до 200 казеннокоштныхъ воспитанниковъ. Лѣстницы въ зданіи чугунныя, полы въ залѣ, библіотекѣ и классахъ паркетные. Если намъ дадутъ это зданіе, то вмѣстѣ съ тѣмъ въ наше распоряженіе перейдетъ мебель, ежегодный отпускъ изъ экономіи Браницкаго по 2 т. рублей на ремонтъ зданія и 6 человѣкъ прислуги на счетъ графа Браницкаго, такъ какъ все это по контракту привязано къ тому учебному заведенію, которое помѣщается въ зданіи Браницкихъ. Что касается разстоянія м. Бѣлой Церкви отъ Епархіальнаго Управленія, то съ устройствомъ желѣзной дороги оно весьма сокращается, такъ какъ одна изъ станцій Кіево-Балтской дороги будетъ въ с. Кожанкѣ, въ 20 вер. отъ Бѣлой Церкви, а Бѣлая Церковь и нынѣ въ 84 верстахъ отъ Кіева. Духовенство кіевской Епархіи тѣмъ болѣе было-бы радо исполненію этого проекта, что квартиры въ Кіевѣ неимовѣрно вздорожали и уже становятся не по средствамъ многимъ отцамъ, у которыхъ 2—3 сына

объ уступкѣ Бѣлоцерковскихъ зданій. Надобно только предварительно расположить въ нашу пользу графа Браницкаго: постарайтесь чрезъ кого и какъ знаете. Любовь Ивановна въ новый годъ сдѣлана статсъ-дамою Ея Величества; готовлюсь встрѣтить поздравленіемъ. Не замедлите присылкою донесенія о состояніи Епархіи въ прошедшемъ 1867 г. Позаботьтесь пред-

---

въ училищѣ. Св. Синодъ избавится весьма отъ значительнаго расхода. И весьма замѣчательно было-бы видѣть православную семинарію на мѣстѣ езуитскаго коллегіума на пунктѣ, который езуиты избрали операціоннымъ пунктомъ римской пропаганды. Православная проповѣдь, хоръ пѣвчихъ и торжественное богослуженіе сами собою войдутъ въ м. Бѣлую церковь въ глазахъ польской шляхты, привыкшей видѣть богослуженіе только убогихъ сельскихъ церквей; наставники семинаріи привнесутъ въ массу католическую болѣе ясное и болѣе правильное понятіе о православной церкви, чѣмъ какое внушено ей ксензами. Вмѣсто того, чтобы испрашивать и затрачивать капиталъ на постройку зданія на тѣсномъ дворѣ и ждать нѣсколько лѣтъ окончанія ея, лучше всего, раздѣливъ кіевскую семинарію на двѣ половины, параллельные ея классы открыть въ м. Бѣлой Церкви, а первыя ихъ отдѣленія оставить въ нынѣшнемъ зданіи кіевской семинаріи, и такимъ образомъ имѣть въ кіевской епархіи, вмѣсто одной, двѣ семинаріи. Въ зданіяхъ Бѣлоцерковской гимназіи могутъ быть открыты также и сверхштатные параллельные классы на средства самого духовенства, если бы встрѣтилась въ нихъ надобность. Особенная выгода этого предположенія та, что преобразованіе кіевской семинаріи можетъ быть произведено съ сентября наступающаго года, а сельскимъ священникамъ сократится путь къ учебному заведенію и удешевится самое содержаніе дѣтей».

Сохранилась черновка письма Петра Гавриловича, при которомъ отослана имъ записка къ генералъ губернатору о Бѣлоцерковской гимназіи. «Во исполненіе желанія Вашего, имѣю честь представить при семъ записку съ соображеніями о Бѣлоцерковской гимназіи, которыя основаны на близкомъ десятилѣтнемъ моемъ наблюденіи. Молю Бога, да поможетъ Вамъ въ исполненіи Вашихъ намѣреній о благѣ края и русскаго въ немъ дѣла». Очевидно, неожиданная кончина Александра Павловича Безака послужила препятствіемъ къ осуществленію проекта Петра Гавриловича объ открытіи православной семинаріи въ м. Бѣлой Церкви.

ставить въ возможно большей полнотѣ и аккуратности. Отчетъ по губерніямъ А. П. Его Величеству понравился; надобно, чтобы нашъ отчетъ, сколько возможно болѣе, съ нимъ гармонировалъ, гдѣ и какъ окажется возможнымъ, не только безъ вреда, но и съ пользою для церкви. Благословеніе Божіе посылаю Вамъ и начальницѣ училища съ ея воспитанницами.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

2 генваря 1868 г.

15.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей Петръ Гавриловичъ!

За письмо Ваше отъ 23 февраля благодарю, а отчета нѣсколько ранѣе назначеннаго срока ожидаю, дабы имѣть мнѣ время разсмотрѣть внимательно. О Бѣлоцерковскихъ гимназическихъ зданіяхъ я говорилъ уже съ министромъ, и онъ на уступку оныхъ охотно изъявилъ согласіе, но съ требованіемъ платы. Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, у Васъ отберетъ ихъ графъ Браницкій, какъ свою собственность, и такимъ образомъ Вы ни себѣ не сдѣлаете пользы, ни намъ не окажете благодѣянія, а денегъ у насъ на уплату нѣтъ, и Вы еще сверхъ того должны будете намъ дать 100 тысячъ р. на постройку для параллельныхъ классовъ семинаріи особаго корпуса. Тогда онъ задумался и сказалъ: ну, да если Браницкій согласится отдать Вамъ эти зданія, то я спорить не буду. Слѣд., намъ теперь нужно будетъ хлопотать о семъ у Браницкаго, чтобы онъ на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и для гимназіи, передалъ оныя намъ для семинаріи, и хлопоты эти я поручаю Вамъ, какъ человѣку вполнѣ компетентному. Дай Богъ, чтобы удалось это дѣло къ тому времени, какъ перемѣщеніе гимназіи въ Умань послѣдуетъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ Висковатый 19 тысячъ р. на прогоны истратилъ? Не ошибка-ли это? Справьтесь, пожалуйста, повѣрнѣе и меня увѣдомьте. Начальницѣ и общимъ намъ съ Вами дѣтямъ прошу передать благословеніе Божіе, а себѣ самому за бдительный надзоръ и благоустройство заведе-

нія принять мою благодарность. Господь да управитъ вся во благое и въ грядущее время по своей великой милости и благоволенію. Александра Павловича и Любовь Ивановну прошу въ свое время поздравить отъ меня съ свѣтлымъ праздникомъ и сказать имъ, что я отъ всей души заочно съ ними христосуюсь.

Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

10 марта 1868 года.

16.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Охотно желалъ-бы я за г. М—скаго [1]) ходатайствовать, но во-первыхъ, г. министръ теперь новый и мнѣ вовсе незнакомый, а во-вторыхъ, свойство дѣла М—скаго таково, что съ моимъ званіемъ никакъ не гармонируетъ: моимъ ходатайствомъ въ высшей оффиціальной сферѣ можно даже навести на самого себя нѣкое подозрѣніе въ полонофильствѣ. Слѣдовательно, М—каго употребить въ посредство предъ Браницкимъ невозможно. Остается Вамъ пользоваться такими средствами, которыя у Васъ найдутся подъ руками, а если не найдется никакихъ и въ дѣлѣ этомъ придется потерпѣть полное фіаско, то такъ тому и быть. Нужно во всемъ предаваться волѣ Божіей. Всею душею желаю успѣха въ ходатайствѣ моемъ за законоучителей, но опредѣленнаго отвѣта еще не получилъ.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

14 апрѣля 1868 г.

---

[1]) Эдуардъ М—скій, бывшій управляющій Ставищанскаго имѣнія графа Браницкаго, обращался къ Петру Гавриловичу съ просьбою ходатайствовать объ освобожденіи его отъ ссылки въ Олонецкую губернію, по подозрѣнію въ участіи его въ польскомъ мятежѣ 1863 года.

1869 г.

17.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

...Ея Высокопревосходительству—Любви Ивановнѣ прошу передать мой поклонъ и благословеніе, а вмѣстѣ и общую нашу благодарность, что она и на будущее время изъявила желаніе остаться для нашего училища покровительницею и попечительницею. Не забудетъ Господь милосердный и правосудный трудъ любви ея и за вся благая ея въ пользу сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, да и сами дѣти по гробъ свой не престанутъ въ молитвахъ своихъ воспоминать ее, какъ свою благодѣтельницу. Да, не разъ скажешь благодарность Господу Богу, что Онъ сохранилъ наше училище: бѣда была-бы большая и теперь невознаградимая, а между тѣмъ приближается время, когда можно надѣяться посѣщенія училища Августѣйшею покровительницею. Кстати совѣтую Вамъ, въ ожиданіи этого высокаго счастія, сдѣлать все возможное, чтобы показать товаръ лицемъ и не посрамить себя предъ свѣтскими учебными заведеніями. Само собою разумѣется, что богатою обстановкою намъ нельзя похвалиться, но опрятностію и скромностію, умѣніемъ держать себя во всякомъ случаѣ и предъ всякимъ лицемъ и особенно основательнымъ знаніемъ своего дѣла и искусными пріемами въ передачѣ сего знанія можно и должно. Прошу позаботиться. О жалованьѣ для причта домовой Николаевской церкви я говорилъ съ новымъ генералъ-губернаторомъ, и онъ обѣщалъ обратить на это дѣло вниманіе свое. Хорошо было-бы, если-бы здѣсь назначено было постоянное жалованье: чрезъ это прибавился-бы у насъ еще одинъ способный священникъ. Благодать и миръ да будетъ со всѣми Вами.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

13 февр. 1869 г.

1873 г.

18.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За письмо Ваше отъ 17 сего февраля душевно благодарю Васъ и спѣшу отвѣтомъ. Затѣя преосвященнаго викарія о проломѣ древнихъ монастырскихъ стѣнъ дѣйствительно дѣло ребяческое. Консисторія, за моимъ отсутствіемъ, должна рѣшительно остановить исполненіе ея посылкою монастырскому управленію повторительнаго указа, на основаніи моей прежней резолюціи, воспрещающей всякаго рода постройки и починки безъ моего на то особаго разрѣшенія, присовокупивъ къ сему и то, что это предпріятіе было-бы противно Высочайшему повелѣнію о всѣхъ древнихъ зданіяхъ, о послѣдствіяхъ-же сей мѣры мнѣ донести. О пристройкахъ къ училищному зданію дѣвицъ д. званія можете ко мнѣ представить. О Владимірскомъ Соборѣ я самъ напишу къ министру. Дѣйствительно Штромъ [1]) и Дейнека здѣсь служатъ большимъ препятствіемъ. Но можетъ быть удастся ослабить ихъ вліяніе. Вызову Терлецкаго [2]) побесѣдовать съ штундистами я очень радъ и надѣюсь отъ того пользы. Пусть подастъ онъ свое заявленіе о семъ въ консисторію, а консисторія съ своимъ заключеніемъ представитъ о семъ прямо ко мнѣ, объявивъ при томъ, что посылка эта нужна безотлагательно, а надежнаго сотрудника изъ православныхъ въ томъ-же представленіи указать мнѣ. Донесеній протоіереевъ о провѣркѣ росписанія церквей все-таки дожидаюсь, хотя-бы и до осени, а теперь займитесь тѣми, которыя уже доставлены. Прошу Васъ принять за правило, чтобы при тѣхъ церквахъ, къ которымъ есть приписныя, кромѣ настоятеля, назначаемъ былъ помощникъ и два причетника, или псаломщика. Въ Бѣлую Церковь настоя-

---

[1]) Архитекторъ.

[2]) Священникъ изъ Галиціи Владиміръ Терлецкій.

телемъ назначенъ священникъ Мокринскій [3]), университантъ и академикъ: чего же Вамъ больше. А для законоучительской должности всегда есть довольно изъ студентовъ семинаріи, лишь бы университетское начальство позаботилось пріискать и обласкать лучшихъ между ними, съ моей-же стороны отказа, конечно, не будетъ. Вы удивляетесь, что прежде профессора академіи и семинаріи охотно поступали во священники, а нынѣ нѣтъ. Не удивляйтесь, нынѣ они и безъ священническихъ мѣстъ сыты; на нихъ сбывается слово пророка, сказанное объ Израилѣ: уты, отолстѣ и забы Бога сотворшаго его. Церковь воспитала ихъ на свой счетъ и для себя, а они повернулись къ ней спиной. Неблагодарность въ мірѣ—явленіе обыкновенное. Съ другой стороны и то сказать: Богъ гордымъ противится, смиреннымъ-же даетъ благодать. Древняя церковь Александрійская отвергла многоученаго Арія и поставила патріархомъ смиреннаго Александра и отъ того много выиграла. Г. генералъ-адъютантъ Треповъ обратился къ г. оберъ-прокурору съ новой жалобою на бѣднаго священника В—скаго за его яко-бы вредное вліяніе на Селезеновскій приходъ чрезъ зятя Игнатовича. Я назначилъ по этой жалобѣ слѣдствіе: постарайтесь избрать слѣдователя—человѣка толковаго и свѣдущаго, да постарайтесь разузнать обстоятельно, что управляющій Трепова въ Селезеновкѣ будто-бы полякъ и католикъ, и сообщить мнѣ. Помнится, что В—скій что-то доносилъ мнѣ на него за его отвлеченіе крестьянъ отъ исполненія православныхъ христіанскихъ обязанностей; справьтесь и, если это дѣйствительно было, помѣстите въ проектѣ требуемаго мною проекта отношенія г. оберъ-прокурору.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

24 февраля 1873 г.

---

[3]) Священникъ Василій Мокринскій, бывшій инспекторъ Кіево-Софійскаго духовнаго училища.

19.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Не совсѣмъ такъ поступили Вы въ отношеніи къ командировкѣ о. Терлецкаго: въ администраціи много бываетъ случаевъ, когда лучше начинать дѣло снизу, нежели сверху; но такъ и быть: добрый вызовъ его мною принятъ. Позаботьтесь объ отправленіи и обезпеченіи его какъ въ пути, такъ и въ пребываніи его на мѣстѣ подвига. Прогоны, говорите Вы, и путевое содержаніе консисторія можетъ дать отъ себя, а для остального потребное количество денегъ можно будетъ, если Владимірское Братство на Ваше предложеніе не согласится, заимствовать изъ остаточной Бредихинской суммы, переданной мною въ училищную. О допущеніи командируемаго нынѣ въ Таращанскую тюрьму къ Балабану [1]), кажется, достаточно снестись съ однимъ исправникомъ, а если потребуется что-либо большее, то перо и бумага въ Вашихъ рукахъ; экипажа простого, но удобнаго попросите у о. экономa митрополитанскаго дома: можетъ быть найдете годный. Къ Игнатовичу [2]) и благочиннымъ напишите особо, что они при о. Терлецкомъ должны состоять первый въ качествѣ помощника и сотрудника его, а послѣдніе въ качествѣ содѣйствователей, да чтобы не завели какой-либо распри и ссоры, а о недоумѣніяхъ своихъ доносили бы чрезъ Васъ ко мнѣ. Изъ здѣшнихъ новостей одна только для Васъ можетъ быть интересна: докторская диссертація Янышева [3]) лопнула; Св. Синодъ запретилъ ея печатаніе. О благоуспѣшномъ движеніи дѣлъ по консисторіи прошу позаботиться, а объ отношеніяхъ преосвященнаго викарія (Порфирій) къ свѣтскимъ властямъ не безпокоиться: его подъ ними имя, его и отвѣтственность.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

9 марта 1873 г.

---

[1]) Главный распорядитель штунды въ кіевской епархіи.

[2]) Священникъ города Таращи Иннокентій Игнатовичъ.

[3]) Ректоръ Петербургской д. академіи.

20.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей.

За письмо Ваше отъ 17 сего марта благодарю и спѣшу на оное отвѣтомъ. Благочинные наши дѣйствительно большею частію не состоятельны; но они таковые же были и даже хуже, когда были безсрочными, слѣд., уничтоженіе срока, кромѣ разнаго рода неудобствъ другого рода, болѣе важныхъ и тяжкихъ по своимъ послѣдствіямъ, не приведетъ къ желаемой цѣли, а гораздо лучше всякаго благочиннаго, который о дурномъ поведеніи подвѣдомственнаго лица въ свое время не доноситъ, а въ клировыхъ вѣдомостяхъ будетъ отмѣчать съ хорошей стороны, между тѣмъ какъ отъ гражданскаго начальства, или другимъ стороннимъ путемъ получится свѣдѣніе о соблазнительномъ образѣ жизни сего лица, отрѣшать немедленно отъ должности и предоставлять духовенству избирать на мѣсто ихъ другихъ благонадежныхъ лицъ, а исправленіе должности временно поручать помощникамъ благочинныхъ. О штундизмѣ дѣло было въ разсмотрѣніи Св. Синода по Подольской епархіи. Это есть не что иное, какъ смѣшеніе молоканской и духоборческой секты, выродившейся изъ протестантства, съ новымъ только названіемъ „Часовенники“, по подражанію нашимъ часовенникамъ раскольническимъ. Это естественное слѣдствіе мудрой мѣры правительства переселять сектантство на молочныя воды въ Таврическую и Херсонскую губерніи, а къ намъ оно перешло по сосѣдству. Мѣра, принятая нами противъ сей секты, въ настоящее время достаточна, а что нужно будетъ сдѣлать впослѣдствіи, покажетъ время. О питейныхъ домахъ и трактирахъ на церковныхъ земляхъ на преосвященнаго викарія нечего сердиться: это дѣйствительно дѣло крайне безобразное; но къ сожалѣнію, виновато само новое законодательство, которое оставило для порока не большую, но весьма удобную лазейку. Что же касается до подобныхъ заведеній при Лаврахъ и монастыряхъ, то сравненіе съ ними въ семъ отношеніи приходскихъ церквей не совсѣмъ

равно: монастыри и Лавры суть организованныя общества, а не частныя юридическія личности, состоящія изъ одного священника и причетника, каковы наши нынѣ приходскія церкви. А это не все равно. Касательно церковно приходскихъ школъ, духовенство само виновато, что не умѣетъ, или не хочетъ удержать за собою обученія народнаго и не видитъ искусной ловушки, для него поставленной. Впрочемъ, постарайтесь хорошенько исполнить мою вчерашнюю резолюцію, на отношеніи ко мнѣ г. попечителя кіевскаго учебнаго округа данную, и тогда, быть можетъ, намъ что-нибудь и удастся. А о 10000 р. и сборѣ $7^1/_2$ коп. заготовьте отношеніе къ г. оберъ-прокурору.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

24 марта 1873 г.

1874 г.

21.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

Всѣхъ Васъ да проститъ и да благословитъ Господь Богъ, даруя Вамъ мірная и премірная благая своя, по неизреченной своей милости. Кстати: поспѣшите присылкою по мнѣ проекта донесенія о состояніи Епархіи за прошлый 1873 г. Да не найдете-ли случая и возможности внушить нашему духовенству подъ рукою, чтобы оно, по примѣру собратій своихъ въ другихъ Епархіяхъ, своими пастырскими увѣщаніями располагало своихъ прихожанъ ходатайствовать, гдѣ и какъ слѣдуетъ, о сокращеніи питейныхъ заведеній и уменьшеніи въ народѣ пьянства. Порученіе мое преосвященному викарію осмотрѣть Вашу училищную постройку самому непосредственно, вѣроятно, Вамъ не понравилось; но не скорбите и не сѣтуйте: на это есть причина важная и для Васъ полезная.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

21 февраля 1874 г.

1875 г.

22.

Высокопреподобнѣйшій о. протоіерей, возлюбленный о Господѣ Братъ!

Надѣюсь, что кромѣ отчета о состояніи епархіи къ срочному времени приготовленнаго, Вы не оставили безъ своего особаго вниманія и двухъ отношеній г. министра просвѣщенія о церковно-приходскихъ школахъ и оберъ-прокурора по донесенію г. генералъ-губернатора о быстромъ распространеніи штундизма. Прошу Васъ покорнѣйше, на обработку этихъ предметовъ обратить свое стараніе и знаніе: важность ихъ въ результатахъ, даже не слишкомъ отдаленныхъ, Вамъ, болѣе нежели кому-либо другому изъ сущихъ въ нашей кіевской области, вполнѣ понятна. Постарайтесь въ сихъ нашихъ отзывахъ дать понять и другимъ, что мы кое-что также смыслимъ и увлечь себя далѣе границъ, указываемыхъ христіанскимъ благоразуміемъ и опытностію, не позволимъ, а въ случаѣ нашего безсилія, покажемъ, по крайней мѣрѣ, роду грядущему, что вина за дурныя послѣдствія не для церкви только, но и для всего государства, не на насъ лежитъ. Впрочемъ sapienti sat.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

4 февраля 1875 г.

1876 г.

24.

Возлюбленный о Господѣ о. протоіерей!

За извѣщеніе Ваше объ осмотрѣ Владимірскаго Собора особымъ командированнымъ отсюда чиновникомъ усердно бла-

годарю и вмѣстѣ радуюсь, что наконецъ правда наша выходитъ на бѣлый свѣтъ; радуюсь и за бѣднаго Беретти [1]), что и ему явилось теперь нѣкое утѣшеніе. Архитекторъ Николаевъ еще ко мнѣ не являлся, и я даже не вижу въ этой явкѣ никакой надобности; для меня Вашего извѣщенія вполнѣ достаточно, а архитектора, которому угодно будетъ министерству поручить достройку собора, будетъ-ли то г. Иконниковъ, Беретти или Николаевъ, я готовъ принять всякаго, безъ предварительныхъ о семъ со мною переговоровъ. Посмотримъ, что и какъ будетъ дальше. Не позабудьте прислать ко мнѣ въ свое время проектъ донесенія о благосостояніи епархіи. Позаботьтесь также, чтобы во всѣхъ церквахъ имѣнія графа Шувалова уманскаго уѣзда, школы приведены были въ возможно лучшее состояніе: графъ говорилъ, что онѣ существуютъ только по имени, и потому я слѣдующею весною или осенью намѣренъ, если Богъ дастъ буду живъ и здоровъ, всѣ эти школы осмотрѣть съ Вами лично и обревизовать тщательно, а также всѣ штундистскіе приходы и школы. Пусть благочинные, приходскіе священники и учителя приготовятся къ сему надлежащимъ образомъ, такъ чтобы мнѣ, вмѣсто хулы и порицанія, пришлось только хвалить и благодарить ихъ. Хорошо было-бы, во всѣхъ этихъ селахъ отслужить, а для этого нужны пѣвчіе, но мнѣ своихъ пѣвчихъ брать въ епархію не хотѣлось-бы: нельзя-ли будетъ въ этихъ мѣстностяхъ устроить хоры, способные отправить архіерейскую службу, изъ мѣстнаго духовенства и школьниковъ; въ такомъ случаѣ они-бы изъ мѣста въ мѣсто за ними переѣзжали, а мы вездѣ успѣли-бы совершить, къ утѣшенію народа, въ разныхъ мѣстахъ богослуженіе. Мнѣ въ Тамбовѣ однажды удалась эта операція и послѣдствія были добрыя. Во всякомъ случаѣ, если гдѣ это дѣло окажется возможнымъ, благочинные должны донести о томъ консисторіи заблаговременно, дабы намъ не довелось потерпѣть забавное и вмѣстѣ вредное фіаско. Сообразно

---

[1]) Строитель Владимірскаго собора, академикъ А. В. Беретти.

съ этою цѣлію прошу составить и выслать ко мнѣ сюда маршрутъ для обозрѣнія епархіи, принявъ за точку отправленія напр., 9 сентября. При семъ можно, кажется, ограничиться только тремя, или четырьмя уѣздами: Звенигородскимъ, Таращанскимъ, Уманскимъ, пожалуй, еще и Сквирскимъ. Да хранитъ и помогаетъ Господь въ дѣлахъ служенія Вашего своею благодатію.

Вашъ покорнѣйшій слуга Арсеній м. кіевскій.

31 генваря 1876 г.

„Симсотъ первый и симсотъ вторый законъ".

Смеркало. На дворѣ стояла пасмурная погода; небо заволоклось тучами; на улицѣ грязь непролазная; пройти въ калошахъ и думать было нечего. А тутъ моя Васильевна отпросилась къ дочери, и вотъ уже вечеръ, а ея какъ нѣтъ—такъ нѣтъ. Очевидно, опять встрѣтилась съ кумою,—кстати у нея ихъ тутъ полная слобода—и, разумѣется, выпила. А ужъ стоитъ ей только прорваться.... такъ и пошла. Самовара мнѣ не подали, лампы не налиты и засвѣтить нечѣмъ, а ужъ пора...

Но вотъ кто-то затопалъ на крылечкѣ моей квартиры; я порѣшилъ, что это пришла Васильевна и ужъ приготовился выслушивать ея оправданія и вычитывать ей укоры за ея неисправность, какъ изъ передней послышался мужской голосъ, обычный въ той мѣстности привѣтъ:—„Здрастуйте. Днювалы соби."—

„Здрастуйте. Войдите сюда"—сказалъ я, зажигая взятую съ ночного столика стеариновую свѣчку.

Вошедшій въ переднюю чего-то мѣшкалъ. Какъ оказалось, обтиралъ ноги, и затѣмъ ужъ вошелъ ко мнѣ, въ мой кабинетъ-спальню и по приглашенію, повторенному раза три, сѣлъ на стулѣ.

Что вы скажете?—спросилъ я, осмотрѣвъ гостя. Это былъ крестьянинъ, судя по одеждѣ не нашъ слободской, а изъ какого нибудь хутора.

— Та отъ до вашои мылосты. Почытайте отъ-цюю бомагу. Чы вона такъ напысана?—

Я взялъ поданный мнѣ листъ бумаги и прочиталъ слѣдующее:

„Б...скому окружному зъѣзду

хрестьянына собственника хутора Верховаго Шереметьевской волости Б...скаго уѣзда Степана Федоровыча Прылѣпына

Опеляція и жалоба.

Какъ Его высокородія господынъ мыровой судя неправыльно прысудылъ узыскать изъ меня по моему неудовольствыю на счетъ отставного унтерцера Николая Никитича Исаковыча, какъ онъ самый есть узыскатель по вехселю недостаточно, что усю суму спольна 68 рублей серебромъ, но даже и выдымую неустойку ищо 68 рублей серебромъ супроты закона и ещо десять рублей серебромъ за судьбыще, то я у такому прынужденіи супроты моево прозволу покорнѣйше прошу у другой разъ зыскъ этотъ пересудыть и мине отъ усякаго прозволу и прысужденія ослобоныть увъ окружному зъѣздѣ. Такъ какъ онъ самый и есть выхрестъ Исаковычъ".

Затѣмъ слѣдовала подпись за неграмотнаго жалобщика какого-то Цетра Иванова Штанькова.

И смѣшно и сердито было: всегда вотъ такъ пойдутъ зря къ кому-нибудь и имъ напишутъ такую „опеляцію и жалобу", думалъ я досматривая ее, между тѣмъ какъ гость мой, молча, смотрѣлъ на меня, что называется во всѣ глаза, ожидая моего слова.

— Якый це дурень пысавъ вамъ цю нисенитныцю?— сказалъ я.

— Та це отъ Петро Ивановычъ. Воны оттутъ,—спокойно отвѣтилъ вопрошаемый, и я услышалъ какое-то движеніе въ передней и затѣмъ увидалъ, присмотрѣвшись, стоящаго тамъ человѣка.

— Войдите сюда,—сказалъ я, сконфуженный наличностью того, кого я обозвалъ дурнемъ.

Вошелъ человѣкъ, ничѣмъ по платью не отличающійся отъ перваго гостя, и, перекрестившись на икону, по моему приглашенію сѣлъ.

— Хиба це вы пысалы цю бумагу?—спросилъ я его.

— А што? Развѣ не такъ написана?—отвѣтилъ онъ, какъ-бы изумляясь услышанному моему неодобренію его работы.

— Та хто-жъ такы такъ пыше... Ця бумага не годытся—отвѣтилъ я.

— Такъ отъ вы й напышить правыльнійше: мы за тымъ и прыйшлы до васъ, бо законъ мы знаемо, а толькы що написать по судебному не можемо. Отъ и скопія самого суда,—сказалъ онъ, подавая мнѣ еще какую-то бумагу.

Это была копія рѣшенія мироваго судьи N участка по дѣлу о взысканіи отставнымъ унт.-офицеромъ Исаковичемъ—извѣстнымъ мнѣ мѣстнымъ ростовщикомъ—съ Прилѣпина 68 р. по долговой распискѣ и 68 р. по особой неустоечной записи, на случай неуплаты въ срокъ долга.

Просмотрѣвъ копію рѣшенія, я спросилъ моихъ гостей, что они скажутъ еще. Прилѣпинъ началъ было что-то говорить, но Штаньковъ перебилъ его и даже отстранилъ рукою и началъ:

Дозвольтеся мени выказать про все, а то винъ не розскаже, якъ слидъ. Тутъ усё дило у тому, што розпыска недійствытельная..

— Якъ це недійствытельная?—спросилъ я.

— Та отъ я вамъ усё и розскажу. Звисно чоловикови потребувалося грошей,—прызнаться, шкапу задумавъ купыть, щобъ було чимъ пахать землю. Ну, туды-сюды поткнувся та и знайшовъ отцёго саме Исаковыча,—може и вы знаете. Давъ винъ йому 50 рубливъ, а розпыску напысалы на 68 рубливъ. Висимнадцять прыпысано росту за тры мисяци и ще и другу розпыску напысано, що значыть, колы у срокъ не будутъ оддани гроши, то може зыскаты неустойкы 68 рубливъ. У волости засвидительствувалы,—я ще и самъ за нёго пидпысувався й свидителивъ ажъ трое...

— Ну, думалося, якъ-небудь розплатытся, а воно не прыйшлося. Попросывся винъ на яке времья, хоть до Покровы, а винъ ото бачъ и подавъ зыскъ.. А вона розпыска отта друга про неустойку недійствытельна.

— Чомъ же вона недійствытельна?—спросилъ я.

— А тимъ, що не по закону: вона выдана по прынужденію. Такъ и напысано у симсотъ второму закони..

— У якому це симсотъ второму?

— У якому?... Такый законъ напысаный. Тамъ сказано, што прозволъ и согласія должны быть слободны, а слобода и согласія знарушается, когда було прынужденіе..

— А!—сказалъ я, догадавшись, что это цитируется 701 и 702 статьи X т. Ч. I св. законовъ гражданскихъ.

— Яке-жъ у цёму дили прынужденіе? Хто-жъ ёго заставлявъ выдаваты Исаковычу тіи розпыскы? Це-жъ ёго була воля выдаваты, чы ни... А вже колы выдавъ, то вже треба було заплатыты ёму гроши у срокъ. А то якъ-же судьи не прысудыты, колы такъ прыходыться по закону...

— Та отъ же и по закону... У закони такъ и сказано, що розпыска недійствытельна, когда вона выдана по прынужденію обвязательства.

— Та ёго-жъ нихто не сылувавъ выдаваты розпыску и позычаты гроши въ Исаковыча. Це-жъ було ёго согласіе, про которе и у закони напысано...

— Яка-жъ тамъ вже согласія, колы винъ ёго прынудывъ напысаты отту другу розпыску про неустойку, бо инакше не хотивъ и грошей позычать. А винъ, звисно—куды ёму податься, и подпысавъ розпыску. Це-жъ и выходыть, по прынужденію. А то такъ безъ прынуды ставъ-бы винъ самъ на себе петлю надивать...

— Ни, вы зовсимъ не такъ розуміете цей законъ. Якъ-бы такъ ёго розумить, тоди-бъ усяке дило, яке люде роблять промежъ собою, було-бъ по прынужденію. Це й чоботы шевци шьють по заказу—отъ хоть-бы Батечкивъ, чы тамъ Головчанивъ, чы другыхъ закупщыкивъ—по прынужденію. И гроши люде одынъ въ другого позычае по прынужденію...

— А то якъ же? Звисно, що и це все робытся по прынужденію. Хиба, якъ бы не було прынужденія, то сталы-бъ шевци шыты чоботы по двугрывенному одъ пары, або черевыкы по пьятаку... Це вже не що якъ прынужденія. Йому, сердези, никуды податься, а той й сугыбыть ёго, якъ хоче. Тому можна зо своимы грошыма подержатыся, а бидному шевчыкови куды податься... Яка тутъ слобода и согласія,—объяснялъ Петро Ивановичъ, все больше и больше воодушевляясь. Я только смотрѣлъ на него и удивлялся этому своеобразному у насъ, но не новому за границею, взгляду.

— Ну, що-жъ робыть? Може воно по вашому й такъ, та тилько въ насъ нема такого закону, и мыровый не мигъ инакше розсудыты...—сказалъ я, когда замолчалъ Петро Ивановичъ. Но мои слова ничуть не убѣдили его, и онъ опять возразилъ:

— Та якъ же нема закону... А цей-же симсотъ первый и вторый... Аже винъ напечатаный у кнызи цей законъ... Якъ же нема?.. Отъ тилькы, що я не захопывъ зъ собою, а то-бъ я показавъ-бы вамъ...

— Та показать це й я можу. Въ мене есть цей законъ. Тутъ не въ тому сыла, а въ тому, що вы не такъ розумієте цей законъ...

Я досталъ X томъ св. законовъ ч. I изданіе Анисимова и, нашедши 701 и 702 статьи, прочиталъ ихъ. Петро Ивановичъ даже нагнулся, всматриваясь въ читаемое мною, и послѣ прочтенія какъ-то побѣдоносно посмотрѣлъ на Прилѣпина, какъ-бы указывая ему на то, что вотъ-же законъ и не въ одной его книжкѣ напечатанъ.

Я счелъ себя обязаннымъ разъяснить смыслъ этихъ статей.

— Такъ отъ бачыте, якъ тутъ напысано: „Произволъ и согласіе должны быть свободны. Свобода произвола и согласія нарушается: 1—принужденіемъ и 2—подлогомъ". А отъ дали у закони сказано такъ: „Принужденіе бываетъ, когда кто-либо, бывъ захваченъ во власть другого, принуждается къ отчужденію имущества или вступленію въ обязательство насильственно, страхомъ настоящаго или будущаго зла, могущаго постигнуть его

лицо или имущество". Це выходыть, що тоди тилько законъ прызнае понуду-прынужденіе, колы васъ сылою, чы лякомъ якымъ прысылувано що-небудь продаты, купыты або объ чимъ-небудь договорыться не такымъ побытомъ, якъ-бы вы хотилы, якъ-бы вамъ бажалося, а такымъ, якъ другому захотилося, и колы зробыть цее все васъ прымусылы сылою, чы страхомъ чого небудь гиршого. Та й то законъ наказуе заразъ-же объяснэты сябрамъ чы начальству, щобъ воны моглы запобигты тому прысылуванню або хоть засвидчыты, що таке то й таке сталося. А то якъ такъ розумиты, якъ вы розумiете, то тоди коженъ, хто надумався писля продажи, або домовы якои, заразъ-же й одказувався-бъ. Нанявся-бъ на роботу, а черезъ дватры дни сказавъ-бы, що винъ наймався по нужди, по прынужденію; позычывъ грошей на яку потребу, ростъ на стовбъ пообицявъ—а писля скаже, що винъ позычавъ по нужди, по прынужденію, и росту не захоче оддаваты. Такъ не можна, такъ не буде ни торгу, ни якого дила промежъ людьмы.

Я полагалъ, что слушатели мои вполнѣ убѣждались моими аргументами. Прилѣпинъ понурился, а Петро Ивановичъ не спускалъ съ меня глазъ и, очевидно, внимательно слушалъ мои объясненія. Когда я кончилъ, онъ пошаталъ головою и сказалъ:

— Це вирно. Усе воно такъ, якъ и слидуе—вы кажете. Такъ ёму й порядокъ вказаный... Та тилькы... якъ-же теперъ зробыть, щобъ воно було обсуждено якъ слидъ по закону. Тутъ усяке зрозумiе, що винъ не по добрій воли подпысавъ отту другу розпыску про неустойку, бо якъ бы винъ не пидпысавъ ии, то той выхрестъ не давъ бы ёму грошей... А теперъ и геруе зъ нёго у-двое.

Очевидно, что Петро Ивановичъ соглашался со мною въ пониманіи разсматриваемыхъ нами статей закона въ общемъ ихъ смыслѣ, но когда дѣло коснулось конкретнаго случая этого самаго принужденія Исаковичемъ Прилѣпина выдать росписку о неустойкѣ, у него ступовывались всѣ эти общія понятія, а оставалось свое сознаніе принужденія въ дачѣ этой росписки и, разумѣется, это пониманіе никакими толкованіями выбить изъ головы нельзя было.

— Такъ якъ-же? Напышете жалобу?—спросилъ онъ меня.

Я отказался писать жалобу и объяснилъ, что она будетъ напрасна, такъ какъ рѣшеніе судьи совершенно правильно и законно. Совѣтовалъ я какъ-нибудь сойтись съ Исаковичемъ, который, по всему вѣроятію, не станетъ-же взыскивать всего присужденнаго ему, а удовлетворится какою-нибудь надбавкою на сумму долга по первой роспискѣ. Но такъ какъ мнѣ хотѣлось списать жалобу въ мою коллекцію куріозовъ, то я предложилъ жалобу оставить мнѣ для разсмотрѣнія и прійти за окончательнымъ моимъ совѣтомъ дня черезъ два-три. Съ тѣмъ они и ушли отъ меня.

Вскорѣ явилась совсѣмъ пьяная Васильевна и стала разсыпаться въ извиненіяхъ и ея ко мнѣ любви и между прочимъ сказала, что она не пѣшкомъ пришла, а пріѣхала на лошади, присланной за мною отцомъ Симеономъ, куда я сейчасъ-же и отправился, захвативъ съ собою для прочтенія въ компаніи жалобу „Опеляцію“.

II.

Я между прочимъ расчитывалъ, если придетъ ко мнѣ одинъ Прилѣпинъ, уговорить его не подавать жалобы. Но дня черезъ два явились оба съ тѣмъ-же требованіемъ—только выправить написанное. При этомъ Петро Ивановичъ вытащилъ изъ-за пазухи вложенную въ двѣ отдѣльныхъ картонки „книжочку“. Это была часть очевидно растерянныхъ листковъ Анисимовскаго изданія гражданскихъ законовъ. Петро Ивановичъ не безъ особаго рода важности подалъ мнѣ эту „книжочку“. Да, на самомъ дѣлѣ это было Анисимовское изданіе, даже новенькое въ то время—„девятое дополненное изданіе“. На первомъ листкѣ крупнымъ шрифтомъ напечатано: Гражданскіе законы; на второмъ листкѣ шло оглавленіе и т. д. до 32 страницы включительно; затѣмъ сразу 215 страница съ этою самою 701 статьею, а затѣмъ на 256 страничкѣ кончалась книжка. Сшита она была по-китайски, по

корешку, и сохранялась въ двухъ отдѣльныхъ картонкахъ, очевидно оторванныхъ старыхъ переплетахъ, которые перевязывались шнурочкомъ. Петро Ивановичъ разсказалъ мнѣ, что его покойный братъ, солдатъ, занимался переплетничествомъ, и онъ послѣ его смерти спасъ отъ растерзанія дѣтьми вотъ эту самую, такъ пригодившуюся ему, „книжочку".

Всѣ мои разъясненія о правильности рѣшенія судьи и безуспѣшности жалобы на это рѣшеніе не привели ни къ чему: Петръ Ивановичъ настаивалъ на томъ, что именно и составляло обязанность судьи обсудить въ данномъ случаѣ очевидность принужденія со стороны Исаковича въ выдачѣ и подписаніи Прилѣпинымъ росписки о неустойкѣ. Что законъ на этотъ предметъ вотъ на лицо и что на то и „понаставляни" судьи, чтобъ все разобрать и выяснить, а нашъ мировой судья ничѣмъ не захотѣлъ себя утруждать, а только посмотрѣлъ вотъ въ такую, какъ та, что лежитъ у меня на столѣ, раскрашенную по обрѣзу книжку и сейчасъ-же написалъ рѣшеніе. Я самъ зналъ о склонности нашего судьи къ своего рода буквоѣдству, но въ тоже время понималъ, что ему ничего иного не оставалось дѣлать по этому дѣлу, какъ только присудить требуемое. Но тѣмъ не менѣе, видя такую настойчивость и убѣжденность руководившаго дѣломъ Петра Ивановича и зная, что они, такъ или иначе, да подадутъ „Апеляцію", я взялся написать имъ ее, увѣряя, что толку изъ этого никакого не будетъ, а потому и денегъ за написаніе не взялъ. Я даже условился съ ними, что перепишетъ апеляцію самъ Петро Ивановичъ, при чемъ объяснилъ о необходимости написанія копіи для противной стороны, о порядкѣ подачи тому же судьѣ, а не по почтѣ, какъ хотѣли сдѣлать они. Тогда еще производство у мировыхъ судей велось безпошлинно. Разумѣется, я отказался поддержать эту апеляцію въ мировомъ съѣздѣ.

Мнѣ случилось присутствовать при разборѣ этого дѣла въ съѣздѣ мировыхъ судей.

Предсѣдательствовалъ въ засѣданіи самъ предсѣдатель, онъ же участковый судья, генералъ С—скій. Вслѣдъ за вызовомъ къ судейскому столу Прилѣпина, вышелъ и Штанько. Генералъ

всегда въ военномъ мундирѣ и въ эполетахъ съ куафюрой, похожей на куафюру Государя на портретѣ, висѣвшемъ за судейскимъ столомъ, держалъ себя важно, начальнически. Увидавъ выходящаго за Прилѣпинымъ Штанька тогда, когда Исаковичъ занялъ знакомое ему мѣсто около одного изъ пюпитровъ (по своимъ многочисленнымъ дѣламъ Исаковичъ всегда самъ предстательствовалъ)—генералъ спросилъ Прилѣпина:

— Это что-жъ? свидѣтеля вы привели съ собой?—

Прилѣпинъ замялся и не нашелся что отвѣтить, но Штанько, отстранивъ рукою его, отчетливо сказалъ:

— Ѣнто вонъ, ваше превосходительство, желаетъ мене за себе въ одговорщикомъ поставить, мени свое недоумія передать.

На отдувающемся лицѣ генерала скользнула улыбка, и онъ сказалъ:

— Значитъ вы будете его повѣреннымъ?

— Повиреннымъ, ваше превосходытельство, какъ вонъ у ѣнтому дили подписавъ по прынужденыю и вона недиствытельна.

— Ну, это послѣ, въ свое время будете говорить...—сказалъ генералъ и наклономъ въ сторону докладчика головы предложилъ прочитать рѣшеніе и апеляцію.

Въ апеляціи между прочимъ была разсказана исторія всего займа и разумѣется того, въ какомъ положеніи былъ заемщикъ, подписавши росписку о неустойкѣ.

По приглашенію генераломъ добавить еще что нибудь къ апеляціи, Штанько довольно складно, но только, разумѣется, коверкая русскую рѣчь, къ чему уже привыкли судьи, имѣвшіе дѣло съ мѣстными хохлами, началъ объяснять, что Прилѣпинъ занялъ у Исаковича только пятьдесятъ рублей по шесть процентовъ въ мѣсяцъ и что онъ не отказывается уплатить и капитальный долгъ и проценты, но только не хочетъ уплатить неустойки, что онъ просилъ Исаковича подождать и тотъ согласился, а послѣ и предъявилъ искъ, что расписку онъ подписалъ по прынужденію, такъ какъ иначе Исаковичъ не хотѣлъ давать денегъ, а ему необходимы были они на покупку лошади. Затѣмъ онъ степенно развязалъ свою „книжочку“ и сталъ читать „симсотъ первой законъ“, но генералъ его перебилъ:

— Читать не нужно, намъ законы извѣстны. Вы говорите, если имѣете что еще сказать...

— Што-жъ болше говорыть, господа праведныи судьи! Тутъ усякому выдно, що розпыска подпысана по прынужденыю: по своёму слободному прозволу вонъ не ставъ-бы самъ на себе петлю надивать,—закончилъ Штанько весьма удачно.

— Вы, что-же растовщичествомъ занимаетесь?—строго спросилъ генералъ Исаковича, который еще не отрѣшился отъ усвоеннаго имъ въ кантонистахъ, а послѣ и въ солдатахъ страха передъ военнымъ начальствомъ, какъ-то умалился, съежился и съ отвратительнѣйшимъ еврейскимъ акцентомъ отвѣчалъ:

— Ну, какое растовщицтво? Я ему, какъ бѣдному человѣку, хатѣлъ помагать лошадка купить, а онъ...

— Такъ это вы изъ сожалѣнія къ нему по шесть процентовъ въ мѣсяцъ драли съ него?...—еще суровѣе спросилъ генералъ.

— Ну, какой пурцентъ? Я доволенъ, если-бы онъ отдалъ хоть самый капиталъ... Какой пурцентъ изъ него узять?

— То есть вы хотите получить только свои пятьдесятъ рублей?—все также грозно спросилъ опять генералъ.

— Ну, а што-же больше изъ него узять, хоть-бы минѣ мои гроши взыскать...—прорвалось у Исаковича.

— Запишите въ протоколъ засѣданія, что истецъ соглашается только свои пятьдесятъ рублей получить... Судъ удаляется для совѣщанія,—сказалъ, вставая съ мѣста, генералъ, и за нимъ вышли и засѣдавшіе съ нимъ судьи.

Исаковичъ отошелъ въ публику сконфуженный, шаталъ головой и цмокалъ, но когда надумался подойти къ секретарю, оставшемуся за судейскимъ столомъ въ залѣ засѣданія, раздался звонокъ и вошедшій съ судьями генералъ прочиталъ:

„По указу Его Императорскаго Величества Б—скій съѣздъ мировыхъ судей... въ виду заявленнаго на судѣ согласія истца, отставнаго унтеръ-офицера Николая Никитина Исаковича, опредѣлилъ съ кр—на Степана Федорова Прилѣпина взыскать въ его Исаковича пользу пятьдесятъ рублей, въ остальной части

обжалованное рѣшеніе мирового судьи № участка по этому дѣлу отмѣнить".

— Недовольная этимъ рѣшеніемъ сторона можетъ обжаловать рѣшеніе въ Правительствующій Сенатъ въ 4-хъ мѣсячный срокъ. Засѣданіе по этому дѣлу окончено.—Такъ закончилъ генералъ какъ-бы отстраняя всякія объясненія со стороны выступившаго было впередъ Исаковича. Штанько перекрестился на образъ и, поклонившись судьямъ, отошелъ въ публику, а затѣмъ ушелъ изъ залы, сопровождаемый Прилѣпинымъ.

Проходя изъ съѣзда въ свою квартиру, спустя часа два послѣ, я наткнулся на выходящихъ изъ трактира Прилѣпина и Штанька; послѣдній, немного подвыпивши, поклонился мнѣ и сказалъ:

— Отъ выдите, господынъ аблокатъ, якъ наше дило выйшло. Законъ винъ одынъ для всихъ, тилькы судьи не однакови...

Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что „книжочка" ему во всемъ помогла, и рѣшеніе состоялось такое потому, что расписка о неустойкѣ была выдана „по прынужденыю".

III.

Не разъ мнѣ послѣ этого приходилось встрѣчать Петра Ивановича въ камерѣ мироваго судьи, не разъ онъ заходилъ ко мнѣ „совитаться". До тѣхъ поръ, пока вышли правила о повѣренныхъ, пока ходатайство въ судѣ за другое лицо не стало въ зависимость отъ полученія на то свидѣтельства, онъ постоянно бывалъ въ камерѣ судьи и выступалъ „одговорщикомъ" за тѣхъ, кто передавалъ ему „свое недоуміе".. Судья называлъ его психопатомъ и всегда кривился, когда приходилось разсматривать дѣла, въ которыхъ онъ выступалъ повѣреннымъ. Во всѣхъ дѣлахъ онъ неизмѣнно приводилъ одну и ту-же теорію объ отсутствіи произвола и о принужденіи. Писалъ онъ болѣе чѣмъ плохо, но аргументировалъ на судѣ складно, держась неуклонно своего разумѣнія 701 и 702 ст. X тома ч. I св. граж. законовъ, кото-

рые называлъ прямо „симсотъ первый и симсотъ вторый законъ". У него выходило, что попавшійся въ потравѣ впускалъ скотину въ чужое поле „по прынужденію", такъ какъ у него не было гдѣ пасти скотину; что кредиторъ не долженъ взыскивать въ опредѣленный долговымъ обязательствомъ срокъ потому, что срокъ назначенъ по прынужденію не въ то время, въ какое хотѣлось должнику по его „прозволу"; что нанявшійся къ подрядчику каменщикъ не явился на работу тоже по принужденію, такъ какъ у него умерла жена и не на кого было бросить малолѣтнихъ дѣтей, что неявившіеся къ уборкѣ хлѣба въ экономію, забравшіе еще весною деньги впередъ рабочіе не обязаны исполнять договоры, такъ какъ договоры эти были заключены по принужденію по дешевой цѣнѣ, когда имъ грозилъ старшина взысканіемъ недоимокъ и угрожало будущее зло—весенняя голодовка. Дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, онъ дошелъ до того, что отстаивалъ право жены уйти отъ мужа, за котораго она была отдана насильно.

Отстаиваніемъ такой теоріи Петро Ивановичъ возбудилъ противъ себя кулаковъ своего хутора и даже многихъ въ слободѣ. Особенно возсталъ противъ него одинъ изъ богатыхъ мѣстныхъ винокуренныхъ заводчиковъ, содержавшій много кабаковъ въ той мѣстности для сбыта своего вина. Обыкновенно онъ платилъ довольно большія суммы денегъ сельскимъ обществамъ за право открытія въ ихъ селахъ кабаковъ. Договоры эти совершались обыкновенно передъ новымъ годомъ, т. е. передъ выборкою документовъ. Разумѣется, въ договорѣ оговаривалось исключительное право торговать водкою въ томъ селѣ и недопущеніе къ тому кого другого. Петро Ивановичъ подбилъ общество своего хутора, послѣ сдачи права открытія кабака въ хуторѣ этому заводчику, сдать это-же право еще другому лицу за особую плату, разсуждая, что при отдачѣ права исключительной торговли заводчику не было „слободного прозвола" общества, а было „прынужденіе" со стороны захватившихъ власть въ обществѣ нѣкоторыхъ міроѣдовъ и пріѣзжавшихъ съ приказчикомъ заводчика волостного старшины и писаря, что „слобода" нару-

шалась еще тѣмъ, что на сходѣ было выпито два ведра водки. Это допущеніе продажи въ хуторѣ водки двухъ фирмъ имѣло однако-жъ для хуторянъ нехорошія послѣдствія: во первыхъ, явилась конкуренція у кабатчиковъ, удешевленіе вина, легкость кредита, а слѣдовательно и увеличеніе пьянства въ хуторѣ, а затѣмъ еще и то, что заводчикъ не только не захотѣлъ платить въ іюлѣ условленные триста рублей, но еще предъявилъ искъ о возвратѣ раньше внесенныхъ, мотивируя свои требованія тѣмъ, что такъ какъ взиманіе платы за право торговли не дозволяется [1]), то значитъ и договоръ его съ обществомъ не дѣйствителенъ, а потому каждая изъ договаривающихся сторонъ должна стать въ положеніе, бывшее до договора, а поэтому триста рублей, полученные съ него обществомъ, должны быть ему возвращены. Это взысканіе было присуждено заводчику въ двухъ инстанціяхъ, и хотя онъ денегъ съ общества не взыскалъ, но на слѣдующій годъ право открытія кабака было ему отдано за четыреста руб. вмѣсто прежнихъ шестисотъ, и что главное—подорвалось довѣріе общества въ юриспруденцію Штанька.

А тутъ еще подвернулся такой случай:

Въ большомъ имѣніи одного генерала вся земля обрабатывалась рабочими, нанимаемыми еще раннею весною, разумѣется, по дешевой весенней цѣнѣ. Когда-же, по случаю хорошаго урожая въ томъ году, цѣны на уборку хлѣба страшно поднялись, то нанятые съ весны рабочіе отказались убирать по этой цѣнѣ. Пріѣхавшій на лѣто въ имѣніе самъ генералъ заволновался, поѣхалъ къ губернатору жаловаться, выписалъ откуда-то изъ центральныхъ губерній рабочихъ, которые ему очень дорого стоили, и въ концѣ концовъ попредъявлялъ массу исковъ объ убыткахъ и затѣмъ порѣшилъ взыскать эти убытки уже по исполнительнымъ листамъ безо всякаго снисхожденія. Разумѣется, Петро Ивановичъ по всѣмъ этимъ дѣламъ явился повѣреннымъ съ обычною своею аргументаціею о томъ, что всѣ эти договоры

---

[1]) Тогда такія сдачи монопольной торговли были запрещены.

недѣйствительны, такъ какъ они заключались не по свободному произволу, а по принужденію подъ страхомъ предстоящаго зла, весенней нужды, и кромѣ того, онъ этотъ дешевый весенній наемъ называлъ „ростовствомъ“, т. е. ростовщичествомъ.

— Оце понайма на уборку по 2 р. 40 коп., або по 2 р. 60 к., позадае по пивтора рубли впередъ ще до Евдокіи (1 марта), а черезъ чотыри мисяци требуе на роботу, що вже стоить пошисть, по шисть зъ половыною рубливъ за десятыну. Хиба-жъ це не ростовство? Це винъ бере вже росту на пивтора рубли по чотыри, по чотыри зъ полтыною за чотыри мисяци. Це каравулъ крычать треба!...—говорилъ въ крайнемъ возбужденіи Петро Ивиновичъ, выходя изъ суда послѣ присужденія исковыхъ требованій генерала.

Самое исполненіе всѣхъ этихъ рѣшеній вызвало сопротивленіе крестьянъ при описи и продажѣ имущества, требованіе помощи вооруженной силы и затѣмъ привлеченіе къ суду виновныхъ въ сопротивленіи и въ подстрекательствѣ. Въ послѣднемъ былъ обвиненъ и Петро Ивановичъ, легко однако отдѣлавшійся только двухъ-мѣсячнымъ арестомъ при полиціи.

За время этого сидѣнья подъ арестомъ, онъ познакомился съ однимъ молодымъ писцомъ полицейскаго управленія и начитался, какъ онъ разсказывалъ, всякихъ законовъ. Особенно онъ старался проникнуть въ смыслъ и значеніе межевыхъ законоположеній, такъ какъ у нихъ, хуторянъ, издавна ведется со слободою споръ изъ-за границъ земельныхъ участковъ.

Я вскорѣ переселился въ недалекій городъ на жительство и потерялъ изъ виду Петра Ивановича, который, вѣроятно, былъ, что называется, приборканъ въ своей одговорщицкой дѣятельности понесеннымъ имъ наказаніемъ и—главное—правилами о частныхъ повѣренныхъ.

IV.

Прошло три-четыре года. Изрѣдка мнѣ приходилось бывать въ Шереметовкѣ, заканчивать оставшіяся недоконченными прежнія дѣла. Въ одинъ илъ такихъ пріѣздовъ мнѣ разсказали о случившихся въ то лѣто столкновеніяхъ слобожанъ съ хуторянами. Въ виду трудности охраненія полей отъ все болѣе и болѣе повторяющихся потравъ на границѣ съ хуторскими землями, о каковыхъ границахъ и шелъ уже судебный процессъ,—слобожане, безсильные въ охраненіи своихъ отдѣльныхъ душевыхъ пайковъ, порѣшили окрайные земли вырѣзать въ отдѣльные болѣе крупные участки и таковые сдавать на нѣсколько лѣтъ въ аренду съ торговъ. Арендаторами явились мѣстные богачи, позаводившіе на участкахъ хутора, „заведенія“—какъ ихъ называли; построили жилые дома, риги, скотные дворы и оборы... Хуторяне въ этомъ усмотрѣли, разумѣется, полнѣйшее завладѣніе спорными землями и уже вмѣсто единичныхъ протестовъ, выражавшихся по сю пору потравами и запашками, порѣшили воспрепятствовать этому завладѣнію по-просту разоренiемъ строющихся хуторовъ. Собравшись толпою, они разнесли два хутора, при-чемъ не обошлось безъ побіеній арендаторскихъ приказчиковъ и рабочихъ. Но на одномъ изъ такихъ арендаторскихъ участковъ они встрѣтили серьезное сопротивленіе: молодой и энергичный арендаторъ, мѣстный торговецъ Прыдыбайловъ, вооружилъ бывшихъ у него на хуторѣ приказчиковъ и рабочихъ ружьями и револьверами и порѣшилъ не допустить нападающихъ къ разоренію своего хутора. Самъ онъ съ револьверомъ большого калибра системы Смита и Вессона сталъ во главѣ своего гарнизона. Нападающіе были предупреждены, что если только не остановятся, то въ нихъ будутъ стрѣлять. Въ толпѣ хуторянъ былъ и Петро Ивановичъ, прибѣжавшій на мѣсто побоища съ цѣлью воздержать своихъ односельцевъ отъ „принужденія и прозволу“, но роковая пуля, минувъ ринувшихся на стоявшаго впереди своей команды Прыдыбайлова, попала въ самое сердце несчастнаго Штанька, пробивъ по пути имѣвшуюся всегда у него за пазухой „книжочку“ очень

можетъ быть черезъ ту самую 701 статью. Онъ палъ со словами: „вотъ ѣто самое принужденіе и прозволъ“.

Отхлынувшая было при выстрѣлѣ толпа все таки ринулась впередъ и разнесла хуторъ Прыдыбайлова, избивъ до смерти его самого и его рабочихъ...

Такъ кончилъ несчастный „одговорщикъ“ свое поприще народнаго трибуна съ его своеобразною теоріею пониманія отношеній договаривающихся сторонъ.

Б. Познанскій.

Еще о памятникахъ искусства Кіево-Печерской лавры.

По поводу моей статьи въ іюньской книжкѣ „Кіевск. Старины“ о памятникахъ искусства XVI и XVII ст. въ Кіево-печерской лаврѣ, появилось въ № 205 „Кіевлянина“ довольно пространное письмо г. Эртеля. Собственно, поводомъ для письма была даже не самая статья, а лишь небольшое примѣчаніе къ ней относительно того, что г. Эртель, въ подтвержденіе своего мнѣнія о позднѣйшемъ происхожденіи памятника кн. К. И. Острожскаго, ссылается на несуществующій рисунокъ этого памятника въ Тератургимѣ Кальнофойскаго. Теперь оказывается, что г. Эртель совсѣмъ и „не думалъ утверждать, что это (т. е. мнимый рисунокъ надгробія) и есть надгробіе“,—онъ только сказалъ, что „тамъ есть изображеніе надгробнаго памятника“. Отказываюсь разбирать эту игру словъ, но чтобы доказать, насколько основательно мое обвиненіе, постараюсь объяснить при помощи фактовъ. Вотъ мѣсто изъ реферата г. Эртеля, на основаніи котораго я считаю, что онъ сдѣлалъ ссылку на несуществующій рисунокъ надгробнаго памятника. „Надгробіе, существующее теперь, *ничего общаго не имѣетъ съ упомянутымъ рисункомъ* Кальнофойскаго ни по формѣ, ни по стилю. Не значитъ ли это, что и самое надгробіе сдѣлано уже послѣ 1718 года? Во всякомъ случаѣ такой вопросъ можетъ быть возбужденъ съ пол-

нымъ основаніемъ". [1]) Если г. Эртель „не думалъ утверждать, что это и есть наддробіе", такъ незачѣмъ сравнивать съ существующимъ памятникомъ—это во-первыхъ, а во вторыхъ, не съ чѣмъ и сравнивать, такъ какъ рисунка надгробнаго памятника въ Тератургимѣ все-таки не существуетъ вовсе, не смотря на усилія г. Эртеля доказать противное. Орнаментированная же заставка Тератургимы (родъ высокаго треугольника на узкомъ основаніи, подставка котораго украшена масками и птичьими головками), не даетъ ни малѣйшаго права утверждать, что заставка эта представляетъ собою изображеніе надгробнаго памятника. Справедливость этого положенія станетъ очевидной и безспорной изъ словъ самого-же автора.

Г. Эртель въ своемъ письмѣ, описывая въ назиданіе мнѣ „рисунокъ надгробія", высказываетъ предположеніе, которое служитъ какъ-бы дальнѣйшимъ развитіемъ только что процитированнаго мною мѣста, что „*форма треугольника* изъ орнаментовъ, включающаго въ себѣ эпитафію (Всевидящее Око?)—*одна изъ довольно употребительныхъ въ стѣнныхъ надгробіяхъ, гдѣ мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное*".

Значитъ, свидѣтельство свящ. І. Лукьянова о видѣнномъ имъ въ 1701 г. изваяніи „изъ камене" фигуры князя К. Острожскаго ничего незначущая мелочь? А между тѣмъ, у Лукьянова, при описаніи надгробія, совершенно ясно сказано, безъ возможности перетолкованія какъ-нибудь иначе—„лежитъ на боку въ латахъ, какъ живой". Какое же отношеніе можетъ имѣть къ этой фигурѣ, лежащей на боку въ латахъ, такъ понравившійся г. Эртелю „треугольникъ?" Разумѣется никакого. Г. Эртелю неловко сознаться въ томъ, что онъ сдѣлалъ грубую ошибку, ему во что-бы то ни стало нужно выпутаться изъ затруднительнаго положенія,—вотъ онъ и вздумалъ пристроить на мѣсто монументальнаго памятника „треугольникъ изъ орнаментовъ", форма

---

[1]) О стѣнописи въ великой Успенской церкви Кіево-Печерской лавры—«Труды Кіевской Дух. Академіи», 1897 г. апрѣль.

котораго „одна изъ довольно употребительныхъ въ стѣнныхъ надгробіяхъ, *гдѣ мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное*“.

Способъ доказательствъ г. Эртеля не вяжется не только съ имѣющимися точными историческими данными о памятникѣ Острожскаго, но въ то же время онъ противорѣчитъ здравому смыслу, потому, что если бы даже не было цѣлаго ряда однородныхъ надгробій, относящихся къ XVI столѣтію, и если бы не было драгоцѣннаго по своей ясности указанія Лукьянова, то и тогда лишено всякаго основанія утвержденіе, что „мѣсто не позволяетъ ставить что-либо иное“, кромѣ треугольника, такъ какъ для существующаго, по прекрасному выраженію Максимовича, величаваго надгробія нашлось-же мѣсто [1]).

Установивши такимъ остроумнымъ образомъ на мѣсто памятника Острожскаго „треугольникъ изъ орнаментовъ“, г. Эртель съ такой-же свободой раздѣлывается со старой живописью Великой лаврской церкви. Вотъ способъ его умозаключеній: „Что касается цѣнности остальныхъ произведеній „искусства“, уничтоженныхъ въ лаврѣ, то эта цѣнность ихъ установлена въ свое время *безповоротно* и достаточно компетентными людьми“...

Кто-же эти „компетентные“ люди, которые взяли на себя неблагодарный трудъ хоронить и смѣшивать съ мусоромъ такія произведенія искусства, какъ единственные въ своемъ родѣ пор-

---

[1]) Въ своей статьѣ я не упомянулъ о времени сооруженія памятника Острожскаго,—оно извѣстно съ точностью изъ эпитафіи этого вельможи, извлеченной изъ рукописнаго сборника конца 17 стол. проф. Н. И. Петровымъ (Чтенія въ историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга первая. К. 1879 г.). «Животъ свой скончалъ, гласитъ эпитафія, у 70 лѣтъ з великою жалостю и плачемъ людскимъ. Здѣ же бысть погребено тѣло его в лаврѣ преподобныхъ отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ. Гробъ-же сей выбіенъ бысть сыномъ его благовѣрнымъ княземъ Константиномъ во св. Крещеніи Василіемъ Острозкимъ, воеводою Кіевскимъ, Маршалкомъ земли Волынской, старостою Володимерскимъ, и на память его поставися року 1579, мѣсяца августа 7».

треты царей Михаила Ѳедоровича, Алексѣя Михайловича, Іоанна Алексѣевича и Петра I?

При попыткѣ разобраться въ литературѣ, возникшей по поводу уничтоженной лаврской живописи, прежде всего слѣдуетъ отмѣтить работу, которая стоитъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ работъ, какъ по своему рѣзко отрицательному тону, такъ и по притязанію на оцѣнку уничтоженной живописи,—я говорю о цитированномъ уже мною рефератѣ г. Эртеля.

Я сказалъ, что работа эта стоитъ совершенно отдѣльно отъ остальныхъ работъ, и это безусловно справедливо, такъ какъ всѣ остальныя работы не имѣютъ притязанія на оцѣнку названныхъ произведеній и лишь косвенно относятся къ самой живописи, потому-что центръ тяготѣнія этихъ работъ скорѣе письменные источники, касающіеся исторіи возникновенія живописи, чѣмъ сама живопись. Значитъ, „компетентные люди", имѣвшіе такое безповоротно—рѣшающее значеніе въ этомъ вопросѣ, не иной кто, какъ самъ г. Эртель со своимъ рефератомъ.

Разъясненіе этого вопроса настолько интересно, что я считаю своей обязанностію остановиться нѣсколько подробнѣе на рефератѣ г. Эртеля. При помощи выдержекъ, читателю станетъ ясна вся неосновательность притязаній г. Эртеля на именованіе себя компетентнымъ лицомъ въ такомъ серьезномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ, какъ безповоротное уничтоженіе памятниковъ; съ другой стороны, какъ неоспоримый противовѣсъ измышленіямъ г. Эртеля, я приведу мнѣнія людей, дѣйствительно компетентныхъ въ этомъ вопросѣ, мнѣнія, какъ увидитъ читатель, совершенно совпадающія въ конечныхъ результатахъ съ моей оцѣнкой уничтоженныхъ предметовъ искусства.

Я сосредоточу вниманіе читателя собственно на сужденіяхъ г. Эртеля о живописи, потому что онѣ-то и составляютъ всю суть его взглядовъ по данному вопросу, все-же остальное, какъ-то: перечисленіе настоятелей лавры, выписки изъ Синопсиса Гизеля и многое другое въ такомъ родѣ, лишено всякаго значенія.

„Въ художественномъ отношеніи, разсуждаетъ г. Эртель, снятыя изображенія ниже всякой критики: грубѣйшія ошибки въ пропорціяхъ, рисункѣ, постановкѣ фигуръ, доходящія до того, что *головы нѣкоторыхъ изъ нихъ нарисованы не въ одной плоскости съ туловищемъ*, уродливость позъ, выпяченные впередъ животы, искривленные и совершенно неестественные повороты рукъ—вотъ отличительные признаки живописи, изъ-за которой идетъ столько разговоровъ. Мастеръ, рисовавшій ихъ, былъ не то что неискусенъ—это былъ просто безграмотный маляръ". Все это очевидная неправда. Изданные Е. М. Кузьминымъ портреты служатъ тому достаточнымъ доказательствомъ—*и головы тамъ въ одной плоскости съ туловищемъ*, и повороты рукъ совершенно естественны, и пропорціи какъ слѣдуетъ, не говоря уже о портретахъ русскихъ государей, и въ особенности о портретѣ Петра I, который долженъ занять соотвѣтствующее ему мѣсто въ иконографіи портретовъ царя Преобразователя.

Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній г. Эртель приходитъ къ убѣжденію, что портреты писаны кіевскимъ мастеромъ 70-хъ годовъ 18 столѣтія по имени Захаріей Голубовскимъ [1]). Сдѣлано это, судя по ходу дѣла, съ той цѣлью, чтобы найти лишній предметъ для скучныхъ глумленій и издѣвательствъ. Чтобы окончательно уронить значеніе лаврскихъ портретовъ, г. Эртель беретъ для примѣра совершенно изуродованныя ретушью фотографіи съ портретовъ князей Сангушекъ, Вишневецкихъ и Острожскихъ, и въ выраженіяхъ, которыя обрисовываютъ въ ихъ авторѣ полное незнаніе южнорусскаго костюма XVI—XVII ст., издѣвается надъ тѣмъ, что названные князья одѣты съ царскимъ великолѣпіемъ (какъ будто на медали 16 ст. изъ недавно найденной лаврской казны кн. К. К. Острожскій одѣтъ иначе?),

---

[1]) Читатель помнитъ, что объ этихъ портретахъ есть упоминаніе въ путешествіи Лукьянова еще въ 1701 г. («а въ церкви стѣнное писаніе, говоритъ Лукьяновъ, всѣ князья русскіе написаны»), такъ что объ авторствѣ Голубовскаго въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи.

наконецъ, съ развязностью говоритъ, что будто „всѣ эти князья совершенно напоминаютъ карточныхъ королей, съ той разницей, что нарисованы они неизмѣримо хуже. Все это, продолжаетъ г. Эртель, отнимаетъ даже надежду предположить, что Захарія Голубовскій имѣлъ подъ руками какіе-либо заслуживающіе вниманія образцы [1]). Онъ писалъ такъ, какъ пишутъ до сихъ поръ наши иконописцы, если можно такъ выразиться, *чисто эмпирически*, что еще болѣе подтверждаетъ ту печать *индивидуальности*, которая лежитъ на его работахъ и отъ которой не можетъ освободиться ни одинъ художникъ, разъ онъ пишетъ самостоятельно, а не копируетъ съ образцовъ".

Это—центральное мѣсто реферата г. Эртеля и въ то же время самое безсвязное. Г. Эртель совершенно запутался въ своихъ собственныхъ философствованіяхъ. Что значитъ въ данномъ случаѣ выраженіе „чисто эмпирически"? Я убѣжденъ, что дать ему какое-либо объясненіе никто не въ силахъ, не исключая даже самого Эртеля. Что-же касается *печати индивидуальности*, то г. Эртель, самъ того не сознавая, вмѣсто порицанія, высказалъ величайшую похвалу уничтоженной живописи, такъ какъ каждому, серьезно занимающемуся искусствомъ, извѣстно, что только то художественное произведеніе и можетъ имѣть дѣйствительную цѣну, которое художникъ пишетъ *самостоятельно* и на которое онъ, въ силу этой самостоятельности, налагаетъ *печать индивидуальности*—качество, которымъ только лишь и можетъ быть опредѣлена интенсивность взаимоотношенія и внутреннее сродство между творящей личностью и ея произведеніемъ, т. е. самое дорогое во всякомъ художественномъ произведеніи; въ противномъ случаѣ, это будетъ мертвый и безжизненный шаблонъ, чуждый какой-бы то ни было связи съ живымъ искусствомъ.

---

[1]) Въ примѣчаніи къ этому мѣсту г. Эртель какъ-бы размышляетъ самъ съ собою: «хотя, разумѣется, вполнѣ отрицать этого нельзя. Портретъ П. Могилы имѣетъ нѣкоторое сходство съ извѣстнымъ портретомъ этого іерарха». Надо прибавить, что портретъ этотъ одинъ изъ искаженныхъ ретушью, тѣмъ не менѣе, г. Эртель призналъ въ немъ сходство „съ извѣстнымъ портретомъ этого іерарха".

Приведенныхъ мною выдержекъ достаточно, чтобы показать степень компетентности г. Эртеля.

Перехожу теперь къ мнѣніямъ людей, которые по праву могутъ быть названы компетентными въ данномъ вопросѣ.

Въ 1840 г. кіевскій митрополитъ Филаретъ предпринялъ по собственному почину возобновленіе живописи въ великой лаврской церкви, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе императора Николая I, обратившаго на это поновленіе свое личное вниманіе при посѣщеніи Кіева въ 1842 году. Вслѣдъ за этимъ, въ 1843 г., былъ командированъ по высочайшему повелѣнію для осмотра, какъ новой, такъ и оставшейся нетронутой поновленіемъ живописи, академикъ живописи (впослѣдствіи профессоръ), большой знатокъ стариннаго искусства и очень извѣстный археологъ Ѳ. Г. Солнцевъ. Послѣ внимательнаго обслѣдованія живописи, Солнцевъ далъ такое заключеніе:

1) „Всю новую живопись сдѣлать темнѣе, на всѣхъ образахъ золотыя украшенія исполнить тщательнѣе, перспективу и пейзажи сдѣлать легче и не такъ рѣзкими, равно и фигуры въ дальнихъ планахъ облегчить; 2) орнаменты, вмѣсто бѣлыхъ, написать желтыми, какъ было прежде; букеты цвѣтовъ между орнаментами совершенно уничтожить; 3) *оставшуюся старую живопись—портреты царей, великихъ князей и архимандритовъ осторожно вымыть и заправить*; и 4) наконецъ, раку съ частями св. мощей на аршинъ отодвинуть отъ стѣны или перенести въ одинъ изъ боковыхъ придѣловъ, чрезъ что откроется надгробный монументъ князя Константина Острожскаго, и самый памятникъ очистить отъ пыли“ [1]).

---

[1]) П. Г. Лебединцевъ. Возобновленіе стѣнной живописи въ великой церкви Кіево-Печерской лавры. („Университетскія Извѣстія“, 1878 г, мартъ).

Г. Эртель игнорируетъ мнѣніе Солнцева, но за то ему въ высшей степени любезны мнѣнія комиссіи 1843 года, которая въ параграфѣ 4 своего заключенія говоритъ: „Нынѣ не осталось уже ни одного предмета для сравненія, по которому комиссія могла-бы произнести рѣшительное мнѣніе насчетъ достоинства настоящей живописи

Вотъ голосъ компетентнаго лица и настоящаго ученаго. Способъ выраженій его тѣченъ, простъ и ясенъ—черта, характеризующая подлиннаго знатока и спеціалиста. Въ немногихъ словахъ онъ охватываетъ всю сущность предмета. Многимъ, мнящимъ себя знатоками въ дѣлахъ искусства, для того чтобы умѣрить свой разрушительный пылъ, слѣдовало бы поучиться у этого стараго археолога если не знаніямъ, то по крайней мѣрѣ *осторожности*.

Къ этому безусловно авторитетному заключенію Ѳ. Г. Солнцева должно присоединить не менѣе цѣнное заключеніе комиссіи, составленной изъ среды членовъ церковно-археологическаго общества, по осмотру лаврской живописи въ 80-хъ годахъ истекающаго столѣтія. Комиссія, хотя и не высокаго мнѣнія о живописи, но, тѣмъ не менѣе, пришла къ такому рѣшенію относительно портретовъ, что они, и при всемъ своемъ несовершенствѣ и противорѣчіи съ древнимъ росписаніемъ, представляютъ извѣстный историческій интересъ и нѣкоторыя части этой живописи *заслуживаютъ сохраненія*“ [1]). Кромѣ того, было

въ отношеніи оной къ прежней, ибо живописные остатки, еще не обновленные на нижней части стѣнъ большого храма, такъ почернѣли отъ времени, или пострадали отъ обвалившейся на нихъ штукатурки, что судить о ихъ бывшемъ достоинствѣ нѣтъ никакой возможности“, а передъ этимъ въ параграфѣ 3 сказано, что „*весь иконостасъ* и всѣ св. иконы, находящіяся въ разныхъ мѣстахъ церкви, остались неприкосновенными“. Читатель можетъ видѣть изъ сохранившихся фотографій портретовъ, что живопись «на нижней части стѣнъ» была довольно ясна, но комиссія, включавшая въ своемъ составѣ «спеціалиста» —учителя рисованія Капитона Павлова, вѣроятно, не сочла нужнымъ внимательнѣе осмотрѣть находившуюся въ темномъ углу старую живопись.

[1]) Не могу не замѣтить, что мнѣніе комиссіи о портретѣ Петра I лишено всякаго серьезнаго основанія. Въ заключеніи комиссіи сказано, какъ бы въ доказательство, что портреты всѣ вообще «вымыселъ плохописцевъ прошлаго вѣка», что фигура Петра I изображена «въ вымышленномъ псевдо-классическомъ одѣяніи». Во первыхъ, характеръ одѣянія не имѣетъ никакого отношенія къ качеству работы

рѣшено, что „со всѣхъ остатковъ живописи XVIII в., которые по иному или другому случаю пришлось бы подвергнуть уничтоженію, *должны быть сняты предварительно точныя копіи* [1])".

Наконецъ, гр. П. С. Уварова, сознавая всю важность потери благодаря „реставраціи" лаврской церкви, въ своемъ заключительномъ словѣ XI археологическому съѣзду считаетъ подобные способы „сохраненія" памятниковъ вопросомъ давно наболѣвшимъ и самымъ постыднымъ въ исторіи нашего просвѣщенія, науки и искусства.

Изъ приведенныхъ мною авторитетныхъ мнѣній читатель можетъ убѣдиться, что уничтоженіе живописи совершено произвольно и безъ одобренія какихъ-бы то ни было дѣйствительно компетентныхъ лицъ.

Въ заключеніе, не могу не сдѣлать замѣчанія по поводу нѣсколько странныхъ полемическихъ пріемовъ г. Эртеля. Въ вопросѣ о памятникахъ искусства Кіево-Почерской лавры г. Эртеля, повидимому, занимаютъ гораздо больше отношенія къ какимъ то лицамъ „извѣстной группы", чѣмъ самые предметы искусства. Этимъ только и можно объяснить то странное обстоятельство, что въ своемъ письмѣ, посвященномъ вопросу о реставраціи лавры, г. Эртель удѣляетъ самое видное мѣсто моимъ пріятельскимъ отношеніямъ съ Е. М. Кузьминымъ. Если г. Эртель думаетъ, что онъ изобрѣлъ нѣчто новое и оригинальное, то это непростительная ошибка, потому что этотъ самый литературный пріемъ получилъ свою окончательную форму еще

художника, а во вторыхъ, комиссіи должно было быть извѣстно, что на всѣхъ лучшихъ портретахъ, какъ напримѣръ Кнеллера, Купецкаго, Танауэра, Натье и наконецъ, на превосходномъ портретѣ Моора преобразователь Россіи представляется въ этомъ «псевдо-классическомъ одѣяніи». Лаврскій портретъ Петра I подходитъ ближе всего къ типу Купецкаго, 1711 г. (ср. Ровинскій. Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ. Т. III, Спб. 1888 г. стр. 1563).

[1]) Н. И. Петровъ. Объ упраздненной стѣнописи великой церкви Кіево-Печерской лавры. (Труды К. Д. академіи 1900 г. апрѣль).

подъ перомъ извѣстнаго Ѳ. Булгарина. Впрочемъ, если г. Эртель считаетъ, что мои отношенія къ кому-нибудь могутъ имѣть какой-либо общественный интересъ, то ужъ конечно гораздо лучше, вмѣсто того, чтобы брать на себя безполезный трудъ будущихъ доказательствъ незначительности и нехудожественности памятника Острожскаго, заняться ему моей біографіей—это онъ можетъ сдѣлать, „если можно такъ выразиться, чисто эмпирически“, что еще болѣе подтвердитъ ту „печать индивидуальности, которая лежитъ на его работахъ“.

Ст. Яремичъ.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ начальной исторіи Кіевскаго народнаго училища (1789—1803). 1782 года 7 сентября основана Екатериной II «Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ». Въ этомъ-же году открыто въ Петербургѣ, на суммы, отпущенныя изъ кабинета Императрицы, и по утвержденному ею плану, *первое народное училище* въ Россіи, а 22 сентября 1786 г.—главныя народныя училища были открыты одновременно въ 25 внутреннихъ губерніяхъ. Три года спустя—такія училища открыты были еще въ 17-ти губерніяхъ, въ томъ числѣ и въ Кіевской, Харьковской, Черниговской и Новгородъ-Сѣверской. Но прежде чѣмъ открыть послѣднія, необходимо было принять предварительныя мѣры къ ихъ открытію («все нужное къ таковому открытію училищъ пріуготовить»). Въ этомъ направленіи, какъ видимъ изъ подлинныхъ источниковъ того времени, [1]) главнымъ образомъ дѣйствовала та-же «Коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ», по представленію которой и былъ утвержденъ «Планъ къ установленію народныхъ училищъ въ Россійской имперіи». [2]) Тотчасъ по своемъ учрежденіи въ 1782 году она занялась прежде всего составленіемъ и печатаніемъ учебныхъ книгъ и приготовленіемъ учителей изъ питомцевъ Александро-Невской и другихъ православныхъ духов-

[1]) Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Спб. 1893, т. I.

[2]) Этотъ планъ представленъ былъ въ Коммиссію Янковичемъ-де-Мириево, австрійскимъ сербомъ, вызваннымъ Екатериной II въ Петербургъ по рекомендаціи Іосифа II.

ныхъ семинарій. Съ этою цѣлью, въ 1783 году въ С.-Петербургѣ была открыта спеціальная учительская семинарія, наполняемая воспитанниками различныхъ духовныхъ заведеній. Такъ напр., изъ Высочайшаго рескрипта П. В. Завадовскому, предсѣдателю Коммиссіи, отъ 16 октября 1786 г. мы видимъ, что митрополиту Кіевскому и прочимъ архіереямъ предписано прислать въ Коммиссію—изъ Кіевской духовной Академіи 30 человѣкъ, изъ Черниговской и Переяславской семинарій по 15, да изъ прочихъ ближайшихъ епархій—40 [1]). «Выбираемые къ сему люди должны уже имѣть довольныя основанія въ наукахъ, какія въ оныхъ духовныхъ училищахъ преподаются, и природными своими способностями обѣщать впредь вящшіе успѣхи въ тѣхъ знаніяхъ, коимъ они для главныхъ народныхъ училищъ будутъ обучаемы. При томъ поведеніе ихъ и нравы долженствуютъ соотвѣтствовать неотмѣнно качествамъ и способности ихъ разума. Какъ видимъ изъ того-же рескрипта, упомянутые въ немъ 100 человѣкъ предназначались спеціально для снабженія 16 остальныхъ губерній потребнымъ числомъ учителей и, сверхъ того, *для посылки въ Англію* для обученія разнымъ полезнымъ занятіямъ.

Въ 1788 г. въ учительской семинаріи былъ произведенъ выпускной экзаменъ. Удостовѣрившись на послѣднемъ, что «приготовленные въ учители студенты въ количествѣ 100 человѣкъ предназначенныя имъ должности отправлять въ состояніи», Коммиссія постановила приступить къ открытію главныхъ народныхъ училищъ въ остальныхъ 16 губерніяхъ. Директоръ семинаріи Кохъ составилъ уже и проектъ, кого именно и куда назначить. [2])

Дѣйствительно, спустя 2 мѣсяца послѣдовалъ Высочайшій указъ Коммиссіи, которымъ дано было соизволеніе на открытіе народныхъ училищъ въ 14 губерніяхъ, а генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ этихъ губерній предписано: «все нужное къ таковому открытію училищъ пріуготовить, а потомъ оныя и дѣйствительно открыть, сколь скоро присланы къ нимъ будутъ отъ Коммиссіи учители съ нужными книгами и прочимъ до сего заведенія потребнымъ».

---

[1]) Подобн. образомъ въ 1790 г. было отправлено изъ Кіева 25 академиковъ.

[2]) По его проекту, въ Кіевское главное народное училище предположены: Иванъ Карбановскій, Максимъ Берлинскій, Максимъ Громницкій и Семенъ Стефановичъ—первый и третій уроженцы Кіевскаго намѣстничества, 2-й—Курской и послѣдній—Черниговской. Всѣ они первоначально обучались въ Кіевской Академіи, но по требованію Коммиссіи отправлены были въ учительскую семинарію.

Немедленно Коммиссія занялась приведеніемъ въ исполненіе зависящихъ отъ нея дѣйствій. Учителей рѣшила отправить по мѣсту назначенія первымъ зимнимъ путемъ, отдала приказаніе изготовить къ отправленію книги и др. пособія, какъ-то: географическія карты, готовальни и т. п. По изготовленіи же всѣхъ нужныхъ книгъ и вещей для каждаго открываемаго главнаго училища и по наступленіи зимняго пути, постановила начать отправку въ эти училища учителей такъ, чтобы они къ 1 января 1789 г. были всѣ на назначенныхъ имъ мѣстахъ.

—

Послѣ этихъ предварительныхъ указаній, перейдемъ къ послѣдовательному изложенію исторіи возникновенія и дѣятельности перваго не-духовнаго просвѣтительнаго учрежденія въ Кіевѣ [1]).

Еще въ 1786 году послѣдовало соизволеніе Императрицы, чтобы въ бывшемъ Кіево-Софійскомъ монастырѣ, «кой переименованъ Кіевскимъ Софійскимъ Соборомъ, и гдѣ учрежденъ архіерейскій домъ», помѣщено было главное народное училище и *Кіевская Академія*, со всѣми къ ней принадлежащими заведеніями. Кіевскій митрополитъ Самуилъ Миславскій, интересы котораго въ данномъ случаѣ были болѣе всего затронуты, обратился съ письмомъ къ П. В. Завадовскому, прося послѣдняго заблаговременно указать: сколько для училища потребно будетъ оставить покоевъ? «Ибо въ бывшемъ Софійскомъ монастырѣ имѣется два только флигеля каменныхъ покоевъ: первый объ одномъ этажѣ, состоящій изъ четырехъ келій, въ коихъ долженъ я помѣстить всѣ духовные чины, при домѣ архіерейскомъ по штату положенные, и 25 человѣкъ пѣвчихъ; второй—о двухъ этажахъ: въ оном, въ нижнемъ этажѣ 8 покоевъ съ чуланами, а въ верхнемъ этажѣ 10 съ чуланами-же; всѣ оные покои, какъ верхніе, такъ и нижніе, со сводами и каменными простѣнками, въ длину каждый 7 аршинъ, а въ поперечникѣ—5. Верхній этажъ я назначиваю для классовъ главнаго народнаго училища и Академіи, а въ нижнемъ должны жить учители, числомъ до 12 человѣкъ, ежели по нынѣшнему положенію не убавятся. [2]) А при лаврѣ Печерской, кромѣ другихъ

---

[1]) По этому-же вопросу см. Кіевск. Стар. 1889, № 11. Отд. II, 423—429 и 1893, № 8, Отд. II, стр. 136—138.

[2]) Намекъ на послѣдовавшее въ 1785 году распоряженіе Императрицы, чтобы въ семинаріяхъ и другихъ духовныхъ училищахъ установленъ былъ способъ преподаванія, узаконенный для всѣхъ училищъ въ Имперіи.

непреодолимыхъ препятствій, ничего пристойнаго и выгоднаго вовсе нѣтъ: всѣ келіи объ одномъ этажѣ построены, темнотою и тѣснотою наполнены, по примѣру погребовъ сдѣланы; и одну только кучу кирпичей составляютъ». Далѣе затѣмъ митрополитъ выражаетъ свою радость по поводу того, что Академія будетъ вмѣстѣ съ главнымъ народнымъ училищемъ, т. к. студенты первой и ученики послѣдняго могутъ съ удобствомъ «заимствовать образъ ученія въ народныхъ училищахъ преподаваемаго, коему *сообразоваться и всѣмъ духовнымъ училищамъ предписано*». «Одно только невыгодное положеніе стараго Кіева,—заканчиваетъ свое посланіе митрополитъ,—гдѣ теперь будетъ Академія и оное училище, какъ такого мѣста, которое есть *пустое*, *безлюдное*, *безводное*, *бездровное* и, по причинѣ горъ, всегда разрушающихся, *непроходимое*,—подвергаетъ меня неописаннымъ затрудненіямъ».

Въ отвѣтъ на это, Завадовскій прислалъ «записку, какого расположенія быть домамъ для главныхъ народныхъ училищъ», въ которой означено, что зданіе, опредѣленное для училища, должно содержать 4 большіе покоя для классовъ и 4 класса для библіотеки и прочихъ пособій: для 2 учителей высшихъ классовъ по 2 комн. и по кухнѣ и одной избѣ для сторожей, и кромѣ того для каждаго учителя по чулану или погребу. Расположеніе комнатъ должно быть таково, чтобы комната для учителей и служителей была въ нижнемъ жильѣ, классныя-же комнаты, комнаты для библіотеки и др. надобностей—въ верхнемъ.

1 мая 1788 года послѣдовало открытіе училища [1]), но, какъ оказывается, не при Кіево-Софіевскомъ Соборѣ, а на Подолѣ, въ домѣ упраздненной банковой конторы,—«до поправленія при Софіевскомъ соборѣ имѣющагося каменнаго строенія». Впрочемъ, судя по вышеприведенному замѣчанію митрополита объ удобствахъ существованія въ старомъ городѣ и по подобнымъ же донесеніямъ правителя Кіевскаго намѣстничества С. Е. Ширкова и директора народныхъ училищъ Кіевскаго намѣстничества Петра Симоновскаго И. В. Завадовскому, успѣхъ училища, благодаря своему положенію на Подолѣ, былъ въ достаточной степени гарантированъ. «Въ училищѣ ученики всѣ почти суть подольскіе жители. Отцы и матери

[1]) О торжествѣ открытія см. упомянутыя выше замѣтки въ „Кіевской Старинѣ".

ихъ неотступно просятъ меня, чтобы сіе училище въ семъ домѣ продолжалось—въ разсужденіи отдѣленія Стараго Кіева горами и что въ весеннее и осеннее время бываетъ великая грязь, а потому и неудобностію себѣ поставляютъ туды дѣтей своихъ посылать». «Число учениковъ обоего полу довольное, кое однако съ однихъ токмо Подольскихъ жителей состоитъ и болѣе еще пріумножится, какъ уже о томъ отъ многихъ и сторонніхъ отзывы бываютъ, если только на семъ же одномъ мѣстѣ училища останутся. Буде же въ Старый Городъ, въ бывшій Софійскій монастырь (какъ положено), оныя переведены будутъ, то смѣло сказать могу, по собственному моему отъ гражданъ извѣданію, что и третья часть нынѣшняго числа учениковъ въ силу-жъ остаться можетъ, ибо изъ Подола въ Старый городъ причиной горы и на случай ненастнаго времени, а паче осенняго и вешняго, весьма трудный переходъ и проѣздъ, а дѣтямъ и неудобный. По самъ обстоятельствамъ смѣю вашему высокопревосходительству доложить: не соизволите ли, принявъ въ уваженіе таковыя неудобности о учрежденіи училищъ въ Старомъ городѣ, оставить оныя навсегда на Подолѣ? ибо училища славны всегда множествомъ охотныхъ учениковъ, которыхъ въ Старомъ городѣ имѣть не можемъ. И ежели сіе ваше высокопревосходительство аппробовать соизволите, то къ отведенному нынѣ для училищъ дому и нужныя пристройки и перестройки скорѣе, нежели въ Софійскомъ монастырѣ, исправлены быть могутъ; и граждане въ разсужденіи своихъ дѣтей, такъ какъ и сами учители въ разсужденіи мѣста, которое всѣмъ изобилуетъ, не какъ Старый городъ, останутся довольнѣйшіе».

Желанія подолянъ осуществились: домъ, въ которомъ помѣщалось училище, Правленіе Государственнаго Банка продало для губернскаго почтамта, а подоляне пріобрѣли на свой счетъ помѣщеніе для училища у генер.-майора Нилуса. «А сей домъ,—доноситъ Ширковъ Ц. В. Завадовскому въ концѣ сентября 1789 г.,—не только обширный, но и выгодный, гдѣ можетъ и болѣе 200 учениковъ помѣститься, куда на сихъ дняхъ и училище переведется». 4 октября училище было уже на новомъ мѣстѣ. [1]) Что же сталось съ приготовленнымъ двухъ-этажнымъ домомъ о сорока покояхъ близъ Софіевскаго собора,—изъ настоящаго матеріала неизвѣстно.

---

[1]) На Рождественской улицѣ, въ приходѣ Николая Добраго.

Что касается внутренней стороны новооткрытаго просвѣтительнаго учрежденія, то на основаніи данныхъ матеріаловъ она представляется въ слѣдующемъ видѣ.

При открытіи училища 1 мая 1789 г. въ училище поступило 58 мальчиковъ и 18 дѣвочекъ. Пріемъ продолженъ былъ до 7 мая, къ каковому времени число поступившихъ возросло до 134: 99 мальчиковъ и 35 дѣвочекъ. Въ этотъ же день произведенъ былъ «переборъ» ученикамъ, и болѣе способные опредѣлены во второй (35 мальчиковъ и 7 дѣвоч.), а остальные въ первый классъ. Но такъ какъ и въ этомъ послѣднемъ находились ученики «разнаго понятія», то его раздѣлили на двѣ части: на первый высшій и первый низшій классы, и съ этого времени начато дѣйствительно продолженіе ученія. (Въ высшій классъ опредѣлены 35 учениковъ и 10 учениць, а въ низшій—29 учениковъ и 18 учениць). 1 августа еще прибавилось 50 воспитанниковъ и воспитанницъ. Въ концѣ этого года, 18 и 19 декабря, было произведено публичное испытаніе. [1]) Многіе изъ учащихся говорили рѣчи, а затѣмъ два ученика вели между собой диспутъ: одинъ защищалъ ученость, а другой опровергалъ. «И сіе такъ побудило отцовъ и матерей не только учащихся тутъ ихъ дѣтей, но и другихъ, представлять въ сіе училище своихъ дѣтей знаменитымъ числомъ; и совершенную надежду полагаю, что черезъ попеченіе г. директора Симоновскаго и учителей, къ будущему экзамену и въ лучшемъ видѣ возрастетъ». Предположеніе Ширкова сбылось. Спустя нѣсколько дней послѣ испытанія, восхищенные отрадными плодами наукъ граждане подольскіе «дѣтей своихъ отдавать весьма многіе начали» и къ 13 января представили ихъ въ училище 130 душъ, и такимъ образомъ съ прежними 120—къ этому времени въ наличности оказалось 250, при чемъ болѣе 200 въ первыхъ двухъ классахъ, а остальные въ—3 и 4-мъ.

Что касается до преподавателей и преподаванія, то извѣстно, что, по проекту директора учительской семинаріи Коха, въ Кіевское главное народное училище назначены были въ декабрѣ 1788 г. Коммиссіею объ учрежденіи училищъ 4 учителя, а именно: *Иванъ Карбановскій*, —преподавателемъ 3 и 4 классовъ по ариѳметикѣ, геометріи, механикѣ, архитектурѣ гражданской, физикѣ и языкамъ латинскому

[1]) Къ этому дню въ училищѣ всѣхъ учениковъ оказалось 119.

и Россійскому; *Максимъ Берлинскій*—въ 3 и 4 классѣ по географіи, исторіи политической и естественной; *Максимъ Громницкій*—по всѣмъ предметамъ 2 класса (катихизисъ, священная исторія, о должностяхъ человѣка и гражданина, ариѳметикѣ, новымъ языкамъ, чистописанію); *Семенъ Стефановичъ*—по всѣмъ предметамъ 1 класса (чтеніе, письмо, латинскій яз. и одинъ изъ новыхъ языковъ) и при томъ рисованію во всѣхъ классахъ. Директоромъ народныхъ училищъ Кіевскаго намѣстничества С. Е. Ширковъ назначилъ Петра Ивановича Симоновскаго. Уже спустя 3 мѣсяца по открытіи училища Ширковъ доносилъ П. В. Завадовскому о «прилежности» этихъ учителей, «чрезъ которую въ обученіи примѣчаю за такъ короткое время довольный успѣхъ и въ рисованьѣ, и ко усмотрѣнію вашего превосходительства нѣсколько рисунковъ имѣю честь приложить». [1]) Одновременно съ Ширковымъ о томъ же пишетъ Завадовскому и Симоновскій... «ученики 2 нижнихъ классовъ и въ начаткахъ третьяго, такъ какъ и въ рисованіи, много уже успѣли—по особливой прилежности учителей, кои всѣ вообще къ благу общества и къ успѣху учениковъ довольное имѣютъ попеченіе, высшій же четвертый классъ, такъ какъ и латинскій языкъ, объ новомъ годѣ начнется. Что же принадлежитъ до иностраннаго языка, то еще, какому здѣсь быть, господиномъ правителемъ намѣстничества не рѣшено, да и букварей и грамматикъ на иностранные языки въ присылкѣ нѣтъ.« [2]) Въ октябрѣ того же года Ширковъ посѣтилъ училище и нашелъ «желаемый успѣхъ, и учащихся какъ мужеска, такъ и женска полу, особливую съ расторопностью склонность».

Съ января 1790 г., какъ и предполагалось, въ училищѣ начато преподаваніе латинскаго и нѣмецкаго языковъ, для каковой цѣли Ширковъ выписалъ изъ Коммиссіи «Книги и предметы для иностранныхъ языковъ» на двадцать учениковъ. Въ виду того, что четыремъ душамъ трудно было управиться съ своими обязанностями, для низшаго перваго класса былъ выписанъ изъ Академіи студентъ философіи, уроженецъ кіевскаго намѣстничества, Лелянскій, а для нѣмецкаго языка, уроки котораго должны были начаться съ января 1790

---

[1]) Къ подлинному письму приложены два ученическихъ рисунка краснымъ карандашемъ: на одномъ изображена кисть руки, на другомъ—рука и нога.

[1]) Вообще же эта присылка изъ Коммиссіи содержала въ себѣ: книгъ и прочихъ пособій на 655 р. 45 к. и архитектурныхъ чертежей 1 экз. на 115 р.

года, приглашенъ преподаватель нѣмецкаго языка въ Академіи Карлъ Ремеръ, «природный нѣмецъ».

27 мая училище посѣтилъ Кіевск. генер.-губерн. Кречетниковъ и былъ встрѣченъ привѣтственной рѣчью, говоренною ученицей Авдотьею Шишкиною. Поздравительницѣ Кречетниковъ велѣлъ сдѣлать новое платье, а другому ученику младшаго класса за порядочное чтеніе пожаловалъ два червонца.

25 іюня въ училищѣ происходило открытое испытаніе въ присутствіи генер.-губернатора Ширкова, штабъ и оберъ-офицеровъ. На балконѣ училища все утро гремѣла городская музыка. Кречетниковъ былъ встрѣченъ у воротъ привѣтственной рѣчью, говоренною ученикомъ третьяго класса Иваномъ Лобкомъ. Стоявшіе по одну сторону ученики, а по другую—ученицы усыпали путь его къ училищу цвѣтами. По вступленіи же въ залъ испытанія, гдѣ уже находились высокопоставленныя духовныя и свѣтскія лица и множество кіевскихъ гражданъ, была произнесена привѣтственная рѣчь ученицею 3-го класса Дарьею Левандовою. Затѣмъ, послѣ диспута двухъ учениковъ о пользѣ наукъ, началось испытаніе изъ предметовъ 3-го класса, особливо изъ географіи, исторіи, ариѳметики и алгебры, къ всеобщему удовольствію зрителей. Отличившіеся награждены были книгами, и испытаніе заключено благодарственною ко всему собранію рѣчью. «Нельзя изъяснить удовольствія зрителей, плѣняющихся порядочными отвѣтами чрезъ столь краткое время обучавшихся еще учениковъ, ниже выразить тѣхъ чувствованій, которыми наполнены будучи серца родителей, восхищенныхъ неожиданными отвѣтами юныхъ лѣторослей своихъ, изъявляли признательность свою извлекаемыми изъ очей своихъ слезами радости и благодарности, приносимыми въ жертву сего неожидаемаго счастія потомковъ своихъ». Подобная же церемонія, въ присутствіи знатнѣйшихъ дворянъ и гражданъ обоего пола, происходила и на другой день,—производилось испытаніе учениковъ перваго и второго классовъ. Въ этотъ же день послѣдовала благодарность генер.-губернатора и намѣстника директору училища за похвальные успѣхи учениковъ и благоустройство училища, а учителямъ—благодарность на словахъ и на дѣлѣ (400 рублей награды). Ко дню испытанія всѣхъ учащихся въ училищѣ оказалось 218 (150 мальч. и 68 дѣв.), въ томъ числѣ въ 3-мъ классѣ 24 и 4, во второмъ—63 и 29, въ первомъ высшемъ 43 и 29 и въ первомъ низшемъ 20 и 20.

7 янв. 1791 г. публичное испытаніе произведено было въ обычномъ порядкѣ. [1]) Въ первый день привѣтственную рѣчь намѣстнику говорилъ *пятилѣтній* ученикъ Александръ Скребицкій, а во второй—ученикомъ второго класса читана была ода «Просвѣтительница Россовъ». Учащихся оказалось 223 (161 и 62). 15 января начато ученіе, и открытъ 4-ый классъ, въ который вступило 10 учениковъ и 3 ученицы. Къ началу слѣдующаго года число учащихся достигло 219 (159+60),—въ томъ числѣ въ четвертомъ классѣ было 16 учениковъ и 3 ученицы [2]).

Съ 1791 г. вмѣсто преподавателя Максима Громницкаго мы уже видимъ Семена Кохановскаго, а вмѣсто Лелянскаго—Василія Козачинскаго. [3])

Съ 1794—4-й классъ получилъ вообще названіе математическаго, а 3-й историческаго.

Въ 1798 назначенъ новый Дирек. Николай Политковскій, пробывшій въ этой должности всего лишь 2 съ лишнимъ года. Въ этомъ же году оставилъ должность учитель Семенъ Кохановскій.

Въ 1800 г. назначенъ учитель Николай Шульговскій и препод. нѣм. яз. Самуилъ Храпановъ. Явился и новый директоръ училища Иванъ Глейнигъ.

Съ 1801 г. Иванъ Карбановскій, учитель математическаго класса, ушелъ по болѣзни, а вмѣсто него назначенъ Василій Берлинскій, [4]) который, какъ аттестуетъ Коммиссія объ учрежд. школъ—«родиною изъ Малороссіи, имѣетъ желаніе службу свою продолжать въ своей отчизнѣ».

---

[1]) Такія публичныя испытанія производились ежегодно два раза: въ концѣ декабря или началѣ января и въ концѣ іюня или въ началѣ іюля.

[2]) Число учащихся въ дальнѣйшіе годы выражается слѣдующими цифр.: въ 1792 г. въ іюнѣ всѣхъ учащихся было 178, въ 1792 г. въ концѣ декабря—122; 1793—въ іюнѣ—134, въ декабрѣ—111; 1794—въ іюнѣ—84 (въ 4-мъ классѣ не было ни одной души), въ декабрѣ—63 (въ 4-мъ классѣ—6); 1795—въ іюлѣ—58, въ декабрѣ—88; 1796 г.—въ іюнѣ—84; въ январѣ 1797—88.; 1797—въ іюнѣ—93, а въ декабрѣ—94; въ 1798 г. въ іюнѣ—100, въ декабрѣ—109; 1799—въ іюнѣ 108; въ 1800—въ іюлѣ 135; въ январѣ 1801—157; въ іюлѣ 1801—180; въ январѣ 1802—171; 1802—въ іюлѣ 194; въ январѣ 1803—152, въ концѣ года—140.

[3]) Сынъ кіевскаго мѣщанина, обучался въ Кіевской дух. Акад.

[4]) Окончивш. Кіевск. дух. Ак. и Спбр. учит. гимназію по математ. предмет., изучалъ также въ Горномъ Корпусѣ—химію, пробирное искусство, металлургію и минералогію.

Намъ извѣстно также и матеріальное обезпеченіе служебнаго персонала. Оклады, получаемые преподавателями изъ поезуитскихъ имѣній, были слѣдующіе: Васил. Берлинскій и Макс. Берлинск.—по 400 р., Николаю Шульговскому—275, Семену Стефановичу—350 р., Васил. Козачинскому—150 р., Самуилу Храпанову 300 р., директору 500 р., не считая квартиры и проч. Въ 1803 г. на содержаніе кіевской школы [1]) отпущено было изъ Минской Каз. Палаты—3736 р. 46 коп. на счетъ Эдукаціоннаго Фундуша. Таковы тѣ свѣдѣнія, которыя мы можемъ почерпнуть изъ интересныхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Архива Министерства Нар. Просвѣщенія, о первыхъ годахъ существованія перваго кіевскаго народнаго училища, преобразованнаго впослѣдствіи въ Кіевскую 1 гимназію. Будемъ надѣяться, что дальнѣйшее изданіе этихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ принесетъ немало новыхъ фактовъ и подробностей, могущихъ способствовать уясненію хода развитія просвѣщенія въ нашемъ краѣ въ началѣ истекающаго столѣтія.

В. Д.

Тетрадки-альбомы начала XIX-го вѣка. На страницахъ нашего журнала намъ приходилось уже помѣщать свѣдѣнія о старинныхъ тетрадкахъ-альбомахъ, въ которые переписывались всякаго рода произведенія: [2]) то богословскія разсужденія, почему-либо привлекшія къ себѣ вниманіе, то разнаго рода вирши, то историческія выписки, то народныя пѣсни, то, наконецъ, разнообразныя рѣчи на всякіе случаи. Значеніе такихъ альбомовъ для изучающихъ литературныя теченія недавняго прошлаго въ нашей Малороссіи ясно само по себѣ, а потому, пока всеуничтожающее время не истребило ихъ въ конецъ, слѣдовало-бы такія тетрадки использовать и передать въ печати все болѣе интересное изъ содержащагося въ нихъ. Больше всего намъ приходилось встрѣчать такія тетрадки записи конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, т. е. изъ того періода жизни нашей малорусской интеллигенціи средней руки, который представляетъ особенный интересъ, въ виду того, что въ этотъ именно періодъ

---

[1]) Высочайшимъ указомъ 5 авг. 1799 г. повелѣно называть народн. училища—школами.

[2]) См., наприм., 1889 г., № 2.

болѣе всего сказались колебанія нашихъ предковъ въ дѣлѣ установленія для себя литературныхъ вкусовъ: русская книга, а вмѣстѣ съ нею и литературный русскій языкъ все болѣе и болѣе проникаютъ въ эту малорусскую среду, но одновременно съ этимъ не могутъ исчезнуть совершенно и тѣ естественныя симпатіи къ своему родному, которыя выражаются, можетъ быть и безсознательно, въ любви къ своей народной пѣснѣ, къ своей своеобразной виршѣ и т. п. Вотъ почему въ такихъ тетрадкахъ-альбомахъ всегда можно найти, наряду съ какой-нибудь записью русской статьи или стихотворенія, также и малорусскія произведенія.

Намъ любезно доставлены недавно М. С. Сѣкаловымъ двѣ такихъ тетрадки, въ очень истрепанномъ уже видѣ, безъ начала, причемъ первыя страницы такъ выцвѣли, что невозможно разобрать въ нихъ ни одного слова. Судя по почерку и правописанію, онѣ писаны въ первые годы нынѣшняго столѣтія неизвѣстнымъ переписчикомъ, который въ одной изъ тетрадокъ помѣстилъ свои расходныя записи, свидѣтельствующія о томъ, что онъ связанъ былъ съ какими-то торговыми оборотами; но записи-же копіи контракта, заключеннаго по поводу покупки соли, видно, что участвующіе въ контрактѣ лица принадлежали къ Конотопскому повѣту (дворянинъ Власъ Викторъ, казенный крестьянинъ Ерофѣй Римаръ и Почепскій мѣщанъ Пахомъ Семеновъ Байдала). Тутъ-же рядомъ, впрочемъ, находится выпись изъ дѣла въ Недригайловскомъ уѣздномъ судѣ по жалобѣ помѣщика Сергѣя Яцина, поданной въ 1794 году. Изъ этихъ данныхъ можно видѣть, что и въ этомъ случаѣ, подобно многимъ другимъ, мы имѣемъ дѣло съ записями, веденными въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ лѣвобережной Украинѣ, гдѣ, кажется, было больше всего любителей этого рода писаній.

Содержаніе присланныхъ намъ теперь двухъ тетрадокъ самое разнообразное: тутъ, наряду съ выдержками изъ статей богословскаго содержанія, на ряду со всякаго рода привѣтствіями (на прибытіе гостя; рѣчь Рождеству Христову; рѣчь къ родителямъ; рѣчь благодарственная и пр.), съ дѣловыми записями, о которыхъ сказано раньше, находимъ «*Показаные россійской древности, сокращеное изъ сочиняющейся пространой исторіи*». Это «*Показаніе*», судя по предисловію, составленное въ царствованіе Елизаветы Петровны, сообщаетъ краткія сдѣдѣнія о славянахъ, а затѣмъ, въ видѣ конспекта, знакомитъ съ русскими князьями отъ Рюрика до Василія Темнаго. Въ перемежку съ вышеуказаннымъ матеріаломъ, вписаны четкимъ и кра-

сивымъ почеркомъ разныя изреченія, въ родѣ такого: «Учитеся, дѣти, въ младія лѣта; когда прыйдетъ старость, ни была-бъ тогда жалость»; тутъ же пѣсня «Ой за реченькой слабодушка била, въ той слободки хороша вдова жила»; или:

Житие велико море,
Въ немъ челнокъ я малій;
Посредѣ водъ впалъ я въ горе,
Бютъ отъ всюду вали.
и т. д.

Или вотъ еще:

Ахъ вы реки-речушки,
Холодныя водушки!
Хотятъ мене потопить
Съ милимъ другомъ разлучить.
и т. д.

Здѣсь же встрѣчаемъ и такіе стихи:

Днесь миръ играя торжествуетъ
Всякъ другъ съ другомъ и сосѣдъ,
Что Божія рука царствуетъ,
Всѣхъ избавляюща отъ бѣдъ.
и т. д.

Есть тутъ и «Молитва, отгоняющая злие трясовицы»; есть и извѣстная псальма «Видѣлъ Богъ, видѣлъ Творецъ, за что миръ погибае».

Но для насъ наибольшій интересъ представляютъ тѣ произведенія изъ переписанныхъ сюда, которыя имѣютъ отношеніе къ малорусскому творчеству. Въ этихъ тетрадкахъ мы находимъ ихъ нѣсколько и считаемъ не лишнимъ помѣстить ихъ полностію.

I.

Крий дориженьки тожъ кума моя,
А въ куми дѣвча—тожъ душа моя.
Ой я съ кумою роскумаюся,

Съ куминимъ дѣвчамъ повѣнчаюся.
Дамъ-же я попу срѣбную копу,
Щобъ мене звинчавъ съ куминимъ дѣвчамъ.
Пѣпъ не вѣнчае—за сина чае,
Паламаръ моркоче—за себе хоче.
Бодай того попа трясця напала,
Щобъ его трясла повтора рока,
Щобъ витрясла срѣбную копу.

II.

Сухии дуби, мокрѣ калюжѣ,
Якъ розгнѣвалася жена на мужа,
Та злѣзла на печъ, будто недужа.
Устань, устань, моя мила! привѣзъ тобѣ пива.
Цуръ тобѣ, пекъ тобѣ—не буду я жива.
Устань, устань, моя мила! привѣзъ я дубину,
А на твое бѣле тѣло та на гладку спину.
Мила устала, якъ не лежала,
Обняла милого тай поцилувала.

III.

Питро Ярошенко
Пиетъ вино хорошенко,
Пиетъ часто попиваетъ
И на Грицка Лобченка поглядаетъ.
А синъ, брате, ще пивъ кварти,
Загадаю таки жарти,
Нумъ ми грати, брате, въ карти!
Ти-жъ, бачу, брате Петре, дуракъ,
Що ти пустився на се такъ.
Теперъ, брате, скоро празникъ,
А ти пиешъ, якъ той бражникъ.
Иди, брате, та проспися,
Та и скажешъ, що я впився,
Або пиды, куди знаешъ,
Коли (*зачеркнуто*) соби маешъ.
Пройшовъ, брате, тоби строкъ....
(Конецъ совсѣмъ затертъ).

Но самымъ драгоцѣннымъ матеріаломъ является запись извѣстной пасхальной вирши «Христосъ воскресъ, радъ миръ увесь», о которой мы скажемъ въ особой замѣткѣ.

В. Науменко.

Пасхальная вирша по старой записи. Извѣстная уже въ печати вирша «Хрыстосъ воскресъ, радъ мыръ увесь» до сихъ поръ печаталась по записямъ, сдѣланнымъ въ сравнительно позднее время, т. е. не ранѣе 30-хъ годовъ. Если не ошибаемся, варіанты ея были помѣщены: 1) въ книгѣ Терещенка «Бытъ русск. народа», ч. 6-я, стр. 112—115; гдѣ и когда она записана, тамъ не указано, но варьянтъ очень слабый. 2) Въ Кіевск. Епар. Вѣдомост. 1877 г. № 7-й—совсѣмъ испорченный варьянтъ. 3) Въ Кіевск. Стар. 1882 г. № 4, стр. 168—171; это сводный варьянтъ по двумъ рукописямъ, изъ которыхъ одинъ сообщенъ А. Скальковскимъ, неизвѣстно когда и гдѣ записанный, а другой по списку Н. Гоголя, тоже никакъ не датированный. Этотъ варьянтъ напечатанъ съ пропусками, по усмотрѣнію редактора. 4) Въ Кіевск. Стар. 1882 г. № 9, стр. 567—571, было напечатано дополненіе къ этой виршѣ, по списку Д. Мороза, сдѣланному имъ съ рукописи 1839 года; это дополненіе къ виршѣ, по нашему мнѣнію, представляетъ собой позднѣйшую прибавку, которой можно въ данномъ случаѣ и не принимать въ разсчетъ. 5) Въ галицк. журналѣ „Жите и Слово“ 1894 г. кн. 3-я, стр. 444—451, въ статьѣ М. Драгоманова «Матеріали до історії віршів українських». Здѣсь напечатано три варьянта: одинъ по рукописи, принадлежавшей Максимовичу, безъ указанія времени и обстоятельствъ записи; другой—по рукописи Гоголя, безъ тѣхъ пропусковъ, какіе были сдѣланы въ напечатанномъ текстѣ въ „Кіевск. Старинѣ“ 1882 г.; третій—по рукописи Д. Мороза (см. подъ № 4).

По преданіямъ, вирша эта будто-бы сочинена была Головатымъ и произнесена въ видѣ привѣтствія Потемкину при поздравленіи его черноморскимъ войскомъ, образованнымъ изъ запорожцевъ, при чемъ относили ее къ 1786—1787 году,[1]) и даже

---

[1]) Кіевск. Стар. 1882 г., № 4.

къ 1781 году. [1]) Д. Морозомъ было высказано, впрочемъ, мнѣніе, что основа этой вирши гораздо древнѣе, что ее можно относить ко временамъ Хмельницкаго, и что запорожцы только воспользовались готовымъ матеріаламъ. [2]) Съ этимъ мнѣніемъ не согласна была редакція „Кіевск. Стар.“, что и указала сейчасъ-же, печатая записку Д. Мороза, [3]) и ея доводовъ нельзя не признать. Для рѣшенія вопроса о томъ, можно-ли дѣйствительно связывать эту вирши съ запорожцами, интересно было-бы имѣть запись ея, по возможности близкую по времени къ тому моменту, когда она, согласно преданіямъ, могла быть произнесена, какъ привѣтствіе, запорожцамъ. Въ настоящее время мы имѣемъ такую запись въ своихъ рукахъ—это въ той тетрадкѣ-альбомѣ, которая любезно доставлена намъ М. С. Сѣкаловымъ. Мы указали уже выше, [4]) что тетрадка эта писана въ первые годы текущаго столѣтія, и потому списокъ этой вирши является самымъ старымъ и, слѣдовательно, самымъ близкимъ ко времени произнесенія ея запорожцами, какъ датируется въ этой рукописи, не въ 1786 или 1787 году, а въ 1791 году. Въ общемъ варьянтъ этотъ очень близокъ къ напечатаннымъ, особенно къ тому, который помѣщенъ въ «Жите и Слово» по рукописи Максимовича, но представляетъ нѣкоторыя отличія, на нашъ взглядъ исправляющія текстъ уже извѣстный; правописаніе въ немъ соблюдено такое-же, какимъ характеризуются малорусскія рукописи конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка. Въ виду этого мы находимъ вполнѣ умѣстнымъ напечатать этотъ варьянтъ полностію, съ сохраненіемъ правописанія подлинника, и только исправляемъ явно испорченныя переписчикомъ мѣста. Всѣ болѣе характерныя разночтенія въ напечатанныхъ уже варьянтахъ указываемъ въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Варьянтъ «Кіев. Стар.» обозначаемъ буквою *а*, а «Жите и Слово» буквою *б*.

Вирша, говореная гетману запорожцами на свѣтлій праздникъ Воскресеные Христово 1791 года.

1. Христосъ воскресъ, радъ миръ увесъ, дождавъ [5]) Божои ласки.
Теперъ то всякъ наився въ смакъ свяченои паски.

---

[1]) См. Терещенко „Бытъ русск. народа“ Ч. 6-я, стр. 112.
[2]) Кіевск. Стар. 1882 г. № 9, стр. 568—569.
[3]) Тамъ-же стр. 570—571.
[4]) См. въ этомъ-же номерѣ, въ отд. документовъ.
[5]) *а*) дождавшись; *б*) дождались.

2. Всѣ гуляють, зухваляють [1]) воскрешшаго Бога,
Що вже тая всѣмъ до рая [2]) простерта [3]) дорога.
3. Злии духи, власныи мухи [4]) всѣ уже послизли,
Загнавъ Исусъ въ пекло покусъ, [5]) щобъ християнъ не жерли. [6])
4. И смерть люта, що намъ тута вельми [7]) докучала
По болотамъ, очеретамъ бижучи кричала.
5. Тамъ суцѣга теперъ бѣга, якъ шалена зъ ляку,
Бо Бѣгъ хрестомъ [8]) чорта съ хвостомъ прогнавъ, якъ собаку.
6. Сей чортъ темныи, князь пекельныи, зъ смертью полигался,
Всѣхъ зажерти, во адъ вперти [9]) такъ то измовлялся [10]).
7. Воны тое вкупѣ [11]) двое знюхавшись шанцюють, [12])
Хоть старого, хоть малого, где попавъ глабцюють. [1])
8. Була воля—хоть и кроля у рай не пускаты, [14])
Но всѣхъ трактахъ и воротахъ [15]) сторожамъ стояты.
9. Середъ шляху за шияху [16]) до пекла хватали, [17])
Безъ уваги чорты зъгаги (*зъга*—жажда; вѣроятно—*зъ зъги*, т. е. отъ жадности) якъ въуновъ (вьюновъ) глитали. [18])
10. Того святци, попы, ченци не минали шляху,
Философи, крутопои набѣрались жаху. [19])
11. Пропавъ той [20]) страхъ, зарѣсъ той шляхъ купямъ та болотомъ,
Гдѣ той злий духъ глитавъ, якъ мухъ, ненаситнимъ ротомъ.
12. Теперъ скорый, шляхъ просторый до раю протертый, [21])
Безъ сторожей, всѣ настежей [22]) ворота отперти. [23])

---

1. *а*) выхваляють; *б*) восхваляють. 2. *а*) и *б*) Ужо тая, що до рая. 3. *а* и *б*) протерта. 4. *а*) такъ якъ мухи; *б*) власно—что нужно признать болѣе правильнымъ, т. к. и дальше вездѣ это слово употребляется въ смыслѣ *словно*. 5. *а*) по усъ—что совсѣмъ неправильно. 6. *а* и *б*) не грызли—какъ того требуетъ и риѳма. 7. *а*) дуже. 8. *а*) съ Христомъ—что, конечно, неправильно. 9. *а* и *б*) во адъ заперти. 10. *а*) такъ винъ умовлявся. 11. *б*) въ кучу—что, конечно, неправильно. 12. *а*) и *б*) сацюють—слово непонятное, между тѣмъ какъ *шанцювати* можно объяснить отъ слова *шанци*—окопы. 13. *а*) всихъ туды лабцюють; *б*) то такъ излабцюють. 14. *а* и *б*) не пускають; послѣ этого идетъ цѣлая строка, отсутствующая въ нашемъ варьянтѣ. „Хоть бы святыхъ, воны и тихъ у пекло таскають". 15. *а* и *б*) болотахъ—что, конечно, неправильно; эта вся строка составляетъ здѣсь первый стихъ и потому оканчивается: *сторожи стояли*, риѳмуясь со 2-й строкой—*хватали*. 16. *а* и *б*) у тюраху. 17. *а*) хапалы. 18. Этого стиха нѣтъ въ напечатанныхъ варьянтахъ, но онъ имѣется въ одномъ рукописномъ спискѣ позднѣйшей записи, доставленной намъ. 19. *а*) страху. 20. *а*) вже. 21. *а*) протерли. 22. *а*) Нема стражи, вси навстяжи... 23. *а*) отперли.

13. Уже велять яблука рвать изъ райского древа,
Зъ якого, охъ, [1]) не веливъ Богъ, а вкусила Ева.

14. Давно той ужъ крычить недужъ, що спокусивъ Еву,
Упавъ на низъ, що ажъ полѣзъ по своему чреву. [2])

15. Вещить, охлявъ, бо Бѣгъ заклявъ [3]) лазиты на чревѣ, [4])
За оной [5]) грѣхъ, що вѣнъ на смѣхъ такъ набрехавъ Евѣ.

16. Бѣдна Ева одну съ древа вирвала кисличку,
Збула власти, сѣла [6]) прясти на гребенѣ мичку.

17. За нею-жъ тамъ бидный Адамъ щось, кажуть, прокудивъ, [7])
Землю копать, [8]) цѣномъ махать [9]) Бѣгъ зъ раю пропудивъ.

18. За ту-жъ [10]) ѣду Ева бѣду заслужила сію.
Честь [11]) Адаму, що за браму вибили у шию.

19. Глупа [12]) жона! сама она яблуко трощила,
За той-же [13]) плодъ увесь народъ въ пекло затащила. [14])

20. Бѣгъ милостивъ, Еву простивъ, Адаму пробачивъ,
Для визволу самъ до долу лѣзти зъ неба [15]) рачивъ.

21. Тутъ чортище, старый псище, не хоче смириться.
Крутить хвостомъ, [16]) еще съ Христомъ думае свариться.

22. Лише-жъ тутъ Бѣгъ самъ на порѣгъ [17]) въ пекло поточився,
То Велсевулъ попустивъ муд зъ ляку и вмочився.

23. Зарѣвъ [18]) грѣзно, якъ вовкъ рѣзно, [19]) голосомъ собачимъ,
Кричить пробу, що особу Христову побачивъ.

24. Не втѣкъ хлости, що всѣ кости поламавъ по роги, [20])
И самого духа злого пидгарбавъ подъ ноги.

---

1. *а* и *б)* плодъ; для звучности правильнѣе *охъ*, какъ находимъ и въ упомянутомъ выше рукописномъ спискѣ. 2. *а)* За ту болизнь ажъ полизъ по райскому древу—совершенно испорченный стихъ; *б)* За то боливъ, що ажъ полизъ на своему чреву—начало тоже перековеркано. 3. *а)* проклявъ—менѣе удачно, чѣмъ *заклявъ*. 4. *б)* на древи—нѣтъ смысла. 5. *а* и *б)* іого. 6. *а* и *б)* треба. 7. *а)* принудивсь; *б)* принудивъ—и то и другое не имѣютъ тутъ смысла; *прокудыты*—слово намъ неизвѣстное. 8. *а)* оравъ; *б)* пахать. 9. *а)* махавъ. 10. *а* и *б)* одну. 11. *б)* Нечесть; *честь* лучше, т. к. тутъ проявляется ирония. 12. *а)* Дурна. 13. *а* и *б)* за одинъ. 14. *а)* въ пекли потопила. 15. *а)* зъ неба зійты. 16. *б)* Зъ коротькимъ хвостомъ. 17. *а)* Лишень-же Богъ самъ на порогъ; *б)* Лишъ тилько Богъ... 18. *а)* завывъ. 19. *а)* рѣзко—конечно, неправильно. 20. *б)* Давъ Богъ хлосты, що вси кости поламавъ и роги.

25. *Кричитъ на пупъ, що* [1] *всюди струпъ, нельзя доторкнути,*
Надуло духъ, заперло брюхъ [2]*—не дае дихнути.* [3]
26. А смерть шлюха стоя Слуха, що човпуть надъ дядкомъ, [4]
Стала трястись, мислить спастись видъ хлости у радности [5]
27. Пустила дуръ, бьется объ муръ, деретсн на стѣну,
Якъ шалена, тороплена, пустила и пѣну. [6]
28. Дакъ сихъ покусъ знае Исусъ хитрие обмани,
За ихъ [7] дѣло на все тѣло наславъ злии рани,
29. *Бо всю пищу и гузищу* [8] *опала короста.*
Крутитъ гузномъ, прийшло зъ озломъ (?) [9]*, бо болызнь не проста.*
30. *Въ такомъ мьстъ, что нъ състи, а нъ почесати,*
Нудьга-тоска такъ якъ луска, іде—сорамъ сказати.
31. *Зъ нудги-жъ тоски все на куски на собъ порвала,*
Смердятъ кости вьдъ коросты,—кожу всю подрала. [10]
32. *Якъ бобонъ журпъ* (?) [11]*, продовбавъ струпъ, сороки напали* [12]
Зъ усьхъ сторонъ много воронъ къ стерву прилитьло [13].
33. *На той-же трупъ, почувши струпъ, мухи прильтали,*
Костомахи ризно птахи съ тьломъ [14] *розмитали*
34. *Карность злая! якъ бо тая зъ людми поступала,*
Такъ по дьломъ душа съ тьломъ уся [15] *пропала.*
35. *Также* [16] *Юда, съ того студа* [17] *зъюродившись якъ макуха* [18]
То синъе, то краснъе, бо бере сокруха.
36. *Велъми заблякъ, а мьхъ заклякъ* [19] *въ ґрішми за плечима,*
За смертелной [20] *ґрьхъ той клятвиній* [21] *мьхъ все* [22] *передъ очима.*

---

1. *б)* бо. 2. *б)* надуло брюхъ, заперло духъ. 3. Эти двѣ строки, напечатанныя курсивомъ, совсѣмъ пропущены въ варьянтѣ „Кіев. Стар.", вѣроятно, въ зависимости отъ усмотрѣнія редактора, находившаго подобныя строки неинтересными (см. 1882 г. № 9-й, стр. 571). Всѣ пропуски въ дальнѣйшемъ текстѣ тоже напечатаны курсивомъ. 4. *а)* що робится зъ дядкомъ. 5. Стихъ этотъ испорченъ; въ печатн. варьянтахъ стоитъ такъ: *а)* .. думала спастись неякимсь порядкомъ; *б)* ...прехитрымъ порядкомъ; въ рукописи позднѣйшей, о которой упоминалось, стоитъ—*хлисткимъ украдкомъ.* 6. *а)* попустила слину; *б)* пустила зъ рота пину. 7. *а)* За те 8, *б)* Усю п—цю и г—цю зсыпала короста. 9. *б)* узломъ—мало понятно. 10. *б)* Смердятъ кости, бо въ коросты нагло все стаскала—мало понятно. 11. *а* и *б)* Якъ бубонъ трупъ—въ обоихъ варьянтахъ мало понятно. 12. *б)* рвуть тило—что, конечно, правильнѣе, въ виду послѣдующей рифмы. 13. *б)* налетило. 14. *б)* уси. 15. *б)* и нынн. 16. *б)* Сей. 17. *б)* стыда—что для риемы менѣе правильно. 18. *б)* уродивсь макуха—совсѣмъ непонятно. 19. *б)* Въ Юды сей знакъ: и михъ заклякъ—намъ кажется болѣе искусственнымъ въ построеніи рѣчи. 20. *б)* За его... 21. *б)* клятый. 22. *б)* всегда.

37. *Въ землю вкопавъ* [1]), *щобъ мѣхъ пропавъ,— та окоментьла,*
Посохъ тамъ цвѣтъ, и травы нѣтъ, болше не зеленѣла.
38. *Въ води рибу, мѣхъ изъ глыбу, ровпужавъ и раки,*
Вирнувъ злий духъ изъ води сухъ до Юди и паки.
39. *Злую мару пѣкъ у жару тай* [2]) *не загорѣвся,*
Мѣцно по щитъ [3]) *чортомъ подбитъ, щобъ не розвалився* [4])
40. *А изъ печи* [5]) *вѣпять на плечѣ берется на Юду,*
Щобъ зъ тѣмъ мѣшкомъ [6]) *ходить пѣшкомъ въ пеклѣ и повсюду.* [7])
41. *Бѣлъ бо вельвъ,* [8]) *щобъ мѣхъ не тлѣвъ до оного вѣку* [9])
Для утѣхи безъ супѣльки злому человѣку [10])
42. Тутъ [11]) крутенько всѣмъ хутенко давъ Богъ царя Пора [12])
Адъ разоривъ, чорта стребивъ, смерть изчезла [13]) хвора.
43. Прадѣдъ Адамъ и дядко Хамъ давно въ пеклѣ нидѣлъ [14])
Уже-жъ теперъ пекло вѣдверъ, [15]) якъ Христа повидѣлъ. [16])
44. И всякъ [17]) узникъ крутый узликъ зъ шии розвязали,
Сусу Христу [18]) якъ на листу усе росказали.
45. Ева згнута була тута отъ злого [19]) шайтана,
Сей покуса злѣйшій Пруса и Крымського хана.
46. Мучить дарма, у нихъ ярма зъ шии не злазили, [20])
Струпъ на плечахъ, бо по печахъ все [21]) дрова возили [22])
47. Зъ ярма-жъ въ хомутъ, зъ узлами кнутъ, дротяныи пугы
Зъ шии до пятъ на спинѣ знатъ кровавыи смуги.
48. *И старуху бьютъ по брюху пятныцю святую* [23])
На подпряжу колымагу запрягли и тую. [24])
49. Щобъ скакала, не брикала, [25]) кладуть въ ротъ удила, [26])
Сѣчуть плетью, щобъ тамъ мѣтью ступою ходила. [27])

---

1. *б)* Землю копавъ. 2. *б)* такъ. 3. *б)* Мицно пошитъ. 4. *б)* що й не загорився—конечно неправильно. 5. *б)* Зъ огню, въ печи. 6. *б)* Изъ тимъ мишкомъ. 7. *б)* въ пекли повсюду. 8. *б)* Богъ повеливъ. 9. *б)* до страшного суду. 10. *б)* Этой строки совсѣмъ нѣтъ въ этомъ варьянтѣ. а въ варьянтѣ *а* отсутствуютъ всѣ 26 строкъ напечатанныхъ курсивомъ. 11. *б)* Такъ. 12. *а)* Тамъ крутенько, тутъ хутенько давъ Богъ всему порай. 13. *а)* излыха. 14. *а)* ...Хамъ заиграли въ свырили. 15. *б)* одперъ. 16. *а)* Закричали, задрожали, якъ Христа згледили. 17. *а)* Усякъ. 18. *а)* Исусъ-Христу. 19. *б)* того. 20. *а)* у всѣхъ ярма зъ шии не злизали. 21 *а)* во адъ. 22. *б)* Струпъ на плечахъ, все по печахъ—а дрова возилы; въ такомъ видѣ въ этой строкѣ нѣтъ смысла. 23. *б)* И въ тимъ страси бьютъ по с—ци пятныцю святую. 24. *а)* Этихъ двухъ строкъ нѣтъ совсѣмъ. 25. Щобъ скакалы, не брикалы.. 26. *а)* удилы. 27. *а)* ходили.

50. *Понедѣлокъ, хоть не смѣлокъ* [1])—*такъ ему заслуга,*
Зжикулився, вступився [2])—*ледвѣ утякъ съ плуга.* [3])
51. Сию [4]) налогу скоро къ Богу донесли въ [5]) ушѣ,
Не забаривъ, адъ разоривъ, випустивъ всѣ душѣ.
52. Святый Афетъ узявъ мушкетъ, якъ стреливъ на гасло, [6])
Выйшла здрая немалая, [7]) ажъ пекло захрясло. [8])
53. Всѣ [9]) ожили и загули, [10]) якъ весною мухи
Съ пекла народъ бѣгъ навзаводъ, а иншии изъ муки [11])
54. Дочувсь Аврамъ, що вже Адамъ изъ пекла удрызавъ, [12])
Вѣнъ зъ Саакомъ ледве ракомъ и собѣ поклизавъ [13])
55. Свята Сара, хоча стара, да женщина руча;
Вся пѣхота шла въ ворота,—вона-жъ куды луча [14])
56. Племинькъ Лотъ въ купу сиротъ якъ изобралъ бѣдныхъ,
Такъ нѣ дверей, а нѣ верей не осталось [15]) мѣдныхъ.
57. *Бо все тая сильна здрая,* [16]) *съ пекла потащила!* [17])
Власне туча, куды луча, такъ закопотѣла. [18])
58. У Божу путь только сопуть, Христа захваляя, [19])
Спѣшать во радъ, другъ другу радъ по стезяѣ до рая. [20])
59. Мусѣй пророкъ двери, замокъ и муръ [21]) пробивъ рогами,
Адъ сплюндрувавъ, помандрувавъ пѣшими ногами.
60. Власне [22]) бугай съ кошари въ гай вилерся голодный,
Пекло вѣдперъ и шляхъ простеръ [23]) до раю свободный. [24])
61. Адаме грай, одвертый [25]) рай, иды, поспѣшайся, [26])
Райскимъ плодомъ зъ усѣмъ родомъ радъ будь, утѣшайся. [27])
62. Веди всѣхъ въ радъ у райской садъ яблука збирати,
Ѣжъ [28]) одъ древа, бо вже [29]) Ева не буде вмирати.

Конецъ вѣршевъ гетмановъ запорозцовъ.

Сообщ. **В. Науменко.**

---

1. *б)* не милокъ. 2. *б)* замулився. 3. *а)* Этихъ двухъ строкъ совсѣмъ нѣтъ; 4. *а* и *б)* Всю. 5. *а)* во; *б)* увъ. 6. Написано *негласко,* но конечно по ошибкѣ, исправляемъ по варьянтамъ *а* и *б).* 7. *а)* Выйшла зъ рая сыла немалая; *б)* Выйшла зграя немалая. 8. *а)* затрясло. 9. *а)* Гуртомъ; *б)* Вдругъ. 10. *а* и *б)* всѣ загулы. 11. *а* и *б)* трюхи. 12. *а)* удравъ; *б)* подрыгавъ. 13. *а)* поплыгавъ; *б)* поклыгавъ. 14. *б)* куды влуча. 15. *б)* въ пекли нема. 16. *б)* Бо якъ тая сильна зграя. 17. *а)* Этой строки нѣтъ совсѣмъ. 18. *а)* Якъ та туча, куды луча, такъ и покотили; *б)* ..... залопотила. 19. *а* и *б)* У Божу путь тилько сопуть, що ажъ попотилы. 20. *а)* Этой строки нѣтъ совсѣмъ; *б)* Та врываютъ, поспишаютъ, й ногы не схотилы. 21. *а)* въ дверяхъ замокъ и муръ. 22. *а)* Якъ той...; *б)* Власный... 23. *б)* протеръ. 24. *а)* Такъ изъ ада йде громада, рада що свободна. 25. *б)* одпертый. 26. *а)* Рай одпертый, шляхъ протертый, Адамъ поспишайся! 27. *а)* ..... въ усимъ родомъ тамъ ты утишайся. 28. *б)* Ажъ—что, конечно, неправильно. 29. *а)* бильшъ.

Арестъ осетра. Въ концѣ 1850-хъ годовъ въ м. Горошинѣ, хорольскаго у. полт. губ., распространился однажды тревожный слухъ, что въ р. Сулѣ появилось какое-то чудовище, пожиравшее утокъ, гусей и даже будто бы купавшихся дѣтей. Мѣстнымъ рыбакамъ по этому случаю былъ данъ приказъ изловить во что-бы то ни стало этого кровожаднаго звѣря и донести о томъ полиціи. Спустя нѣсколько дней рыбаки точно поймали невиданную ими до того времени рыбу очень крупныхъ размѣровъ и дали знать въ мѣстную становую квартиру. Поѣхалъ туда приставъ и видитъ—въ сѣтяхъ бьется великолѣпный осетеръ, какимъ то чудомъ заплывшій изъ Днѣпра.—Вотъ,—думаетъ приставъ,—прекрасный будетъ презентъ г. исправнику! Какъ бы только не перекупилъ кто-либо такую рѣдкую добычу!

— А що, ваше благородіе, чы не це та звирюка що дитей, хапае?—спрашивали простодушные рыбаки.

— Она самая, братцы, и теперь я долженъ ее арестовать и подъ крѣпкимъ конвоемъ отправить въ земскій судъ для поступленія съ нею по всей строгости законовъ.

И точно, въ тотъ же день преступная рыба увезена была, въ сопровожденіи благонадежныхъ сотскихъ, въ Хоролъ и попала прямо на кухню къ г. исправнику, не оставшемуся, конечно, въ долгу предъ услужливымъ приставомъ.

L.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Тріумфальныя ворота въ г. Кіевѣ.* [1]) 6 октября 1857 года Кіевское купечество возбуждаетъ предъ генералъ-губернаторомъ ходатайство о сохраненіи воздвигнутыхъ на средства просителей Тріумфальныхъ воротъ *навсегда*, дабы увѣковѣчить въ памяти отдаленнѣйшаго потомства первое посѣщеніе города ихъ Императорскими Величествами Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ и Государынею Императрицею Маріей Александровною.

Сооруженіе предполагалось не только сохранить, но и надлежащимъ образомъ упрочить.

---

[1]) При пересѣченіи кадетскаго шоссе съ Бибиковскимъ бульваромъ.

На ходатайство купцовъ, тогда же всеподданнѣйше доложенное княземъ Васильчиковымъ, Его Величество всемилостивѣйше соизволилъ.

9 ноября купеческое общество составляетъ приговоръ объ ассигнованіи на сіе потребной суммы, имѣющей образоваться изъ пожертвованій, на что генер.-губернаторъ даетъ разрѣшеніе (Мартъ 1858 г.).

Купцами постановлено впредь, начиная съ 1858 по 1874 годъ, при объявленіи капиталовъ, представлять на предметъ поддержанія Тріумфальныхъ воротъ съ каждаго свидѣтельства 1-ой гильдіи по 12 р., 2-ой гильдіи по 8 р., а 3-ей гильдіи отъ 3 до 5 р.—по состоянію доходовъ, на что генералъ-губернаторомъ дано согласіе.

Но первое увлеченіе кіевлянъ-купцовъ быстро прошло, а уже въ іюнѣ 1861 г. Главному Начальнику края пришлось указывать городскому управленію, что ворота требуютъ ремонта и окраски.....

Нынѣ лишь выставка скромныхъ меблированныхъ комнатъ напоминаетъ о высившихся здѣсь Тріумфальныхъ воротахъ.

—

2) *Къ пребыванію Шамиля и его семейства въ Кіевѣ.* Въ 1868 г. Имаму Шамилю Высочайше указано водвориться въ Кіевѣ. Отъ земства предположенъ къ отводу особый домъ въ 22 комнаты. Прибывшій въ городъ Гази Магома (сынъ Шамиля) останавливаетъ свой выборъ на домѣ Масаловой (Александр. ул. въ Липкахъ), который и занимаетъ со всѣми флигелями, службами и садами. Деньги, потребныя на наемъ, ремонтъ и отопленіе, отпускаются изъ Государственнаго казначейства въ распоряженіе губернатора, на коего возлагается обязанность заботиться о приличномъ и исправномъ содержаніи плѣнника и его семейства.

Прибытіе самого Шамиля съ женами и дѣтьми ожидалось въ концѣ сентября 1868 г.

Чрезъ два года арендный контрактъ возобновленъ (плата 2500 р.), но Имаму было не суждено долго пользоваться кіевскою квартирою: зиму онъ провелъ въ Аравіи.

23 декабря 1870 г. къ нему на свиданіе въ Мекку выѣзжаетъ Гази Магома, и въ февралѣ 1871 г. Шамиль умираетъ въ Мединѣ.

25 мая Высочайше повелѣно: выдавать изъ казны Гази Магомѣ, котораго ожидали въ Кіевѣ въ іюлѣ, по 5000 р. въ годъ; брату его, штабъ-ротмистру собственнаго Его Величества конвоя, Магомету Шеффи, по 1000 р., въ добавокъ къ получаемому по службѣ содер-

жанію, и обѣимъ женамъ Шамиля, на случай ихъ возвращенія изъ Годбраса въ Россію, по 1000 р. ежегодно. Что касается отпуска денегъ на домъ, дачи и довольствіе, то таковой прекращается.

Однако расходы по поѣздкѣ за-границу были настолько велики, что братья возбуждаютъ ходатайство объ ассигнованіи на сей предметъ особыхъ *суммъ*; одновременно съ симъ Гази Магома проситъ разрѣшить ему выѣздъ въ безсрочный отпускъ въ Турцію для устройства быта обѣихъ вдовъ покойнаго Шейха и попеченія о судьбѣ ихъ. (Семьѣ Шамиля въ Константинополѣ принадлежитъ домъ съ полною обстановкою, пожалованный Султаномъ).

17 августа Высочайше повелѣно отпустить на нужды семьѣ всю сумму, оставшуюся свободною отъ умножившихся въ 1871 году расходовъ казны на содержаніе покойнаго и наемъ для него помѣщенія, вслѣдствіе чего Гази получаетъ на руки 9111 р.

Высочайшее соизволеніе на безсрочное пребываніе за границею, по словамъ Военнаго Министра, «должно послужить лестнымъ выраженіемъ Высочайшаго довѣрія къ благороднымъ и честнымъ правиламъ сыновей Шамиля».

Гази Магома выѣзжаетъ 25 ноября изъ Кіева въ Одессу, откуда 4 декабря отправляется въ Константинополь, гдѣ у семьи былъ свой особый повѣренный въ дѣлахъ.

За это время одна изъ вдовъ Шейха—Захидата умираетъ, не выѣзжая изъ Мекки. Назначенная ей пенсія по Высочайшему повелѣнію сохранена ея 8-лѣтнему сыну Магомету.

Въ 1874 Гази Магомѣ Высочайше дозволено возвратиться изъ заграницы въ Россію, съ водвореніемъ въ Кіевѣ, но сколько извѣстно, онъ этимъ разрѣшеніемъ не воспользовался.

—

3) *Проектъ учрежденія подъ г. Кіевомъ «пригородка» для богомольцевъ и евреевъ.* Въ 1873 году главное россійское и международное коммиссіонерство «Указатель» предложило начальнику юго-западнаго края свои услуги по устройству подъ самимъ городомъ особаго новаго квартала «для богомольцевъ», а также и «евреевъ, не имѣющихъ права жительства въ Кіевѣ»...

Согласно проекту, въ пригородѣ въ распоряженіе временныхъ, случайныхъ обывателей предоставлялись особые рынки, бойни, водопроводы, уличное освѣщеніе, бани, больницы, общественный садъ.

По словамъ представителя агентства, городъ, такимъ образомъ, оказался бы огражденнымъ отъ наплыва богомольцевъ, которые, скопляясь, несомнѣнно производятъ загрязненіе городскихъ зданій и самой почвы, служа источникомъ «заражевія и безпорядковъ».

Что же касается высылаемыхъ изъ Кіева иногородныхъ евреевъ, то пригородъ, давая имъ въ стѣнахъ своихъ пріютъ, «соотвѣтствовалъ бы не только уваженіямъ человѣколюбія, но и экономическимъ....»

На проектѣ генералъ-губернаторомъ положена резолюція «оставить безъ вниманія».

---

4) *Переселеніе нѣмцевъ колонистовъ съ Волыни на Дунай.* Въ ноябрѣ 1879 года въ Новоградволынскѣ, во время призыва, въ одной корчмѣ царило необычайное оживленіе среди собравшихся за кружкою пива нѣмцевъ колонистовъ. Одинъ изъ нихъ, пришлый изъ Житомірскаго уѣзда, разглагольствовалъ о предстоящихъ распоряженіяхъ правительства, задумавшаго якобы поголовное выселеніе нѣмцевъ изъ юго-западнаго края на земли, отошедшія отъ Турціи къ Россіи. Намѣренія эти сдѣлались оратору доподлинно извѣстными, когда онъ въ качествѣ погонца, участвовалъ въ Русско-Турецкой кампаніи и прошелъ изъ конца въ конецъ Румынію и Болгарію.

Слухъ началъ быстро распространяться по уѣздамъ Новоградволынскому, Житомірскому и Острожскому, а въ началѣ февраля 1880 г. колонисты Оженина (Острожск. у.) выступили съ соотвѣтствующимъ ходатайствомъ уже предъ главнымъ начальникомъ края.

Губернаторъ, съ своей стороны, принялъ мѣры къ прекращенію толковъ, въ которыхъ, по его заключенію, нашла отголосокъ обсуждавшаяся германской печатью мысль о колонизаціи русскими подданными изъ нѣмцевъ земель между Дунаемъ и Балканами.

Сообщ. А. Мёрдеръ.

Текущія извѣстія.

25-тилѣтіе со дня смерти А. С. Аѳанасьева-Чужбинскаго. 6 сентября исполнилось 25 лѣтъ со дня кончины А. С. Аѳанасьева, извѣстнаго въ литературѣ подъ именемъ Аѳанасьева-Чужбинскаго. Сочувственная замѣтка по поводу смерти его помѣщена въ газетѣ «Одесскій

Листокъ» (№ 230) Ф. М—томъ, а также довольно обстоятельный біографическій очеркъ въ № 73 «Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» и въ «Правительственномъ Вѣстникѣ».

—

Состояніе могилы И. П. Котляревскаго. Въ свое время [1]) мы сообщали о печальномъ состояніи могилы И. П. Котляревскаго. Въ настоящее же время, какъ передаетъ «Кіевская газета» № 139, на южномъ углу стараго полтавскаго кладбища, гдѣ погребенъ прахъ Ивана Петровича Котляревскаго, въ началѣ нынѣшняго лѣта, на средства губернскаго земства поставленъ новый мраморный сѣрый, на гранитномъ фундаментѣ, памятникъ, взамѣнъ прежняго, поставленнаго въ 1869 году и пришедшаго уже въ значительное разрушеніе; самый памятникъ имѣетъ въ вышину около $2^1/_2$ арш. На памятникѣ сдѣланы слѣдующія надписи, приводимыя нами дословно:

1) «Будеш', батьку, панувати,
Поки живуть люде,
Поки сонце з'неба сяе
Тебе не забудуть».

2) «Іван Котляревский, перший украінський народний поэт».

3) «Родився року Божого 1769, почив' 1838».

4) «Коштом' Полтавского губернского земства».

Вокругъ памятника отведено небольшое для сквера мѣсто и обнесено приличною деревянною оградою.

—

Малорусская секція на международномъ медицинскомъ конгрессѣ въ Парижѣ. 2 августа въ Парижѣ, въ залѣ des Fêtes à de l'Exposition былъ открытъ международный конгрессъ, на который собралось нѣсколько тысячъ лицъ, причастныхъ къ медицинѣ.

Передъ открытіемъ конгресса Чехи созвали делегатовъ всѣхъ славянъ на общій совѣтъ по вопросу основанія всеславянскаго медицинскаго журнала или Revue. На этомъ предварительномъ собраніи оказались представители отъ всѣхъ славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ и отъ галицкихъ Русиновъ въ количествѣ нѣсколькихъ (6-ти) душъ, которые и составили, подъ предсѣдательствомъ доктора В. Сименовича, малорусскую секцію. Надъ дверями, гдѣ происходили засѣданія послѣдней, была надпись «Petite Russie». Всѣ постановленія малорусской секціи будутъ напечатаны въ отчетахъ конгресса.

---

[1]) Кіев. Стар. 1900 г., май, отд. текущ. извѣст., стр. 87.

Предварительное собраніе всѣхъ славянъ постановило: 1) издавать ежемѣсячный всеславянскій журналъ (Revue) на французскомъ языкѣ, въ которомъ должны помѣщаться резюме всѣхъ работъ, какія появятся гдѣ-либо на какомъ-либо изъ славянскихъ языковъ, 2) стараться постепенно вводить болѣе или менѣе во всѣхъ славянскихъ языкахъ общеславянскую терминологію и собирать, каждая нація сама по себѣ, свои собственные медицин. термины, изъ которыхъ впослѣдствіи можно было бы создать одну общую терминологію, 3) устраивать всеславянскіе медицинскіе съѣзды такимъ образомъ, чтобы каждый народъ могъ ихъ устраивать по собственной иниціативѣ; на нихъ будутъ приглашены иныя славянскія націи съ тѣмъ, что каждая нація будетъ говорить и реферировать на родномъ своемъ языкѣ.

При обсужденіи послѣдняго пункта др. Семерадъ предостерегалъ собравшихся, чтобы не случилось того, что произошло на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ съ малорусскимъ языкомъ.

Затѣмъ избраны изъ каждой народности по одному члену-корреспонденту въ упомянутое Revue; въ качествѣ такового для галицкихъ Русиновъ избранъ докторъ Евгеній Кобринськый, для Америки же—представителемъ всѣхъ славянъ конгрессъ избралъ доктора В. Сименовича. Корреспондентамъ также поручено заняться собираніемъ національной народной терминологіи. (Руслан, ч. ч. 169, 170).

—

Русинская художественная выставка во Львовѣ. 2 сентября во Львовѣ состоялось открытіе выставки произведеній русинской промышленности и искусства, главнымъ образомъ церковныхъ предметовъ: иконостасовъ, олтарей, иконъ, рѣзьбы и т. п. Среди множества художественныхъ произведеній обращаютъ на себя вниманіе небольшая деревянная статуя Богдана Хмельницкаго верхомъ на конѣ, портретъ Богдана Хмельницкаго—кисти Мыколы Ивасюка и друг. (Дѣло, ч. 201 и 207).

—

Открытіе новой русинской гимназіи. 21 августа въ Коломыѣ состоялось торжественное открытіе самостоятельной, третьей [1]) въ Галиціи, русинской мужской гимназіи. На торжествѣ произносились рѣчи на тему о необходимости братскаго единенія учащихъ и учащихся

---

[1]) Третьей—въ смыслѣ самостоятельности, т. к. существуетъ нѣсколько утраквистичныхъ гимназій, т. е. съ параллельнымъ преподаваніемъ на малорусскомъ и польскомъ языкахъ.

обѣихъ (русинской и польской) народностей, которыя должны помнить, что имъ въ жизни предстоитъ совмѣстная работа для общаго блага въ родной землѣ. (Gazeta Lwowska, № 206).

—

Дѣятельность Товарищества «Просьвіта» во Львовѣ. Львовское Товарищество «Просьвіта» въ настоящее время имѣетъ въ Галиціи 895 своихъ читаленъ (въ томъ числѣ 77 открыты въ текущемъ году). Новыхъ членовъ принято въ этомъ году въ Товарищество 961, со времени же основанія, т. е. за 32 года, «Просьвіта» имѣла 13,007 членовъ. (Буковина, ч. 100).

—

Цѣнный даръ университету св. Владиміра. Вдова камергера графиня Кассини пожертвовала Кіевскому университету библіотеку покойнаго своего отца, генералъ-адъютанта Д. Г. Бибикова, бывшаго кіевскаго, подольскаго и волынскаго генералъ-губернатора въ періодъ 1837—1852 годовъ. Библіотека эта заключаетъ 14000 томовъ и значительно обогатитъ библіотеку кіевскаго университета, которая вообще по числу книгъ и качеству ихъ принадлежитъ къ одному изъ наиболѣе крупныхъ книжныхъ собраній въ Россіи. («Историч. Вѣстникъ» № 8).

—

Цѣнный даръ одесской публичной библіотекѣ. Наслѣдники извѣстнаго одесскаго старожила и изслѣдователя исторіи Новороссіи А. А. Скальковскаго принесли въ даръ одесской публичной библіотекѣ почти всю библіотеку покойнаго. Въ числѣ подаренныхъ книгъ имѣется много цѣнныхъ и рѣдкихъ экземпляровъ. (Биржев. Вѣдом. № 240).

—

Украинская труппа во Львовѣ. Съ начала сентября во Львовѣ, въ залѣ общества «Gwiazda», даетъ спектакли украинская труппа товарищества «Рускоі Бесіди» подъ дирекціей Гриневецкаго. Судя по отзыву польской печати, труппа эта отлично сыгралась и къ тому-же обладаетъ несомнѣнными талантами. Составъ публики, посѣщающей спектакли въ большомъ количествѣ (нерѣдко не хватаетъ билетовъ), въ значительной степени пополняется польской интеллигенціей. До сихъ поръ труппа играла слѣдующія пьесы: «Ой не ходы, Грыцю, на вечерныци», «Чумакы» —Тобилевича, «Нещасне кохання» —драма Манька, «Учытель» —комед. Івана Франка, «Хата за селомъ» —драма, передѣлка изъ повѣсти Крашевскаго, оперетка «Цыганськый баронъ», драма Л. Толстого «Власть тьмы», «Запорожець за Дунаемъ», «За двома зайцямы» —Старицкаго, «Цыганка Аза», и др. (Дѣло и Gazeta Lwowska).

—

Предположенныя малорусскія изданія. Харьковское земство предполагаетъ издать нѣсколько брошюръ о заразныхъ болѣзняхъ на малорусскомъ языкѣ, для раздачи населенію. (Кіевск. Газ. № 272).

—

Шевченко на языкѣ будущаго. Шведскій журналъ «Esperato Linguo Internacia» (Будущій международный языкъ), выходящій въ Упсалѣ, помѣстилъ по словамъ «Руслана» (№ 280) въ №№ 6 и 7 три стихотворенія Шевченка въ переводѣ С. Свиридова на «будущій международный языкъ», а именно: «И широкую долыну, и высокую могылу» (Largan valon, altan tombon...), «Чого мени тяжко? Чого мени нудно»? (Kial mi suferas? Kial mi doloras?...) и «Не такъ тіи ворогы, якъ добріи люде»... Приводимъ послѣднее съ сохраненіемъ правописанія оригинала.

El Ševčenko.

Malamikaj estas bonaj
Pli ol «bonaj homoj»,
Kiuj vokas vin kunmangi
En gastamaj domoj.

Bedaurante ili trompas,
Kunplorante mokas,
Ili, por kondamni, ridi,
Konfesoп elvokas.

Malamikojn, iafoje,
Ne donas la sorto;
«Bonaj homoj» estas čie,
Ili do vin ne forgesos
Eč post via morto.

—

Безграничная любовь къ «ъ». Редакція газеты «Руслан», придерживающаяся, какъ извѣстно, фонетическаго правописанія, получила отъ одного изъ подписчиковъ слѣдующее письмо: «Прошу васъ, честный редактор, неприсилайте менѣ віенци ваших чиселъ бо менѣ віенци непотрѣбно затое вамъ дякую щомъ прочитавъ кôлка чиселъ я люблю читати твердѣ знаки я естем церковним пѣвцемъ Почтеніе Мое Соллогубъ Павло». (Руслан, ч. 208).

—

«Писня про Кытай». Редакціи газ. «Волынь» доставлена однимъ изъ народныхъ учителей нижеслѣдующая «писня про Кытай», «вылившаяся,—по его словамъ—изъ народной души».

Ой не дарма чорна хмара та дощу не мае,
Ой не дарма сонце ясне хмару осушае.
Ой не дарма по всимъ свити ходять тылиграмы;
Ой не дарма вже безъ коныв йиздять люде сами.
Свитъ велыкый, ниде дитысь, за землю сварятся.
Передъ нашымъ самъ Царь-Кытай ставъ вже велычаться,
Та поставывъ мирку маку, каже: пробачайте,
Ото стилько людей маю—хочете: счытайте.
Наши вынеслы цыбули: мирка—якъ въ Кытая.
Ой цыбуля гирка дуже—ребра посчытае!
Глянувъ Кытай на цыбулю, не считавъ—заплакавъ
И запросывъ прымыренья: шкода стало маку...

(Волынь, № 191).

—

Предполагаемыя публичныя лекціи въ Москвѣ. Бывшій учитель кишиневской женской гимназіи С. Кулябко въ теченіе 1900 года прочтетъ въ Москвѣ рядъ публичныхъ лекцій: «Шевченка, Пушкинъ, Бѣлинскій, Жизнь и поэзія Шевченко», «Два учителя полтавской гимназіи 50-хъ годовъ—Стровинъ и Поллевичъ», «Фонетика русской азбуки и звуковой методъ обученія русской грамотѣ», «19 февраля и 5 марта 1861 г.» и др. (Одесск. Листокъ, № 230).

Библіографія.

Maryan Dubiecki. *Kudak, twierdza kresowa i jej okolice. Monografia historyczna, nagrodzona przez Akademię Umiejętności w Krakowie. Wydanie nowe, przejrzane i powiększone. Warszawa, 1900. (Пограничная крѣпость Кудакъ и ея окрестности. Стр. 154).*

Г. Дубецкій выступилъ въ исторической литературѣ съ нѣсколькими очерками, посвященными, между прочимъ, исторіи Южной Руси и, въ частности, Запорожья. Не задаваясь суровыми изысканіями въ области нашей стороны, авторъ видимо заботится о доступности для широкихъ круговъ читателей и, по мѣрѣ силъ, стремится выказать безпристрастіе, но это безпристрастіе, такъ сказать, cum grano salis. Упругіе факты исторіи видимо наклоняютъ автора къ соблюденію мѣры, но наряду съ фактами остается еще широкое поле для исторической декламаціи, область которой, по существу безграничная, въ достаточной мѣрѣ разрабатывается и г. Дубецкимъ. Съ легкой руки блестящаго Шайнохи, у нѣкоторыхъ историковъ явился родъ недуга—разыгривать цѣлыя симфоніи на тему о «добыткахъ польскаго плуга» на нашемъ югѣ, «объ очагахъ западно-европейской цивилизаціи», которые создавались тамъ въ оныя времена благодаря шляхетской колонизаціи, и о тому подобныхъ неблагодарныхъ сюжетахъ.

Нелишенные интереса образчики такой декламаціи встрѣчаемъ кое-гдѣ и въ монографіи г. Дубецкаго. Первое изданіе ея вышло болѣе 20 лѣтъ назадъ къ юбилею Крашевскаго. Нынѣ авторъ дополнилъ свой очеркъ нѣкоторыми новыми подробностями на основаніи рукописныхъ источниковъ. Главный изъ нихъ—рукопись ягеллонской

библіотеки въ Краковѣ подъ № 90, гдѣ приведенъ актъ капитуляціи Кодака въ 1648 году и формула присяги полковника Максима Нестеренка.

Авторъ излагаетъ судьбы Кодака въ связи съ общей характеристикой исторической обстановки, добавляя къ этому меланхолическія свои размышленія. Послѣднія далеко не вяжутся съ приводимыми фактами.

Дѣло обстоитъ такъ.

Въ 1635 г. шляхетская олигархія, изъ страха передъ угрозами Турціи, рѣшается ассигновать деньги на постройку крѣпости у Кодацкаго порога на Днѣпрѣ, чтобы доканать козаковъ, обезсилить Запорожье и не допускать набѣговъ на турецкія владѣнія по берегамъ Чернаго моря, пока эти набѣги не признаны будутъ удобными. Ни одна польская крѣпость не сооружалась съ такой быстротой и энергіей, какъ Кодакъ: въ глазахъ сейма она была залогомъ окончательнаго пригнетенія козачества. Великій гетманъ коронный Стан. Конецпольскій до конца дней своихъ посвящалъ крѣпости особое вниманіе и не щадилъ средствъ на ея устройство и оборудованіе. Исполнено было сооруженіе подъ руководствомъ извѣстнаго франко-польскаго инженера Боплана. Первый гарнизонъ былъ сформированъ изъ нѣмецкихъ драбантовъ, прошедшихъ знаменитую школу въ бояхъ 30-лѣтней войны, губернаторомъ назначенъ французскій кондотьеръ Маріонъ, при немъ комиссаромъ шляхтичъ Шіялковскій (или Пшіялговскій), фигура въ стилѣ извѣстнаго Чаплинскаго.

Важную миссію свою этотъ избранный гарнизонный персоналъ открылъ военными дѣйствіями, но не противъ татаръ или бунтовщиковъ, а противъ рыболововъ, звѣролововъ и монаховъ. Добычи на правомъ берегу было мало, пустыня не вознаграждала драбантовъ, и они тотчасъ-же обратили свои взоры на лѣвый берегъ, гдѣ по р. Самарѣ издавна осѣли хуторами козацкіе рыболовы и звѣроловы, гдѣ процвѣталъ самарскій монастырь, съ «шпиталемъ» для престарѣлыхъ козаковъ и школой для козацкихъ дѣтей. Земля эта, по выраженію мѣстной хроники, была «добре гарна», и тотчасъ пошли запреты въ дѣлѣ пользованія давними «уходами». Навѣдываясь на благословенную Самару, вѣроятно подъ предлогомъ надзора и водворенія порядка, драбанты учинили разбойное нападеніе на монастырь, захватили уже добычу. Но монахи защищались съ оружіемъ въ рукахъ, добыча отбита, немало разбойниковъ пало въ бою, комиссаръ Шіялковскій взятъ

въ плѣнъ, повѣшенъ на полѣ доблестной брани и тамъ же насыпана надъ нимъ могила.

Этотъ разбой былъ прелюдіей къ штурму Кодака въ томъ-же 1635 г. козацкимъ атаманомъ Сулимою, который за это погибъ на плахѣ въ Варшавѣ, послѣ того какъ реестровые козаки отобрали крѣпость отъ низовыхъ. Послѣ штурма Сулимы нѣмецкій гарнизонъ вырѣзанъ, комендантъ Маріонъ разстрѣлянъ.

Къ осени 1637 г. крѣпость была возстановлена въ лучшемъ видѣ гетманомъ, гарнизонъ усиленъ, комендантомъ и комиссаромъ назначены шляхтичъ Жолтовскій и гетманскій родичъ Адамъ Конецпольскій. Съ Жолтовскимъ явились въ Кодакѣ и оо. доминикане,—колонизаторъ-шляхтичъ не показывался въ этомъ суровомъ и опасномъ краѣ, а козацкіе хутора и уходы по Самарѣ еще не нуждались въ этомъ колонизаторѣ, управлялись безъ него и боролись съ крымцами своими средствами. Доминикане явились съ цѣлью обращать еретиковъ въ истинную вѣру, получили отъ короля пожалованіе на обширныя земли для заселенія «людьми», построили сперва каплічку за крѣпостными валами, а въ 1643 г. уже завели монастырь. Ихъ пришло съ Жолтовскимъ два или три, но къ 1648 г. ихъ было немало, судя по т. наз. «Яцковымъ могиламъ», гдѣ были схоронены они послѣ избіенія козаками. Послѣ Жолтовскаго явились начальствовать въ крѣпости еще два Конецпольскихъ—Яковъ (погибъ въ стычкѣ съ татарами) и Александръ, и губернаторъ Криштофъ Гродзицкій, полковникъ артиллеріи, воякa гнѣзда Валленштейнова. Гродзицкій завелъ въ крѣпости суровую гарнизонную дисциплину, но грабежи драбантовъ, по догадкамъ нашего автора, продолжались, козацкіе хутора и пасѣки страдали, скотъ крали. Вел. Коронный гетманъ развилъ на козацкомъ Низу цѣлую систему шпіонства. Словомъ, обстановка была такова, что нашъ авторъ, отдавая дань безпристрастію, долженъ сознаться, что Кодакъ не могъ стать очагомъ европейской цивилизаціи и былъ простымъ военнымъ таборомъ, вокругъ котораго кипѣло море народной злобы и ожесточенія. Чтобы смягчить тяжкій колоритъ этой картины военнаго гнета, близорукаго и безсмысленнаго, авторъ догадывается, что кодацкій гарнизонъ оборонялъ страну отъ татаръ. Однако, объ этомъ что-то не слышно, хотя въ крѣпость нерѣдко являлись шляхетные гости и, конечно, не преминули-бы разсказать о подвигахъ драбантовъ. За то есть прямое указаніе

что у козаковъ отбирали татарскій полонъ, и надо думать, что это дѣлалось не въ интересахъ человѣколюбія.

Въ мартѣ 1646 г. умеръ Стан. Конецпольскій, создатель Кодака, и крѣпость потеряла своего покровителя, который мечталъ объ изгнаніи татаръ изъ Крыма, но мысль свою думалъ выполнить путемъ низведенія козачества на степень рабской касты. Поселокъ за крѣпостными валами развивался туго, созданіе «оазиса цивилизаціи» не удалось, крѣпость окружена была пустыней, полной угрозъ и засадъ. Припасы доставлялись по Днѣпру байдаками изъ кіевскаго полка. «Panowie Odrzychłopscy», въ родѣ Іереміи Вишневецкаго, появлялись сюда лишь погостить, но «слободъ» не закладывали: не было надлежащаго матеріала.

Послѣ бунта реестровыхъ въ Каменномъ Затонѣ и желтоводскаго пораженія Стеф. Потоцкаго началась долгая и тяжкая для козаковъ осада Кодака по приказу Хмельницкаго. Гродзицкій защищался храбро, но помощи не было, и въ концѣ августа 1648 г. онъ долженъ былъ сдаться козацкому полковнику Максиму Нестеренку. Гарнизонъ частью перебитъ, частью уведенъ въ плѣнъ, гдѣ также погибло немало въ страшныя годины 1649 г.

На основаніи одной рукописной замѣтки авторъ утверждаетъ, что Гродзицкій сдался Нестеренку на почетныхъ условіяхъ: козаки обязались присягою не только никого не брать въ плѣнъ, но даже доставить освобожденный гарнизонъ въ безопасное мѣсто подъ своимъ конвоемъ, дать пропитаніе въ дорогѣ, отослать шумейковъ и волошенковъ полки, а при гарнизонѣ долженъ былъ остаться только Нестеренко съ 200 человѣкъ, и пр. Выходитъ, что козаки, избивая или уводя плѣнниковъ въ Чигиринъ, нарушили присягу.

Возможно, что такъ и было. Нарушеніями присяги и требованій человѣколюбія полна исторія того жестокаго времени, предательство встрѣчалось не только въ козацкомъ, но, не менѣе того, и въ польскомъ лагеряхъ: гдѣ чаще—еще вопросъ. Однако, обсуждая данный случай, надо имѣть въ рукахъ точныя данныя. Документы, приводимые авторомъ (стр. 145—148), не могутъ имѣть значенія достовѣрнаго свидѣтельства. Они помѣщены въ какой-то современной реляціи въ видѣ копіи. Что это за реляція—изъ книги г. Дубецкаго не видно, документъ не описанъ, даже не датированъ, безъ подписей. На такомъ свидѣтельствѣ нельзя основываться. Правда, Янъ Казиміръ въ 1649 г. упрекалъ Хмельницкаго за задержку плѣнныхъ вопреки при-

сягѣ, но извѣстно, что Хмельницкій и отпускалъ плѣнныхъ, которые не были перебиты въ свалкахъ; даже Янъ Казиміръ не обвинялъ Хмельницкаго или Нестеренка въ вѣроломномъ избіеніи кодацкихъ плѣнниковъ. Ясно, что вопросъ этотъ не разрѣшается такъ просто, какъ это дѣлаетъ г. Дубецкій. Гораздо лучше было-бы издать цѣликомъ цитируемую реляцію и описать весь документъ, который можетъ оказаться лишь проектомъ—или апокрифомъ.

Таковы основные факты, которые можно извлечь изъ монографіи г. Дубецкаго. Большинство ихъ не новость, но есть черточки неизвѣстныя доселѣ и не лишенныя интереса. Къ сожалѣнію, авторъ не можетъ удержаться отъ декламаціи. Онъ признаетъ, напримѣръ, что тогдашніе правящіе польскіе круги отнюдь не задавались колонизаціонными планами, что колонизація шла сама собою помимо центральнаго правительства, двигалась народной массой, за которою гнался на окраины поработитель—шляхтичъ. И тутъ же рядомъ встрѣчаются въ книгѣ пространныя разглагольствованія о культурныхъ завоеваніяхъ польскаго плуга, о высокихъ цивилизующихъ началахъ, которыя якобы стремилась насадить шляхта въ темной и грубой народной массѣ, и пр. и пр. Сопоставленіе такихъ лирическихъ отступленій съ голыми фактами, изложенными въ книгѣ, производитъ прямо таки комическое впечатлѣніе. Если это не юморъ или иронія, то прямо не знаешь какъ понимать, напр., заключительныя слова монографіи г. Дубецкаго: «Послѣ взятія Кодака Нестеренкомъ, дальнѣйшая историческая судьба уже лишила Польшу возможности ширить въ этомъ одичаломъ краѣ работу польскаго плуга, а съ нею и благодѣянія цивилизаціи... Всѣ лучшія вліянія, какія привнесла туда Рѣчь Посполитая на протяженіи вѣковъ, погибли за время братоубійственной борьбы Хмельницкаго»...

Ржавый тотъ плугъ и убога та культура, которой можно преподносить такое testimonium paupertatis, какъ вся монографія г. Дубецкаго въ ея фактической части.

Н. М.

Записки наукового Товариства імени Шевченка., т. т. XXXI—XXXII. *Львів, 1899 р., кн. V и VI.*

Означенный двойной томъ этого цѣннаго періодическаго изданія содержитъ въ себѣ одни лишь рефераты членовъ наукового То-

варіства імени Шевченка, предназначавшіеся на XI археологическій съѣздъ въ Кіевѣ въ минувшемъ году, но не доложенные съѣзду по причинамъ, извѣстнымъ хорошо читателямъ «Кіевской Старины». Ознакомившись съ содержаніемъ лишь этого тома, заключающаго статьи и изслѣдованія по археологіи, исторіи и этнографіи, и принимая во вниманіе, что въ спеціальномъ XXXV—XXXVI томѣ будутъ помѣщены изслѣдованія по исторіи литературы и языку, не считая еще рефератовъ, которые не попадутъ въ оба спеціальные томы и будутъ помѣщены и въ другихъ,—можемъ безъ преувеличенія сказать, что минувшій съѣздъ много потерялъ, будучи лишенъ возможности ознакомиться съ весьма солидными научными трудами галицкихъ ученыхъ.

Какъ уже упомянуто, настоящій томъ заключаетъ статьи по археологіи, исторіи и этнографіи. Такъ какъ читатели «Кіев. Стар.» знакомы уже съ содержаніемъ рефератовъ по археологіи, [1])—то намъ приходится говорить лишь объ остальныхъ. Изъ изслѣдованій по исторіи прежде всего остановимся на *«Суспільні верстви та політичні партиі в Галицькім князівстві до половини XIII століття»—Д-ра Мирона Кордуби.* Справедливо указавъ на тотъ фактъ, что внутреннія отношенія въ Галицкомъ княжествѣ донынѣ оставлялись историками въ сторонѣ, авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію состава общественныхъ слоевъ и ихъ взаимоотношеній въ упомянутомъ княжествѣ: бояръ и простого населенія—невольниковъ, крестьянъ и мѣщанъ, обративъ особенное вниманіе на первыхъ, какъ на элементъ, имѣвшій наибольшее значеніе въ исторической жизни Галицкаго княжества того времени. Хорошо изложены:—постепенный переходъ дружины—военной единицы въ земельную аристократію, пріобрѣтеніе ею бо́льшаго политическаго значенія въ княжествѣ въ эту новую эпоху, возникновеніе двухъ партій среди бояръ—династической (демократической) и оппозиціонной (аристократической), ихъ вліяніе на внутреннюю исторію въ первой половинѣ XIII ст. Переходя къ другимъ общественнымъ единицамъ,—авторъ немного говоритъ о политической жизни крестьянъ, гораздо болѣе о таковой-же—мѣщанъ, сыгравшихъ немаловажную роль въ исторіи галицкаго княжества, и, наконецъ, остановившись на опредѣленіи значенія княжеской власти, разсматриваетъ административные порядки въ Галиціи, перечисляетъ княжескихъ чиновниковъ во всѣхъ сферахъ государственной жизни, из-

[1]) Археологическая лѣтопись, мартъ, стр. 197—201.

лагаетъ финансовое состояніе княжества и заканчиваетъ изслѣдованіе свое указаніемъ на составъ войска и его способы вооруженія.

Не смотря на нѣкоторыя рискованныя утвержденія автора, какъ напр. установленіе различія между терминами «бояре» и «галицкіе мужи» и другія мелочи, трудъ его можетъ служить важнымъ подспорьемъ для изслѣдователей нашего отдаленнаго историческаго прошлаго.

Далѣе слѣдуетъ небольшая статья проф. М. Грушевскаго *«До питання про правно-державне становище Київських князів XV в.»* Авторъ приводитъ два любопытныхъ документа, найденные имъ среди позднѣйшихъ документовъ Русской Метрики Московскаго архива Министерства Юстиціи, проливающихъ новый свѣтъ на невыясненный донынѣ вопросъ о положеніи кіевскихъ князей династіи Владиміра Ольгердовича на столѣ давняго русскаго политическаго центра. До сихъ поръ въ исторической литературѣ господствовалъ тотъ взглядъ, что эти князя, а въ особенности Олелько Владиміровичъ, «распоряжались въ странѣ, какъ полноправные владыки», взглядъ, основанный на томъ, что Олелько титулуетъ себя «государемъ—отчичемъ» кіевскимъ, раздаетъ земли монастырямъ и служилымъ князьямъ. Найденные проф. Грушевскимъ документы: наказъ в. кн. Казиміра Олельку Владиміровичу, отъ 19 мая 1453 г.—вернуть Ивашку Юршиному сыну его «отчину», и подтвержденіе владѣльческихъ правъ Ивашка Юршиного сына на его имѣнія въ Кіевщинѣ, отъ 21 сентября 1453 года, ясно свидѣтельствуютъ, что до-нынѣшній взглядъ на кіевскихъ князей Володиміричей, какъ на совершенно самостоятельныхъ властителей—ошибоченъ: категорическій, безцеремонный наказъ великаго князя кіевскому князю въ сферѣ чисто мѣстныхъ кіевскихъ отношеній и утвержденіе въ правахъ кіевскаго земянина помимо кіевскаго князя доказываютъ, что послѣдніе небыли самостоятельными владыками и во внутреннихъ дѣлахъ своей земли находились въ зависимомъ отношеніи отъ великаго князя, ограничивавшаго власть ихъ въ сильной степени.

Слѣдующее довольно крупное изслѣдованіе принадлежитъ Стефану Рудницкому *«Руські землі польської корони при кінці XV в.* Ворожі напади й організація пограничної оборони». Авторъ поставилъ цѣлью разсмотрѣть исторію организаціи пограничной обороны земель короны польской въ послѣдніе годы XV ст. Раздѣляя ее на два періода, первый изъ нихъ онъ опредѣляетъ временемъ отъ XV до вто-

рой половины XVI в., а второй—отъ половины XVI до XVIII в. Коренная разница между тѣмъ и другимъ заключается въ томъ, что въ первый періодъ польское государство, еще достаточно могущественное, принимало въ большой степени участіе въ оборонѣ русскихъ пограничныхъ земель, между тѣмъ какъ со второй половины XVI в., съ упадкомъ силы и энергіи польскаго государства, роль охранителей взяли на себя вельможи (воеводы, каштеляны, старосты), лично заинтересованные въ сохраненіи мира и спокойствія въ своихъ владѣніяхъ. Въ данной статьѣ авторъ подробно разсматриваетъ событія, происшедшія на червонорусскомъ и подольскомъ пограничьяхъ лишь въ самомъ концѣ XV ст.—въ 1498 и 1499 гг., и кромѣ того—организацію пограничной обороны въ этихъ краяхъ, преимущественно на основаніи новоизданныхъ актовъ. Въ первой части своего труда, послѣ краткаго обзора политическихъ отношеній ю.-в. Европы во второй половинѣ XV ст., надлежащимъ образомъ излагаются обстоятельства, сопровождавшія страшный турецко-татарскій набѣгъ 1498 года, разорившій до тла червонорусскія земли, событія 1498 года на червонорусскомъ и подольскомъ пограничьяхъ, набѣгъ 1499 года; во второй—излагается система организаціи пограничной обороны, при чемъ оказывается, что, въ зависимости отъ природныхъ и общественныхъ отличій восточной части русскихъ земель отъ западной, и система пограничной обороны въ нихъ выработалась иная. Въ то время, какъ на Червоной Руси пограничную службу несутъ наемные жолнѣры и туземная шляхта, которую необходимо всегда побуждать,—въ восточной Подоліи охрана производилась при помощи туземнаго населенія,—шляхтичей, мѣщанъ и крестьянъ,—окозачившагося благодаря постоянному пребыванію подъ дамокловымъ мечемъ. Такимъ образомъ, и происхожденіе козачества, по мнѣнію автора, можетъ быть объяснено именно этими историческими условіями жизни въ восточной части украинныхъ земель. Въ концѣ своего изслѣдованія авторъ останавливается на организаціи наемнаго войска, его боевой цѣнности и, наконецъ, на оборонной системѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. на размѣщеніи войска и расположеніи въ то время на пограничьи замковъ, пребывавшихъ, благодаря нерадѣнію старостъ, въ весьма печальномъ состояніи.

Вообще-же авторъ, близко ознакомившись съ даннымъ вопросомъ, признаетъ, что состояніе оборонной системы въ описываемое имъ время производитъ непріятное, тяжелое впечатлѣніе организація обороны

носитъ характеръ какой-то новизны, неоконченности и непригодности; правительство, хотя еще достаточно могущественно и старается все централизировать, не въ состояніи ничего поділать. Когда же затѣмъ дѣло обороны взяли въ свои руки вельможи и берегли при этомъ только свои интересы, отношенія немного исправились лишь съ развитіемъ козачества. Но никогда въ Польшѣ не выработались пограничная оборона до той степени, чтобы соотвѣтствовать дѣйствительно своей задачѣ...

Изслѣдованіе это, представляющее вообще большой интересъ по самой темѣ, разработанной въ немъ, пріобрѣтаетъ еще большую цѣнность благодаря выясненію внутреннихъ сторонъ жизни украинскаго населенія въ весьма любопытный моментъ—въ моментъ зарожденія такого важнаго общественнаго явленія, какъ козачество.

Не менѣе цѣнной является и слѣдующая затѣмъ статья проф. М. Грушевскаго «*Матеріяли до історії козацьких рухів 1590-хъ рр.*» Занимаясь въ архивѣ Министерствѣ Юстиціи въ Москвѣ, проф. Грушевскому удалось отыскать въ книгахъ Русской Метрики цѣлый рядъ документовъ 1595—1598 гг., связанныхъ съ движеніемъ Лободы и Наливайка—преимущественно акты королевскаго суда по дѣлу о конфискаціи имущества участниковъ въ козацкомъ движеніи. Добавивъ къ нимъ еще нѣсколько документовъ, смежныхъ по времени, хотя и не относящихся непосредственно къ упомянутому движенію, авторъ такимъ образомъ обогатилъ историческую науку важнымъ матеріаломъ для исторіи козацкаго движенія 1590-хъ г. г., а еще болѣе—для уясненія вообще возникновенія козачества.

Среди приведенныхъ документовъ находится королевское пожалованіе Станиславу Жолкевскому Барышполя и Горошина, въ которомъ между прочимъ оказывается очень важное, очевидно на основаніи реляцій самого Жолкевскаго составленное, изложеніе событій 1596 г., въ частности, битвы у Бѣлой-Церкви и подъ Лубнами. Приводятся нѣкоторыя весьма интересныя подробности о главныхъ предводителяхъ движенія. Такъ, напр. видимъ, что Лобода находился въ близкихъ сношеніяхъ съ кіевскими монастырями, пряталъ въ нихъ какъ говорили, свое имущество; вообще же изъ приводимыхъ документовъ явствуетъ, что онъ былъ богатый человѣкъ. Шаула (а не Саула) повидимому происходилъ изъ черкасскихъ мѣщанъ и также былъ довольно состоятельный человѣкъ; между предводителями находился также и Полоусъ, впослѣдствіи представитель радикальной

партіи козачества; видимъ, что за участіе въ возстаніи обвиняли даже нѣкоторыхъ шляхтичей и среди нихъ такое замѣтное лицо, какъ Матвѣя Немирича, сына кіевскаго земскаго судьи; наконецъ видимъ, что возстаніе вызвало многочисленныя конфискаціи: конфискованъ козацкій Трахтемировъ, движимое и недвижимое имущество Лободы, Шаулы и другихъ лицъ, замѣшанныхъ въ возстаніи, а процессы о конфискаціи тянулись болѣе года.

Таковы любопытныя подробности, касающіяся исторіи самого движенія. Но гораздо важнѣе данныя, выясняющія общественное и экономическое положеніе участниковъ возстанія и бросающія новый свѣтъ на современное козачество. Прежде всего констатируется весьма любопытный фактъ—существованіе среди современнаго козачества крупныхъ владѣльцевъ (въ концѣ XVI в. можно насчитать около 10 владѣльцевъ крупныхъ маетностей, какъ напр. Григорій Лобода, гетманъ Шаула, Гришко Халецькій и др.); при томъ многіе изъ нихъ были не nullo jure possidentes въ глазахъ правительства, но обладали королевскими привилегіями. Такимъ образомъ и на Поднѣпровьи мы видимъ среди козачества немалочисленный и со значеніемъ элементъ землянъ—аналогичный съ тѣмъ мелкимъ земляньствомъ, изъ котораго вербовалось козачество на Побожьи. Существованіемъ козаковъ—землянъ объясняются сношенія, существовавшія, въ дѣйствительности или по слухамъ, между козачествомъ и болѣе видными представителями украинскаго шляхетства (напр., Лободы съ Семеномъ Бутовичемъ, кіевскимъ войскимъ; Немирича съ козаками [1]).

Другой общественный классъ, который мы замѣчаемъ среди козаковъ, но, конечно, значительно болѣе многочисленный, это мѣщане. Извѣстенъ фактъ тѣсной связи съ козачествомъ мѣщанъ Канева и Черкасъ въ XVI и XVII в., тѣсной до того, что трудно было поставить границу между тѣми и другими. Теперь вновь открытые документы и единичный, напечатанный г. Истоминымъ, [2]) даютъ возможность утверждать о существованіи козачества и среди кіевскаго мѣщанства.

---

[1]) Въ подтвержденіе правоподобности такихъ сношеній можемъ сослаться на неопубликованный еще документъ въ Liber inscriptionum grodu Camieneckiego, № 3616, хранящейся въ Кіевск. Центр. Архивѣ, изъ котораго можно заключить о тѣснѣйшихъ сношеніяхъ Андрея Тарановскаго, извѣстнаго польскаго дипломата, съ Наливайкомъ.

[2]) Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора Лѣтописца, т. XII, стр. 28.

Такимъ образомъ, отмѣченные выше факты связи козачества съ мѣстнымъ мѣщанствомъ и шляхтою, снова, повидимому, подтверждаютъ высказанное уже и раньше г. Грушевскимъ мнѣніе, что козачество въ самомъ началѣ явилось результатомъ не столько соціальныхъ, сколько колонизаціонно-хозяйственныхъ причинъ, что оно первоначально не составляло особаго сословія, а было лишь занятіемъ, подобно, напр., чумачеству въ XVIII и XIX в. в., и что только со временемъ оно вырабатывается въ особое сословіе, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ идеи козацкаго иммунитета. [1])

Весьма солиднымъ научнымъ изслѣдованіемъ является также и трудъ Стефана Рудницкаго *«Українські козаки в 1625—30 р. р.»*, въ которомъ авторъ задался цѣлью подобрать и детально разсмотрѣть факты изъ внѣшней исторіи козачества въ 1626—1630 г. г.

Послѣ общаго обзора различныхъ источниковъ, относящихся къ эпохѣ, которую авторъ подраздѣляетъ на три періода, послѣдній переходитъ къ детальному разбору историческихъ событій въ означенный періодъ времени. Первый періодъ, отъ куруковскаго договора и до весны 1628 г., гетманство Дорошенка — имѣлъ довольно мирный характеръ. Новый гетманъ, достойный преемникъ Сагайдачнаго, составляетъ, не встрѣчая противодѣйствія, реестръ; «выписчики», еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ неудачи, не предпринимаютъ ничего особенно важнаго противъ правительства и даже, по приглашенію послѣдняго, участвуютъ въ шведской войнѣ. Партійная ненависть между реестровыми и выписчиками повидимому улеглась. Дорошенко можетъ безпрепятственно оказывать помощь польскимъ войскамъ въ дѣлѣ обороны границъ отъ татаръ и, между прочимъ, благодаря участію реестровыхъ, способствовалъ Бѣлоцерковской побѣдѣ. Взаимныя отношенія польскаго правительства и козаковъ въ теченіе всего этого періода были наилучшія, какъ никогда впослѣдствіи. Но такой порядокъ вещей не могъ быть проченъ вслѣдствіе ненормальнаго положенія козаковъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ. Въ силу того, что козачество являлось какъ бы status in statu, его втягивали или, по крайней мѣрѣ, старались втянуть въ свою политику сосѣднія страны. Въ означенный періодъ, въ 1626 году, козаковъ прежде всего старались перетя-

[1]) Т. е., что козакъ со своимъ грунтомъ исключается изъ сферы административнаго воздѣйствія и всякой обычной судебной или административной компетенціи.

нуть на свою сторону Швеція и князь семиградскій, но безуспѣшно: козаковъ значительно больше интересовали болѣе близкія дѣла: постройка турецкихъ крѣпостей въ Днѣпровскихъ гирлахъ и борьба за престолъ въ Крымѣ. Первое обстоятельство до того озлобляетъ козаковъ, что весной 1628 г. козаки по просьбѣ калги Шагинъ-гирея, устремляются въ Крымъ, уничтожаютъ турецкія крѣпости, хотя походъ въ общемъ оказался неудаченъ; въ немъ, между прочимъ, палъ и Дорошенко. Съ этого момента начался второй періодъ, періодъ агрессивныхъ дѣйствій козачества. Возникаетъ прежняя борьба партій. Партія лойяльныхъ избираетъ гетманомъ Гришка Чорного, который вскорѣ становится непопулярнымъ у выписчиковъ. Реестровые и выписчики предпринимаютъ два похода въ Крымъ, но оба неудачно. Выписчики совершенно отказываютъ въ повиновеніи реестровому гетману, избираютъ въ Запорожьѣ гетманомъ Тараса Трясыла и начинаютъ открытую агитацію противъ лойяльной партіи. Второй періодъ оканчивается въ разгарѣ партійной войны.

Третій періодъ обнимаетъ 1630 годъ и козацкое возстаніе. Борьбу начинаютъ козаки сами. Причиной послужилъ прежде всего гнетъ народа со стороны коронныхъ войскъ, расположившихся постоемъ на Украинѣ, а затѣмъ распространившіеся въ народѣ слухи о томъ, что правительство имѣетъ враждебныя намѣренія противъ православія. Къ этому присоединился еще и безтактный поступокъ Грыцька, который, чтобы отомстить своимъ противникамъ, вычеркнулъ ихъ изъ реестра. Выписчики являются съ Тарасомъ на Украину и, соединившившись съ большинствомъ реестровыхъ, производятъ нападеніе на польскія хоругви. Конецпольскій выступаетъ противъ возставшихъ съ коронным войскомъ; послѣднее окапывается подъ Переяславомъ. Битвы, происходившія здѣсь, были въ большинствѣ случаевъ несчастливы для поляковъ. Но партійные раздоры помогли Конецпольскому заключить съ козаками переяславскій договоръ, и послѣдніе снова подчиняются постановленіямъ Куруковскаго договора, хотя въ деталяхъ переяславскаго есть немного оффиціальныхъ уступокъ, а дальнѣйшіе затѣмъ факты указываютъ еще на множество неоффиціальныхъ.

Таково содержаніе этого весьма интереснаго изслѣдованія. Давая надлежащее освѣщеніе многимъ оставляемымъ донынѣ изслѣдователями въ сторонѣ фактамъ изъ указанной, въ высшей степени любопытной, эпохи въ исторіи украинскаго козачества, авторъ привнесъ своимъ

трудомъ немало новаго благодаря тому обстоятельству, что обратилъ особое вниманіе на взаимоотношеніе партій внутри козацкой массы, чѣмъ и обусловливались въ извѣстное время тѣ или иныя послѣдствія въ соціально-политической жизни козачества.

Этнографическій отдѣлъ въ разсматриваемыхъ нами томахъ «Записокъ» представленъ двумя статьями: «*Останки комуністичного устрою у галицьких Бойків—Верховинців*,—д-ра Володимира Охримовича и «*Словацький опришок Яношік в народній поезії*,—Володимира Гнатюка. Въ первой изъ упомянутыхъ статей—авторъ, будучи хорошо ознакомленъ съ бытомъ Бойковъ—Верховинцевъ, живущихъ въ Карпатскихъ горахъ, въ Скильщынѣ и Долынщинѣ (надъ истоками Свичи и надъ Опоромъ, притокомъ Стрыя), собралъ нѣкоторыя, довольно интересныя, переживанія архаическаго коммунизма въ ихъ обычаяхъ и воззрѣніяхъ, хозяйственномъ, общественномъ и юридическомъ быту. Этотъ первобытный коммунизмъ сохранился тамъ, по словамъ автора, въ двоякой формѣ; 1) общественной и 2) родовой, въ доказательство чего авторъ приводитъ факты изъ настоящаго и недавно минувшаго быта упомянутыхъ Бойковъ. Не касаясь вопроса вообще о возможности сохраненія въ чистомъ видѣ переживаній первобытнаго коммунизма до нашего времени, мы полагали бы рискованнымъ признать справедливость за нѣкоторыми изъ приведенныхъ фактовъ въ доказательство положенной авторомъ въ основѣ его работы тенденціи. Обыкновенное явленіе: непризнаваніе частной, индивидуальной собственности на лѣсъ и воду, свободная порубка дерева, свободная охота, рыболовство, собираніе грибовъ, орѣховъ, ягодъ и т. п., сплошь и рядомъ встрѣчающееся и у насъ, и повсюду, гдѣ народъ не дорось до сознанія правъ своей и чужой личности и собственности,—врядъ ли можно считать «остаткомъ, первобытнаго коммунизма въ формѣ собственности и въ способѣ продукціи».

Что же касается изслѣдованія г. Гнатюка, то авторъ, обрисовавъ вкратцѣ характеръ опрышництва, существовавшаго уже въ XVI ст., переходитъ къ изображенію личности наиболѣе славнаго словацкаго опрышка Яношика, жившаго въ началѣ XVIII в., равнаго по значенію гуцульскому Довбушу и украинскому Кармелюку, славнаго въ особенности тѣмъ, что онъ сталъ героемъ народныхъ пѣсенъ и разсказовъ не только словацкихъ, но малорусскихъ и польскихъ. Очертивъ личность и всю жизнь Яношика на основаніи актовъ судебнаго процесса и данныхъ народной поэзіи, авторъ указываетъ на три цикла

балладъ, связанныхъ съ именемъ Яношика. Вообще же фактъ прибытія малорусскихъ варіантовъ о Яношикѣ изъ Словаччины имѣетъ, по мнѣнію автора, немаловажное значеніе, свидѣтельствуя еще объ одномъ пути, по которому прибывали къ намъ западныя пѣсни вообще, а западно-славянскія—въ частности.

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 8; 2) Русская Старина, № 9; 3) Историческій Вѣстникъ, № 9; 4) Журналъ Министерства Народн. Просвѣщ., № 9; 5) Вѣстникъ Европы, № 9; 6) Русская Мысль, №№ 9; 7) Русское Богатство, №№ 3—8; 8) Этнографическое Обозрѣніе, № 1; 9) Научное Обозрѣніе, № 9; 10) Русская Школа, № 7—8; 11) Земскій Сборникъ Черниг. губ., № 6; 12) Книжки Восхода, № 8; 13) Извѣстія Имп. Русск. Географическаго Общества, № 1; 14) Літературно-Науковий Вістник, № 9; 15) Ateneum, № 9; 16) Biblioteka Warszawska, № 9; 17) Przewodnik naukowy y literacki, № 9.

Историческій Вѣстникъ № 9.

М. А. Щепкинъ. Воспоминанія о М. С. Щепкинѣ. (стр. 798—824). Окончаніе).

Воспоминанія о знаменитомъ артистѣ, къ сожалѣнію, не представляютъ ничего новаго, такъ какъ все это можно найти въ книгѣ «Записки и письма М. С. Щепкина».

К. П. Бочкаревъ. Городъ Лубны. Историческій очеркъ (стр. 973—990).

Авторъ въ краткихъ чертахъ прослѣдилъ исторію города Лубенъ, начавъ съ отдаленнѣйшихъ временъ (съ X в.) и доведя до нашихъ дней. Статья снабжена прекрасными иллюстраціями—фотографическими снимками видовъ г. Лубенъ: полтавскаго спуска, полтавской улицы, долины р. Лубянки, Замковой горы.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» (стр. 1084—1086) данъ сочувственный отзывъ о книгѣ К. В. Харламповича. «Іосифъ Курцевичъ, архіепископъ суздальскій, бывшій Владимірскій и брестскій (1621—1624). Почаевъ, 1900».

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія № 9.

А. А. Шахматовъ. Общерусскіе лѣтописные своды XIV и XV вѣковъ (стр. 90—176). (Продолженіе слѣдуетъ).

Исходя изъ того, что вопросъ объ общерусскомъ характерѣ московскаго лѣтописанія въ XV в. стоитъ въ какой-то связи съ политической жизнью Москвы въ то время, авторъ ставитъ своей цѣлью объяснить указанный характеръ древнѣйшихъ московскихъ лѣтописныхъ сводовъ и поставить его въ дѣйствительную связь съ идеями и интересами современной имъ эпохи. Прежде всего онъ подвергаетъ обсужденію вопросъ, когда и при какихъ условіяхъ могъ составиться общерусскій лѣтописный сводъ, для чего и занялся сравнительнымъ изученіемъ дошедшихъ до насъ памятниковъ XV и XVI в. в: Софійскихъ лѣтописей (1 и 2), Новгородской, Воскресенской, Николаевской, Львовской и др. Результатомъ изученія ихъ оказывается, что для нихъ существовалъ общій для всѣхъ источникъ—общерусскій лѣтописный сводъ, возникшій въ Москвѣ въ первой четверти XV вѣка. Въ настоящей части своего капитальнаго изслѣдованія г. Шахматовъ излагаетъ данныя, приводящія къ возстановленію общерусскаго свода XV вѣка, составленнаго въ великое княженіе Василія Дмитріевича, указывая на отраженія этого свода на цѣломъ рядѣ другихъ лѣтописныхъ компиляцій XV и XVI вѣковъ, какъ напр. Хронографъ Пахомья (1488 г.), Liatopisiec Litwy i Kronika Ruska (изданная Даниловичемъ) и друг.

Вѣстникъ Европы № 9.

Ѳ. Ѳ. Воропоновъ. Крестьянская реформа въ юго-западномъ краѣ. (По личнымъ воспоминаніямъ) Гл. IV—V (стр. 63—89).

Въ этихъ главахъ мы знакомимся съ тѣмъ моментомъ въ работахъ по крестьянскому дѣлу, который называется авторомъ *новымъ направленіемъ*, состоявшимъ въ томъ, что въ помощь генералъ-губернатору учреждена была въ Кіевѣ «Временная коммиссія для исполнительныхъ распоряженій по Высочайшему указу 30 іюля 1863 года». Характеристикѣ лицъ, вошедшихъ въ составъ этой коммиссіи, а также обзору дѣятельности ея и посвящена глава 4-ая; тутъ, между прочимъ, находимъ указаніе на почти поголовную замѣну прежнихъ мировыхъ посредниковъ новыми, болѣе подходящими людьми. Въ 5-ой главѣ подведены итоги тѣмъ главнымъ положеніямъ, кото-

рыя выработаны были въ этой «Коммиссіи», при чемъ отмѣчаются и тѣ шатанія, какія происходили при рѣшеніи этихъ вопросовъ, благодаря нѣкоторому недовѣрію со стороны администраціи къ дѣйствіямъ «Временной коммиссіи». Результатами этого недовѣрія явилась поѣздка въ Кіевъ министра внутрен. дѣлъ Валуева. Къ сожалѣнію, эта интересная статья не доводитъ обзора крестьянской реформы въ нашемъ краѣ до конца, хотя авторъ обѣщаетъ въ будущемъ продолжать свои воспоминанія.

—

Русское Богатство, №№ 3—8.

Въ № 8, въ отдѣлѣ «Новыя книги» даны отзывы о книгахъ: «Викъ. (1798—1898. Кіевъ, 1900 р.» и И. С. Левицкій «Старосвитськи батюшкы та матушкы.»

—

Этнографическое Обозрѣніе, № 1.

А. Марковъ. Къ вопросу о прозвищѣ Ильи Муромца (стр. 159—161.)

Авторъ замѣтки дѣлаетъ попытку рѣшить вопросъ о прозвищѣ Ильи Муромца на основаніи разъясненія смысла г. Мурома, какъ географическаго названія, основываясь на показаніяхъ самихъ былинъ. Въ Муромѣ авторъ видитъ Моровійскъ, городъ Черниговскаго княжества, лежавшій на Деснѣ и извѣстный въ XVI—XVII вв. подъ именемъ Муромеска, и въ эпоху сложенія былины Илью, какъ Муромца, производили изъ теперешняго Мурома.

Митроф. Дикаревъ. Толки народа въ 1899 году (стр. 162—166). Покойный записалъ циркулировавшія въ 1899 году по поводу конца міра три легенды объ антихристѣ.

—

Земскій Сборникъ Черниговской губерніи № 6.

О. Бѣлозерскій. Украина-Мать (стр. 112—116), Хозяйка (стр. 116—120).

Авторъ создаетъ типы украинки-матери и хозяйки, на основаніи однихъ лишь данныхъ украинской поэзіи.

Н. П. Василенко. Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ нѣжинскаго полка, (стр. 177—208). (Продолженіе).

—

Літературно-Науковій Вістникъ, № 9.

Наш альбом: Із поезій Сергія Павленка; Із співів і переспівів Ол. Гавриша; Із поезій Евгена Мандичевського (стр. 249—245).

Під голим небом. Нарис Ольги Кобилянської (стр. 255—267).

Без пуття. Оповіданне по декадентському Івана Левіцького. I. стр. 268—276).

На заводі. Нарис Ів. Стешенка (V—VI) Стр. 277—298).

Перехрестні стежки. Повість І. Франка (XXXVIII—XLIII) (стр. 299—321).

Потомки Марса. Образки з військового життя Андрея Верховинця I. По штрайку». II. Материн. лист. Ш. Бабій (стр. 322—338).

Із російських поетів. Із Рилеева, Кольцова, Фета, Майкова, Лермонтова, Надсона) (стр. 338—343).

Неминуча. (L'intruse). Драма въ одній дії Моріса Метерлінка (стр. 344—358).

Із оповідань Габріеля д'Анунціо. Ш. Скрипа (стр. 359—363).

Із болгарських поетів. (Із Цетра Славейкова, Любена Каравелова, Ксенофонта Жанзифова) (стр. 364).

Панько Олелькович Куліш. Огляд його діяльности. Нап. о. Маковей (Далі) (стр. 145—161).

Разсматриваются отношенія Кулиша къ украинской исторіи, народу, языку и литературѣ; излагаются его заслуги, какъ этнографа. Упоминается объ отношеніяхъ Кулиша къ Плетневу, С. Т. Аксакову, Катенину, гр. Алексѣю Толстому, М. Грабовскому, Срезневскому, Бодянскому, Юзефовичу, В. Тарновскому—отцу, Г. П. Галагану, Шевченку, М. Вовчку, В. Бѣлозерскому и Костомарову.

Народній театр. Б. Грінченко (докінченне) (стр. 162—175).

Із чужих літератур: Епільог Генрика Ібсена 176—184).

Повт жіночого горя М. О. Кулішева. Нап. Борисъ Гринченко, (стр. 185—203).

Хроніка і бібліографія (стр. 205—216).

—

Ateneum, № 9.

Józef Tokarzewicz. Zamiast kroniki (стр. 593—609).

Разборъ любопытной книги проф. Семирадскаго «Polacy za morzem», посѣтившаго лично колоніи поляковъ и русиновъ въ Бразиліи.

—

Przewodnik naukowy i literacki, № 9.

Dr. Bronisław Losiński. Agenor Gołuchowski w pierwszym okresie Rządów swoich (1846—1859), стр. (865—898).

Въ настоящей главѣ опредѣляются отношенія гр. Голуховскаго къ «русской справѣ.» Сообщаются любопытныя свѣдѣнія о первыхъ слѣдахъ національнаго возрожденія галицкихъ русиновъ (святоюрцевъ) до и послѣ 1846 г., о Русинскомъ Народномъ домѣ, о провинціальныхъ филіяхъ «Русской Ради».

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ № 190 «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» помѣщена статья В. Василенка, «Еще поминка объ И. П. Котляревскомъ». Авторъ высказываетъ сожалѣніе, что вопросъ о постановкѣ памятника И. П. Котляревскому, повидимому, не составляетъ предмета заботливости полтавскаго городского управленія: до сихъ поръ не выясненъ родъ матеріала и стоимость постамента, самое мѣсто для постановки памятника почему-то не отведено въ натурѣ, и ничего не дѣлается для предположеннаго расширенія бульвара вокругъ памятника. «Все это,—по словамъ автора,—является горькими плодами отчужденности нѣкоторыхъ городскихъ представителей отъ мѣстныхъ этнографическихъ интересовъ, такъ что выходитъ: «свои люде, якъ чужіи, ни съ кымъ говорыты».

—

Въ №№ 179—182 газеты «Руслан» помѣщена обширная статья Кирила Студинського «*Козацтво і гайдамаччина в „Енеїді“ Котляревского*». Отмѣтивъ тотъ фактъ, что про уничтоженіе Гетманщины въ украинскомъ народѣ не сохранилось ни одной пѣсни, въ то время, какъ про Сичъ записано болѣе 70, авторъ разрѣшаетъ вопросъ: какъ отнесся Котляревскій къ Гетманщинѣ и Запорожью и насколько замѣтно здѣсь вліяніе народныхъ пѣсенъ. Оказывается, что Котляревскій не дѣлаетъ разницы между той и другими: апоѳеозъ славы Гетманщины рѣзко выступаетъ въ «Энеидѣ». Запорожцевъ поэтъ изображаетъ такъ, какъ про нихъ разсказываютъ народныя пѣсни и разсказы, т. е. обладающими необычайной силой и всевозможными отрицательными качествами. Что же касается гайдамачества, то Котляревскій не только не симпатизировалъ ему, но и осудилъ его.

—

Въ № 962 газ. «Приднѣпровскій Край» г. В. Гофштеттеръ помѣстилъ обширную статью подъ загл. «Изъ личныхъ воспоминаній»,

въ которыхъ припоминаетъ впечатлѣніе, произведенное на него труппой Кропивницкаго двадцать лѣтъ тому назадъ, впервые игравшей тогда въ Екатеринославѣ, и сравниваетъ его съ впечатлѣніемъ нынѣшняго года отъ труппы того же Кропивницкаго, въ которую вошли и Заньковецкая, и Карпенко-Карый, и Саксаганскій, и Садовскій. Опасеніе автора, что «безжалостное время должно было наложить печать на этихъ геніальныхъ тружениковъ украинской сцены», оказались совершенно напрасными. «Правда, наружность артистовъ за двадцать лѣтъ нѣсколько измѣнилась: кое-гдѣ появились морщины, кое-въ чемъ сказалась старость, но не жалкая старость, а величественная, которая превращаетъ человѣка въ полубога.. Предъ нами играли уже не прежняя зеленая начинающая молодость, а зрѣлые, получившіе обще-россійскую извѣстность, артисты».. Въ концѣ своей статьи авторъ высказываетъ пожеланіе, чтобы и другія малорусскія труппы послѣдовали примѣру своихъ «мейнингенцевъ» и по ихъ стопамъ внесли въ общество уваженіе и любовь къ украинской сценѣ.

—

Въ № 723 газ. «Югъ» помѣщена статья (въ фельетонѣ) подъ заглав. «Херсонская Старина», неизвѣстный авторъ которой передаетъ впечатлѣнія, полученныя кназ. Ив. Мих. Долгорукимъ при посѣщеніи имъ въ 1810 г. Херсона и Николаева. Впечатлѣнія эти были изданы Бодянскимъ въ Чтеніяхъ въ Имп. обществѣ исторіи и древностей росс. при Моск. Университ. 1869 г. подъ заглав. «Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда 1810 года».

—

Въ № 206 газ. «Волынь» помѣщена обстоятельная статья, авторъ которой задался цѣлью возстановить въ памяти читателей исторію Мстиславова храма и его возобновленія.

—

Въ № 6771 газ. «Южный Край» помѣщена статья подъ загл. «Собираніе матеріаловъ для исторіи г. Харькова», въ которой неизвѣстный авторъ даетъ краткія свѣдѣнія о подготовительныхъ работахъ проф. Д. И. Багалѣя по составленію исторіи г. Харькова, указывая на наиболѣе интересные матеріалы.

—

Въ № 70 газ. «Восходъ» помѣщенъ переводъ съ древнееврейскаго языка очерка М. З. Фейерберга подъ загл. «Талисманъ», относящійся ко времени, близкому эпохѣ Хмельницкаго, о которомъ авторъ

очерка разсказываетъ слѣдующую легенду: «Мой товарищъ Шлуміэль разсказывалъ мнѣ, что во времена Хмельницкаго дѣти не шли въ хедеръ. Разъ зашелъ Хмельницкій въ одинъ хедеръ и нашелъ въ немъ кучу дѣтей, съ которыми ребе и помощникъ его проходили еврейскую азбуку. Тогда „ребе сказалъ имъ: „не бойтесь, дѣти мои, оставимте этотъ міръ, полный грязи и нечисти, въ рукахъ этихъ „козаковъ", а мы именемъ Бога нашего, войдемъ въ „Сады Эдема", къ „святымъ праотцамъ", Аврааму, Исааку и Іакову. И такъ, Хмельницкій рѣзалъ дѣтей, а „ребе" читалъ съ ними „Шма". Отъ большого шума сбѣжались матери этихъ дѣтей, и козаки зарѣзали также ихъ и пролили ихъ кровь на кровь ихъ дѣтей. Тогда пришли отцы, съ которыми козаки расправились такъ же: ихъ кровь была смѣшана съ кровью дѣтей и женъ. И тогда—такъ разсказывалъ мнѣ Шлуміэль—вся эта кровь разлилась потокомъ по всѣмъ улицамъ города, влилась въ рѣку и окрасила ее въ кровянистый цвѣтъ».

—

Въ № 174 газеты «Руслан» помѣщена передовая статья «Другій наклад Фльорйньского» по поводу обширнаго изслѣдованія какого-то A. I. P. «Die Sprachenfrage bei den oesterreichischen Kleinrussen» (Языковый вопросъ о австрійскихъ малороссахъ), помѣщеннаго въ нѣсколькихъ номерахъ вѣнскаго журнала «Slavischec Echo». Изслѣдованіе анонимнаго автора имѣетъ цѣлью сказать славянскому міру, что австрійскіе русины стоятъ на ложномъ пути, трудясь надъ развитіемъ своей родной письменности, въ то время, когда уже создалась и разрослась широко письменность великорусская—близкая къ русской. Неизвѣстный авторъ сплошь политической статьи скорбитъ по поводу несчастнаго «сепаратизма», зародившагося на Руси въ концѣ прошлаго столѣтія, разросшагося благодаря вліянію Шевченка и охватившаго послѣ 1861 г. всю Галицію и Буковину, гдѣ онъ нашелъ благодарную для себя почву. Говоря о Шевченкѣ (наиболѣе геніальный поэтъ I. (!) Шевченко), авторъ, не отказывая ему въ «свѣжести, живости и пластичности» его произведеній, признаетъ однако у него отсутствіе классической формы и метрики». За то ужъ превозноситъ до небесъ такихъ писателей, какъ Н. Устьяновичъ, Гушалевичъ, Могильницкій, Дѣдицкій и Наумовичъ, произведенія которыхъ признаны (!) не только въ Австріи, но и въ Россіи, благодаря чистотѣ (!?) языка и понятности (?) для всѣхъ «русскихъ».

—

Въ № 6786 газ. «Южный Край» нѣкто г. *М. Ш.* помѣстилъ «Воспоминанія о Буковинѣ» (обществѣ старо-русской партіи въ Вѣнѣ). Послѣ краткаго и довольно неправильнаго изложенія положенія вещей въ Галиціи и Буковинѣ, въ смыслѣ развитія политическаго самосознанія русскаго элемента въ Австро-Венгріи (напр., различаются «такіе маленькіе народцы, какъ галичане и *буковинцы*»), авторъ дѣлится съ читателями своими воспоминаніями, представляющими мало интереса, о пребываніи въ вѣнскомъ обществѣ студентовъ, партіи старо-руссовъ — «Буковинѣ», находящемся въ крайнемъ антагонизмѣ съ украинскимъ обществомъ «Січ». Въ концѣ авторъ останавливается на дѣятельности «общества имени Михаила Качковскаго», основаннаго покойнымъ о. Наумовичемъ, которое, по словамъ автора, «продолжаетъ дѣйствовать, но дѣятельность его не отличается тою жизненностью, которая характеризовала ее при о. Наумовичѣ».

—

Въ № 14 журнала «Сѣверъ» помѣщена статья Уманова-Каплуновскаго «Малороссійскій театръ съ его современными артистами» съ біографіями и портретами артистовъ: Левицкаго, Суслова, Глазуненка, Зарницкой и Тарновской. Въ статьѣ, хорошей вообще и по содержанію, и по направленію, къ сожалѣнію встрѣчаются и крупные промахи; такъ, П. П. Гулаку-Артемовскому приписана опера «Запорожець за Дунаемъ»; И. С. Левицкій именуется «послѣдователемъ (?)» Тургенева и Островскаго, и др. неточности, зависящія отъ слишкомъ большого довѣрія къ «Очеркамъ украинской литературы" Петрова. Тѣмъ не менѣе, авторъ, повидимому, надлежащимъ образомъ понимаетъ положеніе и сущность украинскаго театра, какъ это видно изъ слѣдующихъ его словъ: «Исторія украинскаго театра—это лѣтопись безконечныхъ споровъ и сплошной борьбы съ извѣстными литературными партіями, враждебно настроенными противъ украинской словесности и малорусской рѣчи, какъ самостоятельнаго языка...».

—

Въ № 4 журнала «Славянскій Вѣкъ», издающагося въ Вѣнѣ подъ редакціей Д. Вергуна и по направленію являющагося преемникомъ извѣстнаго, преждевременно прекратившаго свое существованіе журнала «Живое Слово», въ отдѣлѣ «Почтовый ящикъ» помѣщенъ любопытный матеріалъ, на которомъ нельзя не остановиться.

Дѣло въ томъ, что «Славянскій Вѣкъ»—«всеславянскій органъ», помѣстилъ на обложкѣ заголовокъ журнала, кромѣ русскаго языка,

также и на польскомъ, чешскомъ, словенскомъ, сербо-хорватскомъ и наконецъ болгарскомъ, т. е. на всѣхъ языкахъ крупныхъ славянскихъ единицъ, кромѣ малорусскаго.

По этому поводу г. Gaidoz, профессоръ парижской школы политическихъ наукъ, прислалъ слѣдующее письмо: «Заголовокъ вашего журнала повторенъ на различныхъ славянскихъ языкахъ—за исключеніемъ одного—языка двадцатимилліонной націи, желающаго существовать и также занимать свое мѣсто въ подсолнечномъ мірѣ,—малорусскаго или украинскаго. Это упущеніе стоитъ въ противорѣчіи съ вашимъ заглавіемъ «Всеславянскій органъ». Это упущеніе—безъ сомнѣнія умышленное; но оно производитъ непріятное и тяжелое впечатлѣніе на людей, желающихъ возможности свободнаго развитія для каждой націи».

Второе письмо прислалъ г. И. В. К., который между прочимъ пишетъ: «... неужели нетерпимость къ чужимъ убѣжденіямъ ляжетъ въ основу журнала? Пусть не только «украинцы», но и лужичане и словаки «куютъ свою мову», отъ этого ровно никакой бѣды нѣтъ. Силою нельзя никого склонять къ своимъ убѣжденіямъ. Наконецъ 20-ти милліонный почти народъ южнорусскій, представителями котораго являлись Костомаровъ и Шевченко, заслуживаетъ нѣкотораго уваженія къ его хотя бы даже и «нарѣчію» (а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ—будущему языку!) и т. д.

Въ отвѣтъ на эти письма редакція заявляетъ, что она выбрала при помѣщеніи въ заголовкахъ только тѣ славянскія группы, которыя «*политически идутъ въ разсчетъ*». Но вѣдь чехи и поляки «идутъ въ разсчетъ», а галицкимъ малороссамъ нѣтъ мѣста...

—

Въ №№ 200, 202 и 203 газеты «Дѣло» перепечатана изъ нашего журнала статья Ореста Левицкаго подъ заглавіемъ: «Звычаеви формы заключуваня супружя на Руси въ XVI—XVII ст.».

—

Въ №№ 165—168, 171—178 помѣщена, напечатанная въ минувшемъ году въ «Кіевской Старинѣ», повѣсть Мырного. «Морозенко».

—

«Громадський голос», органъ украинско-русской радикальной партіи, выходившій во Львовѣ два раза въ мѣсяцъ, превратился въ иллюстрированную еженедѣльную газету. Въ первомъ номерѣ помѣщенъ портретъ Шевченка. (Дѣло, ч. 192).

—

Въ 6766 № газ. «Южный Край» проф. Н. Ѳ. Сумцовъ посвятилъ обширную статью разбору украинскаго сборника стихотвореній «Викъ» (1798—1898).

Признавая вообще за этимъ сборникомъ «полезное и пріятное явленіе, пріятное тѣмъ болѣе, что самимъ своимъ появленіемъ указываетъ на возможность дальнѣйшихъ изданій въ этомъ родѣ», авторъ высказываетъ по поводу его не мало замѣчаній, иногда и не вполнѣ основательныхъ. Къ числу послѣднихъ можно отнесть упрекъ составителямъ: почему «Викъ» представленъ лишь стихами, а совсѣмъ заброшена малорусская проза, а также мнѣніе, что галицкую поэзію можно было бы оставить *совсѣмъ* въ сторонѣ, и т. п.

—

Въ №№ 8 и 9 «Ежемѣсячныхъ Литературныхъ приложеній журнала Нива» съ сочувствіемъ отмѣчено появленіе въ свѣтъ сборника поэтическихъ произведеній «Викъ» (1798—1898) и «Старосвитськи батюшкы та матушкы» —И. С. Левицкаго.

—

Въ № 957 газ. «Приднѣпровскій Край» помѣщенъ сочувственный отзывъ о сборникѣ лучшихъ поэтическихъ произведеній украинскихъ писателей «Викъ» (1798—1898). Кіевъ, 1900 г.

—

Драматическія произведенія, дозволенныя драматическою цензурою къ представленію по 1 августа 1900 г.

1) Байда, князь Вышневецькій. Староруська драма (1553—1564). П. О. Кулиша.

2) Гетьманъ Петро Сагайдачный. Староруська драма (1621),—его же.

3) Наказный гетьманъ Северынъ Налывайко. Староруська драма (1596),—его же.

4) За Нѣманъ иду. Малоруська оперетка, зъ старолавнього быту, въ 2 актахъ и 4 картынахъ. Скомпонувавъ В. Алновъ. Писни на фортепьяно положила Людмила Алнова.

5) Максымъ Лобода и ёго бида. Водевиль въ 1 ліи. Переробывъ зъ повисти К. П. Мир—ского Ѳ. Т. Заремба.

6) Росцвило и завьяло. Историческа малоруська драма въ 4 діяхъ. Скомпонувавъ Г. Абрамовъ.

(Правительств. Вѣстн., № 191).

—

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Артемовскій Л. Пчеловодство южнорусса. (Оттискъ изъ журн. «Церковно-приходская школа» за 1899 г.). Кіевъ, 1899. Тип. С. Кульженко, 8 д., 20+1 стр.

Владиміровъ П. В. Научное изученіе апокрифовъ—отреченныхъ книгъ въ русской литературѣ во второй половинѣ XII ст. (Отт. изъ Кіев. Унив. Извѣст.). Кіевъ, 1900, in. 8 д., стр. 65, ц. 60 к.

Р. Ганінчакъ=Коломыйки. Накладом А. І. Хойнацкаго. Львовъ, 1900, п. 1 кор. 40 с.

Гуцков Кароль. Урпель Акоста, трагедия в 5 актах. З німецького переклав віршом Лев Лопатинський. Львів, 1900. Накладом «Видавничої Спилки». З друкарні В. А. Шийковського. Стр. 106, in. 8°. Ціна 1, 40 кор.

Двѣнадцатый археологическій съѣздъ въ Харьковѣ въ 1902 г. Москва, 1900. Тип. т—ва А. І. Мамонтова, 4 д. 34 стр.

Добровольскій Ст. Ярема. Оповидане з запорожского житя. З росийского переповив Алекс. Борковскій. Ч. 241. Видавництво Товариства «Просьвіта». Львів, 1900, з друкарни Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 42, in. 8°. Ціна 25 сот.

Е. С. Церковно-іерархическ. отношенія Подоліи къ Кіевской и Галицкой митрополіямъ (Историческій очеркъ). (Изъ «Подольскихъ Епарх. Вѣдомостей» 1899 г.). Каменецъ-Подольскъ, тип. С. Кирпанскаго, 8 д., 15 стр.

Енгельс Фр. Початок родини, приватної власности і держави на підставі Л. Г. Моргана. Накладом українсько-руської Видавничої Спілки. З друкарні Н. Т. ім. Шовченка. Ст. 182, 8°. Ціна 1, 50 кор.

Жарти для розривки руского селянина. Друкарня «Рускои Ради». Чернівці, 1900. Ціна 20 сотиків.

Жерела до істориї України-Руси. Видає Археографічна Комісия Н. Т. ім. Шевченка. Т. III. Люстрациї королівщин в землях холмській, белзькій і львівській з 1564—5 рр. Вид. М. Грушевський. Зміст.: I) Передмова, II) Економічний стан селян в Сяноцькім старостві в середині XVI в. на основі описей королівщин, III) Староства: Красноставське, Холмське, Городельське, Грубешівське, Тишовецьке, Грабовецьке, Белзьке, Сокальське, Любачівське, Камянецьке, Жидачівське, Львівське, Городецьке. У Львові, 1900. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. Стр. II+28+586, вел. 8°. Ціна 5 корон.

Закшевскій Вінкентій. Всесвітна історія для висшихъ кляс середних шкіл. Том І. *Старинна Історія.* З 3-го польского видання переложив з дозволу автора Олександер Барвиньскій. У Львіві, 1900, ціна 2 кор. і 40 сотиків. Накладом краевого фонду. З друкарні наукового Товариства імени Шевченка. Ціна 2. 40 кор.

Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XXXVIII. Кн. VI за 1900 р. Накладомъ Н. Т. ім. Шевченка. Львів., 1900. Ціна 3 корон. Зміст.: 1) Печатки з околиць Галича, подавъ Михайло Грушевській (з рисунками), ст. 1—4. 2) Зносини гетьмана Івана Виговського з Польщею в р. 1657—158, написавъ Денисъ Коренець, ст. 1—20. 3) Карпаторуське письменство XVII—XVIII віків, подав др. Іванъ Франко; додаток—XII—XXV (кі ець), стр. 91—162. 4) Miscellanea: а) з віденськои революціі 1848 р.—под. І. К—ий; б) Е. Руліковський—В. Лущкевич (некрольогічна згадка), подав М. Грушевськый, ст. 1—4. 5) Наукова хроника і бібліографія.

Записки протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева о «козащинѣ» 1855 года. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина», Кіевъ, 1900, 1—50.

Збірник математично-природописно-лікарськои секціі Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VI. Випуск І. Часть математично-природописна під редакциею Івана Верхратскаго і Володимира Левицького. У Львові, 1900. Накладом Н. Т. ім. Шевченка. in. 8°. Ціна 2 корони Зміст: Іван Пóлюй. Безпечна стациа телофонів. 2) Симеон Сидоряк: Студня анатомічна над взаімними відношеньами снаряду слухового і міхура плавного у риб шарановатих (Cyprinidae) і вюноватих (Cobitidae). 3) Володимир Левицкий. — Клясифікація наук математичнихъ. 4) Бібліографія і хроніка математично-фізична.

Извѣстія древнихъ писателей греческихъ и латинскихъ о Скиѳіи и Кавказѣ. Собралъ и изд. съ русск. переводомъ В. В. Латышевъ. Томъ І. Греческіе писатели. Вып. 3-й. Съ 1 картою. Ц. 2 р.

В. Каллашъ. Къ исторіи малорусской литературы 20-хъ и 30-хъ годовъ XIX в. Отт. изъ журн. «Кіев. Ст.», 1—11.

Карпенко-Карый (И. К. Тобилевычъ). По-надъ Днипромъ. Черкассы. 1900 р., 1—96, № 14. Цина 10 к.

Карповъ В. П. Харьковская Старина, изъ воспоминаній старожила. Съ портретомъ автора (1830—1860 г.). Харьковъ, 1900. Цѣна 1 р. 50 к.

Картавовъ П. А. Историческія свѣдѣнія о гербовой бумагѣ въ Россіи. Выпускъ I, 1699—1801. Спб. 1900. Тип. штаба отд. корпуса жандармовъ, in 77+13. Ц. 5 р.

Карцовъ. Огородничество на югѣ Россіи. Пособіе для хозяевъ. Спб. 1900 г. Ц. 2 р.

Кілька рад і пересторог для хліборобів, годуючих худобу. 242. Видавництво Товариства „Просьвіта». Львів, 1900. З друкарні Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 48, in 8°. Ціна 25 сот. Зміст: 1) Про ветеринарский нагляд торгів, 2) Як ставити і уладжувати стайні, 3) Як хоронити худобу від пошестий.

Кобринська Натолья. Про «Нору» Ібзена. Львовъ, 1900. Зъ друкарни Ставропигійскаго Института. in 16°, стр. 1—28 (передрюкъ зъ «Дила»).

Кониський Олександеръ. Дидъ Евменъ. Спомынкы бабы Уляны Красючкы. Выданье 3-е. Изданіе Издат. Комит. Харьк. Общ. распространенія въ народѣ грамотности. Харьків, 1900. Друкарня И. Варшавчика, in 16°, 29 стр. (20.000 экз.).

Коренець Денис. Зносини гетьмана Івана Виговського з Польщею въ р. 1657—58. (Відб. із 38 т. Записок). Ст. 20, in 8°. Ціна 20 сот.

Котляревскій И. П. Наталка Полтавка. Украинская опера. Москва, 1900. Тип. товар. И. Д. Сытина. in 16°, стр. 108 (12.000 экз.).

Крыжановскій О. Учебно-просвѣтительное дѣло въ Польшѣ наканунѣ послѣдней реформы виленскаго университета (1803 г.) и главные дѣятели пореформеннаго періода въ ихъ перепискѣ (Предисловіе къ Ш тому «Сборника матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи», издаваемаго М. Н. Просв.). Спб., 1899, тип. А. Лопухина, in 8°, CXXVII стр.

Кукель. Черная хмара. Малороссійская повѣсть. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1899. Тип. Н. Булгакова, 16 д., 108 стр.

Кукель. Пидъ яворомъ три могилы. Повѣсть. Изд. Е. Коноваловой. Москва, 1899. Тип. Н. Булгакова, 16 д., стр. 108.

Кулаковскій Платонъ. Русскій языкъ и литература предъ судомъ въ Австро-Венгріи. Вильна, 1900. Тип. М. Дворжеца, in 8°, стр. 63. (Отт. изъ «Виленск. Вѣст.»).

Кумида Д. Слипець. Нарысъ. Кременчугъ, 1900. Друкарня Д. Жолковского, in 16°, 8 стр. (400 экз.).

Лебединцевъ Андрей, прот. Мои воспоминанія. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, стр. 1—68.

В. Левенко. Старе и нове. Оповидання. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, стр. 1—98.

Левицкій Володимир. Клясифікація наук математичних. (Видбитка із VI т. 1 в. Збірн. м.-пр.-лік. секції). Ст. 16, in 8°. Ціна 15 сот.

Левицкій Кость. Про неважність в новім процесі цивільнім. Розвідка з австрійского права процесового. (Відб. з X т. Час. права). У Львові, 1900. Ст. 46, in 8°. Ціна 1 корона.

Линниченко И. А. Археологія на XI археологическомъ съѣздѣ. Одесса, 1899. Тип. «Экономическая», in 16, 100 экз.

А. Лотоцкій. Памяти протоіерея В. Я. Гречулевича (по поводу 30-лѣтія со дня его смерти). Отт. изъ журн. «Кіев. Стар.». Кіевъ 1900, отъ 1—9.

Мешко Франц. Драма на селі. З словинського перевів Ілья Кузів. Львів, 1900. Накладом перекладчика і С—ки. З друкарни В. А. Шийковского, стр. 80. Ц. 70 сотик.

Насоновъ Вл. Писни и думки Украйны. Сборникъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ, арранжированныхъ для одной балалайки по нотной и цифровой системѣ. Съ прилож. полнаго текста пѣсенъ. Изд. Ю. Циммермана. Москва, 1900. Лит. В. Гроссе, in 8°. Вып. 1—23 стр., вып. 2—3 стр., по 300 экз. Ц. по 1 р. 25 к.

Немоловскій Ф. И. Бжильництво. Доглядъ за звычайною и рамковою пасикою. Изд. благотв. общ. изд. общеполезн. и дешев. книгъ. № 6. С.-Петерб., 1900, in 16, стр. 1—105. Ц. 15 к.

Новаковский Михайло. Спілки для ощадности і позичок системы Райфайзена. Ч. 240. Видавництва товариства «Просьвіта». У Львові, 1900. З друкарни Н. Т. ім. Шевченка. Ст. 36, in 8°. Ціна 20 сот.

Общее обозрѣніе по народному образованію въ Борзенскомъ уѣздѣ за 1898—1899 г. Черниговъ, 1899. Тип. губ. правленія, in 8°, стр. 50.

Оюновскій Іляріон. Словар до Гомерової Одисеї і Іліяди. У Львові, 1900. Накладом краевого фонду. З друкарні Наукового Товариства імени Шевченка. Ст. 12+436, in 8°.

Острожинскій. Разсказы: Подлогъ.—Сельскій заправило.—Свидѣтель.—Не любитъ пьяный трезваго. Изд. типогр. М. Дененмана. Москва—Житоміръ, 1900. 1—48, стр. 16°. Цѣна 10 коп.

Отчетъ о дѣятельности харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности за 1898 годъ. Харьковъ, 1899. Тип. губ. правл., in 8°, CXVII+370+37+6 стр.

Памятная книжка кіевскаго учебнаго округа на 1900 годъ. Изд. управленія учебнаго округа. Кіевъ, 1900. Тип. тов. И. Н. Кушнерова и К°, in 8°. Часть I—Кіевская губ. Ч. II—Подольская губ. Ч. III—Волынская губ. Ч. IV—Черниговская губ. Ч. V—Полтавская губ.

Пачуляк Еротей. Верховиньски згадки. Повість. Чернівці, 1900, in 8°. Накладом „Руской Бесіди».

Письма къ графу П. А. Румянцову отъ его родителей. 1745—1768 гг. Изд. съ предисл и примѣчан. А. Барсукова. Спб., 1900. Тип. М Стасюлевича. 8 л., 35 стр.

Попович Омелян. Із житя Цісаря Франца-Йосифа I в 70 уродини Цісарські для рускоі молодіжи. Накладом «Рускоі Ради». Чернівці. Ціна 20 сотик.

Проскурниковъ Т. В. Изъ исторіи Слободской Украины. Городъ Короча при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ. Харьковъ, 1900. Тип. И. А. Гессенъ, in 16°, стр. 1—28. Ц. 15 к.

Русская исторія въ разсказахъ. I—Кто были наши предки славяне и какъ они жили. II—Первые русскіе князья. III—Владиміръ святой и крещеніе Руси. IV—Великій князь Ярославъ и основаніе Кіево-Печерскаго монастыря. V—Владиміръ-Мономахъ и Андрей Боголюбскій. VI—Нашествіе татаръ и Александръ Невскій. М., 1900. Цѣна кажд. брош. 5 коп.

Руссофилъ. Народное образованіе въ Россіи. Харьковъ, 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ архива Министерства Народнаго Просвѣщенія. Томъ 3-ій. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ 1805—1807. Изд. М—ства Н. Просв. Спб., 1898. Тип. А. Лопухина, in 8°, CXXVII+1186+92+200 стр. столб.

Сборникъ музея по антропологіи и этнографіи при Имп. Академіи Наукъ. Спб., 1900. Тип. Акад. Наукъ, in 8°, XX+153+1 стр. Ц. 1 р. 60 к.

Сондерманъ. Мизепа. Историческій романъ въ 3 частяхъ; передѣно съ нѣмецкаго. Изд. книгопр. Т. Кузина Спб. 1900 Тип. «Центральная» М. Минкова, in 16°, 94 стр.

Сидоряк Семен. Студия анатомична над взаимними відношеннями снаряду слухового і міхура плавного у риб шаранових і вюноватих (Видб. із IV т. збір. мат. прир. лік. секц.). Львів 1900. Накладом автора. З друкарні Н. Т. ім Шевченка. Ст. 50. Ціна 1 кор.

Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1898 годъ. Годъ 12-тый. Изданіе Херсонской губ. земской управы. Херсонъ, 1900, 303 стр.

Тараньскій Ал. Історія библійна старого завѣта для гр.—кат. молодежі середних школ Львів 1900. Ціна 1 к. 60 гл.

Флоринскій Т. Д. Малорусскій языкъ и «украіньско-руський» сепаратизмъ. Спб. 1900 г. (Оттискъ изъ газеты «Кіевлянинъ»). Ціна 60 к.

Франко Іван. Карпато-руське письменство XVII—XVIII вв. У Львові, 1900. З друкарні Н. Т. ім Шевченка. Зміст.: I. Карпато-русска література XVII—XVIII віків. II. Додаток: XV рукописів. Ст. 160, in 8°.

Хижняковъ В. М. Черниговская Старина (1608—1810). По архивнымъ бумагамъ городской думы. Изд. редакціи Земск. Сборника Черниг. губ. Черниговъ, 1900, in 8°, 42 стр.

М. Чалый. Вторая кіевская гимназія. Оттискъ изъ журнала «Кіевская Старина». Кіевъ, 1900, стр. 1—80.

Часопись правничa. Розвідки правничі секциі історично-философічнои Наукового Товариства імени Шевченка. Редактор др. Кость Левицкий. Рочник X. У Львові, 1900 Накладом Наук. Тов. ім. Шевченка. Ціна 4 кор. Зміст.: 1) Др. Петро Стебельский.—Австрийский процес карний, коментар. Ст. 1—70. 2) Кость Левицкий.—Про неважність в новім процеси цивільнім, ст. 1—46. 3) Др. Станіслав Дністрянський.—Чоловік и его потреби въ правній системі. 4) Библіография і Miscellannea,

Шевченко Т. Кобзарь въ переводѣ русскихъ писателей. Изд. подъ ред. Бѣлоусова. Москва, 1900, in 8. 365 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Шевченко Т. Г. Малый Кобзарь. Черкассы, 1900, 1—70+I—II, in 16°, № 15. Цѣна 5 коп.

Шекспір Уіллілм. Коріолян. Переклад П. А. Кулиша. Виданий з передмовою і поясненями д-ра Ів. Франка. Накладом українсько-руськоі Видавничоі Спілки. У Львові, 1900. З друкарні Наук. Тов, ім. Шевченка. Ст. XII—170, in 8°. Ціна въ оправі 1, 80 кор.

Шрейнеръ Я. «О мохнатой бронзовкѣ въ южной Россіи», in. 8. стр. 28, Спб. Изд. департ. землед. Ц. 5 к.

Археологическая лѣтопись.

Изслѣдованія и раскопки.

Н. Е. Бранденбургомъ за истекшее лѣто были произведены раскопки въ Полтавской, Кіевской и отчасти Подольской губ. Всего разрыто до 50-ти кургановъ, большинство которыхъ, къ сожалѣнію, оказалось разграбленнымъ еще въ древности, такъ что и научный матеріалъ, добытый въ курганахъ, былъ не особенно великъ.

О раскопкахъ *въ Полтавской губ.* (у с. Аксютинецъ) мы уже сообщали (см. «Лѣтопись», іюнь наст. года).

Въ Кіевской губ. раскапывались курганы скифо-сарматской эпохи у сс. Пастырскаго и Ситняжки, Чигиринскаго у. Въ одной изъ разоренныхъ могилъ у Ситняжки найдена золотая проволочная серьга въ видѣ кольца; затѣмъ, фалангъ пальца съ двумя кольцами изъ толстой серебряной проволоки, нѣсколько бронзовыхъ стрѣловъ, остатки желѣзнаго молотка и нѣсколько терракотовыхъ черепковъ. Въ Черкасскомъ у., у с. Макіевки, изъ 9-ти разрытыхъ кургановъ, только въ одномъ могила оказалась въ цѣлости, но за то безсодержательная; въ ней заключался небольшой дубовый срубъ (1×2 арш. внутри), съ такимъ-же дномъ и крышей, на днѣ сохранились лишь слѣды костяной пыли отъ двухъ, лежавшихъ рядомъ, скелетовъ и найдены два бронзовыхъ проволочныхъ колечка, пряслица, бронз. удила, обломки желѣза и нѣсколько глиняныхъ сосудовъ. Изъ скудныхъ находокъ въ прочихъ разоренныхъ курганахъ интересны только экземпляры глиняныхъ сосудовъ съ вырѣзаннымъ орнаментомъ, заполненнымъ какимъ-то бѣлымъ веществомъ, такъ что получился бѣлый

орнаментъ на черномъ фонѣ—типъ орнамента, извѣстный въ Штиріи, Венгріи, Балканскихъ странахъ и другихъ мѣстахъ Зап. Европы

На Днѣстрѣ, *въ Подольской губ.*, возлѣ с. Кузьмина, Ольгопольскаго у., раскопанъ большой курганъ, имѣвшій болѣе 70 саж. въ окружности и 6 арш. высоты. Но въ такой громадной насыпи оказались только 3 могилы со скорченными скелетами, положенными на глубинѣ всего около 3 арш. отъ вершины въ ямахъ, покрытыхъ толстымъ дубовымъ накатникомъ; у двухъ скелетовъ черепа были окрашены ярко красной краской, но вещей не оказалось никакихъ.

—

У с. Глубочка, Уманскаго у., Кіевской г., *В. Н. Доманицкимъ*, въ началѣ августа, раскопанъ курганъ, расположенный на дорогѣ изъ с. Колодистаго въ с. Глубочекъ. Окружность кургана—22 саж., высота 2 арш.; по основанію курганъ обложенъ глыбами булыжника, ширина этой каменной кладки достигаетъ мѣстами 2—3 аршинъ; причемъ, въ крайнемъ (отъ поля) ряду камень уложенъ въ одинъ слой, а по направленію къ ямѣ—въ 2 и 3 ряда; кладка производилась на самой почвѣ. Непосредственно за каменной грядой начялась выемка: земля оказалась снятой вглубь на $1^1/_2$ арш. на всемъ пространствѣ, заключенномъ внутри. Затѣмъ, въ центрѣ этой выемки оказалась погребальная яма, въ формѣ удлиненнаго эллипсиса (3 арш. длины, $1^1/_2$ арш. шир. и 2 арш. 12 верш. глуб.). Къ сожалѣнію, какъ это было замѣтно уже въ началѣ раскопки, курганъ оказался раскопаннымъ кладоискателями: лежавшій на днѣ ямы костякъ частью сдвинутъ съ первоначальнаго мѣста, но по костямъ, оставшимся нетронутыми, можно было опредѣлить его положеніе: головой на W, съ вытянутыми ногами и руками. У костей найдена шиферная пряслица, обломокъ желѣзнаго ножика съ частью деревянной ручки и зеленая бусина изъ композиціи, четыреугольной формы.

—

Въ слободѣ Овньково, Купянскаго уѣзда Харьковской губ., въ 1898 г., Е. Рѣдинымъ и Е. Трифильевымъ осмотрѣнъ и частью раскопанъ курганъ, въ которомъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, была открыта пещера «съ искусственно возведеннымъ сводомъ». Въ 12-мъ томѣ «Сборника Харьковскаго Историко-филологическаго Общества» (Харьковъ, 1900 г.), помѣщены отчетъ Е. Рѣдина о раскопкѣ и составленное Н. А. Федоровскимъ описаніе и изслѣдованіе добытаго матеріала.

Какъ оказалось, никакой «пещеры» въ курганѣ не было, а образовался небольшой обвалъ насыпи при копаніи могильной ямы на площади кургана,—могильными ямами послѣдняго времени занято уже около половины кургана. По изслѣдованіи части кургана, гдѣ была вырыта яма (обслѣдовать весь курганъ не представилось возможности), обнаружены слѣды погребенія, нарушеннаго гробокопателями; это были части скелета, при которомъ находились: кости коровы, овцы и свиньи, куски дерева, кусочки красной краски, фрагменты каменныхъ шлифованныхъ орудій, кремневые осколки, глиняные черепки отъ сосудовъ съ орнаментомъ ямочками и веревочкой и бронзовый ножикъ, 9 стм. длиной.

На основаніи находокъ, курганъ можно отнесть къ типу погребеній съ окрашенными скелетами, въ большомъ числѣ обнаруженныхъ въ другихъ мѣстахъ южной Россіи, въ Харьковской же губерніи—впервые.

—

Раскопки Ольвійскаго городища. Истекшимъ лѣтомъ проф. Кулаковскимъ, по порученію Имп. Археолог. Комиссіи, производились раскопки на одной изъ улицъ с. Парутина (Одесскаго у. Херсонской губ.), ведущей къ Ольвійскому городищу. Здѣсь обнаружено кладбище населявшихъ Ольвію древнихъ грековъ. Въ разрытыхъ могилахъ, только въ трехъ оказалось трупосожженіе, въ массѣ же другихъ покойники были погребены. При покойникахъ найдена античная посуда изящныхъ формъ, иногда украшенная рисунками, небольшіе сосуды изъ разноцвѣтнаго стекла, монеты и другіе предметы обихода древнихъ грековъ. («Кіевл.»).

—

Раскопки на островѣ Березани. Предсѣдателемъ Херсонской губернской ученой архивной комиссіи Г. Л. Скадовскимъ, лѣтомъ н. г. производились раскопки на островкѣ Березани, лежащемъ въ морѣ, вблизи г. Очакова. Островокъ этотъ изобилуетъ памятниками древне-греческой культуры. Добытые раскопками предметы предназначены для Херсонскаго музея. («Югъ»).

Музеи и собранія древностей.

Естественно-историческій музей Полтавскаго Губернскаго Земства. Въ настоящемъ году музей заканчиваетъ первое десятилѣтіе

своего существованія, а потому мы считаемъ современнымъ удѣлить ему нѣсколько строкъ, пользуясь свѣдѣніями, помѣщенными въ книжечкѣ, заключающей описаніе коллекцій музея (Полтава, 1900 г.). По времени возникновенія, Полтавскій музей является первымъ въ нашемъ краѣ музеемъ, типа областныхъ или погубернскихъ музеевъ. Мысль объ устройствѣ такого музея подалъ земской управѣ проф. В. В. Докучаевъ, производившій почвенныя изслѣдованія губерніи. Земская управа, въ докладѣ очередному губернскому собранію, въ 1890 г., указала на значеніе и задачи мѣстныхъ естественно-историческихъ музеевъ и представила проектъ организаціи музея, составленный на основаніи нормальнаго устава мѣстныхъ земскихъ естественно-историческихъ музеевъ, выработаннаго по иниціативѣ В. В. Докучаева С.-Петербургскимъ обществомъ естествоиспытателей. Докладъ былъ принятъ собраніемъ, назначены средства на устройство и содержаніе, приглашенъ завѣдывающій (кандидатъ естественныхъ наукъ М. А. Олѣховскій) и въ 1891 г. отведено особое помѣщеніе для музея. Съ того времени музей начинаетъ правильно функціонировать, постепенно пополняясь, служа двумъ цѣлямъ: просвѣтительной и практической. Въ настоящее время въ музеѣ имѣется болѣе 17-ти тысячъ предметовъ; большинство ихъ составляютъ естественныя коллекціи (по геологіи, минералогіи, палеонтологіи, ботаникѣ, зоологіи) затѣмъ коллекціи, служащіе для практическихъ цѣлей (образцы полезныхъ ископаемыхъ, модели орудій, коллекціи по шелководству, по кустарнымъ промысламъ и т. п.). наконецъ, есть коллекціи и по культурной исторіи края. Начало археологическому отдѣлу было положено въ 1891 г., пріобрѣтеніемъ у мѣстнаго любителя И. А. Зарѣцкаго коллекціи древностей; теперь этотъ отдѣлъ, хотя и не особенно великъ, но все-таки даетъ понятіе о ступеняхъ культуры, чрезъ какія прошло человѣчество, причемъ большинство остатковъ старины мѣстнаго происхожденія. Изъ послѣдняго отчета музея (за 1898 г.) видно, что земствомъ, совмѣстно съ городомъ, устроено новое зданіе для музея (гдѣ будетъ помѣщаться также общественная библіотека); отсутствіе соотвѣтствующаго помѣщенія въ значительной степени тормозило развитіе музея,—препятствіе это теперь устранено и можно пожелать музею, при вступленіи въ новое десятилѣтіе, еще большаго успѣха въ тѣхъ просвѣтительныхъ задачахъ, которымъ онъ служитъ.

Собраніе древностей Подоліи. Въ августѣ мѣсяцѣ, въ помѣщеніи Каменецъ-Подольской городской управы, состоялось подъ предсѣдательствомъ заступающаго мѣсто городского головы *М. А. Трублаевича*, совѣщаніе по вопросу объ учрежденіи въ г. Каменцѣ-Подольскомъ общественнаго музея древностей Подоліи, на которомъ присутствовали мѣстные изслѣдователи и любители подольской старины. Иниціаторъ дѣла—М. А. Трублаевичъ доложилъ собранію всю исторію даннаго вопроса, а также выработанный имъ проектъ устава будущаго музея, примѣнительно къ нормальному уставу губернскихъ и областныхъ музеевъ, а равно и къ тѣмъ указаніямъ, которыя были получены имъ въ результатѣ предварительныхъ сношеній съ Московскимъ археологическимъ обществомъ, въ лицѣ его предсѣдателя—графини П. С. Уваровой. Докладъ М. А. Трублаевича вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей, причемъ рѣшено на первыхъ порахъ ходатайствовать передъ мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ о передачѣ въ вѣдѣніе будущаго музея епархіальнаго «Древнехранилища», а передъ губернскою администраціею—объ отводѣ соотвѣтственнаго помѣщенія для музея въ ремонтируемомъ нынѣ по-доминиканскомъ зданіи, въ коемъ, по проекту распредѣленія помѣщеній между разными учрежденіями, предположено дать мѣсто и епархіальному «Древнехранилищу». Затѣмъ, рѣшено заблаговременно снестись съ извѣстными въ губерніи любителями старины, археологами, нумизматами и коллекціонерами, въ цѣляхъ заручиться съ ихъ стороны необходимымъ содѣйствіемъ и помощью въ дѣлѣ скорѣйшаго осуществленія намѣченнаго плана по устройству музея. Проектъ же устава и вообще все это симпатичное дѣло предположено внести въ обсужденіе мѣстной городской думы. (Под. Губ. Вѣд.)

—

Проектъ Конотопскаго уѣзднаго земскаго музея. Нами полученъ докладъ (отъ 27 августа с. г.) Конотопской Уѣздной Земской Управы очередному уѣздному Собранію слѣдующаго содержанія. „Согласно предложенію г. предсѣдателя Конотопскаго Земскаго Собранія К. Ѳ. Кулябки, Земское Собраніе сессіи 1899 года постановило поручить Управѣ выработать къ предстоящему очередному собранію проектъ устройства при Конотопскомъ Земствѣ мѣстнаго историческаго архива и музея и просило гласнаго А. М. Лазаревскаго принять участіе въ разработкѣ означеннаго вопроса.

Во исполненіе постановленія Земскаго Собранія, Земскою Управой, въ засѣданіи 21-го іюля с. г., при участіи гласныхъ А. М. Лазаревскаго, Л. Н. Кандибы и А. В. Соколовскаго выработанъ нижеслѣдующій проектъ устройства при Конотопскомъ Земствѣ мѣстнаго историческаго архива и музея:

I. Имѣя въ виду собрать и сохранить отъ истребленія памятники мѣстной старины, письменные акты, вещественные предметы, дѣла и бумаги общественныхъ учрежденій, однимъ словомъ, всѣ тѣ данныя, которыя такъ необходимы для изученія и пониманія не только прошлой но и настоящей жизни мѣстнаго края, желательно учрежденіе при Конотопской Земской Управѣ собранія мѣстной старины или историческаго музея.

II. *а*) Въ музей должны войти всякаго рода памятники мѣстной старины, какъ письменные, такъ и вещественные, а равно предметы, хотя и составляющіе принадлежность настоящаго обихода, но имѣющіе непосредственную связь со стариной. *б*) Въ собраніе письменныхъ памятниковъ должны войти всякаго рода историческіе и юридическіе акты, какъ-то: гетманскіе универсалы, оффиціальныя и частныя переписки, купчія крѣпости, духовныя завѣщанія и т. п. Время составленія сихъ актовъ ограничивается 1861 годомъ. Сюда-же должны войти разнаго рода бумаги общественныхъ учрежденій, сохранившіяся внѣ архивовъ, а равно дѣла мѣстныхъ мировыхъ учрежденій за время 1861—1863 гг. *в*) Вещественные памятники составляютъ: старинныя иконы, всякаго рода оружіе, предметы домашняго обихода, портреты, картины... *г*) Предметы стариннаго производства: узоры на одеждахъ и пасхальныхъ яйцахъ (писанки), гончарныя издѣлія разныхъ оригинальныхъ формъ. *д*) Желательно собрать въ музей всѣ тѣ печатныя сочиненія, которыя имѣютъ своимъ предметомъ исторію мѣстности, занимаемой Конотопскимъ и сосѣдними съ нимъ уѣздами. *е*) Желательно собрать свѣдѣнія о существующихъ въ уѣздѣ могилахъ, городкахъ и другихъ памятникахъ, имѣющихся на поверхности земли. При этомъ весьма интересно было-бы получить описанія этихъ памятниковъ съ планомъ ихъ расположенія, причемъ, на планъ должны быть нанесены находящіяся вблизи этихъ памятниковъ рѣки и яры. Примѣчаніе: при собираніи свѣдѣній о могилахъ, городкахъ и другихъ мѣстныхъ памятникахъ, существенную помощь могли-бы оказать учителя народныхъ школъ; они-же могли-бы собирать и памятники

народнаго творчества: пѣсни, сказки, поговорки и т. п., собраніе каковыхъ произведеній могло-бы составить особый отдѣлъ въ музеѣ.

Въ III и IV пунктахъ говорится о томъ, что музей долженъ находиться при Конотопской Уѣздной Земской Управѣ и быть въ вѣдѣніи предсѣдателя Управы или одного изъ ея членовъ и что всѣ поступающіе въ музей предметы должны вноситься въ инвентарь. V-ый пунктъ гласитъ слѣдующее: «По полученіи разрѣшенія на учрежденіе при Конотопской Земской Управѣ мѣстнаго историческаго музея, Земская Управа должна ознакомить населеніе уѣзда съ цѣлью учрежденія музея и его задачами, а также принимать всѣ зависящія отъ нея мѣры къ сохраненію отъ истребленія памятниковъ мѣстной старины и къ пополненію музея». Въ заключеніе Управа испрашиваетъ на устройство музея небольшую (всего 100 руб.) сумму.

Мы умышленно привели почти цѣликомъ настоящій проектъ, такъ какъ онъ, особенно по отношенію къ письменнымъ памятникамъ, можетъ служить образцомъ и для другихъ подобнаго рода музеевъ. Конотопскій музей, если онъ осуществится, будетъ первымъ въ нашемъ краѣ уѣзднымъ музеемъ. Такому развитію музейнаго дѣла можно только порадоваться. Если сосредоточиваніе памятниковъ старины въ центрахъ имѣетъ свои преимущества, то не меньшее значеніе представляетъ устройство и провинціальныхъ небольшихъ хранилищъ: обнимая меньшій раіонъ, будучи ближе къ мѣстнымъ памятникамъ, такого рода учрежденія будутъ только способствовать детальной разработкѣ исторіи края и сохраненію остатковъ его прошлой жизни.

—

Екатеринославскій музей. Подъ такимъ заглавіемъ нѣкто Петръ Южный помѣстилъ въ № 924 «Приднѣпр. Края» статью, гдѣ приводитъ историческую справку о возникновеніи идеи Екатеринославскаго музея и снова поднимаетъ вопросъ объ его устройствѣ.

«Ровно 20 лѣтъ тому назадъ, говоритъ г. Южный, въ 1880 году, при губернской земской управѣ основанъ былъ изъ остатковъ губернской выставки музей. Черезъ 3 года, въ 1883 году, на съѣздѣ естествоиспытателей въ Одессѣ нашъ соотечественникъ К. Г. Лавриченко сдѣлалъ докладъ о необходимости учрежденія погубернскихъ естественно-историческихъ и техническихъ музеевъ. Мысль Лавриченко чрезвычайно понравилась членамъ съѣзда и затѣмъ нѣсколько позднѣе она была привита въ Нижегородской губерніи, научныя изслѣдованія

въ которой производились, по приглашенію земства, лицами, участвовавшими въ одесскомъ съѣздѣ.

Прошло 20 лѣтъ. Что-же сдѣлано въ этомъ направленіи нашимъ земствомъ. Въ 1885 году учредили педагогическій музей, истратили на него около 10 тыс. руб. и затѣмъ закрыли, роздавъ жалкіе остатки предметовъ въ нѣкоторыя учебныя заведенія. Около этого-же времени поднятъ былъ вопросъ о юбилейной преміи за два сочиненія—по естественно-историческому и историко-географическому описанію губерніи. Но и эта затѣя потерпѣла крушеніе. И мы до сего дня не имѣемъ чего-нибудь подходящаго по исторіи и научному описанію нашего района, являющагося одною изъ богатѣйшихъ горнопромышленныхъ областей не только въ Россіи, но и во всей Европѣ.

Такъ продолжаться долѣе не можетъ, не должно. Пора устыдиться американствующему краю и въ серьезъ приняться за осуществленіе идеи, насчитывающей уже нѣсколько десятилѣтій со времени своего рожденія. Разбираясь въ историческомъ матеріалѣ, мы можемъ увидѣть, что начало музею положено, собственно говоря, еще 50 лѣтъ тому назадъ. Извѣстный екатеринославскій губернаторъ Фабръ (1847—1858 гг.) основалъ въ Екатеринославѣ «Музей древностей Екатеринославской губерніи»; музей былъ богатъ и коллекціями минераловъ, и остатками старины, и предметами растительнаго и животнаго царствъ. Такъ какъ помѣщеніе городской думы въ то время было слишкомъ мало, то музей находился въ потемкинскомъ дворцѣ, при депутатскомъ собраніи. Что сталось съ нимъ въ позднѣйшія времена, мы не имѣемъ о томъ свѣдѣній...».

Въ дальнѣйшемъ, авторъ, относясь скептически къ учрежденію музея земствомъ или городомъ, предлагаетъ обратиться къ частной иниціативѣ, причемъ изъ статьи видно, что самъ авторъ является иниціаторомъ этого дѣла: «Уже первые шаги сдѣланы нами. Мы обратились кое къ кому изъ имѣющихъ вліяніе въ мѣстномъ обществѣ съ предложеніемъ организовать комитетъ по изысканію средствъ для пріобрѣтенія богатой коллекціи археологическихъ предметовъ, принадлежавшихъ А. Н. Полю, и для постройки спеціальнаго зданія музея памяти А. Н. Поля. Въ настоящее время нами ожидаются отвѣты отъ спеціалистовъ-археологовъ съ опредѣленіемъ цѣнности музея А. Н. Поля.

Когда выяснится вопросъ о стоимости и значеніи для нашего края коллекція А. Н. Поля, тогда будетъ приступлено къ практическому осуществленію намѣченной нами цѣли».

Обращаясь затѣмъ къ отзывчивости всѣхъ интеллигентныхъ слоевъ мѣстнаго общества и приглашая ихъ принять участіе въ этомъ симпатичномъ дѣлѣ, г. Южный высказываетъ увѣренность, что музей будетъ учрежденъ. Дѣйствительно, Екатеринославу давно-бы пора обзавестись мѣстнымъ естественно-историческимъ музеемъ, всѣ данныя для этого—налицо.

выборъ Галагана вполнѣ оправдался, и Галенковскій пробылъ на писарствѣ столько-же лѣтъ, сколько патронъ его пробылъ на полковничествѣ.—Послѣ выхода своего въ отставку, Галаганъ позаботился и о дальнѣйшей судьбѣ своего вѣрнаго помощника. Конечно, по желанію отца, новый полковникъ Григ. Галаганъ просилъ (въ февр. 1740 г.) генеральную канцелярію о „подвышеніи“ Галенковскаго въ чинъ обознаго; при этомъ полковникъ писалъ, что Г—ій въ теченіи 25-ти лѣтъ ревностно несъ службу въ походахъ и разныхъ коммиссіяхъ, а теперь за „маловидѣніемъ“ требуетъ повышенія въ чинъ обозничества полковаго, и для полученія того обозничества полковникъ посылаетъ въ Глуховъ, за подписомъ рукъ старшины полковой и сотниковъ и имени его полковничьяго, на Г—аго учиненный вольными голосами выборъ, добавляя, что повышеніе Г—аго требуется еще и для того, „дабы артиллерія полковая въ состояніи быть могла при своемъ надлежащемъ смотрѣніи...“ Такимъ образомъ Галаганы, отецъ и сынъ, устроили судьбу стараго писаря, поставивъ его въ полку на высшій послѣ полковника урядъ. И на этомъ урядѣ Г—ій пробылъ лѣтъ пятнадцать.

Александровичъ замѣстилъ Галенковскаго на писарствѣ. См. выше, с. 60.

Шнурчевскій, по происхожденію мѣщанинъ, вмѣстѣ съ братомъ, „откупщикомъ“ [1]) Прилуцкаго и Кіевскаго полковъ, „за показанное ими въ томъ сборѣ приращеніе въ скарбъ войсковой денегъ“, награжденъ былъ чиномъ войск. товарища; Иванъ этотъ чинъ получилъ въ 1745 г., а затѣмъ, въ 1760 г., изъ Глухова былъ назначенъ полк. писаремъ. Можетъ быть тутъ помогъ Шн—му его тесть Ив. Пироцкій, который по своему родству, имѣлъ въ Глуховѣ связи. О писарской службѣ Шн—аго имѣется между прочимъ любопытная отмѣтка въ служебномъ его спискѣ, что Ш. „былъ штрафованъ въ 1765 г., по опредѣленію войск. генер. к—ріи, за взятіе у сотника Корибутовского Рудковскаго парчи и денегъ за приводъ въ 1762 г. на вѣр-

[1]) Отдавались на откупъ право продажи вина и табаку. См. Кіевск. Стар. 1885 г., май, «Крыжановскіе».

ность ея и. в-ва той Корибутовской сотнѣ разныхъ чиновъ и козаковъ къ присягѣ, сидѣніемъ на пушкѣ чрезъ два дни, всякого—по три часа; а послѣ этого, въ 1775 году, генваря 16, въ полковой канцеляріи арестованъ (лишеніемъ?) саблѣ и сидѣніемъ подъ карауломъ за ослушность въ неисполненіи полковника Прилуцкого предложенія"... Шн—ій былъ женатъ на дочери Пироцкаго, Аннѣ, отъ которой у него было три сына: Иванъ, служившій въ 1772 году въ коллегіи канцеляристомъ, Константинъ, служившій въ тоже время въ Сѣчи Запорожской, въ тамошней войсковой канцеляріи, и Алексѣй. Никакихъ имѣній Шн—ій за свое писарство, повидимому, не нажилъ, такъ какъ въ 1774 г. за нимъ не числилось ничего.

Ягельницкій поставленъ былъ полков. писаремъ въ 1766 г., тоже изъ войсков. товарищей; оставался на урядѣ до 1773 г., когда уволенъ былъ съ чиномъ бунчук. товарища. Нажилъ Я—ій 26 дворовъ въ разныхъ мѣстахъ полка: въ г. Прилукѣ, с. Голубовкѣ, д. Вороновкѣ и въ х.х. Рудовскомъ и Слободскомъ. Яг—ій женатъ не былъ.

Галенковскій Андрей, сынъ Федора, закончилъ полковое писарство. Службу онъ началъ въ 1766 г. въ Глуховской коллегіи, откуда въ 1771 г. былъ назначенъ полковымъ хоружимъ.

Полковые есаулы. Яковъ Трофимовичъ, 1669. Иванъ Маценко, 1669. Григорій Чернявскій, 1672. Зѣнецъ Корнѣенко, 1676. Федоръ Молчанъ, 1677. Иванъ Носъ, 1685, 1687, 1692. Семенъ Федоровичъ, 1688, 1693, 1695. Михайло Федоровичъ Молчанъ, 1711—1741. Василій Самойленко, нач. XVIII в. Григорій Панкевичъ (Панченко), 1714—1729. Никифоръ Петровичъ Вѣлецкій Носенко, 1738—1761. Михайло Величко, 1741. Яковъ Степановичъ Величко, 1742—1764. Яковъ Кисель, 1764—1771. Григорій Ивановичъ Мазарака, 1770—1771. Никита Уминь, 1771—1776. Яковъ Антоновичъ Яновскій, 1771—1781.

Молчанъ былъ одинъ изъ сыновей убитаго подъ Чигириномъ полковника Федора Молчана. По смерти отца, Мих. М—нъ остался почему-то въ Прилуччинѣ, гдѣ отецъ его никакихъ маетностей не оставилъ. Вообще видно, что по смерти

отца, сынъ его Михаилъ остался безъ призора, чѣмъ слѣдуетъ объяснить его и неграмотство, и скитальчество, По собственному показанію М—на, онъ началъ службу съ 1679 г., причемъ въ 1683 г. участвовалъ въ Вѣнскомъ походѣ Баторія; потомъ служилъ у Самойловича и былъ съ нимъ въ походѣ въ 1687 г. подъ Перекопомъ, а послѣ поставленія гетманомъ Мазепы М—нъ перешелъ на службу къ Палѣю, у котораго оставался повидимому до 1700 г. [1]). Послѣ этого М—нъ оставался въ Прилуччинѣ и служилъ рядовую козачью службу въ разныхъ походахъ, перечисленныхъ въ одной его челобитной 1739 г. [2]). Нѣсколько странно, что сынъ бывшаго полковника и притомъ убитаго въ сраженіи, не получилъ отъ Мазепы никакого уряда. Быть можетъ тутъ сводились какіе-нибудь счеты, возникшіе при совмѣстной службѣ Мазепы съ отцемъ М—на у Дорошенка. Возможно, что эта догадка подтверждается и тѣмъ, что послѣ измѣны Мазепы М—нъ сразу получилъ (въ 1711 г.?) урядъ Прилуцкаго есаульства, которымъ новый гетманъ какъ-бы поспѣшилъ вознаградить долгую службу въ то время уже пожилаго М—на [3]). Въ томъ-же 1711 г. Скоропадскій далъ М—ну и маетность—с. Талалаевку. Есауломъ М—нъ оставался до 1740 г., т. е. около сорока лѣтъ, а въ августѣ 1742 г. онъ умеръ. У него сыновей не было, а было двѣ дочери, Марья и Катерина; первая была замужемъ за Степаномъ Юрченкомъ, а вторая—за Демьяномъ Мазаракою. Обоихъ зятьевъ М—нъ пережилъ, причемъ у Юрченка потомства не осталось, а Марья оставшись вдовою, „не имѣя на чемъ жить, пришла къ отцу и жила“ на его грунтахъ. „Мужа младшей дочери зн. в. тов. Демьяна Мазараку М—нъ „принялъ на житіе къ себѣ за сына“, который живя при тестѣ, „въ низовомъ Дербентскомъ походѣ, на службѣ монаршей, умре“. Вскорѣ затѣмъ умерла и жена Мазараки. Послѣ нихъ осталось четыре сына, изъ которыхъ Петръ умеръ рано, а остальные три были: Андрей, Иванъ и Григорій; жили

---

[1]) Кіевск. Стар. 1885 г., янв., 77 и слѣд.

[2]) Тамъ-же, 79.

[3]) Если Молчанъ во время Вѣнскаго похода (1683 г.) имѣлъ хотя 20 лѣтъ, то въ 1710 г. ему было подъ 50-тъ.

они у тестя и тамъ-же „обучались грамотѣ“. За три дня до смерти (4 августа 1742 г.), М—нъ написалъ свой „тестаментъ“, причемъ завѣщалъ тѣло свое „погребсти въ монастиру Густынскомъ, въ которой для погребенія тамъ дано уже (Молчаномъ) денегъ рублей сто“.—„Оставшіеся по мнѣ добра, говоритъ далѣе М—нъ, яко-то с. Талалаевку, которое по милости монаршей за службы въ вѣчность жаловано и универсаломъ гетмана г. Скоропадскаго утверждено, такожъ хуторѣ, мелницы, лѣси, гаи и сѣнокосніе и пахатніе поля и прочіе угодія, мною самимъ куплею набитіе и показавніе въ записной моей домовой книгѣ [1]) и въ купчихъ крѣпостяхъ... женѣ моей Параскевіи, по смерть еи, въ спокойное владѣніе вручаю. А по смерти еи, жены моей, оніе мои добра . . . должны остатись дочери моей Маріи да двомъ внукамъ Андрею и Ивану Мазаракіямъ, и раздѣлитись имъ по ровной части, для того, что они Андрей и Иванъ... мнѣ, яко прародителевѣ своему, отдавали честно всякое послушаніе и за мене, респектомъ моей старости и драхлости, войсковіе службы отбывали... А третому ихъ брату, меншому Григорію ничого не опредѣляю, потому что онъ Григорій такъ изъ малихъ лѣтъ тожъ при мнѣ находясь, обикновенной синовской чести мнѣ не отдавалъ, приказовъ моихъ и наставленій ослушался и въ такое развращеніе пришелъ, же похищая якіенебудь вещи зъ дому моего и денги, попропивалъ и попроигривалъ въ карты, и прочіе немаліе и непристойніе шалости дѣлалъ и дѣлаетъ, яко жъ и самъ я въ нѣкоторіе шинки заплатилъ за его напой денегъ немало... Особливо-же, для потомнаго случаю, сіе завѣщаю, что по смерти жены моей Параскевіи, егда достанется опредѣленная часть моихъ добръ вишереченной дочери моей Маріи, то должна бить тая часть у еи ненарушимомъ владѣніи, да толко по смертъ еи дочери Маріи, потому что она безпотомна и въ удовствѣ уже при старости лѣтъ, которой части всякихъ грунтовъ она Марія уживать и користоватись имѣетъ по своей волѣ, а пустошить тѣхъ, опредѣленныхъ грунтовъ ей, никому продавать оныхъ и никакъ ихъ

[1]) Объ этой книгѣ см. Кіевск. Стар. 1885 г., январь.

утерять она, Марія, не должна и неповинна, подъ неблагословеніемъ моимъ родительскимъ тое ей запрещаю. А по смерти ея Маріи и тая третая часть всѣхъ грунтовъ и пожитковъ имѣетъ прійти въ спокойное владѣніе помянутихъ моихъ унуковъ Андрея и Ивана..." [1]).

Черезъ три дня послѣ написанія этого завѣщанія (7 августа) М—нъ умеръ и согласно завѣщанію былъ похороненъ въ Густынскомъ м—рѣ, *въ склепу каменномъ* подъ церквою". Черезъ четыре года (въ 1746 г.) умерла и вдова М—на, и похоронена въ томъ же м—рѣ, „подъ церквою, на лѣвой сторонѣ, *въ дубовомъ склепу*". Черезъ двадцать лѣтъ послѣ смерти вдовы М—на, (въ 1766 г.) умерла и дочь М—новъ Марія [2]) и была похоронена въ с. Блотницѣ, „подъ церквою, близъ дверей паламарныхъ, *въ склепу дубовомъ* [3]). По мѣсту погребенія Маріи М—нъ можно думать, что она свою часть Талалаевки отдала племянникамъ еще до смерти. Во всякомъ случаѣ Талалаевка и всѣ имѣнія Мих. М—на всецѣло перешли къ Мазаракамъ. (См. с. Талалаевка).

Панкевичъ былъ сынъ „Панка (Пантелеймона) Аврамовича, мѣщанина Прилуцкаго", послѣ котораго остались дѣти: отъ перваго брака—Григорій и Прасковья и отъ второго—Юско (Осипъ) и Иванъ. Второю женою Панька была какая-то Анна Галювна, первымъ мужемъ которой былъ грекъ Николай Урсалъ, оставившій послѣ своей смерти въ Прилукѣ торговыя лавки, но съ долгами. Женившись на вдовѣ Урсала, Панько поплатилъ его долги, въ томъ числѣ и „Алоеви кгрекови, дядкови Урсаловому", и сталъ владѣльцемъ Урсаловыхъ лавокъ, въ которыхъ и началъ торговать. Живя при отцѣ, Григорій помогалъ ему въ торговлѣ, которую тотъ велъ такимъ порядкомъ: скупалъ въ Малороссіи сало („лой"), отвозилъ его „до Шліонска" (въ Силезію), и тамъ на вырученныя отъ продажи сала деньги, покупалъ *красные* товары для перепродажи ихъ

---

[1]) Копія завѣщанія въ нашей б—кѣ.

[2]) Кіевск. Стар. 1885 г., янв., 79.

[3]) Можно думать, что для каждаго гроба подъ поломъ церкви устраивался особый склепъ, кирпичный или изъ дубовыхъ бревенъ.

въ Прилукѣ. При этомъ старый Панько иногда посылалъ заграницу и одного Григорія, который пріобрѣталъ такимъ образомъ опытъ и знаніе людей. По смерти отца въ 1702 г., сынъ унаслѣдовалъ хорошіе достатки, при помощи которыхъ Григорію Панкевичу не трудно было уже пробраться и въ козацкую старшину. Сначала П—чъ переписался въ „товариство“, а потомъ, вѣроятно при помощи Глуховскихъ дѣльцовъ въ родѣ Семена Савича, П—чъ при Носѣ поставленъ былъ полковымъ есауломъ. Мы видѣли уже, что Галаганъ, получивъ Прилуцкое полковничество, очень желалъ смѣстить П—ча, вѣроятно, подозрѣвая въ немъ человѣка неуступчиваго; но въ Глуховѣ есаула поддержали. Впрочемъ, и самъ П—чъ, повидимому, умѣлъ за себя постоять. Только по смерти Скоропадскаго, когда власть въ гетманщинѣ раздвоилась, Галаганъ рѣшился смѣстить П—ча; послѣдній пожаловался въ коллегію, которая отослала жалобу П—ча къ Полуботку; нак. гетманъ отвѣчалъ Вельяминову, что „о обидахъ и гонепіи П—чу, асауловѣ полк. Прилуцкому, отъ полковника Галагана дѣючомся, писанъ листъ до оного полковника о прибытіи оного въ Глуховъ второй недѣлѣ посту (1723 г.), якая справа ихъ тогда слѣдоватися и рѣшитися на судѣ войск. енералномъ будетъ“ [1]). Но съ Галаганомъ не легко было дѣло дѣлать. Когда въ назначенный срокъ Галаганъ въ Глуховъ не пріѣхалъ, Полуботокъ повторилъ требованіе о пріѣздѣ, а 27 марта въ „дневникѣ“ генер. канцеляріи записано: „пишучи уже *третій* листъ до п. полковника Прилуцкого противъ челобитя Панкевича, въ отставцѣ его отъ уряду осаулства, предложено, абы поколя тая справа его зъ Панченкомъ судомъ енералнымъ не окончится, жадныхъ обидъ домови скаржачого и тяжестей не наносилъ...“ Засимъ, Полуботокъ предложилъ Галагану „пріѣздить до суду, для росправы, подъ часъ святъ прійдуючихъ воскресенскихъ, конче,“ т. е. всенепремѣнно; но Галаганъ не пріѣхалъ и на пасху, такъ какъ въ маѣ Полуботокъ писалъ уже не Галагану, а П—ку, что

---

[1]) Чтенія въ Общ. Нестора Лѣтоп., XII, отд. 3-й, стр. 117.

если полковникъ въ Глуховъ не пріѣдетъ, то нечего и ему П—чу напрасно пріѣзжать [1])... Такъ Галагана Полуботокъ и не дозвался въ Глуховъ для расправы съ П—комъ. Впрочемъ, П—ку отнятый урядъ былъ возвращенъ и онъ оставался на немъ до смерти. П—чъ былъ женатъ на дочери Прилуцкаго городоваго писаря (т. е. секретари Прилуцкой ратуши) Мединскаго, по смерти котораго получилъ занятый тестемъ „загонъ на степу волномъ за Рудовкою“ (изъ Гнилицкой степи) и „грунтъ“ въ д. Пироговкѣ. Не смотря на преслѣдованія Галагана, П—чъ съумѣлъ поселить около Пироговки слободу и выпросить у Скоропадскаго двѣ деревни—Буды и Сезьки. Послѣ П—ча осталось два сына, Павелъ и Федоръ, и двѣ дочери. Имѣнія свои онъ передалъ, по тогдашнему обычаю, въ пожизненное владѣніе женѣ, которая должна была затѣмъ сама распредѣлить ихъ между дѣтьми; но вдова П—ча пережила своихъ сыновей и потому мужнины имѣнія были ею предназначены дочери умершаго сына Ивана—Евдокіи и дѣтямъ дочерей. Между тѣмъ у Евдокіи случился романъ, разстроившій планы бабки, которая объ этомъ разсказывала, что Евдокія, будучи лѣтъ отъ рожденія своего дорослыхъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1751 г., за совѣтомъ и согласіемъ своимъ, а по своему особливому намѣренію, за вѣдомомъ моимъ и благословеніемъ, пожелала войти въ супружество полку Прилуцкого за сына значк. тов. Ивана Романовича, и уже была оному зговорена и приручена постоянно; а потомъ, забывши страхъ Божій и воспитаніе и милость прародителную, самоумышленно, по непостоянству своему, оставя его Романовича, безъ жадной причины, декабря 31 дня (1751 г.) поздно ввечерѣ, невѣдомо съ кимъ подъѣхавшимъ по ней санми, взявъ свое убранство и фанты, збѣжала невѣдомо куда, безъ вѣдома и благословенія моего и кревныхъ своихъ; и то учинила въ едину мнѣ скорбь и печаль, при моихъ въ слабости старыхъ лѣтахъ... Нынѣ же, какъ слышно, (говоритъ бабка о внучкѣ), Евдокія въ Чернѣговѣ, въ дому умершаго бурмистра Чернѣговского, прозываемаго Карповича, зъ сыномъ его Миха-

[1]) Тамъ-же, стр. 122 и 127.

иломъ обвѣнчалась и живетъ...“ За такое „поношеніе чести дому“ бабка лишила внуку права на назначенную ей часть Пироговки и отдала эту часть дѣтямъ дочери Прасковьи, бывшей замужемъ за Семеномъ Козельскимъ. Но „не оставляя и Евдокіи по склонности своей прародительской,“ бабка назначила ей Буды и Сезьки, „если только эти поселки будутъ отсуждены отъ Будлянской“ (племянницы Разумоскаго), мужъ которой отнялъ ихъ у вдовы П—ча.

Вѣлецкій-Носенко Никифоръ, сынъ полк. сотника Петра Н—ка, былъ женатъ на дочери Лубенск. полк. есаула Семена Слюза Пелагеѣ, имѣлъ сына Петра и нѣсколько дочерей. Имѣнія его находились въ с. Рудовкѣ,—24 м. п. и въ с. Щуровкѣ—51 м. п. „подданныхъ.“ Въ отставку Н—ко получилъ чинъ полк. судьи.

Величко Михаилъ. Происхожденіе его, какъ и родство съ его преемникомъ по уряду,—намъ не извѣстно.

Величко Яковъ службу началъ въ 1730 г. въ полк. Прилуцкой к—ріи; въ 1742 г. назначенъ полк. есауломъ и оставался на этотъ урядѣ до 1764 г.; затѣмъ, выбранъ въ 1764 г.—земскимъ судьею, а въ 1775 г.—подкоморіемъ Прилуцкаго повѣта. Въ 1778 г. за нимъ показано 267 д. м. п. „подданныхъ“, въ Прилукѣ, хуторахъ, с. с. Ковтуновкѣ и Антоновкѣ и д. Будахъ. Женатъ В—ко былъ на дочери „войск. капелана“ Мойсея Богаевскаго Настасьѣ и имѣлъ сыновей: Василія, подпоручика, и Ивана—корнета Ямбурскаго карабинернаго полка.

Яновскій изъ канцеляристовъ коллегіи, куда поступилъ въ 1767 г., а въ 1771 г. былъ назначенъ есауломъ полковымъ. Имѣлъ ранговыхъ въ с. Стрѣльникахъ 25 д. посполитыхъ.

Полковые хоружіе. Семенъ Портянка, 1699. Андрей Семеновъ, 1672. Семенъ Даценко, ок. 1700. Иванъ Семеновичъ, 1715—1744. Петръ Носенко, 1722—1724. Антонъ Маценко, 1744. Данило Савинъ, 1747—1755. Антонъ Яновскій, 1749—1751. Яковъ Кисель, 1757—1764. Антонъ Яновскій, ок. 1760 г. Никита Уминь, 1767—1770. Федоръ Марковскій, 1771. Андрей Федоровичъ Галенковскій, 1771—1775. Иванъ Троцкій, 1771—1781.

Носенко Петръ, см. ниже, полк. сотники.

Яновскій неизвѣстнаго происхожденія. Умирая, оставилъ при г. Прилукѣ, „на форштатѣ Квашинскомъ, да и по другихъ около г. Прилуки жъ форштатахъ, тако-жъ въ с. Рудовкѣ, всѣхъ м. пола душъ 70.

Галенковскій поступилъ въ коллегію канцеляристомъ въ 1766 г., а въ 1771 г. назначенъ хоружимъ, на мѣсто умершаго Марковскаго.

Троцкій началъ службу съ 1766 г. значк. товарищемъ, а въ 1771 г. назначенъ хоружимъ; въ Голубовкѣ, Рудовкѣ и въ г. Прилукѣ имѣлъ 85 м. п. поспол.

Географическій очеркъ Прилуцкаго полка. Область Прилуцкаго полка занимала бѣрега Удая, который дѣлилъ эту область на двѣ неравныя части, причемъ послѣднія, по своей природѣ, рѣзко отличались одна отъ другой. Западная часть области представляетъ собою равнину, пересѣченную болотистыми ложбинами. Восточная часть области—вся почти изрѣзана глубокими, поросшими лѣсомъ оврагами, по которымъ текли рѣки и ручьи, большею частью—лѣвобережные притоки Удая[1]). Несомнѣнно, что восточная часть полка по своему гористому и лѣсистому характеру, должна была (послѣ татарскаго разоренія) издавна привлечь къ себѣ тѣхъ заднѣпрскихъ *уходниковъ*, которые и были первыми здѣсь насельниками. Болотистыя рѣчки, среди враговъ, поросшихъ лѣсомъ, представляли собою защитныя мѣста и потому—по берегамъ этихъ рѣчекъ—могли возникать хутора очень рано, б. м. уже съ XV вѣка. Западная часть области заселилась гораздо позже, не раньше нач. XVIII в.

Главною рѣкою Прилуччины былъ Удай, отличающійся особою извилистостью своего теченія [2]). На берегахъ Удая расположены слѣдующія поселенія: м. Монастырище, сс. Обичевъ, Толкачевка, дд. Замостье, Лапинцы, Пироговщина, Густынскій

---

[1]) «Прилуцкій уѣздъ». Изд. Полт. губ. з. управы. Полтава, 1891. Стр. 2.

[2]) Подробное описаніе теченія Удая см. въ той-же книгѣ «Прилуцкій уѣздъ», стр. 4—8.

м—рь, д. Манджосовка, сс. Боршна, Валки, Мольки, Мацѣевка, Высокое, м. Переволочна, сс. Лиски, Дегтяри (около озера, образуемаго слiяніемъ Удая съ Лисогоромъ) д. Рыбецъ, сс. Леляки, Подище и Ладинъ.

Кромѣ Удая область Прилуцкаго полка орошалась еще и слѣдующими его притоками.

Правобережные притоки Удая.

Галка [1]) начинается отъ с. Лосиновки и течетъ мимо сс. Галицы, Петровки, Вел. и Мал. Дѣвицъ и Толкачевки, около которой вливается въ **Удай**.

Руда—по названію своему—указывающая, что на мѣстѣ ея нѣкогда текла настоящая рѣчка, затѣмъ обсохшяя и обратившаяся въ *руду* или *рудку*, т. е. въ обсыхающую лѣтомъ ложбину, по которой въ это время виднѣются лишь ржавыя лужи... Руда наиболѣе замѣтна около с.с. Рудовки и Дубоваго-Гая, около котораго рѣчка носила (1762 г.) названіе **Руды-Росоши**.

Переводъ начинается въ Нѣжинскомъ полку и течетъ—въ предѣлахъ Прилуцкаго полка—мимо сс. Погребовъ, Поддубовки и Туровки.

Рыбецъ—ок. с. Краслянъ и д. Рыбца.

Львобережные притоки Удая.

Иченка [2]) начинается у м. Ични, течетъ мимо с. Хаенокъ и вливается въ Удай около д. Грабова.

Радьковка вливается въ Удай ок. с. Радьковки. На картѣ Шуберта эта рѣчка названа **Нежировой** [3]) и это названіе, по-

---

[1]) Въ актѣ 1740 г. рѣчка эта называлась «рудкою Дѣвицею» и это названіе повидимому правильнѣе: вѣрнѣе, что отъ *рѣчки* Дѣвицы получили свои названія оба теперешнія села *Дѣвицы*, а не на оборотъ... У Шафонскаго (стр. 491) тоже—*Дѣвичка*.

[2]) Въ описаніи 1740 г. назыв. рч. *Ичанка* и около м. Монастырища, но эта рѣчка, повидимому, совсѣмъ другая.

[3]) Въ книгѣ «Прилуцк. Уѣздъ», стр. 9, говорится что *Нежеровка* составляетъ прав. притокъ *Половой*, но это свѣдѣніе видимо

видимому, старѣе и вѣрнѣе. Верхняя часть рч. Радьковки, у х. Дзюбина, въ настоящее время называется **Мошковкою** („Прилуцк. уѣздъ", стр. 9). Оч. вѣроятно, что тутъ-же находилось и село *Мошковка*, которое упоминаетя въ актахъ 1693—1700 г.г. („село Мошковичи или Мошковцы области Прилуцкой") и затѣмъ изчезаетъ...

Половà начинается у с. Половой и вливается въ Удай немного выше Прилуки.

Смошъ начинается у с. Ржавца и протекаетъ мимо м. Иваницы, сс. Ступаковки, Щуровки, Рясокъ и Смоши, недалеко отъ которой вливается въ Удай. Притоки Смоши: рч. **Иваница** (иначе, **Солоха**) [1]) начинается у д. Верескуновъ, протекаетъ мимо с. Березовки, вливается въ Смошъ у м. Иваницы, **Городянка** (теперь—**Вугай**)—у с. Городни и **Ольшанка**— у с. Ольшаны.

Утка начинается ок. с. Сокиринець, протекаетъ мимо с.с. Калюжинецъ и Охонекъ и вливается въ Удай ок. м. Переволочны. Притокъ Утки съ правой стороны—**Лозовая** (по Шуберту), или **Селезень**, какъ и у Шафонскаго (стр. 491).

Лисогоръ начинаетси у д. Лисогора и протекаетъ мимо сс. Ярошовки, Блотницы, Юрковцовъ, Алексинцовъ, Грицовки, м. Сребнаго, сс. Подола, Деймановки, Гурбинецъ и Иванковцовъ. Притоки Лисогора съ лѣвой стороны: **Березовица** у с.с. Березовки и Талалаевки; **Галка**—протекаетъ мимо сс. Грицовки, Карпиловки и Харитоновки; **Довжикъ Грузской** (въ 1740 г., а теперь—**Глинная**)—у с. Оробьевъ. Притоки Лисогора съ правой

невѣрно и б. м. объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что по словамъ того-же автора—„въ настоящее время ни рч. Половой, ни притока ея Нежировки собственно говоря уже *не существуетъ*, а сохранился лишь оврагъ, наполняющійся водою только въ весеннее время»; отсюда видно, что нынѣ названія многихъ рѣчекъ сохраняются лишь по преданію. У Арандаренка (Зап. о Полт. губ., Ш, 284) тоже—не **Радьковка**, а **Нежирова**; тоже и у Шафонскаго (стр. 490).

[1]) *Иваницею* рѣчка называется въ описаніахъ 1740 и 1766 гг., а *Солохою*—теперь.

стороны: **Сребрянка** у м. Сребнаго и **Тростянецъ** ок. с. Васьковцовъ. [1])

Варвица—у м. Варвы. По описанію 1740 г. та-же рч. Варвица показывается и ок. с. Остаповки.

Журавка—у м. Журавки (по опис. 1740 г.) [2]).

Кромѣ Удайскаго бассейна область Прилуцкаго полка орошалъ еще и одинъ изъ притоковъ Сулы—**Роменъ**; по берегамъ этой рѣчки расположены сс. Корибутовъ, Фесевка, Деп-товка, Красн. Колядинъ, Рябуха, Грицовка, Липовое и Коренецкая. Притоки Ромна съ правой стороны: **Торговица** у с.с. Куриловки и Гирявки, **Самборъ** (назв. нач. XVI в.) у с. Б. и М. Самборовъ, **Зарукавная** (иначе **Голубовка**) у с. Голенки, **Гайворонъ**—у с.с. Гайворона и Григоровки и рч. **Дегтяровка** (по Шуберту) у сс. Дмитровки и Крапивной.

Изъ этого перечня несомнѣнно ускользнули нѣкоторыя мелкія рѣчки, названія которыхъ—нынѣ забытыя, встрѣчаются лишь въ бумагахъ прежняго времени. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчекъ будутъ названы при отдѣльныхъ описаніяхъ селъ.

Дѣленіе Прилуцкаго полка на сотни. Изъ „Реестровъ“ 1649 г. (изд. Бодянск.) видно, что черезъ годъ послѣ изгнанія поляковъ, Прилуцкій полкъ заключалъ въ себѣ до 20-ти сотенъ; названія ихъ слѣдующія: четыре (повидимому) сотни полковыя, двѣ Варвинскія, Сребрянская, Переволочанская, Иваницкая, Краснянская (Колядинская) Корибутовская, Голенская, Кропивенская, Гужовская, двѣ Иченскія, Городнинская, Монастырищенская, Галицкая и Дѣвицкая. Кромѣ того, отдѣльно показаны „Липовчане“, т. е. козаки с. Липоваго, почему-то непріуроченные къ сотнѣ. Затѣмъ, по спискамъ за 1713—1741 г.г. въ Прилуцкомъ полку называются слѣдующія восемь сотенъ: полковая, Журавская, Варвинская, Сребрянская, Иваницкая, Красноколя-

---

[1]) У Арандаренка, (Зап. о Полт. г., III, 284) указаны слѣд. притоки Тростянца: *Лисица. Бобровая* и *Галка*.

[2]) Въ книгѣ «Прилуцк. Уѣздъ» рѣчки Варвица и Журавка вовсе не называются, изъ чего можно заключить, что ихъ теперь уже нѣтъ.

динская, Иченская и Монастырищенская. Впослѣдствіи въ этомъ дѣленіи произошло нѣкоторое измѣненіе, такъ какъ въ 1779 г. значились только слѣдующія сотни: полковая, двѣ Варвинскихъ, Журавская, Переволочанская, Сребрянская, Красноколядинская, Голенская, Иченская и Монастырищенская.

Значительное уменьшеніе числа въ нач. XVIII в. изъ показанныхъ въ 1649 г. сотенъ послѣдовало не отъ увеличенія сотенныхъ округовъ, а отъ уменьшенія народонаселенія; такъ слѣдуетъ полагать потому что во второй полов. XVII в. изъ лѣвобережной Малороссіи ушло множество народа въ будущую Слободскую Украину, отъ чего многія многолюдныя поселенія обѣднѣли народомъ до того, что изъ *мѣстечекъ* обратились въ незначительныя поселенія.

Описывая здѣсь Прилуцкій полкъ, мы беремъ сотенное его дѣленіе за первую половину XVIII в., такъ какъ собранныя нами здѣсь свѣдѣнія касаются преимущественно этого времени.

Полковой городъ Прилука. Прилука принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ южно-русскихъ поселеній. Начальная лѣтопись упоминаетъ о ней два раза: въ 1092 г. („и взяша три града—Пѣсоченъ, Переволоку, *Прилуку*“) и въ 1146 г. („приде Володимеръ и взя *Прилукъ*“). Но это двѣ Прилуки—разныя: упоминаемая въ 1092 г. находится на лѣвомъ берегу Днѣпра, а другая—на правомъ. Первая Прилука есть при-Удайская Прилука, бывшая полковымъ городомъ Прилуцкаго полка, а другая—находится въ Бердичевскомъ уѣздѣ, при рч. Деснѣ, впадающей въ Бугъ [1]). При-Удайскую Прилуку упоминаетъ и Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи, называя ее городомъ («и ходихомъ за Супой (изъ Переяслава) и ѣдучи къ Прилуку городу...» Прилукою этотъ городъ названъ потому что расположенъ онъ былъ при лукѣ, (поемный лугъ). Извѣстно, что въ южно-русскихъ степныхъ мѣстахъ защитные городки очень часто устраивались среди низменностей, а иногда и болотъ, подъ защи-

[1]) См. Соловьевъ, Истор. Р., I, 388. (Изд. Т-ва О. П.)

тою которыхъ крылись отъ нападеній враговъ [1]) Весьма вѣроятно, что ради этихъ-же причинъ и Прилука поселена была около *луки́* т. е. около поемнаго луга. Лѣвый, нагорный берегъ Удая не представлялъ слѣдовательно въ древности такой прочной защиты, какъ болото, къ которому доступъ лѣтомъ былъ очень труденъ... [2]).

Упомянутая лѣтописью въ XI в. Прилука остается затѣмъ на долгое время невѣдомою. Слѣдуетъ предполагать, что послѣ разоренія южной Руси татарами, запустѣла и Прилука. Засимъ, въ грамотѣ кн. Семена Олельковича (внукъ Владиміра Ольгердовича) 1459 года, значится, что грамота эта писана „на Прилуце за Днѣпромъ", въ іюнѣ 6967 г. [3]).—Можетъ-ли относиться это свѣдѣніе въ Прилукѣ лѣвобережной и насколько оно достовѣрно?—Сохранилась грамота 1455 года Олелька Владиміровича (отца кн. Семена Олельковича), по которой этотъ князь отдаетъ своему боярину Олехну Сохновичу „огромныя пространства земли" по обѣимъ сторонамъ Днѣпра, причемъ значительная часть этихъ земель находилась на лѣвой сторонѣ и принадлежала къ области Переяславской [4]). Отсюда видно, что при Олелькѣ Владиміровичѣ въ составъ Кіевскаго княжества входила и область Переяславская; къ этой области могла принадлежать и лѣвобережная Прилука, которая по отношенію къ своему центру—Кіеву—находилась „за Днѣпромъ". Сынъ кн. Олелька Семенъ могъ, слѣдовательно, писать свою грамоту въ этой Прилукѣ „за Днѣпромъ", если только эта

---

[1]) См. Опис. Стар. Малор., II, 239.

[2]) Описывая Прилуку въ 1653 г. Павелъ Алеппскій говоритъ между прочимъ, что «съ южной стороны этой крѣпости находится озеро, огромное, какъ море, въ которое впадаетъ много рѣкъ». (Перев. Муркоса, II, 83). Несомнѣнно, что за 500 лѣтъ передъ тѣмъ, это «озеро» представляло собою еще бо́льшее «море»; подъ его защитою должно быть и возникла Прилука.

[3]) Грамоты вел. князей Литовскихъ, изд. Вл. Антоновича и К. Козловскаго (Кіевъ, 1868), стр. 20.

[4]) Очерки Переяславской Старины, А. Вл. Стороженка. (Кіевъ, 1900) стр. 73.

Прилука была уже отновлена къ полов. XV в.—Фактъ-же такого отновленія „заднѣпровской“ Прилуки въ это время—исторически былъ возможенъ. Такъ можно полагать потому что при спорахъ Москвы съ Польшею въ полов. XVII в. о „Путивльскомъ рубежѣ“, поляками были представлены „привилія короля Казиміра (1447—1492) на волость Роменскую и—короля Александра (1492—1506 г.), на волость Торговицу [1]). Несомнѣнно, что какое-нибудь населеніе въ этихъ волостяхъ тогда уже существовало, а по близости Ромна и Торговицы [2]) къ Прилукѣ можно думать, что въ полов. XV в. могла уже отновляться и Прилука. Въ то-же время мы знаемъ, что существовавшая въ концѣ XV в. Торговицкая волость черезъ сто лѣтъ уже—„лежала впустѣ,“ будучи вѣроятно разорена при нашествіи Менгли-Гирея въ самомъ концѣ XVI в. Тогда-же могла еще разъ запустѣть и Прилука, потому что изъ грамоты Стефана Баторія 1578 г. Байбузѣ на „пустыню—рѣку Удай“ (с. 2) видно, что никакого города въ это время тутъ не было. Вновь возникла Прилука, повидимому, послѣ того какъ „пустыня“ рѣки Удая перешла отъ Байбузы къ Вишневецкимъ. Ставъ хозяевами Посульщины и Поудайщины, Вишневецкіе повели здѣсь усиленную колонизацію и уже въ к. XVI в. даны были ими грамоты на магдебурское право городамъ Лубнамъ и Пирятину. Тогда-же возникла и Прилука съ окружающими селами. Документъ полов. XVII в. говоритъ, что всѣ эти „осады“ возникли „za czasu impostorów“ (с. 3, прим. 2). Случилось, что уже въ первые годы своего отновленія Прилука была разорена войсками Бориса Годунова. На это разореніе указывали польскіе послы московскимъ боярамъ въ 1608 г., упрекая послѣднихъ за разныя неправды ихъ правительства. Обвиняя Бориса за то, что тотъ уклонялся отъ исполненія договора о проведеніи „рубежа“ „промежъ Остра и Чернигова“, поляки говорили, что Борисъ не только не выслалъ своихъ „судей“ для проведенія „рубежа,“ но „послалъ воеводъ своихъ съ Чернигова и Путивля, съ вой-

---

[1]) См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 238.

[2]) Дворцов. Разряды, II, 899.

скомъ, съ пушками и съ иными нарядами, военнымъ обычаемъ, которые городъ и мѣсто князей Вишневецкихъ Прилуки, въ которомъ было *больш шести сотъ домовъ осады*, збурили и сожгли, людей многихъ мужскоѣ и женскоѣ плоти, на остатокъ и дѣтокъ на смерть побили и помордовали, и много крови христіанской пролили, а иншихъ живыхъ непріятельскимъ обычаемъ въ полонъ побрали..." [1]) Разореніе это должно относиться къ 1604 г. [2]) Въ свѣдѣніи польскихъ пословъ о томъ, что въ Прилукѣ въ то время было болѣе 600 домовъ можно сильно сомнѣваться, если только поляки при этомъ не имѣли въ виду и окольныхъ Прилуцкихъ селъ, которыя должны были пострадать вмѣстѣ съ своимъ городомъ.

---

[1]) Акты Зап. Россіи, IV, 36. Объ этомъ-же разореніи Прилуки встрѣчается свѣдѣніе и у Когновицкаго (Życia Sapiehów, Варшава, 1791, т. III, стр. 154), который разсказывая о недовольствѣ поляковъ на Шуйскаго, говоритъ: «można mówić że kniazia Szuyskiego tak okrutny z polakami postępek delikatnosc Sapiehy bardziey obraził, niż priwatna xiązat Wisniowieckich na maiątku i dobrach ich skoda im uczynił niedawno Boris Hodunow przez zburźenie i splondrowanie Przyluki zamku».

[2]) Петрушевичъ въ своей *Сводной Галицко-Русской лѣтописи* (Львовъ. 1874), говоритъ, что «въ 1604 г. козаки подъ наказн. гетман. Иваномъ Заруцкимъ соединились съ поляками и помогали Лжедимитрію, и что въ этомъ же году великорусскія войска разорили Прилуку». (стр. 405). Источникъ этого свѣдѣнія неуказанъ, но именно въ 1604 г. въ Посульи, около Лубенъ и Прилуки, происходило сильное народное движеніе, вызванное появленіемъ Лжедимитрія, которое, и могло привлечь сюда московское войско. Объ этомъ народномъ движеніи находимъ свѣдѣніе у Гиршберга, который на основаніи письма Януша Острожскаго, писаннаго въ февралѣ 1604 г., говоритъ: «Tym czasem i w polskiej Ukrainie czyniono przygotowania do podięcia walki z Borysem. W wielu stronach zbierały sie oddziały zbrojnych z niemałem utrapieniem mieszkańców tamtejszych. Oddziały te już w styczuiu r. 1604 zgromadziły się w Lubnach, miasteczku księcia Michała Wiśniowieskiego, a z początkiem marca t. r. miały wtargnąć w granice moskiewskie». («Dymitr Samozwaniec», стр. 26).

Засимъ, въ актѣ 1617 г. находимъ указаніе, что въ это время существовали двѣ Прилуки: *старая* и *новая*. Слѣдуетъ думать что здѣсь *старою Прилукою* называется „городокъ“ или „замокъ,“ съ его населеніемъ, а *новою*—поселеніе возникшее внѣ замка, на „фольваркахъ“ [1]). Въ 1628 г. въ обѣихъ этихъ Прилулахъ считалось 40 „дымовъ“ и одинъ священникъ. [2]) Въ 1636 г. Іеремія Вишневецкій выдалъ Прилукѣ свой „листъ“, разрѣшавшій устроить цехъ, „*рѣзницкій*“. [3]) Это обстоятельство указываетъ, что Прилукѣ въ это время уже присваивалось значеніе извѣстнаго центра, о развитіи котораго и заботился Вишневецкій. А послѣ того какъ послѣдній совсѣмъ переселился на лѣвый берегъ, Прилука становится однимъ изъ замѣтныхъ здѣсь городовъ, потому что Вишневецкій устроилъ въ немъ одинъ изъ своихъ украинскихъ замковъ, который подъ конецъ своего пребыванія въ *Задньпріи*, какъ будто даже предпочиталъ своей здѣшней столицѣ—Лубнамъ. Изъ дневника Машкевича видно, что Вишневецкій въ 1648 г. напр., почти, безвыѣздно жилъ въ Прилукѣ; [4]) жилъ онъ здѣсь, занимаясь постройкою великолѣпнаго дворца, вѣроятно разсчитывая совсѣмъ переселиться изъ Лубенъ въ Прилуку, причемъ Прилука могла быть предпочтена Лубнамъ, по большей своей защитности, какъ укрѣпленнаго мѣста. Однако жъ Вишневецкій не успѣлъ окончить своего Прилуцкаго дворца; помѣшало ему въ этомъ народное возстаніе въ Малороссіи. Живя въ Прилукѣ, Вишневецкій услыхалъ въ февралѣ 1648 г. о „какомъ-то“ Хмельницкомъ; здѣсь онъ находился и въ маѣ, того-же года, когда народъ взволновался уже по всему *Задньпрію* и когда о Вишневецкомъ „доложили“ пограничному русскому воеводѣ, что онъ находится „въ Прилукахъ, въ монастырищѣ, въ окопѣ...“ [5]) Изъ этого упоминанія объ „окопѣ“ и о какомъ то

[1]) Ср. *Старые и Новые Лубны*, о которыхъ говоритъ актъ 1618 г. Чтен. въ Общ. Нестора, XI, отд. 2, стр. 70.

[2]) Źródła Dziejowe, XXI, 295, 598.

[3]) См. ниже, о цехахъ.

[4]) Zbior pamiątn. histor. o dawnej Polszcze, Niemcewicza, изд. 1840 г., V, 64.

[5]) Акты Моск. Госуд. (Спб. 1894), II, 220.

„монастырищѣ“ можно догадываться, что Вишневецкій въ Прилукѣ думалъ укрываться отъ возставшаго народа; но въ полов. мая, Вишневецкій уже уходилъ за Днѣпръ... [1])

Въ какомъ видѣ Вишневецкій оставилъ Прилуку, это видно изъ ея описанія, сдѣланнаго Павломъ Алеппскимъ въ 1653 г., т. е. черезъ пять лѣтъ послѣ ухода Вишневецкаго. Называя Прилуку „большимъ благоустроеннымъ городомъ,“ путешественникъ говоритъ: „цитадель (замокъ) внутри этого города удивительна по своей вышинѣ, укрѣпленіямъ, башнямъ и пушкамъ, по своей облицовкѣ и глубинѣ рва съ проточною водою... Къ цитадели ведутъ потаенные подземные ходы. Внутри нея находится величественный и очень высокій дворецъ, вверху и внизу удивительный по обширности, высотѣ, громадности бревенъ и полированныхъ внутри и снаружи досокъ, плотно приложенныхъ другъ къ другу, по огромнымъ, высокимъ печамъ, превышающимъ кипарисы. Дворецъ не достроенъ. Дата его написана на верху горбообразной его крыши—1647 годъ. Этотъ дворецъ принадлежалъ Вишневецкому...“ [2]) И по этому описанію можно полагать, что Вишневецкій думалъ сдѣлать Прилуку своей резиденціей, взамѣнъ Лубенъ.—Описывая Прилуку, Павелъ Ал—ій числова не говоритъ ни о какомъ въ ней монастырѣ; а между тѣмъ Кулишъ, разсказывая—въ своей книгѣ „Отпаденіе“—о пребываніи Вишневецкаго въ лѣвобережной Украинѣ, говоритъ между прочимъ, что Іеремія устроилъ костелы—въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ и „другихъ городахъ,“ а въ Прилукѣ де былъ устроенъ имъ и доминиканскій м—рь. То-же самое—объ этихъ костелахъ и о м—рѣ въ Прилукѣ—говоритъ и Костомаровъ въ своей книгѣ „Б. Хмельницкій.“ Въ другомъ мѣстѣ мы объяснили ошибочность этихъ свѣдѣній относительно существованія въ Вишневеччинѣ нѣсколькихъ костеловъ (которыхъ прежде всего—*не для кого* было здѣсь строить) и указали на невѣрность свѣдѣнія о Прилуцкомъ католическомъ м—рѣ, заимствованнаго изъ непровѣреннаго из-

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1896 г., мартъ, 348.

[2]) Путешеств. Макарія, въ переводѣ Мурзоса, II, 83.

вѣстія Несѣцкаго (Herbarz Polski), который говоря о доминиканскомъ м—рѣ въ *Прилукѣ*, видимо разумѣлъ Прилуку правобережную. [1])—Тѣмъ не менѣе, во время ухода Вишневецкаго изъ Прилуки, это былъ сравнительно уже большой городъ, заключавшій въ себѣ—800 домовъ, какъ объ этомъ сообщаетъ актъ того времени (см. с. 3). [2]) Поэтому, при раздѣленіи лѣвобережной Украины на полки, въ 1649 г., въ Прилукѣ и ея „фольваркахъ“ было образовано, повидимому, четыре полковыхъ сотни, какъ объ этомъ значится въ „Реестрахъ“ 1649 г. [3]). Затѣмъ Прилуку встрѣчаемъ въ числѣ тѣхъ лѣвобережныхъ городовъ и городковъ, которые приближенные Богдана Хмельницкаго выпросили себѣ у царя вслѣдъ за Переяславскимъ договоромъ о соединеніи. [4]) Особенно щедро надѣлена была въ этотъ моментъ семья Выговскихъ, т. е. самъ генер. писарь, его отецъ и братья. Эти лица, ходатайствуя у царя о надѣленіи ихъ маетностями, повидимому, не стѣснялись и—тѣмъ не менѣе—всѣ ихъ просьбы Московское правительство удовлетворяло, выдавая одну грамоту за другою. Напр., самому Ивану Выговскому, по его просьбѣ, даны были царскія грамоты на г. Остеръ „*съ селы*“, м. Козелецъ, м. Бобровицу и на г. Ромень „*съ селы и со всякими доходы и угодьи, къ тому належачими.*“ Несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ и самъ Выговскій не имѣлъ яснаго представленія о составѣ и величинѣ этихъ „маетностей,“ а въ жалованной грамотѣ лишь повторялось то, что̀ указывалось въ прошеніяхъ. Братъ генер. писаря Данило просилъ и получилъ грамоту на *гор. Прилуки* и мм. Барышполе, Барышевку, Во-

---

[1]) Кіевск. Старина 1896 г., мартъ, 337.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ (Podole, Wołyń, Ukraina, I, 42) указывается, что ок. полов. XVII в. въ Прилукѣ было 366 «господарей»; можно думать, что документъ, напечатанный Пршездѣцкимъ, относится ко времени болѣе раннему, чѣмъ свѣдѣніе найденное въ Стокгольмѣ. Въ 1654 г. въ Прилукѣ «приведено къ вѣрѣ», «рядовыхъ козаковъ и мѣщанъ» всего 1423 человѣка, при чемъ указываются конечно одни взрослые мужчины. (Акты Ю. З. Р., X, 294). Но въ числѣ этихъ лицъ несомнѣнно были и жители сосѣднихъ съ Прилукою поселеній.

[3]) «Реестры», изд. Бодянскаго, 304, 305 и 308.

[4]) См. Опис. Стар. Малор., II, 255.

роньковъ и Басань... [1]) Такимъ образомъ была выпрошена и Прилука. Но разумѣется, всѣ эти пожалованія ограничивались одною выдачею грамотъ: новые державцы такихъ обширныхъ и богатыхъ маетностей не только не осуществляли своихъ правъ, но въ большинствѣ, конечно, и не видѣли этихъ выпрошенныхъ маетностей... [2]) Не попавъ въ державу Выговскаго, Прилука въ 1664 г. неожиданно попала подъ власть польскаго короля.— Рѣшивъ возвратить Польшѣ „Заднѣпріе," Янъ-Казиміръ, какъ извѣстно, предпринялъ въ 1664 г. сюда походъ, причемъ отрядъ козаковъ подъ началомъ Богуна былъ направленъ въ Переяславскій и Прилуцкій полки для занятія тамъ главныхъ центровъ. Самовидецъ разсказываетъ, что Богунъ, при этомъ безпрепятственно занималъ „городы" пока не встрѣтилъ перваго сопротивленія въ сотенномъ городкѣ Монастырищѣ. Едва-ли не здѣсь встрѣтилъ Богуна тогдашній Прилуцкій полковникъ Несоцкій (с. 8), о которомъ Самовидецъ замѣтилъ, что онъ „юже здавшися, з войскомъ лядскимъ былъ". Можно думать, что Несоцкій сдался Богуну вмѣстѣ съ Монастырищемъ. Сказавъ о

---

[1]) Акты Ю. З. Р., X, 671—672.

[2]) Любопытное явленіе представляетъ эта мнимая раздача Московскимъ правительсвомъ маетностей въ только что присоединенной области, еще почти невѣдомой и самому правительству. Какую цѣль имѣло это послѣднее, такъ щедро раздавая цѣлые города «съ селы» — людямъ, тоже еще почти невѣдомымъ этому самому Московскому правительству?—Можно думать, что правительство считало вопервыхъ, важнымъ—самый фактъ признанія за нимъ—со стороны просителей права на пожалованіе, а вовторыхъ, могло имѣть въ виду—привязать къ себѣ этихъ просителей... Еще любопытнѣе другой вопросъ: какую власть думали получить эти самые просители въ выпрошенныхъ маетностяхъ, состоявшихъ изъ цѣлыхъ городовъ?— Намъ кажется, что у Выговскихъ, напр., рисовалась при этомъ картина того самаго *державства* въ выпрошенныхъ маетностяхъ, какимъ располагали только что вытѣсненные изъ этихъ маетностей польскіе паны... Значитъ, никакихъ демократическихъ идеаловъ у представителей только что освободившагося отъ польскаго ига народа не было и они готовы были наложить на этотъ народъ прежнее иго, замѣняя польскихъ пановъ—своими.

взятіи М—ща, Самовидецъ продолжаетъ: „и у Прилуцѣ юже отъ гетмана Тетерѣ залога стала и туды вся дорога ляхамъ была на Ичню, Нѣжинъ объѣзжаючи". Это не совсѣмъ ясное извѣстіе можно такъ объяснить: пока Богунъ занималъ „городы"—по дорогѣ отъ Днѣпра къ М—щу, Тетеря пошелъ другою дорогою (южнѣе) и достигнувъ Прилуки, занялъ городъ и оставилъ въ немъ „залогу" (гарнизонъ), чтобы обезпечить путь польскому войску съ юга на сѣверъ, (гдѣ находился въ это время король. [1]) Во всякомъ случаѣ, такой большой городъ какъ Прилука—занятъ былъ польскимъ войскомъ безъ сопротевленія. Вѣроятно Прилуки некому было защищать послѣ того, какъ Песоцкій передался полякамъ. Любопытно, что при занятіи Прилуки Тетерею, послѣднему при этомъ очень помогли Густынскіе монахи, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ грамота Яна-Казиміра, данная тогда же монастырю. Въ ней мы читаемъ: „памятаючи на вѣрность и зичливость побожныхъ законниковъ м—ра Густынского, которій до освобожденія зъ рукъ тиранской неволѣ мѣста нашого Прилука названого, *великою помощію были*, тутъ же стосуючися до суплѣки благородного гетмана (Тетери?) и цѣлого войска нашего Запорожского, до насъ за ними внесенной, охотно мы на то соизволили, абы мы ихъ при спокойной млиновъ на рѣцѣ Удаи стоячихъ, отъ князей побожныхъ наданныхъ, поссесіи заховали, яко-жъ и и заховуемъ и зоставуемъ тимъ листомъ нашимъ, которіе то млини помянутіе побожніе законницы имючи, держать и зажывать будутъ..." Изъ содержанія этой грамоты можно заключать, что—при занятіи Прилуки Тетерею —Густынскіе монахи уговорили прилучанъ не сопротивляться...

Но Прилука скоро была и освобождена: неудачная осада Глухова Яномъ-Казиміромъ сразу уничтожила всѣ его успѣхи въ „Заднѣпріи".

---

[1]) Ср. у Костомарова, «Руина», 23.

[2]) Грамота Яна-Казиміра сохранилась въ копіи при Румянц. Описи. Въ грамотѣ значится: «данъ въ обозѣ подъ Мѣною, м—ца генваря 10 дня. 1664 году». (О взятіи королемъ Мены въ январѣ 1664 г., см. Zbiór Pamiętnik. Bröel-Plater'a, IV, 136). Изъ Приве-

Мы назвали выше Прилуку большимъ городомъ, потому что такимъ онъ тогда считался среди городовъ южной Малороссіи:—при упоминаніи о ней въ 1668 г., современникъ говоритъ—„а городъ де Прилука болшой...“ [1]) Но у этого большого города хозяйство было очень не большое.

Городское хозяйство. Почти всѣ города въ гетманщинѣ имѣли свои имѣнія, заключавшіяся въ земляхъ и водяныхъ мельницахъ. Кромѣ доходовъ съ недвижимыхъ имѣній, города получали доходы еще отъ „арендъ“ (пока они не были уничтожены послѣ измѣны Мазепы), т. е. за откупъ торговли водкою и табакомъ, и отъ ярмарокъ. Но всѣ эти доходы, большею частью, шли на военныя нужды полка, вслѣдствіе чего распоряженіе ратушныхъ урядниковъ городскимъ хозяйствомъ находилось въ полной зависимости отъ полковой или сотенной старшины. Такъ было и въ Прилукѣ: всѣми городскими доходами почти всецѣло распоряжался полковникъ, а ратушнымъ урядникамъ (войту и бурмистрамъ) оставалось лишь слушаться его велѣній. Принадлежавшее Прилукѣ недвижимое имѣніе заключалось въ Гнилицкой степи и въ правѣ на помолъ („розмѣръ“) въ Смошенской водяной мельницѣ. Право на „розмѣръ“ съ этой мельницы — отдано было Прилуцкой ратушѣ въ 1670 году гетманомъ Многогрѣшнымъ, по слѣдующему универсалу: „Респектуючи мы на великій ратуши Прилуцкое недостатокъ, которій що разъ пріймаючы частіи наѣзды, скарбницу свою мѣскую мѣетъ оскудну, теды мы оной вспоможене хотячи учинити, млинъ Мойсѣевъ Ювхименковъ зъ двома каменми мучными въ с. Смоши стоячій, надалисмо, позволяючи войтовѣ Прилуцкому всякій съ того млина припадаючій розмѣръ до скарбу ратушного мѣского, чрезъ своихъ на тое выставленныхъ вѣрныхъ людей, одбирати...“

Свѣдѣнія о пространствѣ Гнилицкой степи были собраны въ нач. втор. полов. XVIII в. и по этому разслѣдованію оказа-

---

девной грамоты видно, что Прилука занята была Тетерею въ самомъ нач. 1664 г.

[1]) Акты Ю. З. Россіи, VII, 17.

лось, что еще при Лазарѣ Горленкѣ къ городу Прилукѣ причислялось огромное пространство степи между рчрч. Рудою и Переводомъ, и „степъ тотъ былъ волній, и невозбранно было никому зъ обывателей Прилуцкихъ оного косити", какъ показывали Прилуцкіе старожилы въ 1719 г.; но „за полковництва п. Носа, на этомъ степу загоны и концы были починены и уже возбранно было всякому на немъ траву косити зъ тамошнихъ обывателей". Ограничено было пользованіе городскою степью, потому что уже и ко времени Носового полковничества много ея было захвачено разными лицами, преимущественно, разумѣется, власть имѣвшими. При повѣркѣ въ 1719 г. захватовъ изъ городской степи, оказалось, что они были сдѣланы слѣдующими лицами. Степанъ Тарновскій прихватилъ къ своему селу Манджосовкѣ часть степи на томъ основаніи, что это село было „оскудно на поля и сѣножати". 2. Носъ, будучи еще есауломъ, занялъ „загонъ степу." 3. Янъ Грекъ, будучи судьею, занялъ „мѣстце степу." 4. Степанъ Чернявскій, будучи полк. есауломъ, занялъ часть степи „для сѣнокошенія," „до котораго и за полковництва уже п. Носа, будучи ему свойственнимъ, знатній злишокъ степу причинилъ." 5. Въ той степи „ратушная давняя сѣножать „еще покойнымъ п. родителемъ п. Федора Марковича, Прилуцкого сотника, занята. 6. Густынскіе монахи многіе „загоны" степи заняли къ своему селу Поддубновкѣ. Но наибольшіе захваты изъ Прилуцкой степи были сдѣланы Обидовскимъ, во время бытности его Нѣжинскимъ полковникомъ, и—Галаганомъ; первый на захваченной степи устроилъ село *Погребы* а второй—*Гнилицу*. (См. ниже, села сотни полковой). Кромѣ этихъ захватовъ, урѣзки Прилуцкой степи продолжались и въ послѣдствіи. Къ половинѣ XVIII в. изъ Гнилицкой степи остались у города только двѣ „сѣножати", „лежащія за Рудою". „Первая мѣрою вдлину на 1 версту, а вширь на 480 саж., на которой сѣножати въ 752 году въ заготовленіи было сѣна, съ третины [1]) укошенного, скирдъ семь, въ

[1]) Т. е. въ пользу города поступила третья часть собраннаго сѣна, а двѣ трети его отданы косцамъ за ихъ трудъ.

коихъ было копенъ по 80, а въ 753 году, за неурожаемъ травы, шесть стожковъ, въ коихъ копенъ 200.“—„Другая сѣножать, мѣрою вдлину 1 верста и 380 саж., а вширь на 1 версту и 160 саж., на которой сѣножати обознымъ полков. Прилуцкимъ г. Федоромъ Галенковскимъ на полковую артиллерію сѣно косится, а въ 753 году укошено на той сѣножати на полковую артиллерію скиртъ 30, въ которыхъ копенъ по сто, вкругъ по 15 сажн., да на заводние овцы едну скирту въ 100 коп., вкругъ сажн. въ 15, да на ратушъ укошено для расходовъ сѣна чотири стожки, въ коихъ коп. по 50, а вкругъ по $7^1/_2$ сажн.“. „Сверхъ тѣхъ сѣножатей, по вышеозначеннымъ крѣпостямъ, съ принадлежащого до ратуши городовой Прилуцкой степу, близъ хутора Кривенковского лежачого, мѣрою вдлину—верстъ 3 и 300 сажн. а вширъ 400 саж., на которомъ въ прошлихъ годахъ десятинного хлѣба бываетъ въ лѣто до 60 копъ, а сѣна съ третини по 7-ми стожковъ, а въ 753 г. за запущеніемъ на томъ степу толоки, хлѣба яко и сѣна въ приходѣ немало нѣту.“ „Да кромѣ того степу до владѣнія ратуши Прилуцкой принадлежащого, особливо бунч. товар. Яковъ Жураковскій немалую часть Гнилицкого степу, по крѣпостямъ общого Прилуцкимъ обывателямъ принадлежащого, завладѣлъ, о томъ въ судѣ в. генеральномъ и дѣло съ онимъ Жураковскимъ имѣется“.

Принадлежала Прилуцкой ратушѣ еще комора на ринку Прилуцкомъ“, т. е. лавка на городской площади. Объ этой лавкѣ въ 1754 г. говорилось, что она прежде нанималась по 10 р. въ годъ, а потомъ, по отсутствію нанимателей,—по 6 р.

Доходы города отъ „арендъ“ были неопредѣлены. Самый порядокъ ихъ поступленія былъ разнообразенъ, смотря потому—отдавалась ли торговля водкою и табакомъ на откупъ одному лицу или же она предоставлялась всѣмъ жителямъ города. [1])

[1]) Нѣкоторыя свѣдѣнія о порядкѣ поступленія «арендовыхъ прибылей» какъ въ войсковой скарбъ, такъ и въ городскую «скарбницу», можно видѣть изъ универсала Мазепы 1698 г., въ которомъ говорится, что въ 1697 г. состоялось постановленіе старшихъ и меньш-

Въ какомъ количествѣ получалъ городъ „арендовыя прибыли“ до полковничества Дм. Горленка—не извѣстно, но затѣмъ свѣдѣнія объ этомъ доходѣ имѣются, и изъ нихъ видно, что „до скарбцу полкового“ поступало отъ „аренды“ въ годъ ок. ста руб. лей. Впрочемъ доходомъ этимъ Дм. Горленко распоряжался самовластно и куда онъ шелъ—Прилучане не знали, но подозрѣвали, что чуть-ли не весь этотъ доходъ присвоивался полковникомъ. [1])

Вообще городское хозяйство Прилуки находилось, какъ видно, въ печальномъ положеніи, и уже при Скоропадскомъ

шихъ войсковыхъ обывателей малороссійскихъ, «абы аренды всюду по городахъ и городкахъ не поедынковымъ особамъ були запродаваны, але всюди всѣми обще жительми були содержаны, такъ и теперъ тое постановлене заховуемъ. Прето и на сей рокъ 1698, отъ дня 12 іюня преподобного Онуфрія починаючийся, а въ пришломъ 1699 о томъ-же часѣ кончитися маючий, позволяемъ п. сотнику Прилуцкому, атаманови съ товариствомъ и войтови тамошнему съ посполствомъ, горильчаный и тютюнный шинкъ имѣти въ зуполномъ завѣдованю ко лучшей своей выгодѣ и общему мѣскому пожиткови, при которомъ то обнятю аренды и отобраню интерцизій, маютъ оные и повинны будутъ належитую до скарбу войсковую сумму 1500 золотыхъ отдаты, безъ жадной отволоки. А докладаемъ тое, абы волно було кождому, якъ съ козаковъ, такъ и съ посполитыхъ людей на хрестины и на веселле любо викуриты соби кадку едну и другу горѣлки, любъ купити собѣ на сторонѣ, хто похочетъ 100 кварт або 50, тилько бъ не меншъ, якая купля гуртовой горѣлки маетъ бути за вѣдомомъ сотника, атамана и войта, альбо тихъ людей, которые съ полѣценія мѣского арендою завѣдовати будуть. А если хто съ козаковъ или посполитыхъ людей 100 альбо 50 кварт горѣлки купить не похочетъ, а схочеть на меньшомъ частованю перестати, то повиненъ купить оную въ аренди; лечъ на такій оказіи маетъ имъ продавана бути горѣлки кварта дешевшою цѣною. Варуемъ однакъ тое, абы старшина не важилась горѣлокъ своихъ давати въ арендовіе шинки дорожшею цѣною... А медомъ, пивомъ и брагою вольно всѣмъ, якъ козакамъ, такъ и посполитимъ людямъ, шинковать.» *Изъ бумагъ Н. А. Маркевича, въ копіи.*

[1]) Ниже, въ приложеніи къ описанію г. Прилуки, мы приводимъ любопытное «вѣдѣніе» о томъ, какіе расходы долженъ былъ нести городъ на военные нужды полка и какъ эти расходы производились.

городъ затруднялся удовлетворять самыя настоятельныя общественныя нужды. Особенно потерпѣло городское хозяйство послѣ раздачи при Апостолѣ такъ назыв. свободныхъ селъ высшей старшинѣ на уряды. Печальную картину своихъ нуждъ „мѣскій Прилуцкій урядъ“ представлялъ гетману Апостолу, въ 1730 г., въ слѣдующемъ видѣ:—„Городъ нашъ Прилука, яко посередъ Украины найдуючійся, перехрестные имѣетъ въ себе шляхи, и въ вистаченью и отбуваню повинностей и подводъ—не малые дознаетъ трудности, которыхъ когда самые тяглые люде, до ратуша Прилуцкого належные, отбувать весьма не зволили (не здолили?), то о томъ покойному гетману Скоропадскому супплiковали, просячи милости; и онъ... повелѣвъ, дабы паны державцѣ духовного и свѣцкого стану въ одбуваню въ городѣ нашомъ Прилуци уставичной почты въ помочь давать подводъ не забороняли, и тое двома унѣверсалами ствердивъ, якіи и нынѣ у себе имѣемъ. А теперъ не токмо державскіе села жадного помоществованія городу Прилуцѣ въ томъ не чинятъ, но и люде до ратуша Прилуцкого принадлежащіе, въ селахъ сотнѣ полковой Прилуцкой жителство свое имѣючіе, одъ оной ратуши вси зостали одобраны, которые будучи при ратушѣ, тие совокупне съ городомъ Прилукою одбували повинности. *Primo.* Сторожу зимнего и лѣтнего времени подлѣ вартигарни, где со всего полку Прилуцкого не малое число вязнювъ (арестантовъ) содержится, и сторожу плецовую для обереженія полкового города Прилуки, на що всѣхъ сторожей виходитъ человѣка до тридцяти. *Secundo.* Сѣно косятъ для коней артилеріи полковой, якіе въ Прилуцѣ зимуются, для коней почтовыхъ въ Прилуцѣ содержачихся и для пріѣзжаючихъ въ Прилуку всякихъ персонъ. *Tertio.* Почту уставичную въ городи Прилуци коней по-десять отбуваютъ. *Quarto.* Дрова куплею или изъ своихъ лѣсовъ вистачаютъ до ратуша Прилуцкого, где одправуются со всего полку судебние дѣла и наизди многіе буваютъ, тако-жъ и для пріѣзду знатныхъ персонъ онне дрова на квартири видаются. *Quinto.* Поборъ вистачаютъ городовий, который взимався до ратуша для разныхъ расходовъ, а именно до полковихъ дѣлъ и до ратуша покупали було: папиръ, смолка, воскъ, минія, олива, кгаласъ и другіе потребности, а нинѣ оній по-

боръ взимается до скарбу войскового и вишеписанныхъ рѣчей, безъ которихъ въ направленію дѣлъ обийтись весма невозможно, покупать теперь не за-що. *Sixto.* И надъ тие вишепоказанние повинности вновь еще начали одбувать съ 1726 году почты въ Кіевскомъ полку, въ сели Броварахъ, на которую по очереди въ годѣ два разы по 14 копей вистачаютъ". [1]) Въ заключеніе Прилучане просили гетмана указать—откуда имъ можно получить помощь въ отбываніи повинностей, такъ какъ безъ этой помощи—городъ прійдетъ „въ крайнее разореніе и опустѣніе."

Почти то-же самое и тогда-же—писала гетману и полковая Прилуцкая старшина.—„Понеже ихъ мил. паномъ старшинѣ войск. енералной роздани въ полку Прилуцкомъ, на ранги ихъ, маетности свободніе войсковіе... а бывало съ тихъ свободныхъ маетностей посполитіе люде зъ мѣскими (городскими) людми, по указу вашомъ рейментарскомъ, почту въ полку Прилуцкомъ, такожъ и Кіевскомъ, въ с. Броварахъ, отбуваютъ, подводы для всякихъ ѣздаковъ выдаютъ, сѣно для войсковыхъ арматскихъ и почтовыхъ мѣскихъ коней, такожъ для переѣздовъ, косятъ и возятъ, сторожу плецовую и около колодниковъ отправуютъ, и бывало передъ симъ на служителей войсковыхъ и мѣскихъ денежную и хлѣбную видають належитость... И еже ли, ясневелм. добродѣю, помянутіе тяжести самимъ городомъ Прилукою прійдется отбувати, то мѣскіе люди (т. е. жители Прилуки) произойдутъ въ крайное разореніе и куди видя розійдутся..." [2])

Когда одно изъ „свободныхъ" селъ—Смошъ отдано было Лысенку, то послѣдній вмѣстѣ съ селомъ завладѣлъ и тою водяною мельницею, съ которой помолъ опредѣленъ былъ по особымъ гетманскимъ универсаломъ—Прилуцкой ратушѣ. Поэтому поводу Прилуцкій войтъ писалъ въ 1732 г. Апостолу, что когда с. Смошъ отошло отъ ратуши и отдано ген. есаулу Лысенку, то послѣдній завладѣлъ и розмѣровымъ хлѣбомъ съ мельницъ на р. Смоши, принадлежавшихъ ратушѣ; а между тѣмъ, этотъ хлѣбъ былъ необходимъ для удовлетворенія

---

[1]) Изъ бумагъ Н. А. Маркевича, въ копіи.

[2]) Арх. генер. канц., по Черниг. описи № 5001.

многихъ городскихъ расходовъ, при чемъ войтъ приводитъ примѣры: „Когда артиллерія полковая Прилуцкая идетъ въ войско, то такъ для служителей артиллерійскихъ, яко и для музыки войсковой—всякій харчевой выдается запасъ; [1]) а продавши того борошна (т. е. ржаной муки) покупаются подъ оній запасъ—возы, колеса въ зайвину (въ запасъ), желѣзо, деготь и прочіе до арматъ, палубовъ и возовъ потребности.— Когда хто съ знатныхъ персонъ великороссійскихъ въ городъ пріѣдетъ, то надлежитъ достойную отдати честь и чимъ колвекъ поклонится, що такожъ продавши борошна, покупается; а безъ того, якъ усѣмъ вѣдомо есть, обийтися весма въ полковомъ городѣ невозможно. Папѣръ, воскъ, олива, сургучъ и кгалясъ до полковыхъ дѣлъ, яко и на ратушние всякіе расходи, покупается, свѣчки для судовихъ дѣлъ и до ратуша покупаются, писаровѣ мѣскому и подпискамъ ратушнимъ на кормъ по умовѣ (по договору) дается съ тихъже млиновъ борошна; слугамъ ратушнимъ, якіи неисходно при ратушу живутъ, безъ которихъ ратушу обийтися невозможно, зъ онихъ же млиновъ видается борошно и прочіе мѣскіе чинятся расходи, продавши того-жъ борошна.“ [2])

Безправно захваченная Лысенкомъ Смошенская мельница была ратушѣ возвращена, но въ 1754 г. Прилуцкій войтъ снова жаловался, уже гетману Разумовскому, что „съ 1 сентября 1749 г. ихъ высокородія гг. бунчук. товарищи Діонисій и Герасимъ Демьяновичи означенною мельницею ратушъ владѣть, невѣдомо почему, не допускаютъ“. Эту жалобу Прилуцкой ратуши Разумовскому трудно было удовлетворить, такъ какъ Денисъ и Герасимъ Демяновичи были родные дядья гетмана, братья его матери... На этотъ разъ Смошенская мельница была отобрана отъ ратуши уже навсегда.

---

[1]) Сообщаемъ при этомъ, кстати, свѣдѣніе о составѣ Прилуцкой полковой артиллеріи въ 1736 г. «Асаулъ полковій—1, хоружій полков.—1, пушкаровъ—2, армашовъ—4, коваль—1, пушекъ—2, лошадей—9, возовъ—1, палубовъ—1, крейцаровъ (пыжовниковъ)—2, шуфлей—2, пуль—199, картечей—5, трубачей—4, литаврщикъ—1, пороху—8 п. 38 ф.» (Изъ бумагъ Н. А. Маркевича).

[2]) Оттуда-же, гдѣ бумаги эти находятся въ копіяхъ.

Приведенныя свѣдѣнія о Прилуцкомъ ратушномъ хозяйствѣ даютъ основаніе заключить, что общіе непорядки въ гетманской администраціи—подрывали и городское хозяйство.

Прилуцкіе войты. Нѣтъ сомнѣнія, что ратушное управленіе въ Прилукѣ существовало уже и при Вишневецкомъ, потому что Прилука и тогда уже была *городомъ*. Послѣ устройства полковаго управленія въ Малороссіи, ратушное управленіе продолжало существовать на прежнемъ основаніи. Всѣ акты, требовавшіе публичности, писались въ ратушѣ, предъ ратушными урядниками, и записывались въ ратушныя книги. Напр., актъ 1658 г. (объ уступкѣ недвижимаго имѣнія) надписывается такимъ образомъ: „Передъ нами Хвескомъ Загуменнымъ, войтомъ Прилуцкимъ, а Гришкомъ Корнѣенкомъ и Куриломъ Демяненкомъ, бурмистрами Прилуцкими, *при бытности на тотъ часъ въ ратуши нашой Прилуцкой п. Малоша Вовченка, атамана городового Прилуцкого.* Ставши очевисте Данило Сороченко“ и т. д. На актѣ значится, что онъ представляетъ собою „выпись съ книгъ мѣскихъ Прилуцкихъ“ и что эту выпись „куриговалъ съ книгами Юрей Кречковскій писарь мѣскій Прилуцкій“. Черезъ 13-ть лѣтъ послѣ этого, публичные акты совершаются уже предъ полковымъ урядомъ, при чемъ урядъ ратушный при этомъ тоже присутствуетъ, но остается уже на второмъ планѣ; напр., актъ 1671 г. (о продажѣ недвижимости) надписывается уже такъ: „Передо мною Семеномъ Третякомъ, полковникомъ в. е. у. пр. в. Запор. Прилуцкимъ, при бытности Лазара Горленка, судьи полку Прилуцкого, Ивана Носа, атамана городового Прил., *Костъ Ничипоровича, войта Прилуцкого, Савки Носулъ и Андрѣя Корнѣенка, бурмистровъ*, ставши очевисте Тимошъ Шкуратовичъ“ и т. д. Актъ пишется тѣмъ-же мѣскимъ писаремъ, но уже, повидимому, безъ записка его въ книги: „за вѣдомостю и позволеннемъ вишменованныхъ п.п. старшихъ писалемъ сее писмо Юрей Кречковскій, писарь мѣскій Прилуцкій.“ Такимъ образомъ ратушный урядъ долженъ былъ уступить полковой старшинѣ первое мѣсто даже въ тѣхъ дѣлалъ, которыя и по давнему обычаю подлежали вѣдѣнію ратуши. Полковники не только что оттѣснили войтовъ на задній планъ, но и

вполнѣ подчинили ихъ своей власти. Такимъ образомъ войты потеряли всякое значеніе. Слѣдуетъ думать, что поэтому ни одинъ изъ Прилуцкихъ войтовъ и не выдвинулся на столько, чтобы оставить хоть какой нибудь слѣдъ своей общественной дѣятельности. Тѣмъ не менѣе, мы приводимъ здѣсь списокъ Прилуцкихъ войтовъ, который можетъ указывать хотя продолжительность ихъ службы.

Феська Загуменный, 1654, 1658. Костя Ничипоровичъ, 1663, 1663, 1671. Леско Кирпичъ, 1676, 1684, 1688. Григорій Огроновичъ (изъ бурмистровъ), **1685, 1687. Давыдъ Давыдовичъ, 1699, 1701. Савва Ивановичъ 1706. Тимофей Васильевичъ, 1709—1711. Федоръ Сененко, 1714—1716** [1]**. Евстафій Мойсеевичъ, 1717, 1719. Федоръ Малка** (изъ бурмистровъ), **1720—1724. Леонтій Васильевичъ, 1729—1738, 1742. Савва Мойсеевъ, 1740. Евстафій Капля, 1746. Евстафій Евстафіевичъ Соломаха, 1747—1754. Андрей Гуленко, ок. 1760.**

Изъ этого ряда войтовъ выдѣляется лишь одинъ Гуленко; о немъ будетъ говорено ниже, при перечисленіи полковыхъ сотниковъ.

Прилуцкіе цехи. Цеховому устройству Прилуцкихъ ремесленниковъ начало положилъ Іеремія Вишневскій, выдавъ въ 1636 г. рѣзницкому цеху слѣдующій „листъ“: „По прошенію мѣщанъ, подданныхъ моихъ Прилуцкихъ цеху резничого, позволилемъ имъ цехъ свой особливій имѣть, а для лучшого въ томъ цеху ихъ порадку, маютъ себѣ цехмейстера, человѣка доброго и честного избрать, который началство обыкновеніемъ иншихъ мѣстъ въ томъ ихъ цеху имѣть будеть. А рѣзники всѣ тамъ въ мѣстѣ (городѣ), яко и футорахъ до единого цеху належаты будутъ; зъ другихъ-же маетностей, которіе до Прилуки не належатъ, егда рѣзникъ якій зъ рѣзницствомъ для торгу пріѣдетъ, маетъ тотъ объявитись цехмистрови подъ виною на замокъ трохъ копъ литовскихъ, а до скрынки ихъ подъ половиною той вины, такъ якъ и въ прочихъ мѣстахъ моихъ, т. е. въ Лубняхъ. Позволяю имъ каноновъ два на рокъ виситись, единъ на

[1]) Въ 1736 г. Сененко былъ значк. товарищемъ.

Божіе рожество, а другій на святую Покрову, по двѣ кадѣ; а они тую повинность на замокъ отдавать будутъ, якъ и въ другихъ моихъ мѣстахъ. Которій то листъ для крѣпости и вѣры лутшой, рукою моею власною подписалемъ и печать мою притиснути повелѣлъ. Данъ въ Прилукѣ, дня 21 дек. 1636 года". [1])

О другихъ Прилуцкихъ цехахъ сохранились слѣдующіе „листы" Прилуцкихъ полковниковъ, данные ими цехахъ: 1) *рѣзницкому*, Дмитрія Горленка, 1694 г., и Игн. Галагана, 1718 г.; 2) *музыцкому*, Лазаря Горленка, 1686 г., Ивана Стороженка, 1687 г. (10-го дек.), Дмитрія Горленка, 1692 г., и Ивана Носа, 1709 г.; 3) *кравецкому*, Ив. Носа, 1709 г. и Игн. Галагана, 1715 г., и 4) *калачницкому*, Игн. Галагана, 1719 г.

Въ „листѣ" рѣзницкому цеху Дмитрія Горленка, сравнительно съ листомъ Вишневецкаго, добавлено, что члены цеха должны отдавать выбранному ими цехмистру—„послушенство, которій бы ихъ за выступки цеховіе и поточніе, опрочъ кривавихъ и крѣминалнихъ, зъ братіею своею засѣвши, могъ судити"... Кромѣ того, указывается, что члены цеха должны быть „вольными" отъ „стацій и датковъ войсковыхъ". „Листъ" Галагана почти повторяетъ „листъ" Горленка.

Въ листѣ Лаз. Горленка *музыцкому цеху*, читаемъ: „якъ запрежде бившихъ антецессоровъ нашихъ такое постановлене ухвалено, же хто колвекъ игрою музицкою бавячися, пожитокъ себѣ мѣетъ, таковій всякій во всемъ полку нашемъ мешкаючій, аби подъ протекціею братства, отъ нихъ самихъ въ городѣ нашомъ Прилуце заведенного, при отдаванню постановленной належитости до скринки братерской знайдовался, а то такъ не толко для лутчого порядку въ онихъ справованню, лечъ, аби ку хвалѣ Божой свѣча, якую они зъ своихъ доходовъ и складки установленной три рази на рокъ, въ обохъ церквахъ божественныхъ, зобикли становити, не уставала. Якого то прежде

---

[1]) Съ копіи, прилож. къ Румянц. Описи и списанной, повидимому, съ подлинника, такъ какъ на копіи при обозначеніи мѣста печати замѣчено: «на которой вкругъ витиснено латинскимъ языкомъ такъ: Иеремѣй Михаилъ Корибутъ гетманъ Висневецке». Судя по языку копіи, подлинникъ писанъ по-польски.

ухваленого постановленя и мы не нарушаючи, симъ нашимъ ствержаемъ писанемъ, пилно мѣии хотячи, аби всякій музика во всемъ полку нашомъ, любъ осѣдлій, любъ вандровній, музицтвомъ бавячійся здавна, звичайно доходу пягничного(?) и веселного и ярмаркового до скринки братства Прилуцкого не зборолся (не зборонялся?) и отнюдь не билъ спречнимъ давати"... Три „листа" другихъ полковниковъ тому-же цеху заключаютъ въ себѣ повтореніе Горленкового „листа".

Въ „листѣ" Дм. Горленка *кравецкому цеху* читаемъ: „вѣдому чинимъ симъ унѣверсаломъ, ижъ суплѣковалъ до насъ цехмистръ кравецкій зъ братіею своею, по килкокротне прекладаючи то, же онимъ великая въ томъ дѣется долегливость, що не тилко барву (одежду) на войско пѣхотное, по указу ясневелможного добродѣя его мил. п. гетмана, щорочне шіють и до двору нашего полковничого всякую кравецкую на челядь работизну всегда отправуютъ, але надъ то, надъ звичай давній и ихъ волности, до стаціи роковой гетманской и нашой подводъ и иншихъ людямъ посполитимъ обиклой тяглости, онихъ притягаютъ и примушаютъ, и просили у насъ такового респекту, аби одъ того що надъ давній звичай на нихъ вимагается, цехъ ихъ былъ волнимъ. Мы прето давши мѣстце такъ слушному прошенію ихъ, а респектуючи на то, ижъ они издавна и теперъ на войско пѣхотное, по указу ясн. велм. добр. его мил. п. гетмана, щорочне барву робятъ безъ жадной нагороды и отъ двора нашего полковничего, яко и за антецесоровъ нашихъ прежде бывшихъ п.п. полковниковъ, не меншая цеховѣ ихъ работизною приключаючихся на челядь потребъ дѣется докука и овшемъ и отъ наѣздовъ въ работѣ кравецкой и кушнерской частокротъ бываетъ имъ долегливость, уволняемъ всѣхъ здавна въ цеху кравецкомъ обрѣтаючихся людей въ городѣ Плилуцѣ и по селахъ, до полковой Прилуцкой прилеглихъ сотнѣ мешкаючихъ, отъ роковой зсыпаня стацѣи, такъ до двору ясн. велм. его мил. п. гетмана, яко и до нашего полковничого належачой, либо который зъ братѣи ихъ воломъ еднимъ албо и двома хлѣба пашетъ и пахати будетъ, тактежъ уволняемъ отъ воженя подводъ притрафляючихся, кромѣ таковой навалной (чрезвычайной) потребы, подъ часъ которой и козаки одъ подводъ

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1900 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 12 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1900 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками **10 р.** съ доставкою и пересылкою, на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается, по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала „Кіевская Старина“, Тарасовская, № 15.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“.

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала гг. подписчики благоволятъ немедленно, по полученіи слѣдующей книжки, присылать заявленіе о неполученіи въ редакцію съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры „Кіевской Старины“ за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898 и 1899 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Издатель К. М. Гамалѣй. Редакторъ В. П. Науменко.